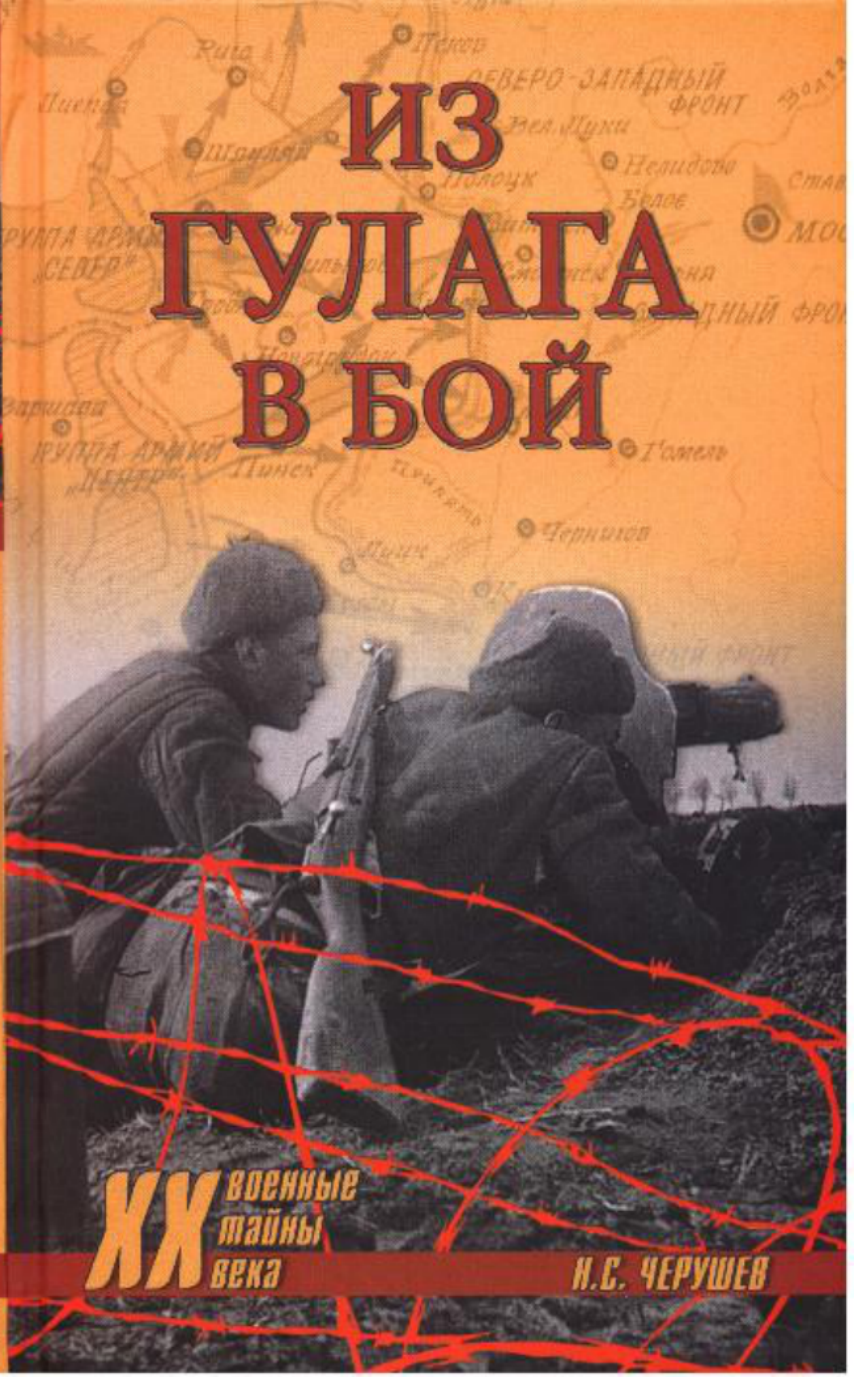
ХХ военные тайны века

ИЗ ГУЛАГА В БОЙ

ИЗ ГУЛАГА В БОЙ



ХХ военные тайны века

Н.С. ЧЕРУШЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои этой удивительной книги - те командиры Красной Армии (представители ее элиты, высшего звена комначсостава), кто, будучи незаконно репрессирован в 1930-е гг., тем не менее вышел на свободу из тюрем и лагерей НКВД в 1939 - 1941 гг., перед началом Великой Отечественной войны: К.В. Рокоссовский, К.А. Мерецков, М.П. Матер, В.А. Зайцев, А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий... Привлекая уникальные архивные документы, автор, известный военный историк Н.С. Черушев, раскрывает перед читателем трагизм и величие людских судеб. Тех, кто в тяжелейших, незаслуженно выпавших на их долю испытаниях и на полях сражений сохранил верность Отечеству и приблизил час победы над врагом.

- Николай Черушев
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - НА ВОЛЕ!
  - В ЧЕМ ИХ ОБВИНЯЛИ?
  - ГЛОТОК СВОБОДЫ
  - ОН КОМАНДОВАЛ ПАРАДОМ ПОБЕДЫ
  - ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ
  - ОТ ЗЭКА ДО КОМАНДАРМА И ГЕРОЯ
  - СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ
  - ОСВОБОЖДЕНИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ
  - «ОДИССЕЯ» КОМИССАРА
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321

- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360

Николай Черушев
Из ГУЛАГа — в бой

Светлой памяти моего отца Семена Кузьмича — солдата Гражданской и Великой Отечественной войн посвящается

ОТ АВТОРА

В одной из моих книг («Удар по своим». М.: Вече, 2003) имеется глава «Оттепель тридцать девятого года», в которой ведется рассказ о лицах командно-начальствующего состава Красной Армии, коим пришлось испытать все ужасы следствия в застенках НКВД и все же вырваться на свободу в 1939— 1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны). Там даны список, правда, не совсем полный, этих лиц, даты ареста и освобождения, а также должность, на которую был назначен тот или иной командир РККА после его освобождения. У некоторых из них кратко обозначен последующий служебный и жизненный путь.

Отклики на эту книгу показали, что читатели проявили значительный интерес к данному материалу. Во многих письмах высказывалось пожелание узнать более подробно о судьбе военачальников, выпущенных на свободу накануне войны: как они проявили себя в ходе ее, какими частями, соединениями и объединениями командовали, где отличились, как закончили свой жизненный путь и т.п. Все это и побудило автора вернуться к теме судьбы военачальников, кому повезло выйти на свободу из тюрем и лагерей НКВД в 1939—1941 гг., а также тех считаных единиц, которых выпустили из лагерей уже в ходе войны.

Считаю своим долгом выразить сердечную благодарность тем, кто оказывал мне посильную помощь на всех этапах подготовки рукописи книги: Р.Н. Черушевой, Ю.Н. Черушеву, Э.Н. Чукиной, А.Г. Чукину, О.Н. Бугримовой, Н.Д. Карпову, Г.И. Каминскому, А.Ю. Савинову, М.В. Коломийцу, М.Ю. Гусеву, А.В. Чуракову, сотрудникам библиотеки и отдела фондов Центрального музея Вооруженных Сил РФ.

Особо признателен С.Н. Дмитриеву и П.И. Рудневу, много сделавшим для того, чтобы рукопись превратилась в книгу. Автор будет благодарен тем читателям, кто пожелает высказать свое мнение и замечания по содержанию книги, а также предложения по ее дальнейшей доработке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О репрессиях против командно-начальствующего состава Красной Армии во второй половине 30-х годов прошлого века уже написано немало монографий, книг, журнальных и газетных статей. Среди монографий прежде всего необходимо назвать фундаментальный труд О.Ф. Сувенирова «Трагедия РККА 1937—1938» (М.: Терра, 1998).

Автор этих строк тоже не обошел стороной данную тему. В разные годы в издательстве «Вече» вышли книги «1937 год. Элита Красной Армии на Голгофе», «Удар по своим», «Невиновных не бывает...», в которых говорится о трагической судьбе в указанные годы многих представителей высшего звена (от комбрига и выше) комначсостава РККА. Полученные автором отзывы на эти книги свидетельствуют о том, что интерес в стране и за рубежом к теме репрессий против руководящего состава РККА в годы сталинского режима до сих пор не ослабевает. Подогревают этот интерес и некоторые художественные фильмы, созданные в последние годы («Утомленные солнцем», «Московская сага» и др.).

Однако внутри этой большой темы имеется одна подтема, которая до настоящего времени, на наш взгляд, исследована совершенно недостаточно. Имеется в виду предвоенная «оттепель», когда в 1939—1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны) некоторая часть репрессированного комначсостава Красной Армии вышла на свободу из тюрем и лагерей. Кто эти люди, сколько их было, как сложилась их судьба в годы войны и послевоенное время — о том очень мало было известно широкому кругу общественности. Из этих освобожденных лиц на слуху было только имя К.К. Рокоссовского да еще А.В. Горбатова — после выхода его книги воспоминаний «Годы и войны». А другие освобожденные в указанные годы, что с ними стало после возвращения на волю, что они делали во время войны? О том написано очень мало, хотя эта тема является весьма интересной.

Идея написать о военачальниках, совсем еще недавно носивших позорное клеймо «врага народа» и находившихся в тюрьмах и лагерях, но накануне Великой Отечественной войны выпущенных на свободу, зрела у автора постепенно. Начало ей положили рассказы о генерале К.К. Рокоссовском, услышанные из уст фронтовиков и ветеранов Вооруженных Сил. Вообще это имя было окутано ореолом какой-то тайны, недосказанностью, оно волновало самой постановкой вопроса о связке «вчера зэк — сегодня командарм и генерал». И еще Герой Советского Союза

(Рокоссовский — дважды). Поэтому хотелось заглянуть за покров этой тайны, разгадать ее, узнать подробности «той» жизни. В частности, узнать, за что же арестовывали командиров такого большого ранга, какие обвинения им предъявлялись, почему их освободили и т.д.

На разгадку этой «тайны» ушли многие годы работы в различных архивах, в первую очередь в архиве Главной военной прокуратуры. Изучение уже опубликованных материалов по данной теме (прямо скажем — незначительное количество), воспоминаний уцелевших узников сталинских тюрем и лагерей, в том числе и неопубликованных, личные встречи и беседы с ними — все это позволило автору сформировать достаточно твердое мнение о событиях тех лет, сформулировать некоторые выводы и заключения.

Следует отметить, что те военачальники, которые написали и опубликовали воспоминания о своем жизненном и боевом пути (Маршалы Советского Союза К.К. Рокоссовский и К.А. Мерецков, генерал армии К.Н. Галицкий, генерал-полковники артиллерии Г.Е. Дегтярев, Н.М. Хлебников, генерал-лейтенант артиллерии И.С. Стрельбицкий и др.), по вполне понятной причине, кроме генерала армии А.В. Горбатова, не описывали годов своего пребывания в застенках НКВД, содержания их допросов и очных ставок с бывшими начальниками, подчиненными и сослуживцами. Безусловно, эти годы для них не являлись лучшими, и поэтому рассказывать о них военачальникам было не совсем приятно, ибо гордиться там особо было нечем — под физическим воздействием они признавали себя виновными в тяжких преступлениях. Потом, правда, они от этих своих показаний отказывались, но факт признания вины все равно имел место. И это их всю жизнь тяготило.

Автор этих строк, как уже было сказано, коснулся данной проблемы в книге «Удар по своим». Однако в той книге он только прикоснулся, лишь обозначил интересную тему, которую, безусловно, необходимо было раскрыть более подробно через судьбы людей.

И вот теперь это время пришло. В предлагаемой читателю книге прослежен боевой путь прежде всего тех освобожденных военачальников, кто в годы войны командовал фронтами и армиями (общевойсковыми, танковыми, воздушными), кто был удостоен высокого и почетного звания Героя Советского Союза, а также некоторых других, кто командовал корпусами и дивизиями, возглавлял род войск в армейском и фронтовом звене. Об этих людях в различной степени подробностях и повествуется в предлагаемой документальной книге. Все герои

живут на ее страницах под своими именами, в конкретной оперативно-тактической обстановке, командуя реально действовавшими фронтами, армиями, корпусами, дивизиями.

Однако скажем и о прототипах. Писатель Константин Симонов в трилогии «Живые и мертвые» неплохо выписал образ одного из военачальников, обретшего свободу незадолго до начала Великой Отечественной войны, — образ комбрига Серпилина. Эту трилогию Симонова, безусловно, можно считать выдающимся произведением о Великой Отечественной войне. Конечно, это не «Война и мир» Льва Толстого, всемирно признанного мастера батальных сцен, салонных разговоров и философского самокопания. Однако и у Симонова совсем неплохо выписаны сцены и эпизоды фронтовой жизни, показана «кухня» работы командиров высшего звена и их штабов, вплоть до Ставки Верховного Командования и лично И.В. Сталина. Не забыт и рядовой солдат, красноармеец. Одним словом, присутствуют представители фактически всех категорий личного состава Красной Армии — от рядового до генерала, представлены все основные подразделения Вооруженных Сил — от роты до армии и фронта.

Одним из главных действующих лиц в романе К. Симонова является опальный комбриг Федор Серпилин, в 1941 г. освобожденный из лагеря и назначенный на должность, не соответствующую его опыту (он до ареста несколько лет командовал дивизией), знаниям (окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе) и воинскому званию, — командиром полка. До введения в 1940 г. генеральских званий комбриг, как правило, командовал, дивизией и даже корпусом, возглавлял кафедру в военных академиях. И должность командира полка для Серпилина была явным понижением. Но что поделаешь — командиров, освобожденных из тюрем и лагерей в 1939— 1941 гг., после их восстановления в кадрах РККА нередко назначали с понижением. Другая часть освобожденных получала должности, равнозначные доарестным.

Образ комбрига Серпилина — безусловно, собирательный. Об этом говорил и сам Симонов, когда его о том спрашивали читатели. Однако он, этот персонаж, вобрал в себя многие черты реальных людей, которые будут названы в главе «На воле!». Например, у Симонова Серпилин накануне ареста работал начальником кафедры тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. Из числа лиц комначсостава, репрессированных и освобожденных накануне войны, по вышеназванному признаку в прототипы Серпилина больше всего подходит комдив (но не комбриг!) В.Д. Цветаев — о нем будет сказано в соответствующей

главе. Вячеслав Дмитриевич в годы войны станет и командармом и Героем Советского Союза. Правда, он не погибнет, как Серпилин, а останется живым и после окончания войны возглавит ту самую академию, где когда-то работал. Что же касается смерти командарма Серпилина, то отметим следующее: из арестованных и выпущенных затем на свободу комбригов, выросших за годы войны до командующего армией, погибли (умерли от ран) только А.И. Зыгин и П.М. Козлов. Поэтому их тоже можно считать «немного Серпилиным».

Что же касается вопроса — почему их освободили, скажем, что значительную роль в некотором смягчении условий следствия в тюрьмах НКВД сыграло совместное постановление СНКСССР и ЦКВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем впервые за последние годы говорилось о грубых нарушениях социалистической законности органами НКВД. Среди этих нарушений назывались незаконные аресты граждан по фиктивным справкам о якобы совершенных ими контрреволюционных преступлениях; принуждение арестованных к подписанию сфальсифицированных протоколов допросов путем физических и психологических мер воздействия и др. Определенная часть сотрудников органов госбезопасности были по этой причине арестованы и преданы следствию и суду.

Во исполнение названного выше постановления произошли некоторые изменения и в работе особых отделов НКВД, что создало более благоприятные условия для соблюдения законности в РККА. Ряд фотодокументов и фактов свидетельствует, что уже в 1939 г. была приостановлена преступная практика представления высшему руководству страны особых списков для санкционирования осуждения их по первой категории (расстрел), т.е. так называемым альбомным методом. С начала 1939 г. осужденным даже по самым тяжким контрреволюционным преступлениям стали предоставлять возможность обращаться с кассационными жалобами и просьбами о помиловании.

Начиная с 1939 г. (не в пример предыдущим 1937—1938 гг.) некоторых военнослужащих, обвиненных в участии в «военно-фашистском заговоре», стали оставлять в живых, выдав им «на полную катушку» (примеры комкоров А.И. Тодорского, Н.В. Лисовского, С.Н. Богомягкова, комдива В.К. Васенцовича и др.)

В некотором плане изменилась и позиция членов Военной коллегии Верховного Суда СССР и ее председателя армвоенюриста В.В. Ульриха. Об этом говорит такой факт. Председатель военного трибунала 1-й Отдельной Краснознаменной армии (1 ОКА) бригвоенюрист И.Ф. Исаенков

на одном из совещаний в мае 1939 г. рассказал своим подчиненным о требованиях Ульриха: «Докладывая 13 апреля с.г. Военной коллегии о работе военного трибунала 1 ОКА, я получил от тов. Ульриха указание о том, что мы должны при рассмотрении контрреволюционных дел искать прежде всего врага, а не липовое дело»[1].

Даже Особое Совещание при НКВД СССР, ранее осуждавшее практически всех, чьи дела к нему поступали, разнообразило перечень своих постановлений. Так, часть дел оттуда стали направлять на доследование, другую часть дел (правда, минимальную) прекращали производством. Постановления о прекращении дела стали принимать в отдельных случаях и особые отделы в военных округах. Приведем примеры из практики работы особого отдела 2 ОКА. Там в 1940 г. были прекращены дела по обвинению: комбрига А.С. Адамсона (26 января), полковника В.Н. Галузо (3 февраля), комдива Г.А. Ворожейкина (21 апреля). Это на Дальнем Востоке.

Подобные постановления принимали особые отделы и в военных округах, дислоцированных в европейской части СССР. Например, особый отдел Харьковского военного округа прекратил производством дело по обвинению бригврача

А.Я. Адельсона (16 декабря 1939 г.). В то же время, как будет видно на примере с комбригом В.В. Корчицем, этот же орган всячески препятствовал освобождению одного из командиров высшего звена РККА.

Прекращали дела и военные трибуналы военных округов и отдельных армий. Так, военный трибунал 2 ОКА за три месяца (с 20 сентября по 20 декабря 1939 г.) из 60 прекратил 40 дел[2]. А военный трибунал 1 ОКА 1 декабря 1939 г. принял постановление о прекращении дела по обвинению бывшего командира 59-й стрелковой дивизии комбрига А.А. Неборака. Имели место случаи прекращения дела по обвинению военнослужащих и военными прокурорами военных округов.

Нельзя сказать, что подобная тенденция была по душе подручным нового руководителя НКВД СССР — Л.П. Берии. Потому, видимо, процесс пересмотра дел и освобождения невинно пострадавших людей, в том числе и военнослужащих РККА, так и не принял массового характера. Заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов довольно прозрачно выразил свое (возможно, и не только свое!) негативное отношение к вынесению оправдательных приговоров: «Анализ оправдательных приговоров по этим делам показывает, что стоит лишь обвиняемому отказаться от своих показаний или заявить какую-либо клевету на органы следствия, как краевой суд и Военный

трибунал выносят оправдательный приговор по делу и в лучшем случае возвращают дело на доследование по чисто формальным признакам»[3].

А впереди были годы Великой Отечественной войны с ее неисчислимыми жертвами, потерями, лишениями. Но и в эти годы происходили «изъятия» военнослужащих по 58-й статье. А те, кому посчастливилось вырваться на свободу из застенков НКВД и лагерей ГУЛАГа накануне и в ходе войны, на фронте и в тылу показали себя истинными патриотами своей Родины.

НА ВОЛЕ!

Ниже приводится список лиц высшего командно-начальствующего состава, освобожденных из-под ареста в 1939—1941 гг., восстановленных в кадрах РККА и назначенных на соответствующие должности.

1939 год

Корпусной комиссар Ястребов Григорий Герасимович

Накануне ареста занимал должность комиссара штаба Северо-Кавказского военного округа. Арестован 20 сентября 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден 22 декабря 1939 г. После освобождения находился в запасе (по болезни). Умер в 1957 г.

Корпусной комиссар Петухов Иван Павлович

Накануне ареста занимал должность для особых поручений при наркоме обороны СССР. Арестован 4 июля 1938 г. Под следствием находился семь с половиной месяцев. Освобожден 14 февраля 1939 г. На свободе был около месяца. 12 марта 1939 г. был вновь арестован и осужден на пять лет ИТЛ. Умер в лагере 30 мая 1942 г.

Комдив Глухов Михаил Иванович

Накануне ареста занимал должность командира 26-го стрелкового корпуса на Дальнем Востоке. Арестован 21 марта

1938 г. Под следствием находился полтора года. 29 ноября 1939 г. постановлением Главной военной прокуратуры дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Кулешов Александр Демьянович

Накануне ареста занимал должность командира Особого корпуса железнодорожных войск. Арестован в 1938 г. Под следствием находился полтора года. Освобожден в ноябре 1939 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба.

Комдив Подлас Кузьма Петрович

Накануне ареста занимал должность командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армии на Дальнем Востоке. Арестован в декабре 1938 г. Под следствием находился сравнительно недолго — «всего» пять месяцев. Освобожден в апреле 1939 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен инспектором пехоты РККА.

Комдив Спильниченко Семен Аввакумович

Накануне ареста был назначен начальником Управления по комначсоставу РККА (до этого занимал должность начальника Курсов усовершенствования технического состава автобронетанковых войск РККА в г. Казани). Арестован 4 марта 1938 г. Под следствием находился около двух лет. Освобожден 15 декабря 1939 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комдив Цветаев Вячеслав Дмитриевич

Накануне ареста занимал должность командира 57-й стрелковой дивизии. Арестован 5 июля 1938 г. Под следствием находился более года. Вначале сентября 1939г. постановлением Особого отдела ГУГБ НКВД СССР дело было прекращено за недоказанностью обвинения. Из-под стражи освобожден 9 сентября 1939 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Чанышев Якуб Джангирович

Накануне ареста занимал должность командира 68-й стрелковой дивизии. Арестован 17 мая 1937 г. Под следствием находился более двух с половиной лет. Освобожден 4 декабря 1939 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Чернышев Виктор Николаевич

Накануне ареста занимал должность начальника 1-го отдела Административно-Мобилизационного управления РККА. Арестован 2 марта 1938 г. Под следствием находился один год и девять месяцев. 2 декабря 1939 г. дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комдив Юшкевич Василий Александрович Накануне ареста занимал должность командира 13-го стрелкового корпуса. Арестован 8 августа 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден 29 ноября 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником 1-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

Дивизионный комиссар Руденко Кирилл Георгиевич

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела 40-й стрелковой дивизии. Арестован в феврале 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден в 1939 г. После восстановления в кадрах РККА — на должностях политсостава. С марта 1941 г. — комиссар 66-го стрелкового корпуса.

Дивизионный комиссар Жуков Иван Алексеевич

Накануне ареста занимал должность комиссара 26-го стрелкового корпуса. Арестован 28 марта 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Освобожден 3 декабря 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен помощником начальника курсов «Выстрел» по материально-техническому обеспечению.

Дивизионный комиссар Болтрушко Павел Семенович

Накануне ареста занимал должность помощника командира 1-го стрелкового корпуса по политической части (Ленинградский военный округ). Арестован 30 июня 1938 г. Под следствием находился почти девять месяцев. Освобожден 11 марта 1939 г.

Дивизионный комиссар Жуков Иван Иванович

Накануне ареста занимал должность комиссара 3-й дивизии ПВО. Арестован 16 сентября 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден 1 октября 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен комиссаром квартирно-эксплуатационного отдела (КЭО) Харьковского военного округа. Дивинженер Гельвих Петр Августович Накануне ареста занимал должность преподавателя Артиллерийской академии РККА. Арестован в 1938 г. Под следствием находился около года. Освобожден в марте 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен на должность профессора кафедры Артиллерийской академии РККА.

Граве Иван Платонович

Накануне ареста занимал должность преподавателя Артиллерийской академии РККА. Арестован в июне 1938 г. Под следствием находился семь месяцев. Освобожден 18 января 1938 г. После восстановления в кадрах РККА назначен на должность профессора кафедры Артиллерийской академии РККА.

Диввоенюрист Антонов Борис Петрович

Накануне ареста занимал должность председателя военного трибунала Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). Арестован в июле 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден 25 августа 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен заместителем председателя военного трибунала Архангельского военного округа.

Комбриг Благодатов Алексей Васильевич

Накануне ареста занимал должность начальника штаба 33-го стрелкового корпуса. Арестован 31 июля 1938 г. Под следствием находился почти полтора года. Освобожден 13 декабря 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комбриг Галицкий Кузьма Никитович

Накануне ареста занимал должность командира 70-й

стрелковой дивизии. Арестован в июне 1938 г. Под следствием находился почти год. Освобожден в мае 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен командиром 24-й стрелковой дивизии.

Комбриг Гловацкий Николай Михайлович

Накануне ареста занимал должность командира 26-й стрелковой дивизии. Арестован в марте 1938 г. Под следствием находился полтора года. Освобожден в октябре 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен помощником командира 43-го стрелкового корпуса.

Комбриг Грудяев Павел Осипович

Накануне ареста занимал должность начальника отдела ПВО штаба Киевского военного округа. Арестован 5 июня 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден в 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен (в августе 1939 г.) преподавателем кафедры тактики зенитной артиллерии Артиллерийской академии РККА.

Комбриг Зайцев Владимир Александрович

Накануне ареста занимал должность командира 69-й стрелковой дивизии. Арестован 6 июня 1938 г. Под следствием находился полтора года. 29 ноября 1939 г. постановлением Главной военной прокуратуры дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен командиром 78-й стрелковой дивизии.

Комбриг Ишенко Яков Андреевич

Накануне ареста занимал должность командира 15-й стрелковой дивизии. Арестован 27 февраля 1938 г. Под следствием находился около двух лет. Освобожден 14 декабря 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником Сухумского стрелково-пулеметного училища.

Комбриг Малышкин Василий Федорович

Накануне ареста занимал должность начальника штаба 57-го Особого стрелкового корпуса (в Монголии). Арестован 10 августа 1938 г. в Москве, куда был вызван якобы для нового назначения. Под следствием находился почти полтора года. Освобожден 29 октября 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комбриг Мухин Владимир Михайлович

Накануне ареста занимал должность коменданта Шуфанского укрепленного района. Арестован в октябре 1937 г. Под следствием находился два года. Освобожден в октябре 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Неборак Александр Андреевич

Накануне ареста занимал должность старшего преподавателя Военной академии имени М.В. Фрунзе. Арестован 12 марта 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. В судебном заседании военного трибунала 1-й Отдельной Краснознаменной армии 1 декабря 1939 г. был оправдан и дело по его обвинению было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен на прежнюю должность — старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Соломатин Михаил Дмитриевич

Накануне ареста занимал должность начальника автобронетанковых войск Приморской группы войск ОКДВА. Арестован в июле 1938 г. Под следствием находился почти год. Освобожден в мае 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен помощником командира 25-го танкового корпуса.

Комбриг Яновский Николай Михайлович

Накануне ареста занимал должность начальника 10-го отдела Управления по комначсоставу РККА. Арестован во второй половине 1937 г. Под следствием находился почти два года. Освобожден в 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником Харьковских курсов усовершенствования комсостава запаса.

Бригадный комиссар Михеев Петр Андреевич

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела специальных войск Киевского гарнизона. Арестован 16 сентября 1938 г. Под следствием находился один год. Постановлением военного прокурора Киевского Особого военного округа от 13 сентября 1939 г. дело по его обвинению было прекращено. После восстановления в кадрах РККА работал на различных административных должностях.

Бригадный комиссар Ильинский Александр Николаевич

Накануне ареста занимал должность начальника Тульского оружейного училища. Арестован в начале 1938 г. Под следствием находился более года. Постановлением военного прокурора Московского военного округа от 29 мая 1939 г. дело по его обвинению было прекращено. О дальнейшей судьбе данных не обнаружено.

Бригадный комиссар Пугачевский Борис Исаакович

Накануне ареста занимал должность старшего инспектора Политического управления РККА. Арестован 13 апреля 1938 г. Под следствием находился полтора года. Освобожден в 1939 г. После восстановления в кадрах РККА назначен инспектором политического отдела 9-й армии.

Бригинтендант Чибарь Яков Акимович

Накануне ареста занимал должность начальника Управления

Новосибирского мобилизационного округа. Арестован 20 июня 1938 г. Под следствием находился полтора года. 29 декабря 1939 г. дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен военным комиссаром Клинцовского района Орловской области.

Бригинтендант Чумаков Михаил Иванович

Накануне ареста занимал должность начальника Управления военно-конных заводов РККА. Арестован 7 января 1938 г. Под следствием находился почти два года. Постановлением НКВД СССР от 27 ноября 1939 г. дело было прекращено за недоказанностью обвинения. Из-под стражи М.И. Чумаков был освобожден 28 ноября 1939 г. После восстановления в кадрах РККА работал на административно-тыловых должностях. В апреле 1943 года ему было присвоено воинское звание «генерал-майор интендантской службы».

Бригврач Адельсон Абрам Яковлевич

Накануне ареста занимал должность начальника санитарно-эпидемиологической лаборатории Харьковского военного округа. Арестован 17 марта 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Военным трибуналом Киевского военного округа 9 мая 1939 г. приговорен к расстрелу. Военная коллегия Верховного Суда СССР этот приговор отменила и направила дело на дополнительное расследование в особый отдел Харьковского военного округа. Постановлением особого отдела ХВО от 16 декабря 1939 г. дело по обвинению А.Я. Адельсона было прекращено. После восстановления в кадрах РККА-он был назначен преподавателем Куйбышевской военно-медицинской академии.

Бригврач Матусевич Иван Николаевич

Накануне ареста занимал должность начальника отделения окружной военно-врачебной комиссии (Киевский военный округ). Арестован в июне 1938 г. Под следствием находился более года. Выездной сессией военного трибунала Харьковского военного округа 2 августа 1939 г. дело по его обвинению было прекращено. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Курсов усовершенствования врачей.

Кроме названных выше лиц высшего комначсостава, в 1939 г. были освобождены из заключения, восстановлены в кадрах РККА и назначены:

— бывший начальник Хлебниковских курсов усовершенствования комсостава запаса комбриг Козлов Петр Михайло-вин — начальником 2-го отдела штаба Киевского Особого военного округа;

— бывший начальник отдела инженерных войск Приморской

группы войск ОКДВА комбриг Подосек Павел Михайлович — преподавателем Военно-инженерной академии РККА;

— бывший командир 37-й стрелковой дивизии комбриг Скугарев Иван Михайлович — преподавателем Военно-химической академии.

1940 год

Комкор Магер Максим Петрович

Накануне ареста занимал должность члена Военного совета Ленинградского военного округа. Арестован 10 сентября 1938 г. Под следствием находился почти полтора года. Постановлением Главной военной прокуратуры от 2 февраля 1940 г. дело по его обвинению было прекращено. На свободе М.П. Магер находился четырнадцать месяцев. По тем же обвинениям он 8 апреля 1941 г. был вторично арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР 20 июля 1941 г. приговорен к расстрелу.

Комдив Васенцович Владислав Константинович

Накануне ареста занимал должность начальника штаба ОКДВА. Арестован 28 февраля 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден 18 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Ворожейкин Григорий Алексеевич

Накануне ареста занимал должность заместителя начальника ВВС Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Арестован 14 мая 1938 г. Под следствием находился почти два года. Освобожден 21 апреля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником 3-го отдела Управления боевой подготовки ВВС РККА.

Комдив Кауфельдт Федор Петрович

Накануне ареста занимал должность начальника пункта ПВО г. Баку. Арестован 4 января 1938 г. Под следствием находился почти два с половиной года. Освобожден 15 июня 1940 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Магон Эрман Яковлевич

Накануне ареста занимал должность заместителя начальника штаба ОКДВА. Арестован 24 февраля 1938 г. Под следствием находился более двух лет. Освобожден в 1940 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комдив Покус Яков Захарович

Накануне ареста занимал должность заместителя командующего ОКДВА. Арестован 22 февраля 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден 18 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комдив Рокоссовский Константин Константинович

Накануне ареста занимал должность командира 5-го кавалерийского корпуса. Арестован 17 августа 1937 г. Под следствием находился более двух с половиной лет. Освобожден 22 марта 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен на прежнюю должность — командиром 5-го кавалерийского корпуса.

Комдив Тальковский Александр Александрович

Накануне ареста занимал должность командира 3-й Крымской стрелковой дивизии. Арестован 23 декабря 1937 г. Под следствием находился два с половиной года. Освобожден 25 мая 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комдив Туржанский Александр Александрович

Накануне ареста занимал должность командира 2-го тяжелобомбардировочного авиакорпуса. Арестован 23 июля 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Освобожден 29 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен помощником начальника Таганрогской школы летчиков по летной подготовке.

Дивизионный комиссар Бычков Илья Васильевич

Накануне ареста был слушателем курсов партийных организаторов при ЦКВКП(б). Арестован 19 июля 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Освобожден 7 марта 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Дивизионный комиссар Князев Степан Ильич

Накануне ареста занимал должность помощника начальника Курсов усовершенствования старшего и среднего технического состава автобронетанковых войск РККА по политической части. Арестован 25 ноября 1937 г. Под следствием находился два с половиной года. Освобожден 10 апреля 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Дивизионный комиссар Любимов Владимир Николаевич

Накануне ареста занимал должность комиссара пункта ПВО г. Баку. Арестован 17 августа 1938 г. Под следствием находился почти два года. Освобожден 15 июня 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Дивизионный комиссар Мальцев Иван Семенович

Накануне ареста занимал должность комиссара 12-й

стрелковой дивизии. Арестован 4 июля 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден 12 июля 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Дивизионный комиссар Сафронов Иван Васильевич

Накануне ареста занимал должность помощника командира 17-го стрелкового корпуса по политической части. Арестован 16 сентября 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Освобожден 29 мая 1940 г. После восстановления в кадрах РККА был назначен заместителем интенданта Харьковского военного округа.

Дивизионный комиссар Усатенко Александр Васильевич

Накануне ареста занимал должность помощника командира 14-го стрелкового корпуса по политической части. Арестован 15 апреля 1938 г. Под следствием находился почти два года. Освобожден 13 марта 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен заместителем начальника 12-го бронетанкового ремонтного завода.

Диввоенюрист Кузнецов Николай Михайлович

Накануне ареста занимал должность военного прокурора Ленинградского военного округа. Арестован 4 августа 1937 г. Под следствием находился два с половиной года. Освобожден 15 февраля 1940 г. После освобождения долго болел и умер в Ленинграде 10 января 1941 г.

Диввоенюрист Оганджанян Гурген Иванович

Накануне ареста занимал должность военного прокурора Закавказского военного округа. Арестован 4 августа 1938 г. Под следствием находился полтора года. Освобожден 22 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен секретарем Военного совета Московского военного округа.

Диввоенюрист Субоцкий Лев Матвеевич

Накануне ареста занимал должность помощника Главного военного прокурора — начальника 4-го отдела Главной военной прокуратуры. Арестован 26 сентября 1937 г. Под следствием находился полтора года. Военной коллегией Верховного Суда СССР 8 апреля 1939 г. приговорен к шести годам ИТЛ. Постановлением пленума Верховного Суда СССР от 31 декабря 1939 г. дело по обвинению Л.М. Субоцкого было прекращено за недоказанностью вины со снятием судимости. Из заключения освобожден в марте 1940 г. До июля 1941 г. находился в запасе. После восстановления в кадрах РККА в июле 1941 г. был назначен заместителем военного прокурора Южного фронта.

Комбриг Адамсон Ян Симонович

Накануне ареста занимал должность командира 2-й бригады военно-строительного корпуса. Арестован в 1938 г. Под

следствием находился около двух лет. Постановлением особого отдела 2-й Отдельной Краснознаменной армии от 26 января 1940 г. дело по обвинению Я.С. Адамсона было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен заместителем командира 112-й стрелковой дивизии.

Комбриг Белошниченко Кузьма Романович

Накануне ареста занимал должность командира 12-й кавалерийской дивизии. Арестован в 1938 г. Под следствием находился около двух лет. Освобожден в 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен командиром 63-й кавалерийской дивизии (с июля 1941 г. До этого времени находился в запасе).

Комбриг Богослов Иван Ефремович

Накануне ареста занимал должность начальника Борисоглебского училища летчиков. Арестован 19 марта 1938 г. Под следствием находился более двух лет. Постановлением военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 28 апреля 1940 г. дело было прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений. Из-под стражи освобожден 14 мая 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не обнаружено.

Комбриг Григорьев Николай Иванович

Накануне ареста занимал должность начальника 4-го отдела штаба ОКДВА. Арестован 12 марта 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден И февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Дзенит Ян Петрович

Накануне ареста занимал должность командира 86-й стрелковой дивизии. Арестован 11 декабря 1937 г. в г. Казани. Под следствием находился более двух лег. Постановлением Главного военного прокурора от 14 января 1940 г. дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комбриг Жабин Николай Иванович

Накануне ареста занимал должность начальника отдела военной подготовки учащихся Харьковского военного округа. Арестован 1 октября 1938 г. Под следствием находился почти полтора года. Освобожден 5 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба.

Комбриг Зайцев Ааександр Сергеевич

Накануне ареста занимал должность командира 3-й авиабригады особого назначения. Под следствием находился полтора года. Освобожден 5 января 1940 г. После восстановления

в кадрах РККА назначен в марте 1940 г. старшим преподавателем кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Корчиц Владислав Викентьевич

Накануне ареста занимал должность начальника штаба 14-го стрелкового корпуса. Арестован 9 мая 1938 г. Под следствием находился один год и восемь месяцев. Освобожден в феврале 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен преподавателем Высшей школы штабной службы.

Комбриг Медянский Михаил Сергеевич

Накануне ареста занимал должность командира 4-й тяжелобомбардировочной авиабригады. Арестован 15 августа 1937 г. Под следствием находился два с половиной года. Постановлением следственной части особого отдела Калининского военного округа от 15 марта 1940 г. дело по его обвинению было прекращено. После восстановления в кадрах РККА работал преподавателем в авиационном училище.

Комбриг Мейер Алексей Петрович

Накануне ареста занимал должность начальника Сталинградской (Качинской) военной школы летчиков. Арестован 27 апреля 1938 г. Под следствием находился два года. Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа 28 апреля 1940 г. был оправдан. Освобожден из-под стражи 14 мая 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Комбриг Мозолевский Витольд Александрович

Накануне ареста занимал должность преподавателя Военной академии имени М.В. Фрунзе. Арестован в октябре 1937 г. Под следствием находился более двух лет. Освобожден в 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Подшивалов Владимир Иванович

Накануне ареста занимал должность начальника автобронетанковых войск Среднеазиатского военного округа. Арестован 24 февраля 1938 г. Под следствием находился более двух лет. Освобожден в 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Комбриг Сегеркранц Сергей Карлович

На момент ареста находился в запасе. Арестован 5 октября 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР 5 мая 1939 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Из лагеря освобожден 11 марта 1940 г. за прекращением дела. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Комбриг CmejibMax Григорий Давыдович

Накануне ареста занимал должность командира 12-й стрелковой дивизии. Арестован 12 марта 1938 г. Под следствием

находился два года (без одного месяца). Освобожден 16 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА.

Комбриг Трубников Кузьма Петрович

Накануне ареста занимал должность командира 25-й стрелковой дивизии. Арестован 22 июня 1938 г. Под следствием находился более полутора лет. Освобожден 15 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем курсов «Выстрел».

Комбриг Фесенко Павел Григорьевич

Накануне ареста занимал должность начальника 4-й военной школы авиатехников. Арестован 30 июля 1938 г. Под следствием находился почти два года. Освобожден 19 апреля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен помощником командира отдельного авиаполка по материальному обеспечению.

Комбриг Шталь Юлиус Мартынович

Накануне ареста занимал должность командира 35-й стрелковой дивизии. Арестован 24 февраля 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден в феврале 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Бригадный комиссар Бирюков Николай Федорович

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела 86-й стрелковой дивизии. Арестован 28 декабря 1937 г. Под следствием находился более двух лет. Постановлением Главной военной прокуратуры от 14 января 1940 г. дело было прекращено. Из-под стражи освобожден 5 февраля 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Бригадный комиссар Володарский Ефим Яковлевич

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела 9-й военной школы летчиков. Арестован 27 января 1938 г. Под следствием находился более двух лет. Постановлением военного прокурора Харьковского военного округа от 16 мая 1940 г. дело было прекращено. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Бригадный комиссар Гурковский Анатолий Николаевич

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела Горьковской бронетанковой школы. Арестован в 1938 г. Под следствием находился два года. Освобожден в 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен заместителем начальника 2-го Орджоникидзевского пехотного училища.

Бригадный комиссар Старостин Михаил Алексеевич

Накануне ареста занимал должность начальника

политического отдела Сталинградской (Качинской) военной школы летчиков. Арестован 13 апреля (по другим данным — 27 апреля) 1938 г. Под следствием находился два года. Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа 28 апреля 1940 г. оправдан. Из-под стражи освобожден 14 мая 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Бригадный комиссар Черный Григорий Семенович

Накануне ареста занимал должность начальника политического отдела военной школы морских летчиков. Арестован в феврале 1938 г. Под следствием находился более двух лет. Освобожден в 1940 г. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Бригинтендант Александров Григорий Васильевич

Накануне ареста занимал должность начальника Управления военно-конных заводов РККА. Арестован 18 ноября 1937 г. Под следствием находился три года. Постановлением военного прокурора Северо-Кавказского военного округа от 10 октября 1940 г. дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен интендантом 28-й резервной армии (в 1941 г.).

Бригврач Гер-Григорьян Сергей Аветович

Накануне ареста занимал должность начальника санитарной службы Северо-Кавказского военного округа. Арестован 21 декабря 1937 г. Под следствием находился более двух лет. Постановлением Главной военной прокуратуры от 21 февраля 1940 г. дело было прекращено. Из-под стражи освобожден 26 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником Курсов усовершенствования комсостава запаса при Военно-медицинской академии.

1941 год

Корпусной комиссар Березкин Марк Федорович

Накануне ареста занимал должность начальника ВВС Северо-Кавказского военного округа. Арестован 15 декабря 1937 г. Под следствием находился более трех лет. Освобожден 15 февраля 1941 г. До декабря 1943 года находился в запасе. В декабре 1943 г. был откомандирован для работы в Гражданский воздушный флот.

Комбриг Алехин Евгений Степанович

Накануне ареста занимал должность начальника Объединенной Белорусской военной школы. Арестован в 1938 г. Под следствием находился около трех лет. Освобожден в июне 1941 г. После восстановления в кадрах РККА назначен

заместителем командира 33-го стрелкового корпуса.

Комбриг Борисов (Шистер) Аркадий Борисович

Накануне ареста занимал должность начальника штаба 1-го кавалерийского корпуса. Арестован 10 февраля 1938 г. Под следствием находился почти три года. 23 января 1941 г. дело было прекращено. После восстановления в кадрах РККА назначен начальником штаба 6-го кавалерийского корпуса.

Комбриг Горбатов Александр Васильевич

Накануне ареста занимал должность заместителя командира 6-го кавалерийского корпуса. Арестован 22 октября 1938 г. Под следствием и в лагере (на Колыме) находился около двух с половиной лет. Освобожден 5 марта 1941 г. После восстановления в кадрах РККА назначен заместителем командира 25-го стрелкового корпуса.

Комбриг Фогель Ян Янович

Накануне ареста занимал должность командира 38-й стрелковой дивизии. Арестован И февраля 1938 г. Под следствием находился три года и три месяца. Освобожден 9 мая 1941 г. как оправданный военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. До октября 1941 г. находился в запасе (на пенсии). С октября 1941 г. по июнь 1942 г. работал начальником военной кафедры Одесского института инженеров водного транспорта.

С декабря 1937 г. Военно-Морской Флот существовал в качестве самостоятельного наркомата. В нем, как и в РККА, в 1937—1938 гг. проводились «изъятия» личного состава. Как и в РККА, в ВМФ в 1939—1941 гг. «случилась» некоторая «оттепель» и небольшое количество военных моряков, арестованных в означенные годы, были освобождены из сталинских тюрем и лагерей. Перечислим лица из числа высшего комначсостава ВМФ, освобожденные в 1939—1941 гг. из тюрем и лагерей.

Флагман 1-го ранга Векман Александр Карлович

Накануне ареста занимал должность председателя постоянной комиссии по приему вновь построенных кораблей. Арестован в июле 1938 г. Под следствием находился около двух лет. Освобожден 29 февраля 1940 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен старшим редактором редакции Гидрографического управления ВМФ.

Инженер-флагман 2-го ранга Берг Аксель Иванович

Накануне ареста занимал должность начальника Научно-исследовательского института связи. Арестован в декабре 1937 г. Под следствием находился два с половиной года. Освобожден в мае 1940 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен преподавателем Военно-морской академии.

Комдив Елисеев Алексей Борисович

Накануне ареста занимал должность коменданта Владивостокского укрепленного района. Арестован в апреле 1938 г. Под следствием находился полтора года. Освобожден 28 октября 1939 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен комендантом Северного укрепленного района.

Комбриг Григорьев Григорий Тимофеевич

Накануне ареста занимал должность коменданта Сучанс-кого укрепленного района. Арестован в мае 1938 г. Под следствием находился почти полтора года. Освобожден 17 сентября 1939 г. После восстановления в кадрах ВМФ находился в распоряжении Управления кадров.

Комбриг Куманин Михаил Федорович

Накануне ареста занимал должность коменданта укрепленного района «Советская Гавань». Арестован в мае 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден в августе 1939 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен начальником штаба Северо-Западного укрепленного района.

Комбриг Лаковников Павел Иванович

Накануне ареста занимал должность коменданта Мурманского укрепленного района. Арестован в июне 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден в 1939 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен комендантом Западного укрепленного района.

Комбриг Миронов Алексей Матвеевич

Накануне ареста занимал должность командующего ВВС - Черноморского флота. Арестован в августе 1938 г. Под следствием находился два года. После освобождения и восстановления в кадрах ВМФ (в сентябре 1940 г.) находился в распоряжении командующего ВВС ВМФ (учился на Высших курсах ВВС и ПВО).

Комбриг Столярский Станислав Эдуардович

Накануне ареста занимал должность начальника кафедры ВВС и ПВО Военно-морской академии. Арестован в августе 1938 г. Под следствием находился более года. Освобожден в ноябре 1939 г. После восстановления в кадрах ВМФ назначен начальником командно-авиационного факультета Военноморской академии.

Данный перечень лиц высшего комначсостава РККА и ВМФ, арестованных в 1937—1938 гг. и освобожденных из-под ареста ввиду прекращения заведенных на них дел, является далеко не исчерпывающим. Если корпусное (воинское звание «комкор» и ему равные) и дивизионное (воинское звание «комдив» и ему равные) звенья представлены здесь с достаточно высокой полнотой, то бригадное звено (воинское звание «комбриг» и ему

равные) имеет весьма крупные пробелы. Это связано, главным образом, с отсутствием необходимых данных на других лиц, освобожденных в 1939—1941 гг. И в первую очередь с отсутствием у автора дат ареста и освобождения этих лиц. Прежде всего это относится к комбригам М.И. Запорожченко, С.П. Зыбину, А.И. Зыгину, В.А. Малинникову, П.М. Подосеку, И.П. Сухову, J1.H. Чернозатонскому, М.П. Якимову; бригадным комиссарам А.М. Подзюнскому, Д.И. Перфилову; бригинженеру Ю.А. Степанову и др.

Некоторое представление о ходе освобождения и восстановления в кадрах РККА лиц высшего комначсостава в 1939 г. и начале 1940 г. (по должностным категориям) дает приводимая ниже таблица (по состоянию на 27 января 1940 г.)[4].

Название должностей	Время восстановления													Всего
	январь 1939 г.	февраль	март	апрель	март	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	но ябрь	де кабрь	ян варь 1940 г.	
Командиров корпусов	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	2
Пом. командиров корпусов	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	2
Нач. штабов и зам. командиров корпусов	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	2
Командиров дивизий, бригад	—	—	—	—	—	1	—	—	2	1	2	3	2	11
Нач. штабов дивизий, бригад	—	—	—	—	1	1	1	—	2	1	1	1	1	9
Нач. курсов усовершен ствования	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	3
Начальников училищ	—	—	—	—	—	—	1	—	4	—	—	—	—	5
Нач. отделов центр. и окружного аппарата	—	—	1	4	5	7	—	4	5	3	—	2	2	33
Итого	—	—	1	4	6	9	2	5	16	7	3	9	5	67

В другой таблице покажем количество восстановленного в РККА комначсостава из числа освобожденных (по воинским званиям по состоянию на 27 января 1940 г.)[5].

Воинские звания	Количество восстановленных
Комдив	6
Дивинженер	2
Дивврач	1
Комбриг	17
Бригадный комиссар	1
Бригврач	1
Бригинтендант	1
Полковник	62
Ему соответствующих	44
Майор	252
Ему соответствующих	99
Капитан	279
Ему соответствующих	208
Старший лейтенант	261
Ему соответствующих	85
Лейтенант	145
Ему соответствующих	93
Младший лейтенант	1
Без воинского звания	21
Всего	1579

По состоянию на 27 января 1940 г. восстановленный в РККА комначсостав количественно распределялся следующим образом: комсостав — 6401, политсостав — 377, техсостав — 1872, адмсостав — 1130, медсостав — 406, ветсостав — 138, юридический состав — 20. Всего — 10 334[6].

Все лица, поименно названные выше, которым посчастливилось вырваться из застенков сталинских тюрем и лагерей накануне Великой Отечественной войны, относились к высшему командно-начальствующему составу РККА, т.е. носили на своих петлицах соответствующее количество «ромбов». Однако, помимо этих «генералов», в те же годы свободу получили определенное количество лиц более низких категорий военнослужащих.

Автор не ставил себе задачу проследить судьбы всех освобожденных в период предвоенной «оттепели», ибо эту работу можно выполнить только усилиями достаточно большого коллектива. Его задача гораздо скромнее — показать, притом довольно кратко, деятельность некоторых бывших «зэков» из числа высшего комначсостава в годы Великой Отечественной войны, в первую очередь тех из них, кто в ходе ее был удостоен высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза. К этому числу лиц относятся и те полковники, бывшие подследственные, которые в ходе войны получили генеральское звание и, таким образом, вошли в состав элиты Красной Армии, достойно проявив себя на полях сражений. Приведем данные об этих полковниках.

Бывший командир 9-й механизированной бригады полковник Богданов Семен Ильич после освобождения в октябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА некоторое время находился в

распоряжении Управления по комначсоставу. Затем командовал легкотанковой бригадой и танковой дивизией. В годы Великой Отечественной воины командовал корпусами и танковой армией, заслужив звание маршала бронетанковых войск и став дважды Героем Советского Союза.

Бывший командир 2-й отдельной механизированной бригады полковник Васильев Иван Дмитриевич после освобождения и восстановления в кадрах РККА командовал танковой дивизией и корпусом. В годы войны стал генерал-лейтенантом танковых войск и Героем Советского Союза.

Бывший командир 31-й механизированной бригады полковник Корчагин Иван Петрович после освобождения в 1940 г. и восстановления в кадрах РККА командовал танковой дивизией. В годы войны командовал танковыми и механизированными корпусами, став генерал-лейтенантом танковых войск и Героем Советского Союза.

Бывший командир 6-й тяжелой танковой бригады полковник Лизюков Александр Ильич после освобождения и восстановления в кадрах РККА преподавал в Военной академии механизации и моторизации. В годы Великой Отечественной войны водил в бой танковую и мотострелковую дивизии, танковый корпус и танковую армию, получив воинское звание «генерал-майор» и звание Героя Советского Союза.

Бывший командир 108-го тяжелого артиллерийского полка Резерва Главного Командования полковник Хлебников Николай Михайлович после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА служил в должности начальника артиллерии дивизии, военного округа, армии. В годы войны возглавлял артиллерию ряда фронтов, став генерал-полковником артиллерии и Героем Советского Союза.

Для более полной картины предвоенной «оттепели» дадим краткую информацию и о других полковниках, освобожденных накануне войны и в ходе ее получивших генеральское звание.

Бывший начальник артиллерии 92-й стрелковой дивизии полковник Дегтярев Георгий Ермолаевич после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен руководителем тактики Пензенского артиллерийского училища, а затем заместителем начальника и начальником этого училища. В годы Великой Отечественной войны — начальник штаба артиллерии Резервного фронта, начальник артиллерии 4-й и 2-й ударной армий. После тяжелого ранения и лечения в Московском госпитале в октябре 1942 года назначен начальником артиллерии Волховского фронта. В 1944-—1945 годах — командующий артиллерией Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Генерал-полковник артиллерии Г.Е. Дегтярев — участник боевых действий по разгрому Квантунской армии Японии.

Бывший начальник артиллерии 33-го стрелкового корпуса полковник Стрельбицкий Иван Семенович после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником Подольского артиллерийского училища. Затем командовал 8-й отдельной артиллерийской бригадой Резерва Главного Командования, с которой и вступил в войну. В годы войны занимал должности начальника артиллерии 60-й резервной армии, командующего артиллерией 3-й ударной и 2-й гвардейской армий, получив воинское звание генерал-лейтенанта артиллерии.

Бывший командир 37-го кавалерийского полка полковник Бычковский Александр Федорович после освобождения в ноябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 4-й Донской казачьей дивизии. С января 1941 г. командовал 9-й кавалерийской дивизией. В годы Великой Отечественной войны генерал-майор А.Ф. Бычковский командовал кавалерийской группой Юго-Западного фронта, 6-м кавалерийским корпусом, был заместителем командующего 31-й армией, инспектором кавалерии Северо-Западного фронта. В январе 1943 г. был откомандирован на учебу в Высшую военную академию, где в мае того же года был арестован по обвинению в проведении антисоветской агитации и распространении пораженческих настроений. В марте 1952 г. (следствие длилось девять лет) был приговорен к десяти годам лишения свободы. В июле 1953 г. был реабилитирован, восстановлен в кадрах Вооруженных Сил и продолжал службу на различных должностях до августа 1960 г.

Бывший командир 102-го стрелкового полка полковник Величко Семен Саввич после освобождения в ноябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА в январе 1940 г. был назначен преподавателем тактики Высшей школы штабной службы. В 1941—1943 гг. — преподаватель и старший преподаватель тактики Военно-политической академии. С ноября 1943 г. в действующей армии: заместитель командира 82-й и 108-й стрелковых дивизий, командир 186-й стрелковой дивизии. Воинское звание «генерал-майор» было присвоено в ноябре 1944 г.

Бывший командир 221-го стрелкового полка полковник Воскресенский Павел Иванович после освобождения в 1939 г. находился в запасе до июня 1940 г. В начале Великой Отечественной войны командовал 101-м запасным полком. Затем командовал 26-й запасной стрелковой бригадой. После окончания в декабре 1943 г. курсов при Высшей военной академии был

заместителем командира 69-го стрелкового корпуса, командиром 21-й и 20-й механизированных дивизий 3-го Украинского фронта. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в апреле 1945 г.

Бывший начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии полковник Дамберг Вольдемар Францевич после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе. В годы войны занимал должности заместителя командира 24-й кавалерийской дивизии, командира 28-й запасной стрелковой бригады и 1-й кавалерийской дивизии, командира 15-го кавалерийского корпуса (в Иране). С января 1944 г. — командир 48-й, а затем 308-й стрелковых дивизий, заместитель командира 130-го Латышского стрелкового корпуса. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в марте 1943 г.

Бывший начальник военных сообщений Забайкальского военного округа полковник Данильченко Стефан Федорович после освобождения в феврале 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе, где работал до 1944 г. В 1944— 1945 гг. — начальник штаба 17-й гвардейской стрелковой дивизии, командир 5-го гвардейского стрелкового корпуса на 3-м Белорусском фронте. В войне против Японии генерал-майор С.Ф. Данильченко командовал 19-й гвардейской стрелковой дивизией.

Бывший начальник войск связи ОКДВА, а затем начальник Курсов усовершенствования комсостава войск связи полковник Дубовко Вячеслав Николаевич после освобождения в сентябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем кафедры службы связи Военной академии связи. С декабря 1940 г. — начальник войск связи Северо-Кавказского военного округа. Воинское звание «генерал-майор войск связи» ему было присвоено в декабре 1941 г. В годы войны занимал должности начальника войск связи 19-й армии. Западного и Брянского фронтов. С апреля 1942 г. — начальник Московской школы радиоспециалистов. С августа 1942 г.— начальник войск связи Сталинградского, а затем Донского фронтов. С ноября 1942 г. — начальник кафедры службы связи Военной академии связи. С июля 1943 г. — начальник военного цикла, а с сентября 1944 г. — начальник оперативно-тактического цикла той же академии.

Бывший заместитель начальника штаба Харьковского военного округа полковник Ермолаев Александр Григорьевич после освобождения в марте 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны

занимал должности начальника штаба 55-го стрелкового корпуса, 12-й, 47-й и 18-й армий Черноморской группы войск Закавказского фронта, 58-й армии. В 1944—1945 гг. — заместитель начальника одного из управлений Главного Артиллерийского управления Красной Армии. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в декабре 1941 г.

Бывший преподаватель тактики, а затем временно исполняющий обязанности начальника кафедры Артиллерийской академии полковник Жданов Николай Николаевич после освобождения в 1941 г. назначен командиром 101-го гаубичного артиллерийского полка. В годы Великой Отечественной войны занимал должность начальника штаба артиллерии 54-й армии Ленинградского фронта. С июня 1942 г. по ноябрь 1944 г. — командующий артиллерией 67-й армии и командир 3-го Ленинградского корпуса прорыва РГК. С ноября 1944 г. — начальник кафедры и факультета Артиллерийской академии. Воинское звание «генерал-майор артиллерии» ему было присвоено в сентябре 1943 г.

Бывший начальник штаба 19-й механизированной бригады полковник Кравцов Иван Кондратьевич после освобождения в 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником штаба 21-й танковой дивизии. В 1941—1943 гг. — командир 281-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта. В 1944—1945 гг. — командир 29-го гвардейского и 64-го стрелкового корпусов. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в ноябре 1942 г.

Бывший командир 16-го танкового полка полковник Лавринович Вацлав Брониславович после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем Военной Электротехнической академии. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в июне 1940 г. В годы Великой Отечественной войны занимал должность начальника автобронетанковых войск 23-й армии — до дня своей гибели 20 сентября 1941 г.

Бывший командир 120-го стрелкового полка полковник Марков Виктор Иванович после освобождения в сентябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен старшим преподавателем курсов «Выстрел». Затем там же служил начальником курса до 1947 г. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в июне 1944 г.

Бывший начальник штаба 34-й стрелковой дивизии полковник Максимов Александр Михайлович после освобождения в августе 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником штаба 59-го стрелкового корпуса. В годы Великой

Отечественной войны служил на Дальнем Востоке — командиром 12-й и 79-й стрелковых дивизий, заместителем командира Особого стрелкового корпуса, заместителем командующего и командующим 25-й армией Дальневосточного фронта, заместителем командующего 1-й Краснознаменной армией. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в октябре 1941 г.

Бывший помощник начальника войск связи 1-й Отдельной Краснознаменной армии по боевой подготовке полковник Мирошников Павел Дмитриевич после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен в распоряжение Управления по комначсоставу РККА. С июля по декабрь 1939 г. он работал преподавателем и начальником заочного командного факультета Военной электротехнической академии. В годы Великой Отечественной войны занимал должности: в 1941—1943 гг. — заместителя начальника 1-го управления Главного Управления связи Красной Армии; с сентября 1943 г. по октябрь 1945 г. — начальника связи 2-го Прибалтийского и Забайкальского фронтов. Воинское звание «генерал-майор войск связи» ему было присвоено в октябре 1942 г., а «генерал-лейтенант войск связи» — в октябре 1943 г.

Бывший начальник штаба 85-й стрелковой дивизии полковник Нагайбаков Измаил Ахметович после освобождения в феврале 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе. Затем до октября 1942 г. он работал помощником и заместителем начальника Казанского танкового училища. На фронтах Великой Отечественной войны с 1942 г. В 1942—1945 гг. — начальник штаба 4-го гвардейского танкового корпуса. Воинское звание «генерал-майор танковых войск» ему было присвоено в августе 1944 г.

Бывший заместитель командира 22-й кавалерийской дивизии полковник Пархоменко Феофан Агапович после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен помощником командира 4-й кавалерийской дивизии. Затем командовал 210-й моторизованной дивизией. С декабря 1941 г. — командир 1-го кавалерийского корпуса. Потом командовал 5-м кавалерийским корпусом, был заместителем командующего 38-й армией, командовал 10-м стрелковым корпусом, был заместителем командующего 70-й армией. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в августе 1941 г., а «генерал-лейтенант» — в апреле 1945 г.

Бывший начальник 1-го отдела штаба ОКДВА полковник Рождественский Борис Александрович после освобождения в 1940

г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны был начальником штаба 52-й, 2-й ударной и 4-й армий, командиром 111-го стрелкового корпуса. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в январе 1943 г.

Бывший командир 44-й авиабригады полковник Рязанов Василий Георгиевич после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем тактики ВВС Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны командовал авиационным корпусом и авиационной армией. Генерал-лейтенант авиации (март 1943 г.). Дважды Герой Советского Союза.

Бывший начальник ПВО Приморской группы войск ОКДВА полковник Свиклин Теодор Вернер Андреевич после освобождения в феврале 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе. Затем работал там же начальником курса. В годы Великой Отечественной войны на Ленинградском и Волховском фронтах занимал должности начальника ПВО 32-й, 4-й и 54-й армий, командира 285-й, 305-й и 311-й стрелковых дивизий, начальника штаба Волховской оперативной группы и 2-й ударной армии. В 1943—1944 гг. — заместитель командующего 59-й армией. После тяжелого ранения в 1944 г. был назначен начальником Харьковского пехотного училища. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в октябре 1943 г.

Бывший старший преподаватель тактики Военно-хозяйственной академии полковник Хилинский Александр Анатольевич после освобождения в мае 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем на курсы «Выстрел». С августа 1942 г. — начальник тыла 37-й армии. В июле — ноябре 1943 г. — заместитель начальника тыла Северо-Кавказского фронта. С ноября 1943 г. — начальник тыла Отдельной Приморской армии. С декабря 1944 г. — начальник тыла 1-й гвардейской армии. Воинское звание «генерал-майор интендантской службы» ему было присвоено в октябре 1943 г.

Бывший начальник штаба 39-й стрелковой дивизии полковник Шкодунович Николай Николаевич после освобождения в 1939 г. и восстановления в кадрах РККА в январе 1940 г. был назначен помощником начальника Куйбышевского пехотного училища. С июля 1941 г. — командир 20-й запасной стрелковой бригады, а с декабря 1941 г. — командир 58-й стрелковой дивизии. В ноябре 1942 г. командируется на учебу в Высшую

военную академию (так стала именоваться Академия Генерального штаба. — Н.Ч.), ускоренный курс которой окончил в мае 1943 г., получив назначение командиром 223-й стрелковой дивизии. С сентября 1943 г.— командир 69-го стрелкового корпуса. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в сентябре 1943 г.

Бывший начальник отдела инженерных войск Киевского военного округа полковник Косарев Василий Васильевич после освобождения в декабре 1940 г. и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем кафедры фортификации Военно-инженерной академии. С ноября 1941 г. — командующий 7-й саперной армией. Под его руководством армия возводила оборонительные сооружения в Саратовской, Сталинградской, Ворошиловградской областях. С марта 1942 г. В.В. Косарев — командующий 1-й саперной армией на Западном фронте. В мае 1942 г. назначен заместителем командующего Калининским фронтом по инженерной части — начальником инженерных войск фронта. С октября 1943 г. — начальник инженерных войск 1-го Прибалтийского фронта. Воинское звание «генерал-майор инженерных войск» ему было присвоено в феврале 1943 г., а «генерал-лейтенант инженерных войск» — в сентябре 1944 г.

Бывший начальник отдела ПВО Тихоокеанского флота полковник Зашихин Гавриил Савельевич после освобождения в сентябре 1939 г. и восстановления в кадрах ВМФ в декабре 1939 г. был назначен помощником начальника управления ПВО Балтийского флота. В этой должности участвовал в советско-финской войне 1939—1940 гг. С августа 1940 г. — начальник ПВО того же флота. С августа 1941 г. — помощник командующего Балтийским флотом по ПВО, береговой охране и связи. С ноября 1941 г. — командир 2-го корпуса ПВО, переформированного в апреле 1942 г. в Ленинградскую армию ПВО. С июля 1943 г. — командующий войсками Восточного фронта ПВО, а с апреля 1944 г.— Южного фронта ПВО. С января 1945 г.— командующий войсками Юго-Западного фронта ПВО. Воинское звание «генерал-майор артиллерии» ему было присвоено в 1941 г., «генерал-лейтенант артиллерии» — в июле 1943 г., «генерал-полковник артиллерии» — в ноябре 1944 г.

Бывший командир 2-й механизированной бригады полковник Бурков Василий Герасимович после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен помощником начальника Ленинградских бронетанковых курсов. С июня 1940 г. — командир 9-й танковой дивизии. В должности командира 104-й танковой дивизии участвовал в Смоленском сражении. Был тяжело ранен. После выздоровления назначен начальником

командного факультета Военной академии механизации и моторизации (в Ташкенте). С апреля 1942 г. — командир 10-го танкового корпуса (до середины июля 1943 г.). После очередного ранения — начальник Высшей офицерской бронетанковой школы, воинское звание «генерал-майор танковых войск» ему было присвоено в мае 1942 г., а «генерал-лейтенант танковых войск» — в июне 1943 г.

Бывший командир 88-го кавалерийского полка полковник Карижский Григорий Иванович после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 18-й горнострелковой дивизии. В годы Великой Отечественной войны был заместителем командующего армией Дальневосточного фронта. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в октябре 1942 г.

Бывший заместитель командира 57-й стрелковой дивизии полковник Кутлин Заки Юсупович после освобождения и восстановления в кадрах РККА находился на командно-штабных должностях. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в марте 1942 г.

Бывший начальник отдела связи Приморской группы войск полковник Логодюк Яков Осипович после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником 2-го отделения артиллерийского отдела Калининского военного округа. Воинское звание «генерал-майор войск связи» ему было присвоено в мае 1942 г.

Бывший командир 15-й кавалерийской дивизии полковник Трофимов Александр Ефремович после освобождения и восстановления в кадрах РККА занимал командные должности. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизией и корпусом. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в январе 1943 г.

Бывший начальник штаба Нижне-Амурского укрепленного района полковник Яманов Алексей Александрович после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен начальником штаба 34-й стрелковой дивизии. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в октябре 1943 г.

Будет справедливым назвать имена и других полковников, которые после возвращения из «командировки в ведомство Ежова — Берии» добросовестно трудились на различных постах во имя повышения боевой мощи и боеготовности Красной Армии, в том числе и в годы Великой Отечественной войны.

Андерсон К.Э. — бывший командир 42-го кавалерийского полка. После освобождения назначен начальником отделения Курсов усовершенствования комсостава запаса.

Аппель Я.Ю. — бывший начальник 5-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа. После освобождения назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Агапов С.К. — бывший командир 3-го отдельного батальона связи ОКДВА. После освобождения назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Браво-Животовский М.З. — бывший начальник артиллерийского полигона. После освобождения назначен начальником курса Артиллерийских курсов усовершенствования комсостава РККА.

Барбашов П.А. — бывший преподаватель Кавалерийских курсов усовершенствования комсостава (ККУКС) РККА. После освобождения назначен на прежнюю должность.

Волдин К.Я. — бывший начальник артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа. После освобождения назначен начальником 4-го отдела Управления начальника артиллерии Калининского военного округа.

Голубев В.М. — бывший начальник штаба 13-й кавалерийской дивизии.

Голубев М.И. — бывший командир 71-го кавалерийского полка. После освобождения назначен командиром 84-го кавалерийского полка.

Гришель И.И. — бывший командир дивизиона 3-го конноартиллерийского полка. После освобождения назначен помощником командира 4-го запасного железнодорожного полка по хозяйственной части.

Дадерко К.Д. — бывший начальник Воронежского училища связи. После освобождения назначен преподавателем Курсов усовершенствования комсостава связи.

Друзин В.М. —- бывший военрук Горьковского института. После освобождения назначен помощником командира дивизиона Рязанского артиллерийского училища.

Захарченко А. С. — бывший командир 44-го стрелкового полка. После освобождения назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Ирман Э.А. — бывший начальник химической службы укрепленного района. После освобождения назначен преподавателем КУКС химзащиты РККА.

Калинин В.И. — бывший командир 40-го стрелкового полка. После освобождения назначен преподавателем курсов «Выстрел».

Константинченко И.П. — бывший командир 84-го кавалерийского полка. После освобождения назначен начальником Ставропольского военно-конного завода.

Краснощеков В.А. — бывший начальник учебного отдела

КУКС связи. После освобождения назначен преподавателем Воронежского училища связи. .

Коровиков В.А. — бывший начальник штаба 60-й стрелковой дивизии. После освобождения назначен преподавателем тактики Высшей школы штабной службы.

Карначев М.П. — бывший командир батальона училища. После освобождения назначен командиром батальона Астраханского стрелково-пулеметного училища.

Медведев С.Д. — бывший начальник Московского артиллерийского училища. После освобождения назначен старшим преподавателем академии.

Мишин А.Н. — бывший начальник штаба 1-й бригады Особого железнодорожного корпуса.

Меркулов Н.А. — бывший начальник 9-го отдела штаба Дальневосточного фронта. После освобождения назначен начальником 9-го отдела штаба 2-й Отдельной Краснознаменной армии.

Малыгин М.М. — бывший командир 87-го стрелкового полка. После освобождения назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Магницкий Е.А. — бывший помощник начальника 3-го отдела Управления боевой подготовки РККА. После освобождения назначен состоящим в распоряжении Управления по комначсоставу РККА.

Мербадалев Я.Г. — бывший старший инспектор 2-го корпуса ПВО. После освобождения назначен преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Несвицкий А.Н. — бывший военрук Одесского института. После освобождения назначен преподавателем Рязанского артиллерийского училища (преподавал тактику).

Пеганов А. Г. — бывший командир 10-го полка железнодорожной бригады. После освобождения назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 34-й стрелковой дивизии.

Прохоров П.М. — бывший профессор кафедры Артиллерийской академии. После освобождения назначен начальником кафедры той же академии.

Ротенберг Г.М. — бывший командир 75-го кавалерийского полка. После освобождения назначен помощником начальника Кавалерийских курсов комсостава РККА по материальному обеспечению.

Самбур Ф.К. — бывший начальник обозно-вещевого отдела Киевского Особого военного округа. После освобождения назначен преподавателем Военно-хозяйственной академии.

Самойлов А. С. — бывший помощник командира 86-й стрелковой дивизии. После освобождения назначен преподавателем тактики на курсы «Выстрел».

Сурошников В.А. — бывший начальник инженерных войск Забайкальского военного округа. После освобождения назначен преподавателем Артиллерийских курсов усовершенствования комсостава РККА.

Тимерман А.А. — бывший старший преподаватель Института инженеров связи. После освобождения назначен старшим преподавателем Новосибирского института инженеров транспорта.

Хайров НЮ. — бывший командир 95-го стрелкового полка. После освобождения назначен преподавателем курсов «Выстрел».

Шуванов И.И. — бывший командир 151-го стрелкового полка. После освобождения назначен преподавателем Одесского пехотного училища.

Эрлих Т.Х. — бывший помощник начальника отдела связи Северо-Кавказского военного округа. После освобождения назначен преподавателем Харьковского училища связи.

Лгунов П.М. — бывший командир 65-го стрелкового полка. После освобождения назначен начальником цикла Бакинского пехотного училища.

По архивным данным и сведениям исследователя А. И. Русенчика, среди полковников, попавших под каток репрессий в 1937—1938 гг. и освобожденных из тюрем и лагерей накануне Великой Отечественной войны и в ходе ее, также были:

Баранов Борис Ионович.
Бондарев Григорий Иванович.
Бусяцкий Анатолий Александрович.
Васильев Василий Ефимович.
Владимиров Иван Васильевич.
Волкенштейн Сергей Сергеевич.
Гусев Андрей Павлович.
Кустов Иван Афанасьевич.
Мальцев Виктор Иванович.
Мельников Иван Иванович.
Осликовский Николай Сергеевич.
Панкратов Иосиф Николаевич.
Парамзин Владимир Кузьмич.
Смага Иосиф Иванович.
Страздынь Ян Мартынович.
Трошин Алексей Андреевич.
Федоров Петр Антонинович.
Цатуров Гарегин Мовсесович.

Шапошников Михаил Михайлович.

Абсолютное большинство названных выше командиров высшего и старшего звена РККА были арестованы в 1937— 1938 гг. Находясь под следствием в застенках НКВД по полтора, два и более лет, они, разумеется, не могли знать, что происходит в Красной Армии в целом и каково, в частности, положение с ее командно-начальствующим составом. Эти люди не представляли себе подлинных масштабов репрессий, развернувшихся в армии и на флоте, они не знали положения с кадрами в частях, соединениях и военных округах. И, возвратившись в ряды Красной Армии, начиная со второй половины 1939 г., освобожденные командиры многому удивились.

Во-первых, Красная Армия с 1939 г. стала кадровой. Во-вторых, массовые репрессии против комначсостава почти прекратились. В-третьих, вместо арестованных и уволенных командиров и начальников, как правило, участников Гражданской войны, к руководству соединениями и объединениями пришли выдвиженцы последних лет, не имевшие опыта командования дивизиями, корпусами, армиями, военными округами не только в боевой обстановке, но и в мирное время. Поэтому, когда грянули залпы войны, многие из этих выдвиженцев, даже не по собственной вине, оказались не на высоте положения, ибо они ускоренным маршем, не задерживаясь на некоторых, крайне важных для служебного роста должностях, быстро выдвинулись вверх, нарушив веками сложившуюся систему становления умелого командира (военачальника).

Ни один из уволенных и арестованных, а затем освобожденных и восстановленных в кадрах РККА командиров не знал истинных масштабов репрессий в РККА. Да и откуда они могли это знать, если данные сведения были частью государственной тайны и в соответствующих документах имели гриф «совершенно секретно». А цифры эти впечатляющие!

СПРАВКА о числе уволенного комначсостава в 1937 и 1938 гг. (по воинским званиям)

СПРАВКА

о числе уволенного комначсостава в 1937 и 1938 гг.

(по воинским званиям)

Воинские звания	За 1937 г.		За 1938 г.		Всего за 1937 и 1938 гг.	
	Уволено	Из них арестовано (без политсостава)	Уволено	Из них арестовано (без политсостава)	Уволено	Из них арестовано (без политсостава)
Комкор	35	30	17	16	52	46
Ему соответствующ.	25	11	1	1	26	12
Комдив	73	54	50	42	123	96
Ему соответствующ.	84	14	22	15	106	29
Комбриг	124	65	140	100	264	165
Ему соответствующ.	194	36	85	49	279	85
Полковник	362	141	535	352	897	493
Ему соответствующ.	513	108	461	231	974	339
Итого:	1410	459	1311	806	2721	1265

Примечание. В графе арестованных за 1937 г. показан только тот комначсостав, который увольнялся приказами НКО по статье 44 «в», т.е. увольнялся после его ареста органами НКВД.

Сравнение приведенных данных наглядно подтверждает факт вопиющего избиения кадров Красной Армии в 1937— 1938 гг., от которого она так и не могла до конца оправиться до начала Великой Отечественной войны. Молодые кадры, пришедшие на смену арестованным и уволенным, при всем их желании так и не смогли составить им достойную замену. К тому же, в связи с объявлением многих арестованных командиров и политработников врагами народа, красноармейцы и младшие командиры в частях и подразделениях стали настороженно относиться вообще к командно-начальствующему составу (а вдруг и этот командир — враг народа!). В результате такой подозрительности стала падать воинская дисциплина — одна из главных составляющих системы управления войсками и достижения победы в бою.

В ЧЕМ ИХ ОБВИНЯЛИ?

В данной главе достаточно часто будут упоминаться соответствующие пункты 58-й статьи Уголовного кодекса (УК) РСФСР в редакции 1926 г. Именно она, эта статья УК РСФСР (под другим номером, но с одинаковым содержанием она действовала и в других союзных республиках), являлась главной и единственной статьей обвинения командно-начальствующего состава РККА на заседаниях органов советского правосудия. Поэтому для лучшего понимания смысла предъявленных обвинений есть необходимость дать выборку из этого кодекса, а конкретно из главы о государственных преступлениях (раздел «Контрреволюционные преступления»).

58—1 «а». Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются — высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58—1 «б». Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества.

58—1«в». В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58—1 «г». Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой — лишение свободы на десять лет.

58—2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственного отторжения от

Союза ССР и отдельных союзных республик какую-либо часть ее территории влекут за собой высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

58—6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел или объятание врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

58—7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации... влекут за собою — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения (наказания) до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

58—8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58—9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железной дороги или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов... влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58—2 настоящего кодекса.

58—10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58—2—58—9 настоящего кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою — меры социальной защиты, указанные в ст. 58—2 настоящего кодекса.

58—11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58—12. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собою — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Набор обвинений в адрес арестованного командно-начальствующего состава РККА был самый разнообразный — от шпионажа и вредительства до антисоветской агитации. Общим для всех, своего рода обязательным пунктом обвинения являлось участие в одном из подразделений военно-фашистского заговора, а для большинства представителей других стран и народов — участие в антисоветской националистической организации (украинской, латышской, польской и т.д.). Приведем на сей счет некоторые примеры, используя материалы на лиц, освобожденных из-под стражи как накануне Великой Отечественной войны, так и в ходе ее.

В чем только не обвиняли арестованного полковника АЖ Лизюкова! Одно из обвинений сводилось к тому, что он, командуя тяжелой танковой бригадой, участвовавшей в парадах на Красной площади, намеревался совершить террористический акт над руководителями ВКП(б) и Советского правительства путем наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов. Эту идею приписали начальнику Управления механизации и моторизации РККА, командарму 2-го ранга И.А. Халепскому.

Заполучив в свои руки такой «выигрышный» материал,

начальник особого отдела Ленинградского военного округа В.С. Никонович решил его еще более усилить. Он дал указание следователю по делу А.И. Лизюкова, чтобы тот составил протокол «покрепче» и заставил арестованного полковника подписать его. На заявление следователя, что показания Ха-лепского неправдоподобны, Никонович предложил (читай — приказал) порвать московскую выписку и заменить ее другой, в которой бы указывалось, что Лизюков и его подчиненные намеревались обстрелять Мавзолей из танковой пушки.

Версию об использовании «заговорщиками» танков для захвата власти в Москве и ликвидации там руководства ВКП(б) широко использовали следователи НКВД при допросах арестованных командиров танковых и механизированных соединений. Например, при обвинении полковника И.В. Кубинского, бывшего командира 4-й Киевской танковой бригады Резерва Главного Командования. Один из пунктов обвинения его звучал так: «Подготовка по заданию Якира (командующего войсками Киевского военного округа.— Н.Ч.) тяжелой танковой бригады к походу на Москву с целью разгрома Кремля»[7].

Каждый выход на волю после «погружения во тьму» сопровождался целым рядом драматических коллизий. Покажем это на примере трех арестованных комбригов: Корница Владислава Викентьевича — бывшего начальника штаба 14-го стрелкового корпуса, Богослова Ивана Ефремовича — начальника Борисоглебской военной школы летчиков, Мейера Алексея Петровича — начальника Сталинградской (Качинской) авиашколы.

Комбриг В.В. Корчиц был арестован 9 мая 1938 г. К этому времени уже вовсю шло «очищение» рядов Красной Армии, прежде всего ее командно-начальствующего состава, от «националов», т.е. представителей других наций и народностей, не входивших в состав СССР, тем более выходцев из стран, граничащих с Советским Союзом (поляков, финнов, латышей, литовцев, эстонцев, китайцев, корейцев и т.п.). Владислав Викентьевич Корчиц был поляком, уроженцем бывшей Гродненской губернии бывшей российской империи. Накануне Октябрьской революции он служил в старой армии в чине прапорщика. В Красную Армию поступил в августе 1919 г. Службу проходил на командных и штабных должностях. С 1930 г. состоял кандидатом в члены ВКП(б), исключен из ее рядов незадолго до ареста — в марте 1938 г. с формулировкой — «за потерю политической бдительности, сокрытие своего социального происхождения и как не внушающий политического доверия»[8].

Обвинялся В.В. Корчиц по ст.ст.54— 1«б», 54—9, 54— 11 УК

Украинской ССР. Учитывая национальность Корчица, особисты пустили его по линии ПОВ — Польской организации войсковой. Усиленное воздействие на него со стороны следствия началось уже с первого допроса. Еще 20 мая 1938 г. ему предъявили обвинение в том, что он по заданию ПОВ проводил шпионскую и диверсионную работу. А первый допрос продолжался трое суток без перерыва (27—30 мая), т.е. следователи сменяли друг друга, а подследственный все эти дни оставался без сна и отдыха. Если быть конкретнее, то Владислав Викентьевич обвинялся в том, что он с 1921 г. якобы состоял в организации ПОВ, существовавшей в частях РККА, готовил диверсионные акты, проводил вредительство в области планирования боевой подготовки подчиненных ему войск, а также передавал польской разведке секретные сведения о частях и соединениях Красной Армии.

Не выдержав физических и моральных истязаний, В.В. Корчиц признал себя виновным в инкриминируемых ему преступлениях. По его первоначальным признательным показаниям, в ПОВ он был завербован в 1921 г. Ф.А. Клышейко (в 30-х годах комдив Ф.А. Клышейко был помощником командующего войсками Приволжского военного округа по авиации). Владислав Викентьевич также показал, что по контрреволюционной работе он якобы был связан с комдивом К.Ф. Квятеком (тоже поляком по национальности) — командиром корпуса, а затем заместителем командующего войсками Харьковского военного округа.

На допросе 24 декабря 1938 г. Корчиц отказался от всех ранее данных им показаний, заявив, что все они являются вымышленными и ложными. И далее на этой позиции Владислав Викентьевич уже стоял до конца, несмотря на все попытки следователя вернуть подследственного в «лоно» первоначальных показаний. К тому же обнаружилось, что в показаниях Ф.А. Клышейко вербовщиком В.В. Корчица выступал не он, а некто Рыхлевский, обнаружить которого не удалось. Вдобавок к этому. Владислав Корчиц не проходил по показаниям К.Ф. Квятека. И еще один характерный момент — перечисляя якобы завербованных им в заговор лиц, Корчиц наряду с реально живущими назвал и ряд вымышленных.

При такой слабой доказательной базе нельзя было надеяться на успех прохождения дела в суде. Например, о шпионской и диверсионной деятельности В.В. Корчица в деле никаких материалов не было, кроме его собственноручных показаний, от которых, как было сказано, он отказался в конце декабря 1938 г. Стремясь как-то подкрепить первоначальные обвинения в адрес В.В. Корчица, следователи «организовали» составление акта

некой комиссии о его антисоветской, вредительской деятельности. Однако в этом документе, состоящем из голословных фраз о вредительстве, проводимом В.В. Кор-чицем, ничего серьезного по обвинительной части, с привлечением документов и свидетельских показаний, не было. Нельзя же, например, всерьез принимать за преступление, за деятельность антисоветского характера такой эпизод, вошедший в названный выше акт комиссии: «В мае 1937 года Кор-чиц, враг народа Виссарионов и Лойф (командир 234-го стрелкового полка. — Н. Ч.) ехали на автомашине в гор. Чугуев, где Корчиц выразил явно антисоветское мнение по вопросу о быте и жизни командного состава РККА и о ценах на продукты питания. Корчиц заявил, что “нашему командиру материально живется значительно хуже, чем старому офицерству”»[9].

Учитывая все приведенные выше обстоятельства, заместитель военного прокурора Харьковского военного округа бригадный комиссар И.Н. Николаев своим постановлением от 12 января 1940 г. дело В.В. Корчица прекратил за недоказанностью обвинения. Копии этого постановления были направлены начальнику особого отдела ХВО —• для исполнения и начальнику тюрьмы — для освобождения В.В. Корчица из-под стражи. Этого же потребовал и заместитель Главного военного прокурора диввоенюрист Н.П. Афанасьев в своей телеграмме от 14 января 1940 г. на имя начальника особого отдела округа майора госбезопасности М.Е. Ростомашвили.

Однако коса нашла на камень!.. Чекисты-особисты не собирались просто так выпускать из рук свою добычу, т.е. комбрига В.В. Корчица. 15 января 1940 г., на следующий день после получения телеграммы от Н.П. Афанасьева, в Москву за подписью Ростомашвили, в адрес Прокурора СССР М.И. Панкратьева, ушла телеграмма следующего содержания:

«Постановлением зам. прокурора ХВО 14/1—40 г. в порядке статьи 197 ч.2 УК УССР прекращено дело по обвинению Корчица Владислава Викентьевича. Корчиц В.В., 1893 г. рождения, урож. Гродненской губ. (быв. Польша), где имеет родственников, бывших офицеров царской армии. Братья Витольд расстрелян Советской властью в 1920 г., Вацлав в 1931 г. из РККА выбыл в Польшу. До ареста Корчиц за скрытие соц-происхождения, связи с братом в Польше, как не внушающий политического доверия исключен из кандидатов ВКП(б), уволен из РККА. Арестован в мае 1938 года. С 1921 года является участником контрреволюционной организации ПОВ. На следствии дал развернутые показания, изобличается двумя свидетелями.

15 октября 1938 г. лично допрашивался прокурором ХВО —

бригвоенюристом тов. Грезовым, свои показания подтвердил полностью. На последующих допросах от своих показаний отказался. По агентурным данным Корчиц антисоветски разложившийся человек. Показания Корчица считаем правдивыми.

Просим санкции на дальнейшее содержание под стражей Корчица Владислава Викентьевича.

НР 00935

Начальник 00 НКВД ХВО майор госбезопасности

Ростомашвили»[10].

Прокурор СССР М.И. Панкратьев отреагировал в пользу

В.В. Корчица, и в Харьков 21 января 1940 г. была отбита правительственная телеграмма:

«Харьков

Начальнику особого отдела ХВО Ростомашвили

Копия военному прокурору ХВО Грезову

Прокурор Союза Панкратьев приказал немедленно выполнить постановление Прокуратуры делу Корчица.

НР 14172

Главвоенпрокурор Афанасьев»[11].

Но особистам ХВО и Прокурор СССР должным авторитетом не являлся — в Харькове, что называется, «закусили удила». 1 февраля 1940 г. в особом отделе ХВО подготовили протест на постановление прокуратуры округа по делу В.В. Корчица. В нем повторялись все прежние аргументы по обвинению арестованного комбрига-поляка. Этот протест майор госбезопасности М.Е. Ростомашвили направил врид Главного военного прокурора диввоенюристу П.Ф. Гаврилову с ходатайством о пересмотре постановления, вынесенного заместителем военного прокурора ХВО И.ГГ Николаевым о прекращении дела

В.В. Корчица.

Павел Филиппович Гаврилов тоже радел за честь своего ведомства — он не стал давать обратного хода и отменять решения подчиненного.

«Сов. секретно

Начальнику особого отдела НКВД ХВО майору государственной безопасности тов. Ростомашвили г. Харьков

Направляю Вам следственное дело по обвинению Корчица Владислава Викентьевича вместе с Вашим отношением, в котором Вы просите об отмене постановления зам. военного прокурора ХВО от 12.1.1940 г.

Считаю, что постановление соответствует материалам дела, так как в предъявленном обвинении Корчица собрано доказательств недостаточно, несмотря на то что в следствии дело

находилось почти 1,5 года. Те материалы, которые имеются в деле, не дают основания направить его в суд.

Дополнительное же расследование по данному конкретному делу ничего нового не даст, что видно из Вашего же постановления от 16.8.1939 года.

Поэтому военный прокурор ХВО правильно вынес постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Корчица. Ваша просьба мною оставлена без удовлетворения.

Приложение: дело.

И.Д. Главного военного прокурора диввоенюрист (Гаврилов)»[12].

И только после этого В.В. Корчиц вышел на свободу. После восстановления в кадрах РККА он был назначен старшим преподавателем Высшей школы штабной службы, а затем Военной академии имени М.В. Фрунзе. С началом Великой Отечественной войны — командир 245-й, а с января 1942 г. — 192-й стрелковых дивизий. Несколько месяцев был заместителем командующего 34-й армией. С декабря 1942 г. по апрель 1944 г. — начальник штаба 1-й ударной армии. С мая 1944 г.— начальник штаба, а затем командующий 1-й Польской армией.

С января 1945 г. по 1953 г. — начальник Генерального штаба Войска Польского, он же вице-министр национальной обороны Польской Народной Республики. В 1953 г. окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии и был прикомандирован к Генеральному штабу Вооруженных Сил СССР. С декабря 1954 г. в отставке. Награжден орденами: Ленина, Красного Знамени (тремя). Суворова 1-й степени, Красной Звезды, высшими орденами Польши.

Умер генерал-полковник В.В. Корчиц в Москве в октябре 1966 г.

Начальника Борисоглебской военной школы летчиков комбрига И.Е. Богослова арестовали в ночь с 18 на 19 марта 1938 г. в Москве, где он был на сборах начальников авиашкол (училищ). В начале апреля того же года его перевели в тюрьму г. Воронежа (Борисоглебск был районным центром Воронежской области). Как в Москве, так и в Воронеже Богослов подвергался усиленным допросам. Спустя четыре месяца его из Воронежа перевели в Сталинградскую тюрьму, где и состоялось основное следствие. Почему в Сталинград? Все объясняется просто: с ноября 1932 г. по декабрь 1935 г. Иван Ефремович Богослов был начальником Сталинградской (Качинской) авиационной школы. Исходя из этого факта, чекисты и включили его в состав местной заговорщической организации.

Краткие сведения о биографии И.Е. Богослова. Родился он в 1898 г. в Белоруссии, в селе Долгий Мох Чаусского уезда, в крестьянской семье. По национальности — белорус. Получил образование; общее — среднее, военное — высшее. В старой армии служил мотористом в авиационной части. В Красной

Армии — со дня ее существования, был мотористом в авиачастях. С 1920 г. — член ВКП(б), исключен из нее в связи с арестом в 1938 г. Имел брата — Алексея, штабс-капитана старой армии, арестованного в 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу польской разведки. После Гражданской войны окончил военную школу летчиков. До 1925 г. служил летчиком во 2-й истребительной авиаэскадрилье. С мая 1925 г. по май 1926 г. — старший летчик 3-й истребительной авиаэскадрильи (г. Киев). Воевал с басмачами в Средней Азии. Затем командовал эскадрильей, был начальником авиационных школ. В 1936 г. учился и окончил оперативный факультет Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского. В командование Борисоглебской авиашколой вступил 25 февраля 1937 г. За успехи в боевой подготовке награжден тремя орденами (союзными — Красного Знамени и Красной Звезды, а также орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР). По состоянию на 1939 г. имел четырех детей, старшему из которых было пятнадцать, а младшей дочери Сталине — два года.

Арестованный комбриг И.Е. Богослов содержался во внутренней тюрьме УНКВД по Сталинградской области. Он обвинялся в принадлежности к военно-фашистскому заговору, в который якобы был завербован начальником ВВС РККА Я.И. Алкснисом в бытность свою начальником Сталинградской (Качинской) военной школы летчиков. Обвинялся Богослов также в установлении связи с руководством правотроцкистской организации в Сталинграде, вербовке в военный заговор военнослужащих руководимой им школы, передаче польской разведке данных о ВВС Красной Армии. Следователи, используя физические пытки, добивались признания в том, что заговорщики ставили своей целью подготовку вооруженного восстания и свержение Советской власти. Для этого Богослов якобы на все ответственные участки в училище ставил членов своей контрреволюционной организации, выходцев из социально чуждой среды.

Некоторое представление о том режиме, который был создан «заговорщику» И.Е. Богослову в Сталинградской внутренней тюрьме, дает приводимая ниже справка о его вызовах на допросы в период с 19 июня 1938 г. по 31 июля 1939 г., подписанная начальником тюрьмы. Случается, что за этот период Богослова

допрашивали 65 раз и эти допросы сопровождались жестокими побоями, шантажом, провокациями и т.п. Особенно усердствовал при этом следователь Бледных[13].

Начальнику Управления НКВД по Сталинградской области майору государственной безопасности тов. Воронину

СПРАВКА

о вызове на допрос следственно-заключенного Богослова Ивана Ефремовича

Фамилия вызывающего	Отдел	№ кабинета	Время вызова на допрос			Время прибытия с допроса		
			М-ц и число	Час	Мин.	М-ц и число	Час	Мин.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Куликов	5	60	19/VI-38	11	25	26/VI-38	1	30
Филиппов	5	133	2/VIII-38	12	35	2/VIII-38	16	20
Филиппов	5	133	2/VIII-38	23	10	3/VIII-38	1	50
Филиппов	5	133	3/VIII-38	11	45	3/VIII-38	16	—
Филиппов	5	133	3/VIII-38	22	50	4/VIII-38	3	15
Филиппов	5	133	4/VIII-38	11	40	4/VIII-38	16	10
Филиппов	5	133	5/VIII-38	—	48	5/VIII-38	2	10
Бледных	5	133	5/VIII-38	23	20	6/VIII-38	3	25
Бледных	5	133	7/VIII-38	13	10	7/VIII-38	15	20
Бледных	5	133	8/VIII-38	13	—	8/VIII-38	16	30
Бледных	5	133	9/VIII-38	—	30	9/VIII-38	4	—
Бледных	5	133	9/VIII-38	12	40	9/VIII-38	16	10
Бледных	5	133	9/VIII-38	22	55	10/VIII-38	2	10
Бледных	5	133	10/VIII-38	13	52	10/VIII-38	16	—
Куликов	5	137	10/VIII-38	23	05	11/VIII-38	2	45
Куликов	5	137	11/VIII-38	12	30	11/VIII-38	15	40
Куликов	5	137	11/VIII-38	22	35	12/VIII-38	3	20
Бледных	5	133	14/VIII-38	—	40	14/VIII-38	5	05

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Куликов	5	137	14/VIII-38	12	30	14/VIII-38	15	50
Куликов	5	133	14/VIII-38	22	25	15/VIII-38	1	50
Бледных	5	133	15/VIII-38	13	50	15/VIII-38	18	30
Куликов	5	137	15/VIII-38	23	20	16/VIII-38	4	10
Куликов	5	133	31/VIII-38	13	10	31/VIII-38	14	40
Ивкер (Упр. НКВД СССР)	5	138	31/VIII-38	22	40	1/IX-38	—	25
Куликов	5	133	2/IX-38	23	35	2/IX-38	24	—
Куликов	5	133	10/IX-36	—	20	10/IX-38	4	25
Куликов	5	133	10/IX-38	12	20	10/IX-38	17	10
Куликов	5	133	10/IX-38	22	—	10/IX-38	23	05
Бледных	5	133	17/X-38	—	15	17/X-38	4	40
Дашутин	5	137	21/X-38	—	45	21/X-38	5	40
Дашутин	5	137	22/X-38	—	20	22/X-38	4	45
Дашутин	00	137	22/X-38	12	55	22/X-38	16	50
Дашутин	00	137	22/X-38	21	40	23/X-38	5	15
Дашутин	00	137	29/X-38	22	30	30/X-38	3	—
Дашутин	00	137	31/X-38	23	10	1/XI-38	5	—
Дашутин	00	137	2/XI-38	—	20	2/XI-38	4	50
Бледных	00	133	28/XI-38	15	15	28/XI-38	16	—
Бледных	00	133	7/I-38	14	—	7/I-39	16	25
Бледных	00	133	9/I-39	23	55	10/I-39	4	45
Бледных	00	133	14/I-39	13	15	14/I-39	16	20
Бледных	00	136	23/I-39	13	15	23/I-39	16	05
Куликов	00	136	3/II-39	12	45	3/II-39	16	15
Куликов	00	136	3/II-39	22	40	4/II-39	3	—
Куликов	00	136	4/II-39	12	25	4/II-39	16	30
Куликов	00	136	4/II-39	22	50	5/II-39	3	05
Куликов	00	133	5/II-39	12	25	5/II-39	15	15
Бледных	00	137	19/II-39	22	20	20/II-39	—	45
Дашутин	00	137	20/II-39	15	—	20/II-39	17	—
Дашутин	00	133	20/II-39	22	50	21/II-39	2	10
Бледных	00	133	21/II-39	12	20	21/II-39	16	30
Бледных	00	133	22/II-39	—	10	22/II-39	3	25
Бледных	00	133	22/II-39	14	50	22/II-39	17	40
Бледных	00	133	23/II-39	3	—	23/II-39	7	—
Бледных	00	133	3/III-39	15	30	3/III-39	17	10
Бледных	00	133	5/III-39	13	—	5/III-39	15	05
Бледных	00	133	7/III-39	21	15	7/III-39	23	50
Бледных	00	133	8/III-39	1	10	8/III-39	2	—
Бледных	00	133	8/III-39	14	35	8/III-39	17	10
Бледных	00	133	10/III-39	1	45	10/III-39	2	50
Бледных	00	133	10/III-39	15	45	10/III-39	17	—
Бледных	00	133	11/III-39	—	35	11/III-39	3	—
Бледных	00	133	11/III-39	13	25	11/III-39	15	55
Бледных	00	133	13/III-39	23	—	13/III-39	23	45
Бледных	00	133	28/III-39	13	45	28/III-39	15	20
Белугин	00	137	31/VII-39	10	15	31/VII-39	11	20

Нач-к тюрьмы УГБ УНКВД Сталобласти
Мл. Лейтенант Гос. Безоп. (Киселев)
9/VIII-39 г.».

В первые месяцы после ареста массированной атакой следователи сумели сломить сопротивление Ивана Богослова и получить от него нужные им показания о его так называемой контрреволюционной деятельности. Однако пройдет немного времени и Богослов сможет найти в себе силы отказаться от ранее

данных им показаний как от вымышленных и добытых под физическим воздействием. Примером тому служит его первый допрос, продолжавшийся непрерывно в течение недели. Но тогда испытание на выносливость комбриг Богослов выдержал. Что было с ним дальше, видно из приведенной выше справки о вызовах его на допросы в 1938—1939 гг., а также из содержания жалоб и заявлений Ивана Ефремовича в различные высокие инстанции. Приведем одну из таких жалоб, адресованную Л.П. Берии[14].

«Народному Комиссару Внутренних Дел СССР от подследственного внутренней тюрьмы УНКВД по Сталинградской области б(ывшего) н-ка военной школы летчи-ков-истребителей комбрига Богослова Ивана Ефремовича. 4 апреля 1939 г.

ЖАЛОБА

В августе месяце 1938 года я написал заявление об отказе от данных мною в конце июля и начале августа п/г (прошлого года. — Н.Ч.) показаний, потому что они были вымышлены и написаны под подсказывание и диктовку избивавших меня с 13 по 24 июля п/г следователей: н-ка А.О. отделения Бледных и Хлюманова. Меня в течение двух шестидневок били каждый день кулаками и пороли нагайкой и палкой. Не видя конца этим пыткам и выхода я стал писать что от меня требовали, клевеща на себя и знакомых по их указам. После первого перерыва этого допроса и отдыха в несколько дней (допрос закончен не был и протокол не подписан) я отказался от данных показаний и передал об этом письменное заявление лично Бледных в присутствии его заместителя Куликова. 31 августа я был допрошен двумя представителями НКВД, прибывшими из Москвы, фамилии их не знаю, но по знакам различия — один был в звании ст(аршего) лейтенанта, другой — капитана ГУГБ НКВД. В руках у них было мое заявление и я, вторично подтвердив его, указал мотивы отказа. Им я указал, что следствие ведется пристрастно и избивали меня из личной мести Бледных за то, что он был снят в 1934 году с должности оперуполномоченного НКВД при Сталинградской школе летчиков и уволен из ГУГБ, где я в то время был начальником названной школы. Свою злобу и месть следователь... (далее текст неразборчив из-за ветхости бумаги. — Н.Ч.). В этом причина написанных на меня клеветниками показаний и моего ареста. Я перед своей родиной и ВКП(б), в которой я пробыл 19 лет, не имея ни одного взыскания, не виновен и им предан. Вступив добровольно с первых дней Октябрьской Революции в РККА,

прослужил в ней 20 лет, из солдата старой армии дорос до комбрига РККА, награжден тремя орденами и имею четверых детей, двоих из которых я назвал в честь вождей народов: Ленина — Нинель и Сталина — Сталиной. Сейчас гибнут мои дети, опозорен, избит и выпорот и я из клеветы и мести.

Я подписал протокол об окончании следствия, и при ознакомлении с следделом моего заявления об отказе от показаний в деле не оказалось и на мою запись в протоколе о приложении его к делу гр. Бледных написано постановление с указанием, что такого заявления от меня он не получал. Я поэтому, излагая жалобу на методы ведения моего следственного дела прошу расследования об избиении меня при допросах и уничтожении поданной мной об отказе от показаний заявления. Одновременно передаю Вам жалобу на администрацию внутренней тюрьмы УНКВД по Сталинградской области за то, что в июне месяце 1938 года я был посажен в карцер без указания моего проступка и дежурным надзирателем был написан ложный рапорт о том, что я якобы при умывании пил сырую мыльную воду. С этой жалобой я обращался к нач. тюрьмы, но через его помощника получил ответ, что в карцер я посажен по распоряжению нач. УНКВД, а за что не знают, в расследовании ложного рапорта дежурного о мыльной воде отказано. Эту жалобу я передавал словесно прокурору УНКВД Купцову, который от разрешения ее отказался и предложил написать жалобу областному прокурору.

Прошу Вас мою жалобу разобрать.

И. Богослов 4.4.39».

Разумеется, нарком Л.П. Берия этой жалобы (да и других тоже!) не читал — она просто «осела» в деле надзорного производства Главной военной прокуратуры. Нет на ней никаких резолюций руководящих работников, как нет и других пометок, кроме «Снять копию». Итак, жалоба арестованного комбрига И.Е. Богослова оказалась не чем иным, как криком вопиющего в пустыне.

Дело по обвинению И.Е. Богослова было групповым, т.е. по нему проходили и другие обвиняемые. В их числе были и сменщик Богослова на посту начальника Сталинградской авиашколы комбриг А.П. Мейер, а также начальник политического отдела той же школы бригадный комиссар М.А. Старостин.

Мейер Алексей Петрович родился в 1896 г. на острове Эзель в пригороде г. Аренсбурга в семье сторожа на пристани. Обучался в гимназии. Он хотел стать учителем. В 1915 г., при наступлении немцев, семья была вынуждена выехать в центральные районы

России. В 1916 г. был призван на флот, служил матросом во 2-м Балтийском флотском экипаже. В апреле 1917 г. окончил 6-месячный курс (теоретический) морской авиации и был направлен для обучения полетам в Бакинскую школу морской авиации, которой фактически не окончил. Военным летчиком стал в 1921 г. после окончания авиашколы в г. Самаре. В РККА с 1918 г., член ВКП(б) с 1920 г. В начале 30-х годов был начальником Энгельсской авиашколы, с 1935 г. — Сталинградской военной школы летчиков. 19 апреля 1938 г. из РККА уволен по политическому недоверию, а спустя неделю был арестован (27 апреля). Из партии Мейера исключили по тому же мотиву еще раньше — 20 февраля 1938 г.

Комбриг А.П. Мейер обвинялся в том, что он якобы состоял в военном заговоре, в который был завербован в 1932 г. начальником ВВС РККА Яковом Алкснисом. Тогда Мейер занимал должность начальника авиационной школы в г. Энгельсе. Обвинялся он в том, что, будучи начальником этой школы, создал в ней филиал военно-фашистского заговора, завербовав в него лиц из числа начальствующего состава школы. А также в том, что был связан с руководителями националистической немецкой организации (Энгельс — центр немецкой автономии в СССР. — Н.Ч.), которым передавал секретные сведения о состоянии военной авиации. Еще один пункт обвинения гласил, что после назначения начальником Сталинградской авиашколы в конце 1935 г. и убытия И.Е. Богослова комбриг Мейер стал руководителем военно-заговорщической организации этой школы.

Обвинялся Алексей Петрович и в том, что он якобы скрыл свою настоящую национальность и что на самом деле он немец, а не эстонец, а посему тяготел к шпионской деятельности в пользу Германии. Были выдвинуты и обвинения в проведении вредительства как в Энгельсской, так и в Сталинградской авиашколах. На предварительном следствии после серии допросов с пристрастием А.П. Мейер «сознался» в совершении инкриминируемых ему преступлений. Затем он от всего этого отказался. Публикуемое ниже заявление Алексея Петровича дает представление о том, как фабриковались подобные дела и как невиновных людей «делали» заговорщиками, вредителями и шпионами[15].

«ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВКП(б)

ТОВ. СТАЛИНУ И.В.

от подследственно-заключенного в Сталинградской тюрьме НКВД Мейер Алексея Петровича, быв. нач. и военкома авиаучилища

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уже 22 месяца как я оторван от созидательного труда и нахожусь как подследственный в тюрьме. Несмотря на ряд обстоятельных моих заявлений на имя прокуроров, а также Наркома Обороны тов. Ворошилова К.Е., где я просил о разборе (следствии) по существу предъявленных мне обвинений, я до сих пор не получил даже ответа, что хоть одно из моих заявлений получено и ему дан законный ход. Сейчас моей надеждой на установление правды и истины в моем деле является получение ответа на это заявление.

Я честно и со всей ответственностью заявляю, что я никогда ни в какой связи с врагами народа не был, никогда никаких проступков, тем более государственных преступлений не делал. Ошибка моего ареста и обвинения объясняется следующим: после исключения из партии и отстранения от должности нач. политотдела училища Старостина представителем ПУОКР (политического управления округа. — Я. Ч.) СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — Я. Ч.) был дан сигнал — “Старостина исключили, теперь надо взяться и за Мейера, у него фамилия подозрительная”. Общее партсобрание 1-й эскадрильи (где я состоял) 2 дня разбирало мое дело, ничего антипартийного не было найдено, но собрание постановило партру-ководителей и работников политотдела, поднявших на меня клевету привлечь к ответственности. Вместо разбора фактов клеветы эти руководители на парткомиссии училища исключили меня из партии, на что я подал апелляцию в парткомис-сию СКВО. Я лично 2 раза был в г. Ростове у члена Военного Совета т. Зимина, который командировал для разбора на месте моей жалобы военкома из Ростов(ского) Артиллерийского) училища (фамилию не помню). 20 февраля 1938 г. дело разбиралось на Округ(ной) Парт(ийной) Комиссии и я был уверен, что все обвинения против меня отпали. 31.III.38 я получаю решение этой Комиссии, где приведены новые, необоснованные факты моей виновности и я исключаюсь из партии. Мне стало ясно, что это решение было результатом клеветы и травли со стороны ряда карьеристов, пробравшихся к руководству в училище, а также работника Особого Отдела Сталинград(ского) НКВД Бледных. 3.1У.38я отправил апелляцию в Партком(иссию) ПУРККА, но не дождавшись вызова — был арестован (27.IV.38).

Здесь в тюрьме, когда ко мне следователем Бледных были применены бесчеловечные меры физич. и психич. воздействия я на 11-й день непрерывного допроса, когда не стало никаких больше сил, когда ко мне вынуждены были вызвать медицинскую)

помощь, я подписал ложные на себя и на др(угих) лиц “показания”, составленные следователем Бледных и нач(альником) Особ(ого) Отдела Маевским.

Впоследствии эти показания были подкреплены очными ставками со стороны арестованных моих подчиненных: белогвардейским офицером Лебедевым, быв(шим) троцкистом Кузнецовым, офицерами царской армии дворянами Романовым и Пономаревым. Все они показали, что от разных лиц слышали о моей принадлежности к к.р. (контрреволюционной. — Я. Ч.) организации. Несмотря на мои требования о дальнейшем разборе клеветнических и ложных показаний на меня — ничего не сделано. В последних числах августа 1939 г. комиссия НКВД во главе с капитаном гос(ударственной) безопасности) (фамилию не знаю) обещали начать новое дело для проверки моего заявления о своей невиновности и созданного на предварительном следствии на меня ложного материала обвинения. 9—10 декабря 1938 г. тем же следователем Бледных был составлен протокол допроса об обстоятельствах подписи мною в мае 1938 года ложного протокола; я полагал, что с этого начнется действительное установление правды, но 5—7.11.39 г. мне объявили, что следствие закончено и дело передается в Воен(ный) триб(унал) СКВО. Прошло уже больше года, но ни одного вызова по моему делу не было.

У меня нет уже никаких физич. и психич. сил переносить условия тюрьмы, будучи ни в чем не виновным.

Я обращаюсь со скромной просьбой в ЦК Партии и к Вам, наш дорогой вождь тов. Сталин — помогите ускорить разбор моего дела, помогите разобрать клевету и исправить произошедшую ошибку.

Я сын бедного крестьянина с острова Эзель. Отец всю жизнь был сторожем в порту и в 1916 г. умер. Половина моей семьи там от нужды и туберкулеза вымерла. А в начале 1915 г. как беженец очутился я в Калуж. и Орлов(ской) губерниях; в 1916 г. будучи 21г., на свои заработки сумел закончить сред(нее) образование, но тут же был призван матросом во флот. В 1917 г. после Курсов получил чин прапорщика. В РККА непрерывно с 1918 г. Жена моя, дочь крестьянки Москов(ской) обл., была участницей гражд(анской) войны, сестрой в РККА до 1920 г. В партии с 1920 г. Никогда к парт(ийной) ответственности не привлекался. Были ошибки в служеб(ной) деятельности, за (них) имею несколько выговоров от своих нач-ков. Всю свою жизнь, здоровье и способности я посвятил делу службы Обороне СССР и эту работу выполнял всегда честно, самоотверженно. Никогда не пасовал перед трудностями; в тяжелых условиях жизни на новостройке я

потерял двух детей, жена была при смерти от заражения крови в больнице. Но от порученной работы я не отказывался. В 1935 г. я отлично закончил опер, факультет) Возд(ушной) Академии и после этого и особенно после награждения меня орденом — я всецело отдавался делу выращивания молодых летчиков.

Я, будучи делегатом VIII Чрезв(ычайного) Съезда Советов, имел счастье слушать Вас, тов. Сталин об исторических победах нашей партии, нашего сов(етского) народа, о добытой счастливой, свободной жизни в СССР.

В марте 1938 г. (за месяц до моего ареста) я был на авиационном) совещании в Кремле, где Вы, тов. Сталин, исправляли ошибки больших и малых руководителей ВВС. Я имел незабываемое счастье тогда ответить Вам лично на Ваш вопрос о дефектах скоростных истребителей. Вы указали на этом совещании, что о людях надо судить по их делам. О многих др(угих) задачах ВВС Вы указали тогда нам.

Тов. Сталин! У меня нет слов, чтобы выразить свою душевную боль, обиду из-за происшедшей ошибки со мною.

Меня партия воспитала и из крестьянского парня нацмена я вырос в комбрига. Я и моя семья большего счастья и видеть не мечтали, чем мы имели.

Я прошу помочь развеять клевету, установить правду и дать мне возможность вернуться к свободному труду там, где это укажет Сов(етская) власть.

Мейер».

Данное заявление было написано А.П. Мейером в феврале 1940 г. И на этом заявлении нет никаких резолюций и пометок руководящих деятелей партии, правительства и государства, Прокуратуры СССР и Главной военной прокуратуры. Имеются только штампы о регистрации его в Прокуратуре СССР. И больше ничего!..

По данному групповому делу проходил и бригадный комиссар Старостин Михаил Алексеевич, начальник политотдела Сталинградского военного училища летчиков. В должности он находился с апреля 1935 г. А до этого Старостин был начальником политотдела Вольской авиашколы, где и был, по версии следствия, завербован в 1933 г. в военный заговор начальником политического управления Приволжского военного округа А.И. Мезисом.

Родился М.А. Старостин в 1900 г. в селе Коковкино Осташковского уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Службу в РККА проходил на должностях политсостава. В 1932 г. окончил Военно-политическую академию имени Н.Г. Толмачева. Член ВКП(б) с 1919 г., исключен из ее рядов в ноябре 1937 г. с

формулировкой «за связь с врагами народа, потерю классовой бдительности и развал политработы». Аресту подвергся 13 апреля (по другим данным — 27 апреля) 1938 г.

Обвинялся Михаил Алексеевич в том, что он являлся активным участником военно-фашистского заговора и по заданию А.И. Мезиса, будучи начальником политотдела Вольской авиатехнической школы, организовал в ней филиал военно-фашистского заговора, в который завербовал ряд лиц из начсостава школы. В 1935 г., будучи переведен из Вольской в Сталинградскую авиашколу, установил связь с И.Е. Богословом, а затем с А.П. Мейером. Вместе с ними Старостин якобы готовил вооруженное восстание против Советской власти.

Виновным себя М.А. Старостин на предварительном следствии сначала признал, но затем он от этих своих показаний отказался.

Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа 28 апреля 1940 г. все девять человек, проходившие по групповому делу, в том числе И.Е. Богослов, А.П. Мейер и М.А. Старостин, были по суду оправданы. Суд признал, что предъявленные им обвинения не доказаны. Названные выше лица 14 мая 1940 г. из-под стражи были освобождены.

Как известно, накануне процесса над «группой Тухачевского» с лицами, проходившими по нему, беседовал ответственный сотрудник Главной военной прокуратуры. Фамилия этого «чина» была Субоцкий Лев Матвеевич, а занимаемая должность — начальник 4-го отдела Главной военной прокуратуры, он же помощник Главного военного прокурора. Воинское звание Л.М. Субоцкого — диввоенюрист. Военный прокурор Субоцкий, призванный по определению стоять на страже соблюдения законов и законности в Красной Армии, конечно же, много знал о «механизме» подготовки процесса над маршалом М.Н. Тухачевским и его подельниками. Однако он ничего не сделал (не смог? не сумел? не захотел?), чтобы устранить грубые нарушения законности в действиях следственных органов НКВД, ибо знал, что подготовку этого процесса курируют Н.И. Ежов и сам И.В. Сталин.

И даже позиция такого невмешательства не смогла стать «охранной грамотой» — вскоре пришел черед и самого Л.М. Субоцкого. Его арестовали 26 сентября 1937 г., т.е. через три с половиной месяца после суда над группой Тухачевского. Обвинялся Лев Матвеевич в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58— 1«б», 58—8, 58—11 УК РСФСР, т.е. в измене Родине в форме шпионажа, выдачи военной тайны, совершении террористических актов и организационной

деятельности, направленной на свержение существующего строя, т.е. Советской власти. Вменили ему в вину и причастность к партии эсеров, начиная с 1917 г.

В обвинительном заключении по делу Л.М. Субоцкого, утвержденном Прокурором СССР А.Я. Вышинским, в частности, говорилось, что обвиняемый «...с 1934 года являлся участником антисоветской эсеровской организации. С 1935 года являлся участником антисоветского террористического заговора, ставившего своей целью свержение Советской власти»[16].

До июня 1937 г. репутация военного прокурора Л.М. Субоцкого была безупречной. А все неприятности начались с 11 июня 1937 г. (день суда над группой М.Н. Тухачевского), когда в Севастополе был арестован его родной брат — Михаил Матвеевич Субоцкий, бригадный комиссар, начальник политотдела бригады крейсеров Черноморского флота. Последний, как участник троцкистского заговора, был обвинен в проведении вредительской линии, направленной на подрыв политического обеспечения боевой подготовки в бригаде, на сохранение в партии и на флоте троцкистских кадров. Поводом для такого обвинения послужило то, что в 1917 г. Михаил Субоцкий в течение четырех месяцев состоял в партии эсеров.

Еще одна примечательная деталь — военный прокурор Черноморского флота бригвоенюрист П.С. Войтеко отправил сообщение о раскрытии «заговора» на флоте не своему непосредственному начальнику Н.С. Розовскому (Главному военному прокурору РККА), а напрямую в Прокуратуру СССР. Приходится только догадываться о причинах такого поступка. Возможно, что Войтеко опасался определенного противодействия и нейтрализующих мер со стороны брата арестованного, т.е. помощника Главного военного прокурора диввое-нюриста Л.М. Субоцкого. Этого, разумеется, исключить было нельзя, тем более, что Лев и Михаил являлись не просто братьями, а братьями-близнецами. Это во-первых. А во-вторых, важным фактором было то, что Михаил Субоцкий до недавнего времени сам был не последней фигурой в системе военной прокуратуры. Там он являлся первым военным прокурором Московского гарнизона, и у него сохранились хорошие и прочные связи со многими своими прежними сослуживцами, возможность вмешательства которых нельзя было исключить.

Действительно, узнав о поступившем в Прокуратуру СССР сообщении о разоблачении на Черноморском флоте «заговорщиков», среди которых фигурировал и его брат-близнец, Лев Матвеевич немедленно обратился к Главному военному прокурору Н.С. Розовскому с просьбой назначить проверку

указанного сообщения, ибо совершенно уверен в абсолютной честности брата. Зная методы работы следственных органов НКВД, Лев Матвеевич реально оценивал создавшуюся обстановку и предугадывал, что арест брата послужит причиной усиленного внимания и к нему со стороны сотрудников госбезопасности.

По поручению Главного военного прокурора в Севастополь выезжала военный юрист 1-го ранга С. Ульянова — единственная в ГВП женщина, занимавшая пост начальника одного из ее отделов. Среди коллег она была известна как рьяный борец с врагами народа, и эту ее «рьяность» неоднократно отмечал Прокурор СССР А.Я. Вышинский. Изучив материалы уголовного дела, по которому проходили «заговорщики» — политработники Черноморского флота И.А. Мустафин (заместитель начальника политуправления флота, дивизионный комиссар) и М.М. Субоцкий (начальник политотдела бригады крейсеров, бригадный комиссар), Ульянова установила, что оба они арестованы по распоряжению наркома внутренних дел Крымской АССР Т.Н. Лордкипанидзе. При этом крымские чекисты даже не поставили в известность особый отдел флота и не получили санкции военного прокурора.

Льву Матвеевичу удалось узнать и содержание справки, подготовленной С. Ульяновой на имя Вышинского. В этой справке, в частности, говорилось, что «...Субоцкий (Михаил Матвеевич. — Н.Ч.) обвиняется в том, что, работая в Политуправлении РККА, был связан с врагами народа троцкистами Гамарником[17] и Осепяном[18]. Действительно, во время работы в Политуправлении РККА там же работали Гамарник и Осепян.

Данных о личной связи Субоцкого с названными лицами пока не предъявлено. На основании изложенного, я считаю, что достаточных оснований для ареста Мустафина, а тем более Субоцкого не было. Я полагала бы целесообразным установить срок проверки виновности Мустафина и Субоцкого двухдекадным сроком и, если не будет собрано дополнительных данных, разрешить вопрос об их освобождении из-под стражи»[19].

Чего уже больше — Главная военная прокуратура ставит вопрос об освобождении арестованного военнослужащего. Какие тут могут быть сомнения в его виновности!.. Однако, как видим, и ГВП была не всесильна, и ее голос не всегда должным образом учитывался. Данный пример с крупными политработниками Черноморского флота И.А. Мустафиным и М.М. Субоцким наглядно показывает это. Следствие по данному делу продолжалось целый год, и перед судом Военной коллегии Субоцкий предстал 16 июня 1938 г. (Мустафин двумя месяцами

раньше — 18 апреля 1938 г.). Приговор как тому, так и другому был одинаков — расстрел с конфискацией имущества и лишением присвоенного им воинского звания.

И хотя имени помощника Главного военного прокурора диввоенюриста Л.М. Субоцкого ни в одном из документов или в показаниях по делу брата не упоминалось, самому Льву Матвеевичу со дня ареста Михаила уже не было покоя. Дни пребывания его на свободе были сочтены. В середине сентября 1937 г. на имя Н.И. Ежова, наркома внутренних дел СССР, сотрудники Особого отдела подготовили справку, в которой говорилось, что Л.М. Субоцкий является участником антисоветского военного заговора. Это утверждение базировалось на показаниях арестованных: дивизионного комиссара В.С. Винокурова — начальника политотдела Амурской военной флотилии (до назначения на эту должность он был начальником отдела кадров Политуправления РККА) и полкового комиссара В.М. Берлина — заместителя начальника агитационнопропагандистского отдела Политуправления РККА. В своих показаниях Винокуров и Берлин среди участников военного заговора назвали и Л.М. Субоцкого. Как вывод, в этой справке содержалось предложение арестовать этого заговорщика.

Прошло всего десять дней, и за Львом Матвеевичем пришли, чтобы поместить его в Лефортовскую тюрьму. Выходит, что его арестовали всего лишь по указанной выше справке, ибо постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения появится только через семь с половиной хмесяцев. Обратившись к данному постановлению, видим, что следователь Особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности Гринберг посчитал, что «...Субоцкий Лев Матвеевич, 1900 г. рождения, уроженец г. Рязани, образование среднее, достаточно изобличается в том, что является участником военной левоэсеровской организации, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и метод борьбы высказывался за индивидуальный террор»[20] (так в документе. — Н.Ч.).

Как уже сказано, Л.М. Субоцкого обвиняли в принадлежности к эсеровской организации. В частности, об этой организации шел разговор уже на первом допросе.

«Вопрос: Примыкали ли вы к антисоветским группировкам?

Ответ: Нет, к антисоветским группировкам я никогда не примыкал.

Вопрос: А в партии левых эсеров вы состояли?

Ответ: Нет, я только в 1917 году в мае-июне в городе Сызрани работал в эсеровской газете «Земля и воля» в качестве репортера,

но членом партии левых эсеров я никогда не состоял.

Вопрос: Когда вы порвали с работой в эсеровской печати?

Ответ: В августе-сентябре 1917 года я уже работал в газете «Известия Сызранского Совета рабочих и крестьянских депутатов»[21].

Состоять в партии левых эсеров и работать в районной газете, имевшей эсеровскую направленность, в качестве начинающего журналиста (Льву Субоцкому в то время было всего 17 лет) — согласитесь, что это далеко не одно и то же. Но следователю 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР так хотелось обвинить Субоцкого в членстве другой партии, не согласной с курсом ВКП(б), пусть даже давно уже распущенной. Хотя Льву Субоцкому от этого было нисколько не легче — ему приходилось доказывать, что белое — это белое, а не черное.

В собственноручных показаниях он писал: «Я никогда не был участником антисоветской эсеровской организации. Мое отношение к эсерам начало формироваться в 17 лет. Однако детское восхищение “революционной” деятельностью первых народовольцев выветрилось без следа и никакого влияния впоследствии не имело — я активно боролся с эсеровской, меньшевистской и иной контрреволюцией...»[22]

Кратко скажем о том, чем Л.М. Субоцкий занимался в годы Гражданской войны и после нее. Как уже говорилось, в августе 1917 г. он порвал с левоэсеровской газетой и стал работать в большевистской газете «Известия Сызранского Совета». В феврале 1919 г. молодой Лев связал свою жизнь с Красной Армией. Грамотного и энергичного красноармейца быстро заметили и избрали его секретарем партийной ячейки подразделения. Прошло несколько месяцев, и Лев Субоцкий — комиссар 1-го Сызранского конного отряда. Причем одновременно он редактирует газету «Рабоче-крестьянское знамя» и активно сотрудничает в «Известиях Сызранского Совета».

Некоторое время Субоцкий работает в органах ЧК — с апреля 1920 г. уполномоченным, а затем следователем-доклад-чиком и постоянным государственным обвинителем выездной сессии Симбирского губернского ревтрибунала. С ноября 1920 г. по март 1921 г. он работает секретарем Сызранского уездного комитета партии, одновременно заведуя агитационно-пропагандистским отделом и состоя членом коллегии отдела народного образования. В феврале 1921 г. Симбирская губернская партийная организация избрала Л.М. Субоцкого делегатом на X съезд РКП(б). Вместе с другими делегатами он участвует в подавлении мятежа в Кронштадте в марте 1921 г., за что был удостоен ордена Красного Знамени. В соответствующем приказе Реввоенсовета

Республики говорится, что Л.М. Субоцкий, «...участвуя в штурме фортов и Кронштадтской крепости, личной храбростью и примером вдохновлял красных бойцов, чем способствовал подавлению мятежа».

После возвращения со съезда Лев Матвеевич некоторое время служит в военном трибунале Приволжского военного округа. В 1923 г. он окончательно связывает свою жизнь с органами военной юстиции, занимая должности помощника военного прокурора Московского, а затем старшего помощника военного прокурора Белорусского и Ленинградского военных округов. В 1931 —1933 гг. Л.М. Субоцкий — помощник прокурора Верховного Суда СССР по военной прокуратуре (так тогда называлась должность Главного военного прокурора). В сентябре 1933 г. приказом Прокурора СССР он назначается начальником 4-го отдела ГВП — помощником Главного военного прокурора. В данной должности Лев Матвеевич находился вплоть до своего ареста в сентябре 1937 г.

Внимательный читатель вышеприведенной биографической справки заметит, что с юных лет Лев Субоцкий, состоя на какой-то основной должности, одновременно исполнял несколько других, причем с высоким качеством и эффективностью. То же самое можно сказать и о 30-х годах. Несмотря на большую загруженность по работе в Главной военной прокуратуре. Лев Матвеевич, будучи членом Союза советских писателей, в 1934—1935 гг. являлся заведующим отделом литературы и искусства органа ЦК ВКП(б) — газеты «Правда», а в 1935—1936 гг. — главным редактором «Литературной газеты».

Однако вернемся к собственноручным показаниям Л.М. Субоцкого. Он пишет, что «...показания Берлина и Винокурова — лживы. Никого из них я не знал сколько-нибудь близко, никогда не был в дружбе с ними, встречался случайно, а последние три года (после отъезда из Москвы брата Михаила) совсем никакой связи с ними не имел. Показания их противоречат фактам: я не был ни на какой встрече Нового 1934 года с Берлиным, ибо был в это время в командировке с Орловским и Камероном в Средней Азии... Никогда я не чувствовал и не выражал недовольства тем, что мне не доверяют (см. показания Винокурова), ибо как раз в эти годы партия доверяла мне ответственнейшие работы в Союзе писателей, назначала меня редактором центральной газеты, в прокуратуре мне доверили руководство большой самостоятельной работой с войсками и органами НКВД, где руководство (комкор Фриновский) всегда оказывало мне доверие. Разговор с Берлиным о терроре начисто выдуман, он нелеп и по обстановке (в столовой, среди десятков людей) и по содержанию.

Говорить весной 1934 г. с Винокуровым о “защите мною людей от НКВД” я не мог, никакого отношения к надзору за следствием я тогда не имел. Работа моя вполне удовлетворяла меня, была многообразна, ответственна, почетна. Какие же могли у меня быть настроения, которые толкали бы меня в лагерь врагов?.. С 18 лет я идейно связан с партией, был и остаюсь честным коммунистом. Почему же верят клевете, не подтвержденной ни одним фактом. Винокуров и Берлин клеветали на меня. Утверждая, что я и троцкист, и заговорщик, и участник белогвардейского мятежа — ведь все это явная ложь, и я могу указать десятки людей, которые знают мою жизнь и работу по годам, месяцам. Я прошу НКВД и советский суд объективно разобраться, проверить мои показания. Я сам просил А.Я. Вышинского проверить меня по материалам НКВД. Похоже ли это на действия врага?..»[23]

Можно понять возмущение и негодование Л.М. Субоцко-го показаниями на него со стороны арестованных В.С. Винокурова и В.М. Берлина. Он, конечно, знал, что следователи НКВД применяют при допросах физические меры воздействия. Но ведь это делалось в отношении настоящих «врагов народа», в целях их «разоружения», а ведь он-то, Лев Субоц-кий, никакой не враг, а самый что ни на есть правоверный партиец, не замешанный ни в каких оппозициях и отклонениях от генеральной линии партии!.. Как это люди могут клеветать на него, кристально честного коммуниста!.. Короткое время спустя Лев Матвеевич убедится, как в Лефортовской и других тюрьмах НКВД арестованные под пытками подписывали несусветную ложь и клевету на себя и на других — этот плод фантазий не очень образованных следователей. Проверять же достоверность этих сведений никто и не собирался, хотя обращения по этому поводу со стороны подследственных поступали десятками и сотнями, если не тысячами. За отказы от своих ложных показаний арестованных жестоко избивали, требуя вернуться к первоначальным (ложным) показаниям. Немногие выдерживали такой режим следствия, не признавая себя виновным от начала (ареста) и до конца (суда). Так что не будем сурово судить В.С. Винокурова и В.М. Берлина за их показания на предварительном следствии, зная методику работы следователей НКВД. Известно, что протоколы допросов писались следователями, а редактировались они в «нужном направлении» их начальниками. Подследственного же принуждали подписывать уже готовый, заранее отредактированный протокол допроса. И худо бывало тем, кто отказывался это сделать!..

А следствие по делу Л.М. Субоцкого между тем

продолжалось. 23 марта 1939 г. Прокурор СССР утвердил обвинительное заключение по делу, хотя оно и не содержало никаких объективных доказательств виновности Льва Матвеевича. После этого дело отправили в Военную коллегию. А через две недели состоялся суд.

9 апреля 1939 г. Военная коллегия под председательством бригвоенюриста Д.Я. Кандыбина слушала дело по обвинению Л.М. Субоцкого. Случай весьма редкий в работе этого органа, однако он имел место: в судебное заседание по делу Субоцкого были вызваны (под конвоем) два свидетеля: Л. Сонкин и Ю. Берман (последний до своего ареста был военным прокурором Московского военного округа). Видимо, сделано это было для того, чтобы поколебать позиции Субоцкого и дополнительно уличить его в совершении им тяжких преступлений. Но ожидания устроителей этого вызова не оправдались, ибо Сонкин с Берманом никаких дополнительных доказательств, уличающих Л.М. Субоцкого, не добавили.

Лев Матвеевич, как и большинство арестованных, большие надежды возлагал на судебное заседание Военной коллегии. Он надеялся в суде развеять все наветы на него, отмести всю ложь и клевету, которые на предварительном следствии возвели на него, и доказать, что он не совершал тех преступлений, которые ему вменяют. И отчасти Субоцкий поставленную задачу выполнил, квалифицированно защищая себя. В последнем слове он сказал: «Я прошу суд учесть, что свое сотрудничество в эсеровской газете я никогда не скрывал, но никогда не участвовал в эсеровских организациях. Показания Винокурова и Бермана ложные. Мою активную борьбу с троцкистами в Смоленске знает Голяков И.Т. (председатель Верховного Суда

СССР. — Н.Ч.), в Хамовническом районе г. Москвы — знают Никитченко и Горячев (члены Верховного Суда СССР, бывшие члены Военной коллегии. — Н.Ч.)... Во время следствия меня все время убеждали в том, что я контрреволюционер. Но я не чувствую за собой никакой вины и поэтому не мог согласиться. Еще раз повторяю: я ни в чем не виноват и уверен, что суд не осудит меня невинно»[24].

По свидетельству знавших его, председательствующий в судебном заседании Дмитрий Яковлевич Кандыбин был человеком суровым, особенно к «врагам народа», да еще при исполнении служебных обязанностей. На его счету в 1937— 1938 гг. не было оправдательных приговоров, даже в отношении своих коллег-прокуроров. Однако в данном случае дело на глазах разваливалось и надо было спасать положение. Оправдать Льва Матвеевича Кандыбин не мог («сверху» такой команды не

поступало), но и обвинения подсудимого по ст.ст. 58— 1«б», 58—8 и 58—11 УК РСФСР не выдерживали серьезной критики. По этой причине председательствующему и членам суда пришлось срочно переквалифицировать обвинение на ст. 58-10 УК РСФСР.

В приговоре Военной коллегии было записано: «Предварительным и судебным следствием установлено, что Субоцкий в 1917 году, сотрудничая в эсеро-меньшевистских газетах города Сызрани, в этих газетах помещал рассказы и стихи, направленные к восхвалению народническо-эсеровской идеологии и их “героев” (ни одной такой публикации в деле не имеется. — Н.Ч.); в 1934—1936гг., общаясь с антисоветски настроенными лицами, в том числе и антисоветски настроенными эсерами, не изжив своих прошлых народническо-эсеровских воззрений, допускал антисоветские высказывания (ни одного из таких высказываний не приведено. — Н.Ч.), чем совершил преступление, предусмотренное ст. 58—10 УК РСФСР.

На основании изложенного —

Субоцкого Льва Матвеевича лишить военного звания — диввоенюрист и подвергнуть лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на шесть лет, с дополнительным поражением в политических правах на три года. Его же по ст. 58—1«б», 58—8 и 58—11 УК РСФСР — оправдать»[25].

Безусловно, это была победа!.. Расстрельные статьи удалось исключить, но и свободы, такой желанной, достичь не удалось. Предстояла борьба за отмену и такого, достаточно мягкого приговора. Лев Матвеевич настойчиво стучится во все двери властных структур — в ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, он обращается к Прокурору СССР, в Главную военную прокуратуру, требуя полного оправдания. Наконец, в его родной ГВП после изучения дела делается долгожданный вывод о необходимости прекращения уголовного преследования Л.М. Субоцкого. Вскоре вносится соответствующий протест, и 31 декабря 1939 г. пленум Верховного Суда СССР преподносит Льву Матвеевичу бесценный «новогодний подарок», вынеся следующее решение: «...приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 апреля 1939 года по делу Субоцкого Льва Матвеевича отменить и дело о нем производством прекратить с освобождением его из-под стражи». Это постановление подписал председатель Верховного Суда СССР И.Т. Голяков, который хорошо знал Л.М. Субоцкого по предыдущей своей работе в органах военной юстиции и которого на суде Лев Матвеевич просил вызвать в качестве свидетеля. На свободу Лев Матвеевич вышел, однако, только в марте 1940 г.

Итак, да здравствует свобода!.. Но и на свободе Л.М. Субоцкому пришлось несладко. В кадрах военной прокуратуры

его не восстановили, к прежней работе не допустили — его просто отправили в запас. До начала Великой Отечественной войны Лев Матвеевич работал редактором журнала «Красная новь», заместителем редактора журнала «Новый мир».

С началом войны Л.М. Субоцкий вновь обратился в высшие инстанции с просьбой вернуть его в строй военных прокуроров. Прежние ограничения для него были сняты и в июле 1941 г. Лев Матвеевич был назначен заместителем военного прокурора Южного фронта. За все годы войны самостоятельной должности ему так и не доверили, и он до 1944 г. так и проходил в заместителях: с июля 1942 г. — военного прокурора Северо-Кавказского фронта, с сентября того же года — Черноморской группы войск Закавказского фронта, с ноября 1942 г. — Юго-Западного, с сентября 1943 г. — Ленинградского фронтов. С февраля 1944 г. полковник юстиции Л.М. Субоцкий находился в резерве Главной военной прокуратуры. 21 мая 1944 г. он по болезни был уволен в запас. За годы войны Л.М. Субоцкий был награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды.

В 1944—1946 гг. Лев Матвеевич занимался литературной деятельностью. С октября 1946 г. по май 1948 г. — секретарь правления Союза советских писателей. С 1948 г. занимался литературным трудом по договорам с различными издательствами.

Умер Л.М. Субоцкий в Москве в 1959 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Быть порученцем, пусть даже и бывшим (в годы Гражданской войны), у командарма 1-го ранга И.П. Уборевича и ком-кора В.М. Примакова до середины 30-х годов было весьма почетно. А вот после ареста последних и особенно после суда над группой М.Н. Тухачевского, куда входили и Уборевич, и Примаков, такое близкое знакомство стало крайне опасным и было чревато тяжелыми последствиями. И они, эти последствия, не замедлили наступить для комбрига Медянского Михаила Сергеевича, командира 4-й тяжелой авиабригады (штаб в г. Ржеве). Аресту он подвергся 15 августа 1937 г., т.е. через два месяца после суда над И.П. Уборевичем и его подельниками. Спустя пять дней (20 августа) Михаил Сергеевич был уволен из рядов РККА как арестованный органами НКВД.

Родился М.С. Медянский в 1899 г. в г. Тургае в семье учителя, ставшего затем попом-миссионером. В пятнадцать лет окончил городское училище и стал работать сначала контролером на железной дороге, а в 1916 г. уехал в Киев, где работал продавцом в студенческом магазине техникума. В то же время он стал

выполнять некоторые задания студентов-рево-люционеров. В партию большевиков вступил в 1917 г. В том же году был ранен гайдамаками за большевистское выступление на митинге в Киеве. При занятии Украины немецкими войсками отступал вместе с отрядами Красной Армии. Затем был откомандирован на учебу на 1-е Московские командные курсы.

С 1918 г. воевал на Северном фронте, где и познакомился с И.П. Уборевичем. С севера М.С. Медянский был переведен на Украину, где попал в полк червонного казачества, которым командовал В.М. Примаков, став у него порученцем. По каким-то причинам эта должность не пришлась ему по душе, и Медянский упросил Примакова отпустить его в войска, где он стал помощником командира полка. В 1922 г. часть командиров-примаковцев была осуждена за «барахольство». В их числе был и М.С. Медянский. Судом военного трибунала 1-го конного корпуса он 1 октября 1922 г. «за непринятие мер против развития уголовного бандитизма в частях корпуса» был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, замененному затем пятью годами лишения свободы со строгой изоляцией. Через четыре месяца по ходатайству прокурора Медянский был освобожден из тюрьмы и направлен на учебу в авиационную школу и с тех пор служил в военной авиации.

Награды М.С. Медянского: в 1920 г. он был награжден орденом Красного Знамени, в 1935 г. — Грамотой ВЦИК, в 1936 г. — орденом Красной Звезды.

Членом партии большевиков Михаил Сергеевич, как уже было сказано, состоял с 1917 г. В 1921 г. его исключили из нее за неявку на собрание по чистке партии. Вновь в партию он вступил в 1931 г. И снова был из нее исключен в июне 1937 г. «за связь» с Уборевичем.

Обвинялся М.С. Медянский в принадлежности к военной заговорщической организации и проведении по заданию командующего Армией особого назначения (АОН) комкора В.В. Хрипина подрывной деятельности в частях авиации. Это обвинение Медянскому было предъявлено 16 августа 1937 г., т.е. на следующий день после ареста. Итак, статья 58—1 «б», не оставляющая надежд на благополучный исход дела. В военный заговор он якобы был завербован в октябре 1935 г. командующим БВО И.П. Уборевичем.

В ходе предварительного следствия Медянский сопротивлялся натиску следователей, как мог. Так, после ареста и до 31 декабря 1937 г. он не признавал себя виновным в инкриминируемых ему преступлениях. И только 31 декабря Медянский признал свою вину, чтобы через несколько дней

отказаться от этих своих слов. С 4 января и до 19 августа 1938 г. Михаил Сергеевич снова держал оборону против наседающих на него со всех сторон следователей НКВД, не признавая себя виновным. Допросы с пытками следовали один за другим, иногда один допрос затягивался на несколько недель. Так, с 19 мая по 5 июля (полтора месяца!) следователи ломали Медянского путем беспрерывного стояния на допросе, сопровождаемого постоянным битьем, что, по словам подследственного, довело его до полного физического и морального бессилия, безразличия к собственной судьбе, психической невменяемости. И Михаил Сергеевич согласился дать ложные показания, лишь бы прекратить эти истязания. Он признал свое участие в антисоветском военно-фашистском заговоре, при этом заявив, что вербовкой в него новых членов не занимался.

В результате применения к Медянскому мер физического воздействия у него было сломано ребро, а на теле имелись раны. Он находился в таком состоянии, что его были вынуждены два месяца лечить в тюремной больнице. Следователи, чтобы «уличить» его в преступной деятельности и сломить сопротивление Медянского, предъявляли «разоблачающие» его показания других подследственных: командующего Армией особого назначения комкора В.В. Хрипина, полковника В.В. Степичева, бригадного комиссара А.Ю. Киверцева. С последним Медянскому была устроена очная ставка. Помимо этого, в деле были показания десяти свидетелей, «уличающих» Медянского.

И все равно дело было шито белыми нитками, т.е. рассыпалось при мало-мальской проверке фактической стороны обвинений. 4 января 1939 г. М.С. Медянский написал заявление об отказе от своих ранее данных показаний. Военный прокурор Калининского военного округа бригвоенюрист М.М. Бескоровайный отказа М.С. Медянского от своих показаний не принял, признав его неосновательным. Он утвердил обвинительное заключение по делу, где основными статьями обвинения были 58—1 «б» и 58—11 УК РСФСР. Дата утверждения — 22 марта 1939 г.

20 ноября 1939 г. дело М.С. Медянского рассматривала Военная коллегия. Ввиду недоследованности важных моментов обвинения (гак квалифицировалось отсутствие серьезных доказательств вины!), а также факта отказа подсудимого от своих показаний Военная коллегия направила дело на доследование[26].

По постановлению следственной части особого отдела Калининского военного округа от 15 марта 1940 г. М.С. Медянский был освобожден из-под стражи. После восстановления в кадрах РККА он был на преподавательской работе в авиационных

училищах. В ноябре 1945 г. по болезни уволен в запас в звании полковника. За заслуги и выслугу лет М.С. Медянский был награжден орденами Ленина, Красного Знамени (двумя), Красной Звезды.

Один из первых организаторов красногвардейского отряда на Харьковском паровозостроительном заводе в 1917 г. Усатенко Александр Васильевич в 1937 г. в звании дивизионного комиссара занимал должность помощника командира 14-го стрелкового корпуса по политической части. Когда в РККА начались массовые репрессии против комначсостава, Усатенко под первую волну арестов не попал, хотя и серьезно пострадал — его, члена ВКП(б) с 1917 г., исключили из партии «за связь с врагами народа, за притупление классовой бдительности и как не заслуживающего политического доверия».

Арестовали А.В. Усатенко в ночь с 14 на 15 апреля 1938 г. Арест произведен был сотрудниками особого отдела Харьковского военного округа (ХВО) с санкции военного прокурора ХВО. Незадолго до ареста Александр Васильевич по политическому недоверию был уволен в запас.

На предварительном следствии А.В. Усатенко обвинялся в том, что в 1934 г. был завербован в военно-фашистский заговор, что входил в руководящую группу этого заговора, которая вела подготовку к свержению Советской власти вооруженным путем. Также он обвинялся в том, что по заданию заговорщической организации сохранял заговорщиков в рядах партии и Красной Армии. Кроме этого, Усатенко якобы проводил вредительскую работу в области боевой, политической и мобилизационной подготовки частей и соединений 14-го стрелкового корпуса, а также вербовал в заговор новых членов. Все эти преступные деяния предусматривались ст.ст. 54— 1«б», 54—8 и 54—11 УК Украинской ССР.

После ареста А.В. Усатенко находился в Харьковской тюрьме № 5. На предварительном следствии он виновным себя признал, но затем от этих своих показаний отказался. Следователи, применяя весь набор недозволенных средств, принудили его показать, что в военно-фашистский заговор его вовлек начальник политического управления Украинского военного округа М.П. Амелин.

Не добившись в Харькове больших успехов в следствии по делу А.В. Усатенко, особисты ХВО отправили его в Москву, в Бутырскую тюрьму. Оттуда он 22 сентября 1939 г. обратился с заявлением к Главному военному прокурору, в котором писал относительно ложных показаний, данных им на следствии: «...эти показания на следствии подкреплены моими показаниями в 1938

г., данными мною в условиях исключительного морального и физического воздействия, когда я был доведен до того, что не мог нормально ни ходить, ни сидеть, ни лежать, — и ценой позорных лживых показаний, требуемых следователем, получил относительный покой и право на лечение в больнице...»[27]

Дело по обвинению подследственного А.В. Усатенко рассматривала 21 ноября 1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР. Ввиду недостаточной обвинительной базы дело было направлено на доследование в Харьков, куда в декабре 1939 г. был этапирован и сам Александр Васильевич. Постановлением прокуратуры Харьковского военного округа от 13 марта 1940 г. дело за недоказанностью вины было прекращено, и Усатенко вышел на свободу.

После восстановлениях в рядах ВКП(б) и РККАА.В. Усатенко работал (с декабря 1940 г.) заместителем начальника 12-го бронетанкового ремонтного завода и 231-й бронетанковой ремонтной базы по политической части. На этой должности он был все годы Великой Отечественной войны. С 1943 г. имел воинское звание «полковник». С января 1946 г. — заместитель начальника 65-го бронетанкового завода по политчасти, а с апреля 1949 г. — заместитель начальника Центрального бронетанкового склада № 2707. В сентябре 1953 г. уволен в запас. За заслуги и выслугу лет А.В. Усатенко был награжден орденами: Ленина, Красного Знамени (двумя), Красной Звезды.

Умер А.В. Усатенко в 1972 г.

Центральному руководству НКВД в 1937—1938 гг. все время казалось, что дальневосточные чекисты плохо «чистят» ряды армии и флота. Поэтому для «оказания помощи» бригады московских «специалистов» несколько раз совершали вояж на Дальний Восток, в том числе во главе с первым заместителем Н.И. Ежова — комкором Михаилом Фриновским. И всякий раз во время и после такой поездки из состава частей и соединений ОКДВАи Тихоокеанского флота аресту подвергались десятки и сотни командиров и политработников. Одним из таких политработников был дивизионный комиссар Руденко Кирилл Георгиевич, начальник политического отдела 40-й стрелковой дивизии (Приморская группа войск ОКДВА).

Арестовали К. Г. Руденко в феврале 1938 г. Но предварительно Кирилла Георгиевича уволили из РККА (в октябре 1937 г.), а в ноябре исключили из партии. Обвинялся он по ст.ст. 58—1«б», 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР. На предварительном следствии Руденко виновным себя признал, затем он от данных им показаний отказался.

В обвинительном заключении по делу (составлено в г.

Ворошилове в мае 1939 г.) записано, что К.Г. Руденко с 1934 г. являлся членом существовавшей в ОКДВА контрреволюционной организации троцкистов и правых. В эту организацию он был завербован начальником политотдела Приморской группы войск С.А. Скворцовым и якобы являлся одним из руководителей организации троцкистов и правых в 40-й стрелковой дивизии. Обвинялся Кирилл Георгиевич и в том, что он вербовал новых членов в эту организацию, а также в том, что как начальник политотдела дивизии покрывал вредительскую деятельность заговорщиков, проводивших подрывную работу, направленную на разложение личного состава и снижение боевой готовности дивизии.

Обвинялся К.Г. Руденко и в том, что он защищал троцкистские, контрреволюционные кадры, препятствовал их исключению из партии, что проводил вредительство в области партийно-политической работы, задерживал выдвижение молодых кадров на политработу, в результате чего в дивизии оказался большой некомплект политработников, особенно политруков рот. Как видим, здесь причина и следствие поменялись своими местами, ибо некомплект низовых политработников образовался не по прихоти К.Г. Руденко, а из-за начавшегося их увольнения из армии и ареста органами НКВД.

В июне 1939 г. военный прокурор 1-й Отдельной Краснознаменной армии военный юрист 1-го ранга Красников направил дело К. Г. Руденко в Главную военную прокуратуру для решения вопроса о его дальнейшей судьбе. 28 июня 1939 г. из ГВП дело было переправлено в Военную коллегию для слушания. Оттуда оно возвратилось обратно на Дальний Восток для доследования. И в том же 1939 г. за недоказанностью вины подследственного дело К.Г. Руденко было производством прекращено и он освобожден из-под стражи.

После восстановления в кадрах РККА и в рядах ВКП(б) Кирилл Георгиевич возвратился на политическую работу. С марта 1941 г. он занимал должность комиссара 66-го стрелкового корпуса. О дальнейшей его судьбе у автора сведений не имеется.

Начальник отдела подготовки комсостава запаса (вневойсковой подготовки) штаба Харьковского военного округа (ХВО) комбриг Жабин Николай Иванович был арестован 1 октября 1938 г. Впрочем, он уже продолжительное время был на подозрении у «компетентных органов», поэтому ему своевременно не была вручена юбилейная медаль «ХХ лет РККА». 8 сентября 1938 г. Н.И. Жабин был уволен в запас по политическому недоверию. Тогда же его исключили из рядов ВКП(б), в которой он состоял с 1917 г., с формулировкой «за связь с врагами народа

и очковтирательство».

В 1937 г.. когда начались массовые аресты среди комнач-состава РККА, когда резко возрос поток доносов на различных должностных лиц, в том числе и на Н.И. Жабина, такие заявления оседали, скапливались, как правило, в соответствующих партийных органах и особых отделах. При необходимости этим негативным материалам давали ход, особенно при разборе персональных дел в партийном порядке, при аресте и проведении следствия. В сентябре 1937 г. дело с заявлениями (фактически доносами) на комбрига Н.И. Жабина рассматривал особый отдел ХВО. В итоге все обвинения в его адрес были сняты и он еще год находился на свободе, хотя показания арестованных о его «преступной» деятельности продолжали поступать.

Арест Н.И. Жабина был произведен по возвращении его из Москвы, где он подавал ходатайства в ЦКВКП(б), в партийную комиссию Политуправления РККА, Главному военному прокурору о неправомерности исключения его из партии и увольнения из рядов РККА. Как говорится — добился правды!..

Обвинялся Николай Иванович в принадлежности к контрреволюционному военно-фашистскому заговору, в осуществлении вредительства в Харьковской школе червонных старшин в бытность ее начальником, в проведении антисоветской агитации (ст.ст. 54— 1«б», 54—7, 54—8, 54—11 УК УССР). Следствие по его делу вели сотрудники особого отдела ХВО. Виновным себя Н.И. Жабин не признал, несмотря на побои и издевательства. Признал он только свои служебные отношения (на языке следователей это были «связи») с арестованными сотрудниками штаба округа и командирами соединений, в частности, с заместителем начальника штаба комбригом В.В. Ауссем-Орловым, начальником автобронетанковых войск округа комбригом А.Е. Скулаченко, командиром 30-й стрелковой дивизии комбригом А.Е. Зубком. Признался он и в проведении «вредительства» в школе червонных старшин.

15 сентября 1939 г. военный трибунал рассмотрел дело по обвинению Н.И. Жабина и, не найдя серьезной обвинительной базы, отправил его на доследование в прокуратуру округа. Николай Иванович на этом суде надеялся на благополучный исход дела, т.е. на освобождение из-под стражи. Однако этого не случилось, и тогда он обратился с заявлением к наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову. Заявление датировано 2 октября 1939 г. В нем Н.И. Жабин писал:

«Я — Жабин Николай Иванович — арестован органами НКВД Союза ССР — 1.X.1938 г. Мне было предъявлено обвинение по ст. 54пп.1 «б», 7, 17—8, 10 и 11.

Следствие велось с методами морального и физического принуждения к ложным показаниям для “юридического” оформления как государственного преступника. Для меня было ясно, что на фоне перестраховки я являюсь жертвой организованной провокации — следовательно клеветы и лжи. Все свои силы я напрягал доказать это следователям, но последние были слепы в своих действиях. Прокурорский надзор не оказал защиты элементарной как гражданину Союза ССР. В основном я все показания дал отрицательные, т.е. честные, как протекала моя сознательная жизнь: партийная, общественная, служебная и личная. В самом деле, я сирота, с 13-летнего возраста по найму в людях работал, с 17-летнего возраста в партии ВКП(б) и в РККА с Красной гвардии, от рядового красногвардейца до комбрига. Все это Наркомату обороны известно. За все это время ни политических, ни служебных преступлений не имел и не привлекался к ответственности. В 1937 г. дело с ложными заявлениями на меня рассматривал особый отдел ХВО и дело было прекращено. Наконец, есть же факты и живые люди о моей деятельности лучше всего скажут, В этот критический для меня момент могли бы Вам дать на меня объективные данные: комдив Черепанов всю мою фронтовую деятельность с Красной гвардии и совместная учеба в Военной академии; армейский комиссар 2 ранга Щаденко — мое партийное лицо за время пребывания в Военной академии, где я все время был членом бюро и секретарем партийной организации до 1923 г., в горячий период партийной жизни и борьбы ни одной антипартийной резолюции не прошло в академии в указанное время.

Наконец, в последнее время я выполнял особые задания Военного Совета ХВО и личные указания командарма 2 ранга Тимошенко по ликвидации последствий вредительства в 7-м стрелковом корпусе в качестве командира корпуса. Это задание выполнил как и подобает большевику — командиру РККА и все-таки перестраховка оказалась сильнее логики.

15 сентября 1939 г. мое дело рассматривалось Военным трибуналом ХВО — своим постановлением трибунал определил все пункты по ст. 54 в отношении меня недоказанными. Одновременно удовлетворил мою просьбу о приобщении к делу ряда документов и опрос ряда свидетелей, которые могут положительно Жабина характеризовать и к моему удивлению опять перечислил на доследование за прокурором ХВО, и в результате я опять невинно томлюсь в тюрьме. Имея подобное решение Военного трибунала, наличие на меня материала у военного прокурора РККА и в партийной комиссии ПУРККА, я счел необходимым обратиться непосредственно к Вам с

ходатайством рассмотреть мой вопрос. Клянусь, я не виновен. Прошу скорейшего содействия в освобождении меня. Прошу вернуть мне права гражданина Союза ССР, изложенные в Сталинской Конституции. На любой работе до последних дней моей жизни докажу свою преданность делу Ленина — Сталина.

Жабин»[28].

15 февраля 1940 г. военной прокуратурой Харьковского военного округа дело Н.И. Жабина было прекращено за недоказанностью обвинения. На следующий день Николай Иванович вышел из тюрьмы на свободу. После восстановления в кадрах РККА он был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в январе 1943 г.

Командир 26-го стрелкового корпуса ОКДВА комдив Глухов Михаил Иванович был арестован 21 марта 1938 г. Обвинялся он по ст.ст. 58—1 «б», 58—8 и 58—11 УК РСФСР. Виновным себя на предварительном следствии признал (с ним «хорошо поработали»), показав, что в антисоветский военный заговор он был вовлечен в январе 1938 г. командиром 20-го стрелкового корпуса комкором М.В. Калмыковым. Однако 15 марта 1939 г. М.И. Глухов от своих «признательных» показаний отказался как от вымышленных и ложных. На этой позиции Михаил Иванович стоял вплоть до своего освобождения, несмотря на все «усилия» следователей вернуть его к прежним показаниям. Вменяли ему в вину и то, что он в молодости некоторое время примыкал к анархистам, а также то, что его отец был торговцем средней руки. Накануне ареста М.И. Глухов был уволен из рядов РККА.

Постановлением Главной военной прокуратуры от 29 ноября 1939 г. групповое дело, по которому проходил и М.И. Глухов, за недоказанностью вины подследственных было прекращено и он был освобожден из-под стражи[29].

После освобождения и восстановления в кадрах РККА М.И. Глухов был назначен старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе. Затем там же он работал начальником курса основного факультета. Участник Великой Отечественной войны. С ноября 1941 г. по январь 1942 г. — начальник штаба 61-й армии. В марте-апреле 1942 г. — командир 350-й стрелковой дивизии. В 1942—1943 гг. — заместитель командующего 13-й армией. С января 1944 г. по май 1945 г. — командир 76-го стрелкового корпуса. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в июне 1940 г., а «генерал-лейтенант» — в августе 1943 г.

После окончания войны М.И. Глухов был заместителем командующего 3-й гвардейской танковой армией. Награжден орденами: Ленина, Красного Знамени (четырьмя), Суворова 2-й

степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Умер М.И. Глухов 13 марта 1947 г. Похоронен в Киеве.

Командир 69-й стрелковой дивизии комбриг Зайцев Владимир Александрович был арестован 6 июня 1938 г. Обвинялся он в участии в военном заговоре, якобы существовавшем в войсках ОКДВА, в проведении вредительской работы, в шпионаже (ст.ст. 58—1«б», 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР). Своим вербовщиком в военный заговор В.А. Зайцев назвал командира 39-го стрелкового корпуса комдива А.К. Смирнова (этот комдив Смирнов, между прочим, аресту не подвергался). На предварительном следствии В.А. Зайцев виновным себя признал, а затем он от своих «признательных» показаний отказался как от ложных, данных им под принуждением. Постановлением Главной военной прокуратуры от 29 ноября 1939 г. за недоказанностью вины В.А. Зайцева дело в отношении него было прекращено и он был освобожден из-под стражи[30].

После освобождения и восстановления в кадрах РККА В.А. Зайцев был назначен командиром 78-й стрелковой дивизии. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в июне 1940 г.

Начальник Управления Новосибирского мобилизационного округа бригинтендант Чибарь Яков Акимович был арестован 20 июня 1938 г. в г. Новосибирске. Обвинялся он в принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей в Управлении Новосибирского мобилизационного округа, в руководстве ею, а также во вредительстве в области мобилизационной работы (ст.ст. 58—1«б», 58—7, 17—58—8, 58—11 УК РСФСР). В контрреволюционную организацию он был якобы завербован заместителем начальника Административно-Мобилизационного управления РККА дивизионным комиссаром М.Е. Симоновым, хотя по показаниям Симонова Яков Чибарь не проходил.

После ареста Я.А. Чибаря Управление Новосибирского мобилизационного округа было подвергнуто всесторонней проверке, однако эта комиссия никакого вредительства там не обнаружила. На предварительном следствии Я.А. Чибарь под физическим воздействием признал себя виновным, но вскоре он от этих показаний отказался.

Постановлением военного прокурора Сибирского военного округа от 29 декабря 1939 г. дело Якова Акимовича Чибаря было прекращено за недоказанностью обвинения[31].

Начальник Управления военно-конных заводов РККА

бригинтендант Александров Григорий Васильевич был арестован 18 ноября 1937 г. сотрудниками особого отдела СевероКавказского военного округа. Обвинялся он в участии в военном заговоре, в проведении вредительства на военно-конных заводах, в недонесении о террористических намерениях в отношении руководителей партии и государства, в вербовке в заговор новых членов. На предварительном следствии под давлением следователей виновным себя признал, но вскоре (24 января 1939 г.) от этих вымышленных показаний отказался.

Дело по обвинению Г.В. Александрова рассматривал 13 ноября 1939 г. военный трибунал Северо-Кавказского военного округа по ст.ст. 58—1«б», 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Ввиду слабой обвинительной базы дело было направлено на доследование. Тогда руководство особого отдела СКВО решило объединить дело Г.В. Александрова с делом его бывшего помощника по политической части бригадного комиссара Ф.В. Богачева, и это групповое дело военный прокурор округа 11 апреля 1940 г. направил в Главную военную прокуратуру для последующей передачи в Военную коллегию.

17 августа 1940 г. объединенное дело Г.В. Александрова и Ф.В. Богачева из ГВП было направлено начальнику Особого Совещания НКВД СССР с предложением: материалы по обвинению Г.В. Александрова выделить в отдельное производство и направить военному прокурору СКВО для предания его суду военного трибунала по ст. 193— 17«а» УК РСФСР за преступно-халатное отношение к своим служебным обязанностям.

Постановлением помощника военного прокурора СКВО военного юриста 2-го ранга Кушнира от 10 октября 1940 г. дело в отношении Г.В. Александрова было производством прекращено.

После восстановления в кадрах РККА Г.В. Александров работал в органах тыла Красной Армии. В 1941 г. он был в должности интенданта 28-й резервной, 20-й и 24-й армий Западного фронта. Воинское звание «генерал-майор интендантской службы» ему было присвоено в ноябре 1942 г. В 1942—1945 гг. Григорий Васильевич исполнял должности заместителя командующего 64-й и 7-й гвардейской армий по тылу. После окончания войны он руководил службой тыла ряда военных округов. С 1955 г. в отставке. Награжден орденами: Ленина (двумя), Красного Знамени (четырьмя), Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени.

Умер Г.В. Александров в Москве 28 сентября 1966 г.

Бригинтенданта Г.В. Александрова на посту начальника Управления военно-конных заводов сменил бригинтендант Чумаков Михаил Иванович, которому руководить этим

управлением довелось совсем недолго — до 7 января 1938 г. (дня ареста). Обвинялся он в принадлежности к контрреволюционной диверсионной организации. Под следствием М.И. Чумаков находился около двух лет. Постановлением следственной части НКВД СССР от 27 ноября 1939 г. дело по обвинению М.И. Чумакова было прекращено за недоказанностью. Из-под стражи Михаил Иванович был освобожден 28 ноября 1939 г.[32].

Будучи восстановленным в кадрах РККА М.И. Чумаков на административно-хозяйственных должностях. Воинское звание «генерал-майор интендантской службы» ему было присвоено в апреле 1943 г.

Начальник санитарно-эпидемиологической лаборатории Харьковского военного округа бригврач Аделъсон Абрам Яковлевич подвергся аресту 17 марта 1938 г. Обвинялся он в участии в военно-фашистском заговоре, в который был вовлечен в 1937 г., в проведении подрывной работы. Отягчающим обстоятельством было и то, что А.Я. Адельсон ранее состоял в партии меньшевиков, а с июня 1918 г. по декабрь 1919 г. служил в белой армии. На предварительном следствии Абрам Яковлевич виновным себя признал, а в суде он от своих показаний отказался как от вымышленных и ложных.

Дело рассматривал военный трибунал Харьковского военного округа, который 9 мая 1939 г. приговорил А.Я. Адельсо-на к высшей мере наказания. Военная коллегия Верховного Суда СССР 17 июля 1939 г. приговор военного трибунала ХВО отменила и направила дело на дополнительное расследование в особый отдел ХВО. Дело вел следователь этого отдела Дроздов, который постановлением от 16 декабря 1939 г. дело А.Я. Адельсона производством прекратил, и Абрам Яковлевич вышел на свободу. Проследить его дальнейшую судьбу автору не удалось.

Врач Днепропетровского военного гарнизона (он же начальник отделения окружной военно-врачебной комиссии) бригврач Матусевич Иван Николаевич был арестован в июне 1938 г. Обвинялся он в сотрудничестве с польской разведкой, в участии в военно-фашистском заговоре, в диверсионной деятельности, подготовке диверсионно-бактериологических актов, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54 — 1«б», 54—9, 54—11 УК УССР. В военный заговор его якобы завербовал начальник санитарной службы округа Н.С. Кантер. Содержался И.Н. Матусевич в Днепропетровской тюрьме.

На предварительном следствии и в суде Иван Николаевич виновным себя не признал. Выездной сессией военного трибунала Харьковского военного округа под председательством бригвоенюриста К.И. Романовского 2 августа 1939 г. он был

оправдан и освобожден из-под стражи. Проследить его дальнейшую судьбу автору не удалось.

Начальник санитарной службы Северо-Кавказского военного округа бригврач Тер-Григоръян Сергей Аветович был арестован 21 декабря 1937 г. Обвинялся он в участии в заговорщической организации, якобы существовавшей в войсках и учреждениях Северо-Кавказского военного округа. Однако никаких объективных оснований для вхождения в заговор с целью свержения Советской власти у Сергея Аветовича не было. Родился он в бедной крестьянской семье. Окончил приходскую школу и железнодорожное училище. Затем работал в главных мастерских Закавказской железной дороги, откуда его выгнали как политически неблагонадежного. Потом он работал на постройке железной дороги. Усиленно занимаясь самообразованием, Тер-Григорьян подготовился к сдаче экзамена за курс среднего учебного заведения, а затем поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1912 г. За свои политические убеждения дважды подвергался аресту и ссылке. В 1914 г. был мобилизован в армию в качестве врача. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну занимал в Красной Армии должности от врача эпидемиоотряда по борьбе с тифом до начальника санитарной службы Туркестанского фронта и Харьковского военного округа.

С 1927 г. — начальник военного Коммунистического госпиталя в Москве и помощник начальника Военно-медицинской академии в Ленинграде. С марта 1933 г. — начальник санитарной службы Северо-Кавказского военного округа.

Постановлением Главной военной прокуратуры от 21 февраля 1940 г. дело С.А. Тер-Григорьяна за недоказанностью его вины было прекращено. 26 февраля 1940 г. Сергей Аветович был освобожден из-под стражи. Сведений о его дальнейшей судьбе автор не имеет.

ГЛОТОК СВОБОДЫ

Была в то время еще одна своеобразная категория освобожденного командно-начальствующего состава Красной Армии, на долю которой выпала «честь» именоваться «дважды зэка», т.е. после освобождения из следственных камер НКВД, побыв некоторое время на воле, они вновь вернулись туда же, чтобы там или в лагере закончить свой жизненный путь. Для этой категории лиц выход на свободу был как бы «тренировочным». Были такие случаи и среди высшего звена комначсостава РККА. Первым поведем рассказ о комкоре Магере Максиме Петровиче, до первого ареста в 1938 г. занимавшего должность члена Военного совета Ленинградского военного округа.

Максим Петрович Магер являлся интересной личностью, достаточно ярким продуктом своей эпохи — рождения и установления Республики Советов и ее Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Он за свои 40 лет успел побывать на политической и командной работе в РККА, занимая там крупные посты, вплоть до командира соединения и члена Военного совета приграничного военного округа.

Людям, недостаточно хорошо знающим события 1937— 1938 годов, может показаться явно несуразной одна особенность в движении кадров того времени. Например, назначение на ответственную политическую работу лиц комначсостава, занимавших до этого командные или инженерно-технические должности. Ведь одно дело, когда такое движение, пусть и чрезвычайно быстрое, происходит все же по определенной какой-то стезе — командной, политической или иной, — тогда такое положение легко объясняется. Другое же дело, когда членом Военного совета, притом освобожденным, в одночасье в одном округе становится командир дивизии, а в другом — начальник автобронетанковых войск. Названный первый факт относится к Ф.И. Голикову (БВО), а второй — к М.П. Магеру (ЛВО).

Но так картина видится только непосвященному. Суть в том, что до назначения сначала командиром полка, а затем и дивизии Ф.И. Голиков (впоследствии Маршал Советского Союза) длительное время находился на политической работе в войсках, занимая там должности вплоть до заместителя начальника политуправления Приволжского военного округа. Что же касается М.П. Магера, то тут обстановка почти аналогичная: его последняя должность на политработе — начальник политического отдела кавалерийского корпуса. И если служебная карьера Голикова во второй половине 30-х годов складывалась вполне нормально и

ему удалось благополучно миновать скалы и рифы периода большого террора, то этого никак нельзя сказать о Магере. О нем-то и пойдет наш последующий разговор.

«Прокурору при Управлении НКВД

по Ленинградской области.

Нет сил больше никаких переносить произвол и беззаконие, которые я вынужден переносить в течение одиннадцати месяцев. За мной нет преступлений. Меня арестовали на основании клеветнических данных. В течение пяти месяцев меня избивали и истязали (с 10 сентября 1938 г. по 18 января 1939 г.), доведенный этими беззаконными действиями до предела, я вынужден был подписывать протоколы, которые писались без меня. Я подписывал протоколы, которые писались в моем присутствии, но без моего участия. Я писал так называемые собственноручные признания. Только в периоды, когда я под воздействием лгал и клеветал, истязания прекращались. Но когда я оправлялся от пережитых мучений и заявлял следствию, что все “мои” так называемые показания ложны. После такого заявления история начиналась снова, меня начинали снова избивать, истязать. Мне в течение 9 месяцев не давали возможности написать заявления в высшие органы. Таким способом следствие получало от меня указанные выше материалы. Я не знаю, как получены показания в отношении меня. Но на сегодня я категорически заявляю, что я не виновен и требую немедленного освобождения из-под стражи...

Магер

4 августа 1939 года»[33].

Арестовали члена Военного совета ЛВО комкора М.П. Матера 10 сентября 1938 года без всяких на то законных оснований — запоздалая санкция на его арест военным прокурором округа диввоенюристом В.Г. Шмулевичем была дана только спустя четверо суток. Нелепо, видимо, задавать такой вопрос: «А ждал ли Магер своего ареста? Боялся ли он этого?» Ответ здесь однозначен — конечно, ждал и боялся, ибо тогда все люди, тем более ответственные партийные, советские и военные работники, каждый день с содроганием ожидали, когда за ними придут. Особенно ночью. Отчего же Магеру в этом плане быть исключением? К тому же у него перед глазами уже прошло немало примеров исковерканных судеб его бывших сослуживцев, и за год пребывания на посту члена Военного совета округа Максим Петрович насмотрелся и наслушался об этом предостаточно.

Теперь наступил и его черед. Предъявленное обвинение не блистало особой новизной — все то же участие в антисоветском военно-фашистском заговоре и проведение контрреволюционной

работы в подчиненных ему войсках. Указанное обвинение основывалось прежде всего на показаниях арестованных органами НКВД командиров РККА И.А. Халепского, Б.У. Троянкера, А.И. Лизюкова, С.И. Богданова, С.И. Арефьева, Н.Н. Пошльского, Л.Д. Муркина, И.Ф. Немерзелли, П.А. Смирнова, А.В. Федотова, А.И. Коробова, Н.Н. Андреева, а также партийных и советских работников Ленинграда: В.П. Харламова, А.И. Петровского и Б.П. Позерна.

В начале предварительного следствия Магер признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, но впоследствии он от этих показаний отказался. Как все это происходило на деле, он подробно излагал в своих заявлениях в различные инстанции — от начальника тюрьмы до Прокурора СССР и Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Перед нами один из таких документов. В сентябре 1939 года (через год после ареста) Магер, обращаясь к начальнику Ленинградской тюрьмы, пишет:

«На протяжении трех с половиной месяцев мною подано было ряд заявлений в ЦК ВКП(б) т. Сталину (два заявления), Народному комиссару обороны (два заявления), Народному комиссару внутренних дел СССР (два заявления), начальнику Управления НКВД при Л.О. (Ленинградской области. — Н.Ч.) (пять заявлений), Прокурору при НКВД Л.О. (одно заявление), Верховному Прокурору и Главному военному прокурору (одно заявление), секретарю ЦК ВКП(б) т. Жданову (одно заявление). В этих заявлениях я подробно излагал обстоятельства и причины моего ареста, весь процесс следствия и мои объяснения по существу предъявленных мне обвинений. До настоящего времени никаких результатов поданные мною заявления не дали. Возникает вопрос о целесообразности подачи заявлений вообще... Меня арестовали 10 сентября 1938 г., обстановка ареста была самая загадочная, мне не было предъявлено никаких документов на право ареста, с этого первого беззаконного акта начинается вся последующая, сплошь беззаконная история. Причиной моего ареста послужили показания арестованных участников заговора, каким образом были получены эти показания, для меня неизвестно, по существу же этих показаний могу заявить, что они с начала и до конца являются ложными, клеветническими...»[34]

О чем говорилось в тех показаниях, которые Магер так категорически отрицал, называя их насквозь лживыми? Например, бывший начальник автобронетанковых войск РККА командарм 2-го ранга И.А. Халепский показывал, что «Магера, члена Военного совета ЛВО я завербовал в 1933 г. путем моего личного большого влияния на него, личных хороших дружеских отношений, бесед, поощрений. В АБТ (Автобронетан-ковом

управлении. — Н.Ч.) он ведал школьными вопросами, в его руках находилось повседневное и практическое руководство школами. Через него я проводил работу в учебном процессе в танковых Вузах».

Корпусной комиссар И.Ф. Немерзелли, бывший начальник Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева (она до 1938 года дислоцировалась в Ленинграде): «С Магер я установил связь с середины 1937 года у меня на квартире...

Магер мне прямо заявил, что ему от Смирнова (армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов был предшественником Магера на послу Военного совета ЛВО, а Немерзелли в течение нескольких лет работал у Смирнова заместителем. — Я. Ч.) известно о моем участии в заговоре и проводимой мной контрреволюционной деятельности. Зная от Смирнова, что руководство заговором должно перейти в руки Магера, я подтвердил ему свою принадлежность к заговору...»

Бывший член Военного совета МВО корпусной комиссар Б.У. Троянкер показал: «От Булина (армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин в 1937 году — начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. — Н.Ч.) мне известны, как участники антисоветского военного заговора: Магер Максим Петрович, комбриг, член Военного совета ЛВО... Когда начался усиленный разгром заговора и многих уже арестовали, в сентябре 1937 года я обедал вместе с Булиным в столовой СНК. Разговор зашел об арестах и о том, кто еще не арестован. На мои расспросы Булин сказал, что один известный мне работник Магер Максим Петрович, который бывал у меня, как знакомый, является участником заговора, но, кажется, стоит вне подозрений...»[35]

Обвиняемый Б.П. Позерн, бывший секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), на следствии заявил: «Петровский сообщил все это, упомянул мне фамилию члена РВС Магер... Я так понял, что на Магера возлагаются большие надежды в этом деле, так по словам Петровского, Магер является одной из ведущих фигур в заговоре...»[36]

К указанным выше материалам, добытым в НКВД еще до ареста Магера, в процессе предварительного следствия по его делу дополнительно поступили показания «заговорщиков» корпусного комиссара Т.К. Говорухина (бывшего начальника политуправления ВО), комдива М.Ф. Букштыновича (бывшего заместителя начальника штаба округа), комбрига Л.В. Карта-ева и некоторых других, изобличавших Максима Петровича в активной антисоветской деятельности.

На самом первом этапе сил на сопротивление следствию Магеру хватило на двое суток — 12 сентября 1938 года он

вынужден написать заявление о своем участии в военном заговоре, при этом назвав ряд своих «сообщников». Ровно через год, уже будучи опытным тюремным обитателем, он с ужасом вспоминает об этих первых днях своего пребывания в застенках Ленинградского УНКВД:

«На первом допросе 10 сентября я честно заявил следствию, что я не виновен, никаких преступлений против партии и Советской власти никогда не творил. Я просил следствие объективно и подробно расследовать и проверить имеющиеся в распоряжении следствия факты. Я был абсолютно убежден, что подобное расследование разоблачит всех клеветников и покажет мою невиновность. Следствие вместо объективного и всестороннего расследования всех имеющихся фактов стало на преступный и незаконный путь в производстве следствия. Меня с первого же допроса начали жестоко избивать, истязать, после чего я пролежал пять суток в постели. В последующем во все время допросов избиения и истязания с каждым днем принимали все более и более жестокие формы, меня заставляли непрерывно стоять по 35—40 часов с поднятыми вверх руками, меня избивали систематически по 3—5 дней непрерывно, лишали необходимого отдыха по целым шестидневкам. Так продолжалось в течение пяти месяцев до 18 января 1939 года...»[37]

Мучителей своих М.П. Магер запомнил на всю оставшуюся жизнь. Он их неоднократно называет в многочисленных заявлениях и жалобах. Вот их имена: заместитель начальника особого отдела ЛВО капитан госбезопасности К.А. Самохвалов, начальник 2-го отделения 5-го отдела УНКВД по Ленинградской области лейтенант госбезопасности М.Г. Рассохин и его помощник сержант госбезопасности П.Б. Кордонский, оперуполномоченный особого отдела ЛВО В.Я. Анчифоров. В том же ряду Матером названы и помощник начальника особого отдела Славин и следователь Лавров (их инициалы, к сожалению, не обнаружены). Это о них Максим Петрович пишет: «Все указанные лица, одни в большей, другие в меньшей мере принимали участие в производстве следствия. Конечно, ни один из них честно не признает своего участия в тех истязаниях, которые они учиняли надо мной во время допросов... Применяя эти преступно-варварские методы, следствие требовало от меня признания в несуществующих преступлениях. Насколько мне позволяли силы, я показывал свою невиновность, но все мои доказательства не приостановили применявшихся истязаний, а наоборот, по мере того, как я из последних сил выбиваясь, доказывал свою невиновность, следствие, в свою очередь, еще более ожесточилось в своих истязаниях, что доводило меня до

полного изнеможения. Я терял способность не только к сопротивлению, но и в здравом мышлении...»[38]

Понятно, что Магер борется за свое физическое выживание. Но его волнует не только это. Во многих его заявлениях в высшие инстанции красной нитью проходит мысль о том, что в системе НКВД орудует шайка настоящих врагов народа, наносящих непоправимый вред государству. Он недоумевает: «Для меня совершенно непонятно, каким образом до сих пор вся гнусная преступная практика не разоблачена. При одной мысли, что до сих пор в системе НКВД имеются подобные явления, становится жутко. Жугко становится не только от того, что суду представлены ложные и фальшивые материалы, на основании которых должны судить людей, ни в чем не повинных. Но ведь эти материалы служат информацией для партии и правительства, вот ведь в чем весь ужас, что партию и правительство обманывают. Это и есть самое важное, что я хотел сказать в своих заявлениях...»[39] Слова «партию и правительство обманывают» в тексте заявления были подчеркнуты самим Магером.

День 18 января 1939 года — важный рубеж в тюремной жизни Максима Петровича. Именно тогда он, собрав остатки сил, окончательно отказывается от всех ранее данных им ложных показаний на себя и других людей, оклеветанных им. Следователи неиствовали, но и Магер уже не намерен был сдаваться. Он с ужасом вспоминает предшествующие дни: «...В деле имеются протоколы, написанные до 18 января 1939 года, все эти протоколы написаны в моем присутствии, но без моего участия, подписывал я эти протоколы под воздействием. Все, что в этих протоколах написано, есть клевета, ложь, фантазия следователя... Доведенный... истязаниями во время допросов до невменяемого состояния, я исполнял все требования следствия, я делал все, что от меня требовали. Следствие требовало для себя нужных показаний, я эти клеветнические показания давал, я клеветал не только на себя, но и на людей, деятельность которых для меня была неизвестна. От меня требовали признаний в форме заявлений, я эти заявления под диктовку следствия писал и подавал три раза. От меня требовали в письменной форме показаний, я эти показания начинал много раз писать. Все, что мною написано, с начала и до конца ложно. Я об этом все время не переставал говорить. Написано это было под тяжелым воздействием...»[40]

Следует отметить, что и до января 1939 года у Магера было несколько попыток отказа от своих показаний. Так, 25 сентября 1938 года он отказывается от ранее данных им показаний, однако на следующий день снова подтверждает их (нам понятно, после

каких мер воздействия) и на последующих допросах «дает» подробные показания о заговорщической деятельности. «...17 декабря 1938 года я подписал протокол, неизвестно кем написанный (фальшивый документ). Подписал я этот протокол после 3-дневного непрерывного избиения и истязания. Таким образом в деле оказались три ложных документа. Все, что имеется в деле, от начала и до конца является ложью и клеветой...»

Если у Магера на первых порах еще и была какая-то, пусть даже призрачная, надежда на объективность в действиях следствия, то вскоре и она бесследно исчезла. В этом его окончательно убедила встреча с важным лицом, близким к окружению наркома НКВД Л.П. Берии. «...Мое заявление, лично сделанное комиссару Управления НКВД по Ленинградской области Гоглидзе в ноябре месяце 1938 г. о том, что мои показания ложны, что эти показания я дал под физическим воздействием, и о том, что я страдаю невинно, осталось без внимания, а истязания после этого заявления приняли более жестокий характер. На всем протяжении следствие не только не стремилось разоблачить ложь и клевету, а наоборот стремилось охранить ложь и клевету. Мои просьбы расследовать ряд фактов, дать мне ряд очных ставок с лицами, давшими клеветнические показания, следствием под всевозможными предлогами оттягивались, так и не были удовлетворены. Я не могу утверждать, насколько хорошо применялась преступная практика в процессе производства следствия, но участие людей, принимавших в этом участие, само за себя говорит...»

Далее М.П. Магер перечисляет лиц, принимавших участие в его допросах и истязаниях в стенах Ленинградской тюрьмы, — то было все руководство 5-го отдела УНКВД по Ленинградской области и особого отдела ЛВО. «...Участие указанных выше лиц в беззаконно-преступных методах ведения следствия по моему делу указывает о наличии круговой поруки в сокрытии всех этих беззаконных и преступных деяний от партии и правительства, и с другой стороны болезненное самомнение о своей непогрешимости не давало многим работникам, особенно молодым, своевременно рассмотреть это вредное явление в практической работе...»[41]

О том, что не он, комкор Магер, преступник, а таковыми являются следователи НКВД, ведущие его дело, Максим Петрович откровенно, не боясь последствий, высказывался в ряде своих заявлений. «...На практике получилось таким образом, что следствие было в полной зависимости от наличия показаний арестованных. О том, насколько эти показания отвечают

действительности, для следствия оставалось полной неясностью, брали все на веру, поэтому и находились в полной зависимости от той клеветы, которая была в отношении меня, а если принять во внимание заботы по охранению этой клеветы со стороны лиц, занимавшихся моим делом, то в этом случае картина будет совершенно ясна. Клевета осталась клеветой неразоблаченной и заботливо охраняемой следствием. Я не знаю, возможно это было сделано сознательно, с явно преступной целью, в чем я не сомневаюсь, чья-то преступная рука в отношении моего дела несомненно имела касательство. Иначе чем же можно объяснить то, что мне без всякой вины, не имея никаких преступлений, приходится вот уже второй год сидеть в тюрьме и переносить моральные и физические страдания. Повторяю, объяснить это можно только преступным отношением к делу работников, имевших касательство к моему делу. Обманули партию, народного комиссара. Сейчас тот же процесс совершается в отношении судебных органов, если это совершится и в отношении обмана судебных органов, то более классического случая клеветы и обмана не найти. Я не теряю надежды до конца в том, что большевистская справедливость восторжествует. Пусть даже уничтожат меня, но я твердо верю в то, что мерзавцы-преступники будут разоблачены и понесут достойную кару...»[42]

Обвинение М.П. Магера в принадлежности к военному заговору по ходу следствия обрастало и другими, сопутствующими ему «прегрешениями». Например, ему вменили в вину злостное вредительство в войсках ЛВО. Речь шла о том, что он, будучи членом Военного совета округа, в 1937 году вместе с командующим войсками П.Е. Дыбенко якобы умышленно допустил выброску парашютного десанта при сильном ветре, вследствие чего четыре парашютиста разбились насмерть, а 58 человек получили увечья различной тяжести.

Основные события в 1939—1940 годах по делу М.П. Магера развивались следующим образом. 10 июня 1939 года оно было следствием закончено и направлено на рассмотрение Военной коллегии. На ее подготовительном заседании 20 августа 1939 года было решено, что Магер предается суду по двум пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР: 58—1 «б» и 58—11. Судебное же заседание состоялось не на следующий день, как это обычно бывало на практике, а через три с лишним месяца (27 ноября 1939 года). Коллегия, заседавшая в следующем составе: председатель — диввоенюрист А.М. Орлов, члены — бригвоенюристы И.В. Детистов и А.Г. Суслин, решила возвратить дело на доследование в Главную военную прокуратуру, оставив прежней меру пресечения — содержание под стражей. В судебном

заседании Магер виновным себя не признал, назвав ложными показания лиц, изобличавших его в антисоветской деятельности. По поводу же своих показаний, в которых он признавал себя виновным, Максим Петрович заявил, что все они явились результатом применения к нему незаконных методов ведения следствия со стороны работников госбезопасности.

Приведем выдержку из материалов этого судебного заседания:

«Суд установил:

1) Показания участника заговора Халепского, изобличающего Магера, неконкретны и противоречивы, а в части обвинения Магера во вредительстве явно неправдоподобны, так как следствие вредительской деятельности Магера не подтвердило. Ввиду этого суд не придал значения показаниям Халепского.

2) По поводу показаний о Магере другого осужденного участника заговора Смирнова суд пришел к заключению, что они вызывают сомнение в своей правдоподобности, так как не будучи уведомлен об участии Магера в заговоре, он, Смирнов, якобы был связан с ним по контрреволюционной работе.

3) Уличавшие ранее Магера в участии в заговоре Говорухин, Коробов, Андреев и Богданов от данных ранее показаний отказались, причем дело Говорухина Военной коллегией с рассмотрения снято, а Богданов (полковник Семен Ильич Богданов, будущий маршал бронетанковых войск. — Н.Ч.) судом оправдан»[43].

Результаты работы Главной военной прокуратуры появились нескоро. Собственно говоря, она и не проводила каких-либо значительных дополнительных следственных действий по делу Магера ввиду явной надуманности многих обвинений, о чем уже сказано выше. 2 февраля 1940 года заместитель Главного военного прокурора диввоенюрист Н.П. Афанасьев вынес постановление, в котором говорилось:

«...Имея в виду, что хотя Военной коллегией и вынесено определение о доследовании дела Магера, но это доследование не вызывается необходимостью, так как все необходимые данные нашли по делу достаточное освещение и установлено:

а) что Магер, являясь членом ВКП(б) с 1915 года, участником гражданской войны, дважды орденоносцем, за все время пребывания в партии и армии не имел колебаний от генеральной линии партии. На должность члена Военного совета Ленинградского военного округа назначен по личному представлению наркома обороны;

б) что вредительства с его стороны не было;

в) что “признание” Магера во время следствия о своем

участии в военно-фашистском заговоре — есть результат избиений его со стороны бывших работников особого отдела Ленинградского военного округа Рассохина и других, которые ныне за нарушение социалистической законности арестованы и предаются суду.

Руководствуясь ст. 221 УПК

постановил:

Дело в отношении Магера Максима Петровича дальнейшим производством на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить.

Магер Максима Петровича из-под стражи немедленно освободить»[44].

Из воспоминаний бывшего Главного военного прокурора (1945—1950 гг.) генерал-лейтенанта юстиции Н.П. Афанасьева, а тогда, в 1939—1942 гг., заместителя Главного военного прокурора: «...К концу 1939 года в НКВД, Центре, в числе неоконченных оказалось дело Магера. Магер до ареста в 1938 году был членом Военного совета Ленинградского округа...

Арестован Магер был в Ленинграде, по существу, без всяких оснований. В его “деле” оказались лишь две выписки из показаний уже осужденных и расстрелянных “врагов народа” о том, что Магер тоже “примыкал” к заговору, что они якобы знали или слышали об этом от третьих лиц. И все.

Магер уже был переведен из Ленинграда в Москву и содержался во внутренней тюрьме НКВД.

По жалобе Магера на незаконный арест и избиение его при допросах я решил допросить его лично. В канцелярии тюрьмы, куда доставили Магера, я увидел пожилого человека, в грязном военном кителе с оторванными петлицами и пуговицами.

Он очень придирчиво осмотрел меня, попросил показать ему мое удостоверение личности и только после этого сказал, что верит мне и будет давать показания.

“Впрочем, — продолжал Магер, — показать мне нечего, я всегда был честен, против партии ничего не замышлял и не делал и мне непонятно, за что я арестован”. “Это какой-то кошмарный сон, — сказал он, — и я до сих пор не могу выйти из него, хотя не осталось ни одного места, по которому меня

бы не били во время допросов, требуя, чтобы я признал себя врагом народа”. “Я в царской тюрьме сидел, и там не было такого... Неужели не знает товарищ Сталин, что творится в НКВД и тюрьмах. Если бы мне сказал кто-то обо всем этом, я бы не поверил, но я все испытал сам... Скажите, что же творится в стране?” И этот, безусловно сильный человек, не мог сдержать слез... (Истязали и били Магера в Ленинграде — в особом отделе округа.)

Я коротко записал показания Магера и, заверив его, что скоро его дело получит разрешение, покинул тюрьму.

В Главной военной прокуратуре, наведя справки, я узнал, что начальник особого отдела в Ленинграде, возбудивший дело Магера и ведший его, Кондаков, уже арестован за фальсификацию дел, и о нем ведется следствие. По телефону я приказал, чтобы Кондакова специально допросили по делу Магера, а протокол допроса прислали мне.

Дней через 5—6 этот протокол был у меня. Кондаков (как и по ряду других дел) признал, [что] материал о виновности Магера он полностью сфальсифицировал, и что в действительности никаких оснований для ареста того не было. Признал, что Магера при допросах избивали, истязали “стойками” и бессонницей. Все это Кондаков делал, чтобы иметь у себя “на активе” крупное дело. Ну, а в общем-то совершенно ясно — стряпалось еще одно “липовое” дело на невинного человека.

Я сам написал обстоятельное и подробное постановление о прекращении дела за отсутствием состава преступления. Я предчувствовал, что Магер, освободившись из тюрьмы, безусловно пойдет в ЦК партии и будет добиваться не только полной реабилитации для себя, но и требовать наказания виновных в его незаконном аресте и избиениях. Поэтому я решил, что будет лучше, если мое постановление утвердит Прокурор Союза. С этим я и пришел к Панкратьеву. Он выслушал меня и сказал: “Ладно, оставь дело”.

Прошел второй, третий день. Панкратьев все ссылался, что еще не успел ознакомиться с делом, а когда прошло еще три дня, он уже раздраженно сказал: “А вы что, боитесь ответственности? Зачем тут мое утверждение? Решали же вы до сих пор дела — делайте и это”.

На мои слова, что дело Магера не обычное и что оно неизбежно будет рассматриваться в ЦК, Панкратьев перебил меня: “Ну и что? Вот тогда, если будет нужно, мы пойдем вместе в ЦК и докажем, что Магер не виноват. А сейчас давайте, кончайте дело сами”.

В тот же день постановление о Магере было послано в тюрьму для исполнения, а на другой день утром ко мне явился сам Магер. Поблагодарив меня за внимание к нему и за то, что наконец справедливость по отношению к нему восстановлена, он задал мне вопрос, а что же дальше будет с ним?

Никаких документов, кроме справки тюрьмы, что он освобожден оттуда, Магер не имел. Денег у него не было, жить было негде, вещей никаких. Семья у Магера была в Ленинграде,

но больше года сведений о ней он не имел. Положение действительно оказалось очень сложным, о чем я раньше не предполагал. Вопрос о Магере надо было прежде всего решать в Наркомате обороны, в Главном политическом управлении.

Попросив Магера подождать, я из кабинета Прокурора Союза позвонил по “кремлевке” начальнику Главного политического управления Запорожцу, но ни его, ни наркома обороны Тимошенко[45] в Москве не было, оба были на учениях (не на учениях, а на войне с Финляндией. — Н.Ч.). Оставался Щаденко Ефим Афанасьевич. Он в то время был заместителем наркома по кадрам, и я попросил у него встречи.

Вернувшись к себе, я сказал Магеру, что ему придется ждать возвращения в Москву руководства Наркомата обороны, а пока устроиться в гостинице ЦДКА, куда я позвонил о номере. Дал Магеру и денег из фондов ГВП (Главной военной прокуратуры. — Н.Ч.), на первое время.

Утром следующего дня я поехал к Щаденко. Это был своеобразный человек. Выбившись в “верха” еще в первые годы революции, он как был, так и остался малограмотным и грубым человеком. Однако пребывание его все время на высоких постах в армии и дружеские отношения со Сталиным и Ворошиловым породили в нем чванство, заносчивость и привычку считать себя умнее всех своих подчиненных, которых он постоянно называл на “ты” и позволял себе по отношению к ним матерную ругань.

Едва услышав о Магере, Щаденко сразу же “взорвался”: “Ты что, с ума сошел? Это же враг народа, а ты пришел с ходатайством о нем. Не выйдет. А то, что ты его освободил и прекратил дело, это мы еще посмотрим и проверим, как и почему прокуратура защищает врагов народа. Все. Больше я об этой сволочи и слышать не хочу, а с тобой поговорят, кому надо в ЦК или в другом месте”. Этим и закончилась моя “встреча” с Щаденко.

К слову, о Щаденко. К концу жизни он стал совершенно ненормальным. К чванству и кичливости прибавились какая-то патологическая жадность и скопидомство. Проживая на собственной даче под Москвой (Баковка), он, оставшись один (жена умерла, детей не было), торговал овощами и фруктами и копил деньги. Заболев, он при отправке в Кремлевскую больницу повез туда свои подушки, одеяла и матрацы. Когда умер, в матраце оказались деньги на сумму свыше 160 тысяч рублей. На них он и умер.

Знаю это потому, что о происшествии пришлось составлять акт и посылать для этого в больницу военного прокурора.

В ближайшие дни ни Тимошенко, ни Запорожец в Москву не

вернулись. Магер ежедневно приходил ко мне с вопросом, что ему делать и куда идти. Наконец, он заявил, что больше ждать не может и пойдет в ЦК. Запретить этого я ему не мог. Поздно ночью (после этого дня), когда я уже спал дома, вдруг зазвонил телефон. Говорил Мамулов — личный секретарь Берии, который сказал, что со мной будет говорить нарком (вообще небывалый случай, чтоб на квартиру звонил "сам" Берия, среди ночи!).

Берия просил срочно приехать к нему и, выяснив, что это будет не ранее, как через час (мне надо было вызвать к себе машину), сказал, что посылает за мной свою машину (тоже небывалый случай!). Едва я успел одеться, машина была уже у дома. Скоро я оказался в кабинете Берии. Он сидел за столом со своим заместителем Меркуловым и читал какое-то дело.

Когда я вошел, Берия стал спрашивать, на каком основании и почему я освободил из тюрьмы Магера и прекратил о нем дело. Я объяснил.

"Да, — ответил Берия, — я вот читаю его дело (оно действительно каким-то образом оказалось у него). Материалов в деле нет, это верно, и постановление правильное, но вы все равно должны были предварительно посоветоваться с нами. На Магера есть "камерная" агентура. Сидя в тюрьме, он ругал Советскую власть и вообще высказывал антисоветские взгляды".

Никакой агентуры в деле не было, но Берия опять повторил: "Надо было посоветоваться с нами, прежде чем решать дело".

Я чувствовал, что вызов к Берии не случаен, но причины он мне объяснять не стал и, заканчивая разговор, добавил: "Вы завтра в Ростов собираетесь, так вот мы просим, пока воздержитесь с поездкой".

На этом моя "аудиенция" закончилась, и на той же министерской машине меня отвезли домой. Утром, едва я приехал на работу, меня вызвал Панкратьев. Он был явно расстроен и сразу же "набросился" на меня: "Что вы сделали с делом Магера? Получился скандал. В дело вмешался товарищ Сталин и теперь черт знает что может быть и зачем было связываться с этим Магером?" Пока Панкратьев испуганно "причитал" в этом роде, в кабинет вошел фельдъегерь связи НКВД и вручил ему "красный пакет" (в них обыкновенно рассылались важные правительственные документы, имеющие срочный характер). Приняв пакет и прочитав находящуюся там бумагу, Панкратьев вновь обратился ко мне: "Вот видите, чем обернулось для нас дело Магера?"

Бумага была выпиской из решения Политбюро ЦК от этого же числа за подписью Сталина, в ней значилось:

"Слушали: доклад тов. Берии (о чем, неизвестно).

Постановили: Впредь установить, что по всем делам о контрреволюционных преступлениях, находящихся в производстве органов прокуратуры и суда, арестованные по ним могут быть освобождены из-под стражи только с согласия органов НКВД".

Постановление было более чем ясное. Конституционные права прокуратуры и суда были ликвидированы коротким постановлением на целых 13 лет — т.е. до смерти Сталина. Было это в феврале 1940 года.

Что же произошло с Магером и следствием чего явилось это решение Политбюро? Это выяснилось несколько позднее. Оказывается, от меня Магер пошел в ЦК партии и стал там настойчиво добиваться приема его кем-либо из секретарей ЦК. Никаких документов у него, кроме справки из тюрьмы, не было. Отказы, видимо, "распалили" Магера, он стал "шуметь", даже в приемной ЦК. Оттуда позвонили Берии, а потом его привезли к самому Берии. Что за разговор был у Берии с Магером, я не знаю, но после этого Берия срочно доставили дело Магера из прокуратуры, и с ним он лично поехал к Сталину, где и доложил ему дело. Конечно, доложил по-своему.

Сталин позвонил Панкратьеву и спросил, в чем обвинялся Магер и почему прокуратура прекратила его дело. Панкратьев, видимо, все же не знал дела или знал его поверхностно, но звонок Сталина застал его явно врасплох. И вместо того, чтобы попросить лично доложить ему дело (на что Сталин, по моему мнению, согласился бы), Панкратьев очень невразумительно и неправильно, по существу, ответил: "Товарищ Сталин, формальных данных для привлечения к ответственности Магера нет".

"Нельзя же быть только формалистом в делах", — ответил Сталин и положил трубку.

В такой "ситуации" Берии, конечно, не составило труда сочинить постановление, которое и было подписано Сталиным. Как оно стало осуществляться на практике — в жизни, работники прокуратуры и суда узнали очень скоро.

Если прокурор прекращал дело производством или суд выносил оправдательный приговор, эти документы посылались в НКВД (в Центр). Там кто-то переправлял их начальнику тюрьмы или лагеря, где находился заключенный, с требованием дать "отзыв-характеристику" — можно или нет освободить данного заключенного.

Начальник тюрьмы или лагеря, естественно, не знал и не мог знать хорошо каждого заключенного. Поэтому "характеристики" поручалось писать надзирателю корпуса или отделения и именно

от этих лиц фактически стала зависеть судьба людей, о виновности которых уже было сказано: “Нет, не виновен”.

Вскоре таких лиц в тюрьмах НКВД накопилось достаточно много. Как быть? Но Берия и здесь нашел “выход”. Всех таких лиц стали “оформлять” (именно оформлять — другого названия тут не придумаешь) на Особое Совещание НКВД и давать сроки лишения свободы от 5 до 10 лет, без вменения какой-либо вины или конкретного преступления, а просто как “СОЭ” (что на обыкновенном языке значило “социально опасный элемент)”...»[46]

Итак, да здравствует свобода!.. Позади остались кошмарные бесконечные месяцы и года тюремных застенков. Впереди столь долгожданная свобода, встреча с семьей. Что он будет делать в первые дни после освобождения, Максим Петрович в деталях не представлял, но он точно знал: все это будет для него в радость, которую он вовсе не намерен был скрывать от окружающих.

В те дни Магер искренне считал, что все страшное для него уже позади, что ошибка, совершенная в отношении него, больше никогда не повторится. Ведь высшая военная судебная инстанция (Военная коллегия) фактически его оправдала, а Главная военная прокуратура и вовсе отринула весь ворох надуманных обвинений и инсинуаций в его адрес. Свое освобождение из тюрьмы Магер по праву считал закономерным финалом его твердой позиции перед следствием после 18 января 1939 года и настойчивых заявлений в высокие союзные инстанции.

Но Максим Петрович жестоко ошибался! Его освобождение скорее следует считать случайностью, нежели закономерностью, ибо он, естественно, не мог знать содержания секретных ведомственных документов. Например, двух специальных приказов, подписанных в 1940 году наркомом юстиции и Прокурором СССР, в которых указывалось, что арестованные, оправданные судом по делам, расследованным работниками НКВД, не подлежат освобождению из-под стражи, а должны направляться в те места заключения, откуда они были доставлены на судебное заседание. Более того, на суды возлагалась особая обязанность — «выяснить в органах НКВД, не имеется ли с их стороны каких-либо возражений в отношении освобождения оправданных по суду лиц»[47]. Отсюда совершенно очевидно, что прокурорский надзор в те годы являлся всего лишь фикцией и последнее слово в любом случае оставалось за карательными органами, за органами госбезопасности.

В случае с освобождением Магера эти органы посчитали себя сильно обиженными. Уязвленное ведомственное самолюбие у них разыгралось не на шутку и требовало если не полного, то хотя бы частичного удовлетворения. Как это так — военный прокурор

освобождает их важного подследственного и закрывает его дело, при этом даже не посоветовавшись с ними. Такого чекисты второй половины 30-х годов никому не прощали, независимо от перемены названия их органов и порядка подчиненности. Дело в том, что в 1941 году особые отделы (военную контрразведку) передали из НКВД в состав Наркомата обороны и они в виде 3-го Управления стали там функционировать с непосредственным подчинением наркому.

Не знал Максим Петрович всего того, что творилось в это время за «кулисами». Ныне стали известны некоторые из этих подробностей, в частности, из рассказа бывшего врид Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции П.М. Гаврилова. Он сообщил, что после освобождения из-под ареста Магера его, Гаврилова, сначала разыскивал Берия, а затем в тот же день ему позвонил Сталин и потребовал объяснений по поводу всего случившегося. Гаврилов доложил Сталину, что Магер невиновен, а дело в отношении его сфальсифицировано.

Далее, по словам Гаврилова, его разговор со Сталиным принял следующий оборот: «...Сталин стал мне говорить, что при царе лиц, политически подозрительных, ссылали в Сибирь. Это Сталин мне повторил несколько раз. Я Сталину сказал, что ссылать Магера в Сибирь нет оснований, за ним никакой вины нет. Видя, что Сталин не верит мне... я попросил разрешения доложить дело лично ему — Сталину. На это Сталин мне сразу ничего не ответил, и я услышал по телефону, как он что-то говорил с Берией по-грузински. Затем мне Сталин сказал, что дело ему докладывать не надо, но чтобы я учел его замечания. Кроме того, Сталин сказал мне, что надо было согласовать с Центральным Комитетом партии освобождение Магера из-под стражи»[48].

Всего четырнадцать месяцев пробыл М.П. Магер на свободе, которой он так усиленно добивался в 1938—1939 годах. Черный день наступил 8 апреля 1941 года, хотя постановление на его повторный арест было вынесено десятью днями раньше.

Здесь временно прервем рассказ о деталях повторного ареста М.П. Магера и вернемся к событиям двухлетней давности. Все же не напрасно Максим Петрович и ему подобные принципиальные коммунисты били тревогу о том, что в органах госбезопасности окопалась и орудует шайка настоящих вредителей. Их письма и жалобы в различные инстанции в конце концов возымели свое действие — последовала определенная чистка органов госбезопасности как в центре, так и на местах.

«Есть все-таки правда на свете», — подумал Магер, узнав, что его мучители арестованы и понесли соответствующее наказание.

Еще когда он по первому заходу находился в тюрьме, в 1939 году за фальсификацию дел и применение незаконных методов следствия, а попросту говоря — за систематическое избиение арестованных, были подвергнуты аресту начальник особого отдела ЛВО В.С. Никонович и его заместитель К.А. Самохвалов, сотрудники этого отдела Авдеев, Литвиненко, Лещенко, Рассохин, Кордонский и другие авторы многостраничных «липовых» дел. В частности, М.Г. Рассохин был арестован 5 марта, а П.Б. Кордонский— 13 апреля 1939 года. Формальным обвинением первого из них послужило то, что он якобы скрывал, уводя от серьезных политических и уголовных обвинений участников контрреволюционных формирований. Например, что он вынудил Линдова-Ливши-ца (бывшего начальника мобилизационного отдела штаба ЛВО) отказаться от своих показаний о принадлежности работников госбезопасности Владимирова и Ямполъского к военно-фашистскому заговору.

Разумеется, что, кроме Магера, на указанных садистов в форме офицера НКВД было кому жаловаться. В постановлении о принятии меры пресечения указано, что Рассохин и Кордонский арестовали заместителя начальника штаба ЛВО-комбрига И.М. ГТодшивалова, военного прокурора 1-го стрелкового корпуса военного юриста 1-го ранга Ф.В. Маркова и еще немало других командиров и политработников, не располагая на них никакими агентурными материалами, а только по показаниям других подследственных. Кроме того, в этом постановлении также отмечалось, что Рассохин и Кордонский в ходе следствия вынуждали арестованных давать так называемые условные показания о своей причастности к антисоветской деятельности, мотивируя это якобы интересами ВКП(б) и Советской власти. И жестоко обманывали беззащитных людей — эти самые «условные» показания затем фигурировали на следствии и в суде в качестве основных и довлеющих.

Под давлением фактов на следствии по своему делу (на допросах и очных ставках) Рассохин и Кордонский вынуждены были подтвердить случаи избиения ими Магера и других арестованных военнослужащих, в том числе бывшего командира 19-го стрелкового корпуса комдива В. П. Добровольского, члена Военного совета ЗакВО корпусного комиссара М.Я. Апсе, командира 1-го стрелкового корпуса комдива В.И. Малафеева, командира 1-й танковой бригады полковника А.И. Лизюкова и других «генералов».

В собственноручных показаниях Рассохин подробно рассказывает, как фальсифицировались протоколы допросов арестованных, проходя соответствующую корректировку у целого

ряда должностных лиц, вплоть до начальника УНКВД. Оттуда они выходили совершенно неузнаваемыми, и смысл показаний арестованных в них неимоверно искажался. Для придания показаниям некоторой правдоподобности в таких протоколах отражалась придуманная в кабинетах НКВД борьба арестованного со следователем.

Говоря о «липовых» делах, Рассохин утверждает, что на создание таких дел давались указания руководством УНКВД на совещаниях руководящего состава, а до отделений доводились контрольные цифры — сколько людей нужно арестовать. Как правило, эти контрольные цифры оперативными работниками перевыполнялись. Например, только шпионов, якобы завербованных польским вице-консулом Каршем, было арестовано столько, что в случае реальной такой обстановки этому дипломату понадобилось бы ежедневно вербовать по 3—5 человек[49].

Рассохин, Кордонский и другие «особисты», арестованные по обвинению в фальсификации следственных дел, яростно защищались, признавая свою вину только под грузом неопровержимых доказательств. К тому же следственные и судебные работники проявляли к ним определенную снисходительность, иногда даже не мотивированную. Это видно из такого примера. Почему-то в обвинительном заключении Рассохину и Кордонскому не инкриминируется фальсификация следственных дел на комкора К.А. Ступку, комдива В.И. Малафеева, комбрига П.О. Пугачевского и еще на двенадцать человек, ранее проходивших по их материалам. В начале января 1940 года предъявленное Рассохину и Кордонскому обвинение в фальсификации следственных дел еще на четырнадцать человек высшего и старшего комначсостава, в том числе на корпусного комиссара М.Я. Апсе, дивизионного комиссара В.В. Серпуховитина, комдива Е.С. Казанского, комбрига И.И. Кальвана, также необоснованно было снято.

На суде в военном трибунале войск НКВД Ленинградского округа в начале апреля 1940 года Рассохин и Кордонский виновными себя в фальсификации материалов следственных дел не признали, хотя и подтвердили некоторые факты своего участия в побоях арестованных, в том числе и Магера. Суд, глубоко не вникая в существо дела на Рассохина и Кордонского, определил им чрезвычайно мягкое наказание: первый получил три, а второй два года ИТЛ. По протесту военного прокурора этот приговор был отменен Военной коллегией и дело возвращено на доследование. В ходе его ничего особенного не было выявлено, однако наказание немного ужесточили — в конце февраля 1941 года все

тот же военный трибунал войск НКВД приговорил Рассохина и Кордонского к четырем годам ИТЛ каждого[50].

Итак, Максим Петрович Магер пробыл на свободе год с небольшим — до 8 апреля 1941 года. В этот день 3-е Управление НКО СССР с санкции Прокурора СССР В.М. Бочкова (кстати, бывшего начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. — Н.Ч.) вновь арестовало Магера как участника военно-фашистского заговора, мотивируя это тем, что «Главная военная прокуратура 2 февраля 1940 года без выполнения определения Военной коллегии и опровержения имевшихся материалов дело производством прекратила, освободив Магер из-под стражи»[51]. А посему еще 27 марта следователь, сержант госбезопасности Куркова, назначенная вести вторичное дело М.П. Магера, вынесла постановление, в заключительной части которого говорилось:

«На основании вышеизложенного (повторялись один к одному обвинения по старому делу. — Н. Ч.) Магер, как необоснованно освобожденный, подлежит аресту»[52]. Данное постановление утвердил 31 марта нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Новое дело по старому обвинению начинала сержант Куркова, продолжил его Гинзбург, а заканчивал через три месяца уже третий следователь — лейтенант Г.Т. Пилюгин. Именно им было составлено 1 июля 1941 года обвинительное заключение. Несмотря на то что никаких дополнительных доказательств виновности Магера в совершении государственных преступлений в процессе следствия в 1941 году добыто не было, Максим Петрович тем не менее был предан суду по тем же пунктам 58-й статьи, что и при первом аресте. 20 июля 1941 года (через месяц после начала войны) Военная коллегия почти в том же составе, что и год назад (разве что Суслина заменил Д.Я. Кандыбин), вынесла в отношении М.П. Магера обвинительный приговор, осудив его к расстрелу[53].

Определенный интерес представляют показания бывшего следователя Г.Т. Пилюгина, данные им в качестве свидетеля в сентябре 1955 года. Они существенно дополняют уже известные нам материалы.

«Вопрос военного прокурора: Известно ли вам было, что дело по обвинению Магера было прекращено в 1940 г. Главной военной прокуратурой?

Ответ: Ознакомившись с материалами дела по обвинению Магера, я видел там постановление о прекращении дела за подписью Афанасьева. Однако в материалах дела было уже и новое постановление на арест Магера от марта 1941 г. Кроме того, в материалах дела было письмо в ЦК КПСС (так в тексте

оригинала. — Н.Ч.), подписанное маршалом тов. Тимошенко, в котором спрашивалось разрешение на арест Магера...

Вопрос: Какие же новые материалы, изобличающие Магера, были вами собраны в 1941 году?

Ответ: Думаю, что никаких новых материалов, кроме тех, которые имелись в материалах дела 1938—1939 годов, собрано не было. Мною проверялись факты авиакатастрофы в ЛВО, а также показания свидетелей об антисоветской деятельности Магера в АБТУ, но собранные материалы существенного значения для обвинения Магера во вражеской работе не имели. Более того, в АБТУ мною была получена справка, вернее, отзыв от одного сослуживца Магера, фамилию которого сейчас не помню, который отзывался о Магере исключительно положительно. Эта справка мною была приобщена к делу.

Вопрос: Какие заявления были со стороны Магера во время следствия?

Ответ: Помню, что Магер при выполнении ст. 206 УПК РСФСР заявил ряд ходатайств. Некоторые из них я выполнил, т.е. те, которые возможно было выполнить, которые же невозможно — не удовлетворил. В частности, сделать очные ставки со свидетелями я не мог, ибо они уже были осуждены, точнее расстреляны.

Вопрос: В материалах дела имеется заявление Магера в ЦК КПСС. Был ли направлен по назначению подлинник заявления Магера?

Ответ: Да, мною заявление Магера в ЦК КПСС было передано начальнику следственной части Осетрову для направления по адресу. Копию заявления я подшил в материалы следственного дела.

Вопрос: Известно ли вам о том, что следователи Рассохин и Кордоне кий, ведшие дело Магера в 1938—1939 годах, в феврале 1941 года были осуждены за фальсификацию уголовных дел?

Ответ: Нет, мне это не было известно.

Вопрос: Чем вы еще желаете дополнить свои показания?

Ответ: Должен заявить, что показания некоторых свидетелей по делу у меня вызывали сомнение, я считал необходимым передопросить их. Однако это сделать было нельзя, так как свидетели к 1941 году были расстреляны. Поэтому мною было предложено Управление особых отделов. Михеев не только не согласился с этим, но и отругал его, а Осетров потом, в свою очередь, отругал меня и сказал, что Магер арестован по личному указанию одного из руководителей ЦК. Тут же Осетров приказал мне составить обвинительное заключение по материалам дела, что я и сделал...»[54]

Аресты и допросы в семье М.П. Магера растянулись на целый

десяток лет. Так, его жена Елена Семеновна, в годы войны проживавшая в Тюмени и работавшая там воспитателем в детском доме, в 1945 году была арестована и Особым совещанием, как ЧСИР, направлена в ссылку сроком на пять лет. Наказание она отбывала в г. Тобольске — в тех местах, что и декабристы сто лет тому назад.

Участь, подобная судьбе М.П. Магера, постигла и другого человека из высшего эшелона начальствующего состава РККА. Арестованный месяцем раньше Магера, корпусной комиссар И.П. Петухов, работавший секретарем у Ворошилова, на второй день после ареста (5 июля 1938 года) стал давать показания о своем участии в антисоветском военном заговоре. Поначалу в качестве своего вербовщика он, видимо, по недосмотру следователя назвал корпусного комиссара А. В. Хруле-ва, но затем, отказавшись от этого варианта (Хрулев, очевидно, показался особистам в таком деле мелкой сошкой), стал везде показывать, что в заговор был вовлечен Я.Б. Гамарником. Спустя месяц после ареста (в августе 1938 года) Петухов вообще от своих показаний откажется.

Надо сказать, что во второй половине 1938 года шла уже «подчистка» тех старых кадров, которые по тем или иным причинам уцелели от репрессий первой волны. К тому времени в распоряжении ГУГБ НКВД СССР имелись показания почти на всех (если не на всех) высших военачальников Красной Армии, в чем мы смогли не раз убедиться по ходу повествования. Показания (обвинение в причастности к военному заговору) в отношении И.П. Петухова накапливались хотя и медленно, но верно, и участь его можно было предвидеть несколькими месяцами раньше, прежде чем за ним пришли. Но сам он многого тогда не знал, ходя и ощущал, что тучи над его головой с каждым днем сгущаются.

А как им было не сгущаться, если обвиняемый по другому делу бригадный комиссар А.М. Круглов-Ланда показал 13 апреля 1938 года следующее: «Однажды, когда я был в кабинете Шубина (бригадный комиссар И.Г. Шубин, заместитель начальника отдела ПУРККА. — Н.Ч.), туда зашел Осепян (заместитель начальника ПУРККА. — Н.Ч.) и сказал, что Гамарник решил во что бы то ни стало добиться назначения Петухова в УМС (Управление Морских Сил РККА. — Н.Ч.), где он нам нужен... Позднее Шубин мне сообщил, что Петухов является участником заговора»[55].

А месяцем раньше арестованный нарком Военно-Морского Флота СССР Ц.А. Смирнов «выдал» такую «тайну»: «...В августе 1937 года в моем кабинете в Политуправлении РККА (до назначения на пост наркома ВМФ Смирнов в течение полугода исполнял обязанности начальника ПУРККА. — Н.Ч.) Булин

сообщил… что Петухов является участником антисоветского заговора и занимает в заговоре особо законспирированное положение, учитывая его работу в секретариате наркома»[56].

Все эти моменты, равно как и другие, нашли свое отражение в обвинительном заключении по делу И.П. Петухова, хотя они, как показала дополнительная проверка, являются ложными от первой до последней буквы. Например, бригадный комиссар Шубин, оказывается, показаний на Петухова, как участника военного заговора, не давал. Проверкой дела по обвинению армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина установлено, что он в суде виновным себя не признал и от данных на следствии показаний отказался.

Чувствуя шаткость обвинительного материала на момент начала следствия, в ГУГБ НКВД вовсю старались дополнить его новыми показаниями. В случае с Петуховым такое происходило с маршалом А.И. Егоровым. В январе 1939 года тот в собственноручных показаниях указывает, что «…Аронштам (начальник политуправления ОКДВА в 1933—1936 годах.— Н.Ч.)… сообщил мне, что со слов Окунева (начальника политуправления ТОФ. — Н.Ч.) ему известно о том, что Петухов, работающий в секретариате наркома, является участником заговора»[57].

Как отмечалось, в августе 1938 года Петухов отказался от всех своих ложных показаний и с тех пор уже твердо стоял на этих позициях, несмотря на мощный напор следствия. А время шло… Чтобы соблюсти все формальности, которым были совсем не чужды в НКВД, начальник 1-го отделения Особого отдела ГУГБ старший лейтенант госбезопасности Иванов в середине ноября 1938 года выносит постановление о продлении срока ведения следствия по делу И.П. Петухова на очередные два месяца. Из этого документа можно узнать, что содержащийся в Лефортовской тюрьме Петухов к тому моменту подвергался допросам 15 раз[58]. А еще оттуда узнаем о плане дальнейших действий следствия в отношении арестованного:

1. Привести в порядок все материалы дела.

2. Допросить Петухова по всем обстоятельствам, изложенным им в личной рукописи и по показаниям Симонова, Урицкого и Ланда.

3. Допросить людей, подававших на него в свое время заявления в партийном порядке.

4. После допроса свидетелей его снова допросить по существу показаний.

5. Числа 20-го декабря показать дело для просмотра и для дальнейших указаний[59].

Характерно то, что из всех материалов дела И.П. Петухова четко усматривается одно — несмотря на наличие в нем расстрельных пунктов 58-й статьи, его однозначно направляли по линии Особого совещания, что сулило сохранение жизни. Хоть за решеткой и забором, но все-таки жизнь, о чем мечтали сотни и тысячи других заключенных, проходивших по тем же пунктам 58-й статьи УК РСФСР. Сказалось, видимо, какое-то содействие (в материалах дела оно проявляется косвенно) со стороны Ворошилова и Прокурора СССР А.Я. Вышинского. О роли последнего в деле Петухова будет сказано несколько позже.

14 февраля 1939 года решением Особого совещания при НКВД СССР Иван Павлович Петухов из-под стражи был освобожден с зачетом ему наказания срока предварительного заключения. Свое долгожданное и в то же время неожиданное освобождение Петухов напрямую связывал с приходом в НКВД нового руководства. В одном из заявлений он писал: «Реабилитация меня и мое освобождение в феврале 1939 г. были следствием прихода к руководству НКВД Л.П. Берии... Приход к руководству НКВД Л. Берии и личный допрос меня вновь назначенным начальником Особого отдела Бочковым коренным образом изменили обстановку. Новое руководство правильно оценило все показания на меня врагов и просто нечестных людишек, учло все мое прошлое, и я был выпущен на свободу...»[60]

Свобода!.. Кто из нормальных людей о ней не мечтает! Но ничто не может сравниться с чувствами человека, после долгих мытарств вырвавшегося из тюрьмы и сбросившего с себя груз несправедливых и тяжких обвинений. Частично о состоянии, в котором пребывал тогда Петухов, можно узнать из письма его дочери, написанного в адрес И.В. Сталина 20 марта 1939 года (она тогда училась в Военной академии механизации и моторизации): «...Когда у нас был арестован отец, мы не сомневались в том, что наши соответствующие органы разберутся в этом деле и в результате отец будет освобожден, т.к. в честности его мы никогда не сомневались и не будем сомневаться.

Все произошло, как мы и предполагали. В ночь на 17 февраля 1939 г. отец был освобожден и возвратился к нам. Как мы и ожидали, забран он был по клевете врагов народа, которые теперь, обессилев, окончательно встали на такой скользкий путь, как клевета на честных людей.

Не было границ нашему счастью, нашей благодарности Советской разведке. Было такое состояние, что хотелось забраться на Кремлевскую башню и кричать на весь мир о таком большом

счастье.

Отец вернулся слабый здоровьем, но сильный духом. По правде сказать, мы не ожидали увидеть его таким. Мы думали, что такой большой срок заключения убьет его, подорвет его волю, но оказалось не так: он вернулся еще более преданным, еще более стойким большевиком.

У меня появились мысли о том, что все-таки невинного человека держали 7 с половиной месяцев, которые я не раз высказывала отцу. Отец убедил меня в том, что иного выхода не было, раз есть показания...

Отец все время говорил, что только благодаря нашей разведке его дело было разобрано и он был освобожден. А когда начался съезд (XVIII съезд ВКП(б). — Н.Ч.), будучи на свободе, он жил вместе с ним... Мы, как никто, в это время почувствовали заботу о себе. Нам обещали дать квартиру (из ранее занимаемой семью И.П. Петухова после его ареста выселили. — Н. Ч.) и приступили к лечению отца, хотя он ничего не просил.

Так зажили мы счастливой жизнью.

Но это счастье продолжалось недолго. 12 марта в 3 часа дня отца вновь арестовали... Мы опять стали на отшибе, опять с ужасной кличкой “семья врага народа”, опять без всякой почвы под ногами...»[61]

Как и все письма, адресованные Сталину, письмо Н. Петуховой поступило в особый сектор ЦК ВКП(б). Оттуда оно через неделю было переправлено Прокурору СССР Вышинскому. На препроводительной к нему имеется резолюция Вышинского от 29 марта: «т. Ульяновой. Истребуйте дело и дайте мне свое закл(ючение)»[62].

Через две недели упомянутая Ульянова — военный юрист 1-го ранга, начальник 2-го отдела Главной военной прокуратуры, подготовила для Вышинского следующую справку:

«Петухов И.П., корпусной комиссар, был арестован 4.VII-1938 г. Решением Особого Совещания дело о нем в феврале 1939 г. было прекращено. Вы принимали участие в решении этого дела. 12.111.1939 г. Петухов по старым материалам арестован вновь.

По делу написано обвинительное заключение и оно представлено на рассмотрение Особого Совещания»[63].

На этом документе есть короткая помета — резолюция Вышинского: «В наряд». Что означает сей термин — неизвестно. Видимо — поставить на очередь для рассмотрения дела на ОСО. Или что-то другое, но в этом же роде. Как видно, никакого протеста и возмущения действиями НКВД в отношении Петухова Вышинский не выражает, хотя из того же документа отчетливо усматривается, что освобождение из-под стражи Ивана Павловича

в феврале 1939 года произошло не без его вмешательства. Почему же он сейчас совершенно не реагирует на деяния органов НКВД, фактически перечеркнувших все его усилия? Видимо, изменился целый ряд обстоятельств, и хороший игрок (этого у него не отнять!) Вышинский стал еще более тщательно просчитывать не только свои шаги в отношении арестованных, но и их возможные последствия.

После второго ареста Петухова события развивались стремительно. Прошел только месяц его пребывания в тюрьме, а военный прокурор Ульянова уже докладывает о подготовленном обвинительном заключении. И никакого обмана здесь нет — следователь Комаров хорошо потрудился, добросовестно переписав старое заключение, благо что он сам же и составлял его в феврале. Одним словом, Петухов будто бы и не был несколько недель на свободе — все тот же следователь Комаров, все та же тюрьма, все то же заключение.

Наверное, чтобы не упрекнули его, что он даром ест хлеб, Комаров в мартовское заключение (да, 12 марта 1939 года Петухова арестовали, а уже 29-го числа того же месяца начальник Особого отдела ГУГБ старший майор госбезопасности В.М. Бочков утверждает обвинительное заключение) добавил и несколько «свежих» положений, которых не было в предыдущем. Например, указывается, что арестованный комкор М.О. Степанов, бывший начальник Инженерного управления РККА, показал 27 марта (за два дня до утверждения обвинительного заключения) о том, что Петухов осенью 1934 года присутствовал на банкете, устроенном начальником Военной академии механизации и моторизации Германовичем. Но суть обвинения, разумеется, не в самом факте присутствия на банкете, а в том, что там с «контрреволюционными речами» выступали М.Н. Тухачевский, а также руководители АБТВ Красной Армии И.А. Халепский, К.И. Степной-Спижарный, И.К. Грязное и другие. А Петухов, исполнявший в то время обязанности помощника по политической части у Германовича, стало быть, не донес об этом «вопиющем случае» компетентным органам и руководству Наркомата обороны.

Другой добавкой послужило то, что в 1930 году Петуховым был подготовлен выпуск второго издания своей книги «Партийная организация и партийно-политическая работа в РККА». Так вот криминалом оказалось то, что он подарил один экземпляр книги начальнику ПУРККА Гамарнику с надписью «Яну Борисовичу». Поставил свой автограф и дату — 7.IV. 1930 г. Если в февральском обвинительном заключении данный эпизод не фигурировал, оставаясь «за кадром», то в мартовском он был

подробно расписан и преподнесен, так сказать, «во всей красе». Чего только стоят вот такие строчки: «Указанная книга нами была дана на заключение полковому комиссару Катулину (начальнику кафедры Военной академии механизации и моторизации. — Н.Ч.), который в выводах пишет: “Книга вредная, ее надо изъять, автора привлечь к партийной ответственности”»[64].

Следователь Комаров и его «шефы» из Особого отдела ГУГБ не преминули обвинить Петухова и в принадлежности к презренному кулацкому сословию. В обвинительном заключении по этому поводу отмечается: «За это же время в 3-й раз были проверены данные о Петухове по месту его родины.

Допросом ряда свидетелей односельчан Марченкова, Панова, Ястребова, родной сестры Петуховой Александры, матери Петуховой Василисы и официальной справки сельсовета, датированной от 5 февраля 1939 года устанавливается, что Петухов происходит из кулацкой семьи, что он был связан с антисоветским элементов деревни...»[65]

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 20 апреля 1939 года в отношении И.П. Петухова было, можно сказать, чрезвычайно либеральным — лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет. И это при наличии статьи 58—1 «б», 58—8, 58—11. Видимо, все-таки участие Вышинского, хотя и косвенное, в данном деле имело место и было учтено при вынесении приговора. Что же касается помощи со стороны наркома обороны К.Е. Ворошилова, то ее, по всей видимости, совсем не было. В этом убеждаешься, прочитав многостраничную жалобу Петухова, направленную им в феврале 1940 года из Краслага в адрес своего бывшего начальника.

Это своего рода уникальный документ, представляющий несомненный интерес, ибо он написан лицом из ближайшего окружения наркома обороны, можно сказать, человеком из его «свиты», знавшим многие секреты придворной жизни и посильно приводившим в действие пружины (явные и тайные) назначений, перемещений, наград, нередко выполнявшим деликатные поручения патрона. Отсюда проистекает и вся тональность жалобы, в ней отчетливо просматривается надежда на возможность своего освобождения — ведь однажды с ним уже было такое! — и Петухов пытается один за другим разрушить все пункты обвинения.

«Мне сообщили из НКВД, что моя жалоба на имя Л.П. Берии получена и будет рассмотрена. В связи с этим я обращаюсь к Вам, лично знавшему меня на протяжении ряда лет по моей практической работе и прошу: помогите мне освободиться от чудовищных обвинений, в которых я совершенно не повинен. Я

прошу Вашего содействия потому, что я всегда был убежденным сторонником Ленинской, Сталинской политики большевистской партии и мою борьбу с троц(кистско)-бу-х(аринской) шайкой извергов можно детально проверить на протяжении всего времени моего пребывания в партии; потому что именно Вам (по всему моему поведению, моим систематическим докладам Вам) в достаточной мере известно мое подлинное отношение к тем, кто никогда не был мне близок (а в близости с которыми меня обвиняют), кто для достижения своих подлых целей бесстыдно творил каиново дело, выдумывая и сочиняя обо мне гнусные клеветнические документы для НКВД...

За время нахождения в тюрьме и в лагерях я восстановил в памяти вопросы ко мне следствия, пересмотрел заново весь пройденный мной путь в партии и в Кр(асной) арм(ии), свое и моих родных социальное прошлое и не нашел ничего такого, чтобы оправдывало мое столь значительное по времени содержание под стражей. В самом деле:

1. В решении Особ(ого) Сов(ещания) НКВД меня называют участником военно-фашистск(ого) заговора. В чем выразилось мое участие в заговоре, кто меня вербовал в этот заговор, каковы обстоятельства, приведшие меня к этому заговору — все это для меня остается в тайне и этого я до сих пор постичь не могу. Имеющиеся на меня показания, их внутреннее содержание (вернее — бессодержательность и полная противоречивость) не дают все же оснований для столь тяжелых для меня обвинений».

Далее Петухов честит почем зря всех тех, кто дал на него показания, кого он считает виновниками своего ареста и последующих тюремных злоключений. Всех этих лиц Иван Павлович хорошо знал по работе в аппарате Наркомата обороны, не раз встречался с ними на различного рода совещаниях, заседаниях, пленумах, съездах и т.п.

«Егоров — этот изувер — дал обо мне свои показания ровно через год (!) после его “чистосердечных” раскаяний и разоблачений всех ему известных их соучастников. В своих показаниях он заявляет, что о моем, якобы, участии в заговоре ему известно со слов Аронштама, которому (Аронштаму) сообщил об этом Окунев...

Смирнов дал примерно такие же показания, как и Егоров, заявив, что ему о моем участии в заговоре известно со слов Булина (а Булин обо мне ничего подобного не говорит).

Прохвост и предатель Урицкий и небезызвестный для Вас Круглов (Ланда), не имея, очевидно, мужества сказать, что я участник заговора (как это подло и клеветнически утверждали в своих показаниях Егоров и Смирнов), ограничились заявлением о

том, что я — “человек Гамарника”.

Вся эта стряпня предателей — сознательная подлая клевета на меня. Все эти показания имели только одну цель — ввести в заблуждение следствие и перебить большевистские кадры... Можно ли всерьез принимать документы, в которых Егоров, Смирнов и Ланда (Круглов) показывают, что все сказанное обо мне им известно со слов Булина, Осепяна, Аронпгга-ма, Окунева и Шубина, а вся эта пятерка обо мне умалчивает и показаний на меня не дают?! Можно ли принимать всерьез заявления (показания Смирнова), что я находился на особо секретном положении в заговоре, когда обо мне (по показаниям того же Смирнова, Егорова, Шубина) известно было десятку лиц о моем мнимом участии в заговоре? Этакая ересь нужна была только Федоровым и Атасам, чтобы маскировать и прятать от партии их гнусные дела, чудовищные преступления... Вспоминается, гражданин Народный Комиссар, поведение в отношении меня Урицкого, который метал гром и молнии (это происходило не только в Вашем кабинете, но и в кабинете и в присутствии комкора Хмельницкого...) в связи с тем, что я умышленно, якобы, и без санкции кого следует, раздал на ознакомление чл(енам) В(оенного) совета материалы, в которых говорилось о близости Урицкого к заговорщикам (эти документы раздавались по Вашему указанию и после заседания... были возвращены куда следует). Урицкий в присутствии Хмельницкого прямо заявил, что он этого моего поступка не забудет никогда.

Я прошу Вас вспомнить также поведение в отношении меня и Смирнова в связи с клеветническими заявлениями на меня, в частности, известн(ого) Вам б. слушателя академии механизации) и мотириз(ации) РККА им. Сталина — Петрова. Он тогда же поспешил передать все эти клев(етнические) заявления, в которых я голословно обвинялся в связях с Гамарником, Зонбергом и Германовичем в НКВД. Где же тут логика? Почему можно верить после этого показ(аниям) Смирнова, когда он одной рукой пишет, что я был, якобы, на особо законспирированном положении в заговоре, а другой — что дело обо мне, как соучастнике гамарник(овской) банды, надо передать в НКВД? Можно ли верить этим утверждениям, когда, как Вам хорошо известно, тот же самый Гамарник добивался и добился моего удаления из ПУРа, когда он всячески игнорировал меня. Ведь не секрет же, что Гамарник и при назначениях и при награждениях всегда меня обходил.

Вы, вероятно, хорошо помните мои Вам доклады о Гамарнике и его людях: Славине, Осепяне и пр. Я был внутренне удовлетворен, что мне все же удалось неплохо почистить по-

литаппарат РККА от гамарниковских людей. Нельзя же игнорировать тот факт, что именно благодаря моей информации и моих личных Вам докладов были удалены с занимаемых тогда постов в РККА такие всем известные люди Гамарника, как Славин, Берман (б. нач-к В-политической акад.), Васильев (б. нач-к Политупр. Кавк. армии), Харитонов и др. Нельзя считать все это за проявление моей близости к Г-ку и его людям.

То же самое можно сказать и о моей мнимой близости к Зонбергу, Германовичу и Ольшанскому, с которыми я всего лишь по году работал в акад. мех(анизации) и мот(оризации) РККА. Я прошу Вас вспомнить, что я Вам докладывал об этих... людях. Именно по моим Вам докладам и вопреки предложениям Гамарника и Фельдмана Вы убрали из академии и Зонберга и Ольшанского, немного позже и Германович тоже был Вами убран из академии, а Ольшанский с Вашего благословения — искл(ючен) из партии. Как же можно говорить после этого о какой-то моей близости к этим людям...»

В 1930-х годах обвинение в троцкизме означало неминуемую кару, смерть если не физическую, то уж политическую несомненно. Не говоря уже о крушении карьеры (служебной, военной, научной). Политические процессы 1936—1938 годов показали, что в первую очередь на этого «коня» стремилось посадить подследственных (а затем и подсудимых) высшее политическое руководство СССР. А верный оруженосец Сталина Прокурор страны А.Я. Вышинский безропотно штамповал свои визы на все новых и новых ордерах на арест очередной группы троцкистов. К данной категории немедленно относили любого человека, на которого поступил донос о его сотрудничестве (укрывательстве, сочувствии, встрече и т.д.) с троцкистскими элементами как внутри страны, так и за рубежом.

«2. В связи с заявлениями б. слушателя академии Петрова меня обвиняли в укрывательстве троцкистов, в частности, троцкиста Бешкина. Сказать по правде, меня эти обвинения приводили в бешенство. Я понимаю, что надо человека допрашивать с пристрастием. Но ведь мою систематическую борьбу с троцкистами и с прочими изменниками делу революции можно проследить без всякого труда. В наиболее острые периоды борьбы троцкистов, правых и “левых” с большевиками я находился в передовых рядах партии Ленина — Сталина. В 1920—1921 гг. я вместе с Ярославским Е. активно и успешно дрался с троцкистами и др(угими) врагами ленинско-сталинской политики, в частности, с извергом Смирновым И.Н., находясь в это время в Сибири. В 1923—1924 гг. активно боролся с троцкистами по всем вопросам и, в частности, по вопросам

армейского строительства... В 1925—1927 гг. в период борьбы с объедин(енной) троцк(истско)-зиновьев(ской) оппозицией, я получал специальные указания и выполнял особые поручения ЦК ВКП(б) по борьбе с тр(оцкистско)-зин(о-вьевской) оппоз(ицией), был командирован в этих целях во главе группы слушателей Института Красной Профессуры и курсов марксизма при ЦК в Кронштадт, Ленинград, Смоленск, Ярцево (раб. район), Брянск и брянские заводы. Возложенные на меня задачи выполнил не плохо.

В своей работе я всегда непримиримо относился к каким бы то ни было проявлениям троцкизма и выбросил из организаций, где мне приходилось работать, не одну сотню троцкистских элементов... С переходом в Морские Силы (после Военной академии механизации и моторизации И.П. Петухов работал помощником начальника Морских Сил РККА по политической части. — Н.Ч.) я отдавал всего себя этому новому для меня делу. Несмотря на то, что я пробыл там всего лишь около года, мне удалось не только выявить там крупнейшие недочеты, но и приступить к осуществлению ряда Ваших важнейших решений по их устранению... Мне удалось, опять-таки вопреки настроениям Гамарника, удалить из аппарата Управления Морскими Силами таких видных троцкистов, как Курков (пом. нач. Морсил), Кара (начальник отдела кадров), Ланда (Круглова) — брат того самого Ланда, который показал на меня и который с пеной у рта защищал своего брата, когда этого последнего, по моему предложению, исключили из партии...

Так же я поступил и с б(ывшим) троцкистом Бешкиным, в бытность мою в академии мех(анизации) и мот(оризации).

Еще в феврале 1935 г., как только стала известна роль троцкистов в Ленинград(ских) событиях (убийство С.М. Кирова в декабре 1934 года. — Н. Ч.) и как только появилось соответств-(ующее) заявление слушателей акад(емии), Бешкин по моему настоянию был убран из академии и уволен из РККА... Почему же после всего этого можно верить Петрову...

Я вел систематическую борьбу с троцкистами на протяжении всего времени моего пребывания в партии, а меня обвиняют в соучастии с троцкистами и их тяжких преступлениях?!

Я выгнал из РККА (выгнали Вы по моим докладам) не одну сотню троцкистских элементов, в частности, Бешкина, а меня обвиняют в укрывательстве этих гадов?!»

Слово «кулак», начиная с конца 1920-х годов, фактически стало именем нарицательным. За принадлежность к этому сословию крестьянства, преданному Советской властью анафеме, нередко летели головы не только на селе, но и в городе, в

армейском гарнизоне.

«3. В решениях ОСО меня называют кулаком. Это грубейшая ошибка. Я никогда кулаком не был, что проверить и установить не представляет никакого труда... Мое социальное прошлое известно всей деревне вплоть до 1928 г.; проверялось мое соцположение и специальными людьми из парткомиссии 10 отдела ПУРа. Все то, что я излагал в докл(адной) записке в парткомиссию и Вам в связи с имевшимися на меня заявлениями и моем соц(иальном) прошом, правильно, и утверждение, что я кулак — это результат недостаточной бдительности тех, кто рассматривал клеветнические документы на меня...

Гражданин Народный Комиссар! Мне кажется, что достаточно и всего изложенного Вам, чтобы проследить несостоятельность и лживость выдвинутых против меня обвинений и просить Вашего ходатайства перед Наркомом Вн(утренних) дел Л.П. Берия о скорейшем пересмотре моего дела и моем освобождении...»[66]

Иван Павлович Петухов, обнадеженный сообщением из секретариата НКВД о том, что его жалоба относительно необоснованности осуждения там получена и будет рассмотрена, спешит заручиться поддержкой у своего бывшего шефа. Из содержания приведенного выше заявления на имя Ворошилова усматривается, что тот многие годы, вплоть до ареста Петухова, благоволил к нему, и поэтому данное письмо-заявление следует рассматривать как вполне логичное развитие событий в драме видного политработника РККА. Петухов крепко надеется на помощь со стороны своего наркома — члена Политбюро ЦКВКП(б), близкого соратника Сталина.

Из секретариата наркома обороны указанное выше заявление И.П. Петухова передается в Главную военную прокуратуру. В подготовленной для заместителя Главного военного прокурора диввоенюриста Н.П. Афанасьева справке, исполненной сотрудником ГВП военным юристом 2-го ранга Белкиным, говорилось: «...Жалоба Петухова (на имя Ворошилова. — Н.Ч.) неосновательна, т.к. о его связях с троцкистами свидетельствуют не только показания свидетелей, но и имеющиеся в деле материалы партбюро НКО. О связях с Гамарником свидетельствует обнаруженная книга Петухова «Партийная организация и партийно-политическая работа в РККА», изд(аннная) в 1930 г., с его собственноручной подписью... По отзыву полкового комиссара Катулина... эта книга изобилует ошибками и является политически вредной.

22.3.1940 года Наркомом Внутренних Дел СССР в ходатайстве Петухова о пересмотре его дела было отказано.

Со своей стороны оснований к пересмотру по этому делу

решения Особого Совещания НКВД от 20.4. 39 г. не нахожу»[67].

Эта справка была написана 17 июня 1940 года. Три дня спустя Афанасьев согласился с выводом Белкина. Ответ же Петухову был отправлен только через четыре месяца.

«26 октября 1940 г.

Начальнику Краслагеря НКВД

Ст. Решоты, Красноярской ж.д.

Объявите подавшему жалобу заключенному Петухову Ивану Павловичу, 1895 г. рождения, что его жалоба рассмотрена и оснований к пересмотру дела не найдено.

Военный прокурор ГВП военный юрист 2 ранга (Белкин)»[68].

Отбывая наказание в лагере, И.П. Петухов умер 30 мая 1942 года. Как умер? Об этом уже никто никогда не узнает, никто уже не поведает. Возможно, что обессилевшего зэка, отставшего от колонны, застрелил конвоир. А может, придушили уголовники за несчастную пайку хлеба... Вполне вероятно, что было и так, как описывает в своем письме отсидевший 10 лет в ГУЛАГе Н.С. Демьянов: «...Здесь я впервые наблюдал и поразился, как тихо умирают голодной смертью. Накроется с головой одеялом или отвернется к стене и затихнет навсегда»[69].

Как и у Магера, немногим более года продолжался «глоток свободы» у комдива А.А. Тальковского. До своего первого ареста в конце декабря 1937 года Александр Александрович командовал 3-й Крымской стрелковой дивизией. Основанием к аресту послужили показания арестованных «врагов народа», вчерашних сослуживцев по ХВО — командира 23-й стрелковой дивизии комбрига И.Ф. Куницкого и заместителя командующего комдива В.С. Погребною, а также заместителя начальника штаба округа комбрига В.В. Ауссем-Орлова. Первоначально Тальковский обвинялся «всего-навсего» в принадлежности к антисоветскому военному заговору и проведении шпионской деятельности в пользу немецкой разведки[70].

По национальности А.А. Тальковский был татарин, что не преминули использовать в своей работе следователи НКВД. Уже в процессе следствия в 1937—1939 годах к делу были приобщены показания нескольких участников так называемой контрреволюционной националистической татарской организации, в том числе комдива Я.Д. Чанышева, изобличавшие Тальковского в принадлежности к указанной организации[71].

Как видно из материалов дела, в начале следствия Тальковский в предъявленном ему обвинении виновным себя признал полностью и показал, что в заговор он был вовлечен командармом Якиром. Одновременно он назвал в числе своих «сообщников» начальника штаба дивизии майора А.П. Кравченко,

командира 7-го стрелкового полка майора И.А. Руба-нюка, начальника военно-хозяйственного снабжения майора С.В. Зайцева, начальника ветеринарной службы военврача 1-го ранга В.А. Громкова и начальника финансовой части Щербакова, заявив при этом, что все названные лица в состав антисоветской организации были завербованы лично им. В последующем, однако, Тальковский от этих показаний, данных им в Крымской тюрьме (г. Симферополь) отказался, утверждая, что участником военного заговора он никогда не являлся и никакой преступной работы против Советской власти не проводил. Решительно отвергал он и обвинение в том, что будучи участником заговора, проводил вредительство в дивизии[72].

Несмотря на все ухищрения следователей связать концы с концами и подвести Тальковского под серьезную статью Уголовного кодекса, сделать это им так и не удалось — обвинения в его адрес легко рассыпались при первой же серьезной проверке. Например, комбриг И.Ф. Куницкий узнал о принадлежности Тальковского к заговору от комкора С.А. Туровского, однако по показаниям последнего бывший командир 3-й Крымской стрелковой дивизии совсем не проходит. Другое обстоятельство — члены так называемой националистической татарской организации в ходе следствия от своих показаний отказались, и уголовные дела на них были прекращены. Командарм 1-го ранга И.Э. Якир, якобы завербовавший в заговор Тальковского, на самом деле никаких показаний на этот счет не давал[73].

Убедившись в шаткости позиций обвинения в адрес каждого отдельно взятого арестанта, подчиненные Л.П. Берии в начале мае 1939 года объединяют дела девяти человек, проходивших по делу Тальковского, в одно следственное производство, надеясь тем самым создать эффект серьезной деятельности по раскрытию крупной вредительской организации в одной дивизии ХВО. Военная прокуратура округа почему-то «не заметила» вопиющих нарушений в данном деле, на что ей и было строго указано со стороны ГВП. Такая щепетильность Главной военной прокуратуры в октябре 1939 года и удивляет, и настораживает — ведь раньше (в 1937—1938 годах) такого там служебного рвения не наблюдалось.

В результате следственное (групповое) дело № 4882, полученное ГВП от военной прокуратуры ХВО для направления по подсудности в Военную коллегию, возвращается обратно в Харьков с задачей выполнения в полном объеме статьи 206 УПК.

«Военному прокурору ХВО

Возвращаю след. Дело № 4882 по обв. Тальковского,

Кравченко и др. всего в количестве 9 чел. — по ст.ст. 58—1 «б», 58— 7, 58-8 и 58-ПУК.

Всем обвиняемым по настоящему делу инкриминируется то, что они, работая на руководящих командных должностях в войсковом соединении 5299 — являлись участниками заговорщической контрреволюционной группы, созданной по заданию немецкой разведки и врага народа — Якира.

По делу допущено грубейшее нарушение ст. 206 УПК, в силу чего дело не может быть направлено на рассмотрение Военной коллегии Верхсуда...

Большинству обвиняемых было объявлено об окончании следствия в период с 13.IV по 25.IV.39, а следственные действия и приобщение различных документов к делу продолжалось до 20.V.39 г. Из дела видно, что обвиняемые знакомились только с материалом, относящимся к их индивидуальному обвинению, не зная весь материал дела. Об этом свидетельствует постановление от 7.V.-39 года об объединении дел обвиняемых в одно следственное производство.

Предлагаю тщательно ознакомить обвиняемых с материалами дела в полном соответствии со ст. 206 УПК, исследовать возможные ходатайства обвиняемых по существу дела, после чего вышлите в ГВП — для направления по подсудности.

Приложение: дело в 7 томах.

И.О. Главного военного прокурора военный юрист 1 ранга (Панфиленко)»[74].

В прокуратуре ХВО, уязвленные, видимо, такой недооценкой их «титанической» деятельности по выявлению врагов народа, исполнение поручения Главной военной прокуратуры затянули на целых семь месяцев, хотя явная надуманность обвинений бросалась в глаза даже при беглом знакомстве с делом. И только 26 мая 1940 года (на следующий день после освобождения А. А. Талькове кого) военный прокурор ХВО доложил в ГВП:

«Секретно. Экз. № 1 Главному военному прокурору Красной Армии Диввоенюристу тов. Гаврилову На № 17192 от 10/У-40

Доношу, что дело по обвинению Тальковского А.А., Руба-нюк И.А., Громкова В.А. и др. ВП (Военной прокуратурой. — Н. Ч.) ХВО прекращено на основании ст. 197 ч.2 УПК УССР и все обвиняемые из-под стражи освобождены.

Военный прокурор ХВО бригвоенюрист (Грезов)»[75].

Здесь уместно упомянуть о дальнейшей судьбе одного из обвиняемых, проходивших по этому делу, — майора Рубаню-ка Ивана Андреевича, до ареста командира полка из дивизии Тальковского. Восстановленный в кадрах РККА, он затем

последовательно командует частями и соединениями. В начале Великой Отечественной войны Рубанюк — командир 176-й стрелковой дивизии. В октябре 1942 года, будучи в звании полковника, он получает под свое начало 11-й стрелковый корпус. Войну генерал-лейтенант И.А. Рубанюк закончил в должности командира 10-го стрелкового корпуса. После войны продолжительное время служил в Вооруженных Силах, уволившись по возрасту в отставку генерал-полковником.

Выйдя на свободу и восстановившись в кадрах Красной Армии, Тальковский приступил к исполнению обязанностей начальника курса Военной академии имени М.В. Фрунзе. Однако в конце июня 1941 года (через неделю после начала войны) его снова арестовывают. Как подчеркивалось в заключении Следственного управления КГБ СССР по делу А.А. Тальковского (март 1955 года), основанием к повторному аресту послужили все те же материалы его прекращенного дела. Новое следствие вел сотрудник 3-го Управления НКО СССР младший лейтенант госбезопасности Морозов. Тальковский решительно отрицал все предъявленные обвинения. Он заявлял, что участником военного заговора никогда не был, вредительством тоже не занимался, а его признания в этой деятельности, данные им в 1937—1938 годах, не соответствуют действительности, ибо они получены от него в результате незаконных методов следствия[76].

В конце следствия Тальковский с целью доказать несостоятельность предъявленного ему обвинения возбудил ходатайство о допросе в качестве свидетелей В. В. Ауссем-Орлова, И.Ф. Ку-ницкого и В.С. Погребного, а также о возможности дать ему с этими лицами очные ставки. Еще он попросил приобщить к делу показания его бывших подельников — А.П. Кравченко, И.А. Ру-банюка, С.В. Зайцева, В.А. Громкова и других. Однако такие вполне законные требования Тальковского органы следствия в Москве решительно отклонили. Да и как практически это было сделать, если Куницкого, Погребного и Ауссем-Орлова к тому времени уже не было в живых, а приобщать к делу показания бывших подельников Тальковского для следствия представлялось невыгодным, ибо тогда оно совсем рушилось[77].

11 февраля 1942 года следствие по делу А.А. Тальковского было закончено и сразу же направлено на рассмотрение Особого Совещания с предложением его расстрелять. Через два дня (13 февраля) ОСО приговаривает его к расстрелу, что и было исполнено через десять дней[78].

Реабилитирован А.А. Тальковский в апреле 1956 года.

Комдив Яков Захарович Покус наряду с Петуховым, Магером, Тальковским и другими также дважды погружался во тьму. В

первый раз Покус был арестован накануне годовщины Красной Армии — 22 февраля 1938 года. Находился в тот день он в Москве по служебным своим делам, исполняя должность заместителя командующего ОКДВА по оборонному строительству. Вскоре его из Москвы отправляют в распоряжение УНКВД по Хабаровскому краю, где во внутренней тюрьме и происходят все последующие следственные действия.

Как явствует из обвинительного заключения, составленного в конце марта 1939 года старшим следователем Особого отдела 2-й Отдельной Краснознаменной армии сержантом госбезопасности Кибальниченко, Я.З. Покус «разрабатывался» чекистами уже длительное время — по крайней мере за несколько месяцев до его ареста: «В январе-феврале месяце 1938 г. из показаний арестованных участников антисоветского военного заговора было установлено, что обвиняемый по настоящему делу Покус Яков Захарович является участником... военного заговора и проводил шпионскую работу против СССР... Из показаний арестованных заговорщиков... было установлено, что обвиняемый Покус, после ареста руководителей антисоветского военного заговора в ОКДВА, возглавлял руководство подрывной деятельностью заговорщиков...»[79]

Следствие растянулось почти на два года. «Грехов» Поку-са было не счесть: Кибальниченко в обвинительном заключении старательно по годам расписал их, начиная с 1922 года, когда Яков Захарович командовал одним из фронтов при освобождении Дальнего Востока от японских оккупантов. Это под его началом соединения и части Народно-революционной армии Дальневосточной Республики сражались под Волочаевкой и штурмовали японские укрепления под Спасском. Оказывается, по версии следствия, уже тогда Покус готовил измену Советской власти:

«...Установлено, что Покус в 1922 году был привлечен к шпионской деятельности в пользу Германии Фризендорфом, в этом же году связался с германской и позже с японской разведками, в которые до самого последнего времени пересылал шпионские сведения, всесторонне освещающие состояние частей ОКДВА, ее боевой готовности, дислокации, новых формированиях и оборонного строительства на ДВК»[80].

Учитывая, что связь между 1922 годом и состоянием боевой готовности ОКДВА, сформированной только в 1929 году, была весьма призрачной, следователь добавляет существенную, на его взгляд, деталь по этому пункту обвинения Я.З. Покуса: «В 1922году передал (японской и германской разведкам. — Н.Ч.) сведения о состоянии войск Народно-революционной армии, о

дисциплине бойцов НРА, а также о планах командования НРАи местных советских органов по обороне края...»[81]

Но шпионаж все же был не единственным «преступлением» Покуса. Другим пунктом обвинения выступало следующее: «В 1932 году бывшим командующим Приморской группы войск ОКДВА Путна был вовлечен в антисоветский военный заговор, после чего включился в проведение активной контрреволюционной работы совместно с другими участниками антисоветского военного заговора, направленной на срыв боевой готовности частей ОКДВА, с целью поражения ОКДВА в будущей войне с Японией...

Одновременно с этим Покус совместно с другими связанными с ним участниками антисоветского военного заговора, в целях подготовки отторжения Дальнего Востока от СССР, действуя в полном контакте с японской разведкой, руководил организацией повстанческой деятельности на ДВК, имея намерение подготовить тыловой удар по Красной Армии в период войны с Японией»[82].

Руководители особого отдела ОКДВА (позже Дальневосточного фронта), капитаны госбезопасности Хорошилкин, Осинин, Вул, редактируя материалы допросов Покуса, не могли пройти мимо того факта, что он был офицером старой армии, а значит, по их мнению, не мог быть не связан с такой крайне контрреволюционной организацией, как Российский Общевоинский Союз (РОВС). Тем более что подобное обвинение уже было предъявлено чекистами некоторым лицам из числа бывшего командования ОКДВА.

«Из показаний арестованных участников Российского Общевоинского Союза: Балакирева (комдив, начальник штаба Приморской группы. — #.¥.), Богомягкова (комкор, начальник штаба ОКДВА. — Я.1/.), Свиньина (бригинженер, инспектор по строительству ОКДВА. — Я. ¥.), Калмыкова (комкор, командир 20-го стрелкового корпуса. — Н.Ч.) и Боряева (комбриг, командир 21-й стрелковой дивизии. — Н.Ч.) установлено, что Покус кроме того входил в руководящий состав антисоветского военного заговора в ОКДВА, был тесно связан с участниками “РОВС” и являлся одним из руководителей этой контрреволюционной террористической организации на ДВК... Связь Покус с организацией “РОВС” на Дальнем Воетоке подтвердил арестованный Фризендорф на очной ставке с Покус...»[83]

Находясь под следствием в Хабаровской тюрьме, Яков Захарович, как и Тальковский, вначале сознался в принадлежности к военному заговору и в шпионской деятельности, но вскоре от этих признаний отказался как от ложных и уже на том стоял вплоть до своей смерти. А допросы с

пристрастием продолжались. На одном из них (9 февраля 1940 года) Покус, в категорической форме отрицая свое участие в военном заговоре и опровергая имеющиеся на него показания со стороны других арестованных из числа бывшего руководства ОКДВА и Приморской группы войск, заявил: «...Показания Балакирева, Богомягкова, Свиньина, Калмыкова и Боряева о моей принадлежности к “РОВС” являются дикими».

Старания сержанта Кибальниченко во многом оказались тщетными — обвинительное заключение, в котором он год за годом расписал все «преступления» Я.З. Покуса, не нашло должной поддержки в Главной военной прокуратуре. Дело в том, что к тому времени достоянием судебных и прокурорских органов стали факты грубой фальсификации следственных дел работниками особого отдела ОКДВА (Дальневосточного фронта). В том числе и в отношении руководства ОКДВА: заместителя командующего комдива Я.З. Покуса, начальников штаба армии комкора С.Н. Богомягкова и комдива В.К. Ва-сенцовича, начальника политического управления дивизионного комиссара И.И. Кропачева, заместителя начальника штаба комбрига Г.Д. Стельмаха, командира 18-го стрелкового корпуса комдива Э.Я. Магона и других.

Вот что об этом говорилось в докладной записке временно исполняющего обязанности военного прокурора 2-й Отдельной Краснознаменной армии (ОКА), военного юриста 1-го ранга Чебоненко, направленной в середине февраля 1940 года Главному военному прокурору Красной Армии:

«Из Военной коллегии Верховного Суда СССР было передано в военный трибунал 2 ОКА для слушания дело по обвинению бывших сотрудников Особого отдела 2 ОКА Хоро-шилкина, Либермана, Белоусова, Еремичева и др., всего 7 человек по ст.ст. 58—1 п «б», 58—7 и 58—11 УК РСФСР...

В процессе расследования выясняется, что под руководством Хорошилкина, работавшего зам. начальника 00 (особого отдела. — Н.Ч.) 2 ОКА, провокационно стряпались обвинительные) материалы на руководящий состав РККА. Заранее изготовлялись схемы различных контрреволюционных организаций. Хорошилкиным и его сподвижниками писались конспекты показаний, в которые бесцеремонно вписывались составителями фамилии “руководителей”, “соучастников” заговора.

...Цинизм следователей не знал границ. Так, например, комиссара 18 ск (стрелкового корпуса. — Н.Ч.) Перфилова вначале били, чтобы он подписал показания, (что) якобы хотел совершить теракт над Стацевичем (секретарем крайкома ВКП(б). — Н.Ч.) и добились таких показаний. Через две недели начали

избивать Перфилова, чтобы он показал, (что) якобы Стацевич состоял в к.р. заговоре. Дело Перфилова мною прекращено, он уже восстановлен в партии и Хорошилкин на очной ставке с Перфиловым вынужден был признать, что дело велось “неправильно”.

На очной ставке с Покусом Хорошилкин также вынужден был заявить, что дело Покуса велось тоже “неправильно”. Характерно отметить, что в деле Хорошилкина еще весной 1939 г. имелись данные о том, что дело Покуса состряпано провокационно. Однако быв. прокурор Погранохраны Хитров, Военная коллегия Верхсуда, в которой находилось дело, — никто не поставил вопрос о пересмотре дела Покуса.

...РККА нуждается в командирах. Хорошилкин и др(угие) избивали честные кадры, за что и идут под суд. Все это установлено, однако группа дел, следствие по коим вел Хорошилкин, была направлена в Военную коллегию и до сегодняшнего дня (дела. — Н.Ч.) не рассмотрены.

Я убежден, что большинство из этих дел должны быть прекращены, как созданные провокационно.

Доводя об этом до Вашего сведения, считал бы необходимым дела, направленные на Военную коллегию, снять с рассмотрения и возвратить в Особый отдел 2 ОКА для пересмотра в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Здесь, на месте, зная, кто из ведших следствие по конкретному делу разоблачен как вредитель по уничтожению партийных кадров, можно будет сразу невинных освободить, тем самым наиболее эффективно выполнив постановление ЦК ВКП(б) и СНКСССР от 17-го ноября 1938 года»[84].

Сразу возникает вопрос — что это за постановление и о чем там говорится? Видимо, об имеющихся грубых перегибах в работе следственных органов НКВД и устранении выявленных недостатков. Обратимся к такому авторитетному источнику, как «КПСС в резолюциях...». Однако и там, в томах, относящихся к рассматриваемому нами периоду, такого постановления нет. Видимо, оно было чрезвычайно секретным и не подлежало публикации в открытой печати, касаясь такого круга вопросов, которые и для многих партийных органов были тайной за семью печатями. За исключением, конечно, ЦК ВКП(б) и его Политбюро.

Военный юрист Чебоненко подготовил весьма смелую по тем временам докладную записку. Не всякий окружной прокурор тогда осмелился бы на такой решительный поступок, так как тем самым он автоматически ставил себя под подозрение в пособничестве и укрывательстве врагов народа. К сожалению, подобные прецеденты тогда были не единичны. Однако в данном

случае все обошлось благополучно, ибо к такому же выводу, что созрел у Чебоненко, пришли и в Главной военной прокуратуре. Причем почти одновременно. Так, еще не успел военный прокурор 2 ОКА отправить свою докладную в Москву (а подписал он ее 15 февраля 1940 года), как на следующий день из ГВП на его имя поступила срочная телеграмма:

«Серия “Г”

Телеграмма

Хабаровск Военпрокурору 2 ОКА

Дело Особого отдела армии НР 11954 на обвиняемых По-куса Якова Захаровича, Стельмах Григория Давыдовича, Ва-сенцовича Владислава Константиновича, Григорьева Николая Ивановича, Седова Сергея Дмитриевича, Агафонова Николая Михайловича, Касаткина Петра Степановича, Шталь Юлис Мартыновича и Волынина Евгения Алексеевича мной уголовном порядке прекращено. Предлагаю своим постановлением перечисленных выше лиц из тюрьмы освободить. Документы почтой. Исполнение телеграфьте. НР 14478. Главвоенпрокурор Афанасьев»[85].

Через два дня после получения этой поистине судьбоносной телеграммы Я.З. Покус оказался на свободе. И сразу занялся решением трех главных задач: а) восстановлением в партии; б) восстановлением в кадрах РККА; в) освобождением из заключения своей жены Александры Григорьевны, арестованной через неделю после мужа. И если две первые задачи с большим трудом, но все же удалось выполнить, то с третьей, несмотря на неимоверные усилия, он так и не справился — слишком неравные были силы у противоборствующих сторон.

Относительно исключения Я.З. Покуса из партии. В деле надзорного производства, хранящемся в архиве Главной военной прокуратуры, имеется копия выписки из протокола заседания партийной комиссии при политическом управлении 2 ОКА.

«“Утверждаю”

Зам. нач. ПУ 2 ОКА

Батальон, комиссар Смоликов

...ноября 1938 г.

Выписка из протокола № 16

Заседания ПК 2 ОКА от 16 ноября 1938 года.

Слушали: Дело Покус Якова Захаровича, член ВКП(б) 1919 г., партбилет № 0456021, служащий.

Докладывает тов. Цубко.

Парторганизация № 2 штаба 2 ОКА 4.7.38 г. исключила

Покус из рядов ВКП(б) как врага народа.

Постановили: Исключить Покус из рядов ВКП(б) как врага народа.

п/п Секретарь ПК 2 ОКА Батальонный комиссар (Петров)»[86].

Из этого документа явствует, что в данном случае совсем не наблюдалось поспешности в изгнании Покуса из партии, как это происходило с Магером и другими командирами РККА. Здесь понадобилось четыре с половиной месяца, чтобы парторганизация штаба армии, где стоял на учете Яков Захарович, исключила его после ареста из членов партии. Случай этот достаточно редкий, гораздо чаще бывало наоборот — не успели еще за человеком закрыться тюремные ворота, а его уже с позором изгоняли из ВКП(б). Ситуация же с Покусом сложилась, видимо, по причине большого количества арестованных, т.е. ввиду длинной очереди на исключение и существенной дезорганизации работы самих партбюро штаба и партийной комиссии из-за ареста их членов. Других объективных причин подобной затяжки в рассмотрении персональных дел, по всей вероятности, не существует.

Заявление Покуса в партийную организацию штаба 2 ОКА с просьбой о восстановлении его в рядах ВКП(б) на удивление быстро, не в пример исключению, было рассмотрено с положительным для него результатом. Армейская партийная комиссия это решение вскоре утвердила, и «чистый» Яков Захарович отправился в Москву хлопотать о возвращении в кадры Красной Армии, предварительно заручившись поддержкой командования 2-й Отдельной Краснознаменной армии.

Командующим войсками этой армии к моменту освобождения Покуса из тюрьмы являлся Иван Степанович Конев, бывший его сослуживец по Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики. Тепло приняв вчерашнего зэка, командарм поддержал его на первых порах материально и морально. Не без его помощи Покус быстро был восстановлен в рядах партии. Отправлявшемуся в Москву в поисках правды Якову Захаровичу Конев 27 февраля вручил рекомендательное письмо, адресованное главному кадровику РККА Ефиму Щаденко.

«Заместителю Народного Комиссара Обороны СССР армейскому комиссару 1 ранга т. Щаденко

Следует в Ваше распоряжение бывший зам. комвойск ОКДВА, комдив Покус Яков Захарович, уволенный из кадров РККА.

Последнего я знаю в период 1922—1923 гг. по совместной работе на Дальнем Востоке, как стойкого, решительного, инициативного и энергичного командира. Преданного духу партии Ленина — Сталина и нашей Социалистической Родине.

Достойного восстановления в рядах Красной Армии.

Командующий 2 ОК Армии командарм 2 ранга (Конев)»[87].

В Москве все дела решались для Покуса в несколько раз

медленнее, нежели в Хабаровске, — ему пришлось почти три месяца обивать пороги Наркомата обороны, прежде чем появился приказ НКО по личному составу армии (№ 02425 от 30 мая 1940 г.) о назначении Якова Захаровича старшим преподавателем Академии Генерального штаба.

На примерах с М.П. Магером, И.П. Петуховым, А.А. Тальковским мы смогли убедиться в наличии постоянного противостояния особых отделов НКВД и органов военной прокуратуры. Их «тихая» война шла с переменным успехом — прокуроры прекращали некоторые из фальсифицированных дел, а особисты, выдержав небольшую временную паузу, вновь брали людей, только что обретших свободу, используя при этом все те же старые обвинения, уже отвергнутые надзирающей инстанцией. В качестве самого расхожего аргумента при этой акции «компетентные» органы неизменно выдвигали тезис о якобы недостаточных основаниях для освобождения подследственного из-под стражи.

Нечто подобное случилось и с Покусом. В Академии Генштаба ему удалось поработать всего лишь четыре месяца — 3 октября 1940 года он был вторично арестован по обвинению в принадлежности к пресловутому военному заговору. Обогащенный предыдущим тюремным опытом, Покус почти четыре месяца сопротивлялся, отказываясь признавать себя заговорщиком, однако под физическим воздействием следствия 30 января 1941 года начал давать показания о своей «преступной заговорщической деятельности». В качестве обличающих материалов в новое следственное дело из старого перекочевали все те же показания Г.Д. Хаханьяна, В.К. Блюхера, И.К Грязно-ва, В.Т. Бачинского, А.И. Егорова, А.Ф. Балакирева, М.В. Ко-жаева, И.ГТ. Белова, И.Ф. Федько, Б.В. Целиковского, П.С. Ми-тюкова, П.Г. Романовского, отвергнутые Покусом и забракованные военной прокуратурой. Следствие вели старшие следователи 3-го Управления НКО СССР (бывшего Управления особых отделов ГУГБ НКВД), лейтенанты госбезопасности Герасимов и Добротин под руководством начальника названного управления майора госбезопасности Михеева и его заместителя майора Осетрова.

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе диввоенюриста Дмитриева (председатель), бригвоенюриста Детистова и военного юриста 1-го ранга Чепцова (члены) приговорила 16 июля 1941 года Я.З. Покуса по ст.ст. 58—1 «б» и 58—11 УК РСФСР к десяти годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет, с лишением присвоенного ему воинского звания «комдив» и конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

И еще один документ, датированный 27/28 марта 1944 года.

«Начальнику Управления Устьвымского исправительнотрудового лагеря НКВД.

Пос. Вожаель, Железнодорожный район, Коми АССР.

Прошу объявить заключенному Покусу Якову Захаровичу, 1894 года рождения, осужденному Военной коллегией Верховного Суда СССР 16.VII.1941 г. к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, что жалоба его с просьбой о пересмотре дела, за отсутствием оснований к принесению протеста, оставлена без удовлетворения.

Осуждение его Прокуратура считает правильным.

Пом. Главного военного прокурора КА подполковник юстиции (Муратов)»[88].

Вот ведь как получается: с изменением обстановки один и тот же орган юстиции фактически по одному и тому же следственному делу принимает диаметрально противоположные решения. В одном случае (1940 год) — считать доказательства вины Я.З. Покуса неубедительными и освободить подследственного из-под стражи. Во втором случае (1944 год) — вина его полностью доказана, он достаточно «изобличается» материалами следствия и осуждение заслуженного командира Красной Армии, героя Гражданской войны следует считать правильным, а его жалобу на вопиющее несоответствие вины и вынесенного наказания — оставить без удовлетворения. Так сказать, издержки советской системы правосудия времен культа личности Сталина.

Комдива В. К. В а сенцо вин а, начальника штаба ОКДВА, в первый раз арестовали 1 марта 1938 года. Его предшественником на этом посту был комкор С.Н. Богомягков, уволенный в запас и вскоре арестованный. Надо сказать, что не в пример другим округам, в ОКДВА указанная должность всегда замещалась командирами, хорошо подготовленными в военном отношении. Например, еще раньше, до Богомягкова, на этом месте работали комдив К.А. Мерецков, возглавлявший до того штабы МВО и БВО, комкоры М. В. Сангурский, А.Я. Лапин и другие. Так что Васенцовичу достался при вступлении в должность неплохо отлаженный участок работы. Вот если бы только прекратилось изъятие людей органами НКВД в отделах штаба и управлениях армии...

А занял Васенцович эту должность по настойчивой просьбе командующего войсками ОКДВА маршала Блюхера, высоко оценившего его организаторские способности, инициативу и штабную культуру в бытность последнего начальником штаба и командиром 40-й стрелковой дивизии, а также командиром 18-го стрелкового корпуса. Сюда, на Дальний Восток, Владислав Константинович прибыл в конце 20-х годов после окончания

Военной академии имени М.В. Фрунзе на должность командира полка. Так что Блюхер имел полную возможность за десять лет совместной службы всесторонне изучить Васенцовича, все его сильные и слабые стороны, прежде чем предложить ему такой авторитетный орган, как штаб ОКДВА.

В указанной должности Васенцович трудился с октября 1937 года. По продолжительности службы в войсках ОКДВА его по праву относили там к ветеранам-дальневосточникам. Он хорошо знал местный театр военных действий, состояние армии вероятного противника — в оном качестве в первую очередь выступала Квантунская армия Японии, оккупировавшая Маньчжурию и всемерно поддерживающая режим императора-марионетки Пу-И. Одним словом, Владислав Константинович служил добросовестно, как и подобает командиру РККА, добровольно вступившему в ее ряды в 1918 году.

Плодотворная служебная деятельность Васенцовича, его стремление к повышению качества работы в интерпретации особистов ОКДВА были перевернуты с ног на голову. В обвинительном заключении, составленном в Хабаровске следователями особого отдела 2 ОКА, говорилось:

«Находясь в 40 сд Васенцович возглавлял подрывную деятельность других заговорщиков и в частях этой дивизии, направляя ее на срыв боевой готовности частей дивизии и Барабашского укрепленного района... Наряду с этим Васенцович сам лично занимался вербовкой новых участников антисоветского военного заговора, которым также поручал проведение вредительской и диверсионной деятельности в дивизии. В антисоветский военный заговор Васенцович в 40 сд завербовал: Захарченко Я.Я., Ковалева С.Т., Чиркунова И.И., Аксенова Д.А. и Маркова В.И., что подтверждается показаниями указанных участников заговора, а в отношении вербовки Ковалева также очной ставкой ему с Васенцовичем.

После ареста руководителей антисоветского военного заговора в 18 стр. корпусе Васенцович В.К. при содействии ряда неразоблаченных еще в то время заговорщиков, для руководства предательской деятельностью в корпусе был переброшен в 18 стр. корпус, где Васенцович, связавшись с другими участниками заговора, продолжал проводить вражескую деятельность, направленную на срыв боевой готовности частей корпуса...

В 1937 году после перевода Васенцовича на должность начальника штаба ОКДВА, Васенцович вошел в руководящий состав антисоветского военного заговора в ОКДВА и как руководитель этого заговора организовывал вражескую деятельность других заговорщиков на срыв боевой готовности

ОКДВА с целью ее поражения в будущей войне с Японией...

Преследуя целью поражение ОКДВА в будущей войне с Японией для отторжения Дальнего Востока от СССР Васенцович совместно с другими заговорщиками занимался повстанческой работой на ДВК, создавая повстанческие ячейки, через которые... предусматривалось нанесение тыловых ударов по частям Красной Армии в период войны, а также дезорганизацию тыла путем проведения диверсионных актов, направленных на уничтожение воинских складов, нефтебаз, запаса комитета резервов...»[89]

Оказывается, «вражеская» деятельность Васенцовича не ограничивалась только организацией повстанческой, вредительской и диверсионной работы. Следствие установило, что он занимался к тому же и шпионской деятельностью в пользу Германии и Японии, пересылая разведкам этих государств сведения, освещающие как состояние «...отдельных военсоединений ОКДВА, так и вообще состояние ОКДВА вплоть до сведений, касающихся оперативного плана и плана войны...

Допрошенный в качестве обвиняемого Васенцович В.К. на следствии признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и показал, что он:

В антисоветский военный заговор был завербован в 1933 году бывшим командующим войск Приморской группы Путна...»[90].

Итак, следопыты от ЧК «установили» виновность В.К. Васенцовича, и эту вину он якобы признал — так проходит по документам, подготовленным особым отделом ОКДВА. Да, действительно, Васенцович часть обвинений признавал вплоть до своей реабилитации, принимая на себя, как нам кажется, явно незаслуженно, значительный кусок не своих прегрешений. В основном, это связано с деятельностью бывшего командующего ОКДВА маршала Блюхера, которого Васенцович однозначно считает настоящим врагом народа. Так по крайней мере выглядит его точка зрения по материалам следствия. Как он все это понимал, в чем конкретно видел свою вину перед партией и государством, видно из приводимого ниже его заявления на имя И.В. Сталина о пересмотре дела в мае 1951 года.

«Я признавал и признаю себя виновным в неумышленном пособничестве вражеской деятельности Блюхера, б(ывшего) командующего ОКДВА, а также в антисоветском поведении на следствии в 1938 г. Я не привожу причин, объясняющих это позорное поведение, потому что считаю неуместным подобие какого-либо оправдания. 13-й год безропотно я переношу определенное приговором наказание и не считаю себя безвинно наказанным человеком»[91].

Известно, что мертвого тигра может укусить даже трусливый

шакал. И погибшего в застенках Лефортовской тюрьмы В.К. Блюхера в течение десятка лет продолжали пинать многие бывшие сослуживцы и даже его протеже. Например, Васенцович в названном выше письме Сталину заявляет: «Весь позор за период своей совместной деятельности с Блюхером... я переживаю до сих пор и считаю заслуженным то наказание, которое отбываю...»[92]

Еще ранее, на суде 16 июля 1941 года, он говорил: «Мне было известно, что Блюхер пьянствовал, по несколько суток не выходил на службу и вся его деятельность была направлена на подрыв боеспособности Дальневосточной армии. Я, как командир Красной Армии, не только не сигнализировал об этих безобразиях, но и выполнял... преступный приказ Блюхера...» И тут же добавляет очень важную деталь, существенно разрушающую конструкцию заговорщической организации в ОКДВА, созданной усилиями чекистов: «Мне также не было известно, являлся ли Блюхер участников этого заговора...»[93]

Что Васенцович считает позором свою совместную службу с Блюхером, это понятно — ведь он искренне относит его к врагам народа. А вот неоднократное упоминание о своем «нехорошем», антисоветском, как он выражается, поведении на следствии в 1938 году требует некоторого пояснения. Дело в том, что, поначалу оговорив себя, а также бывших сослуживцев по ОКДВА, своих подчиненных по 40-й дивизии, 18-му стрелковому корпусу и штабу ОКДВА, Васенцович затем в ходе следствия от многих этих показаний отказался. Но дело было уже сделано, названные им люди пострадали, и такое свое поведение Владислав Константинович никак оправдать не мог, справедливо считая его преступным и достойным серьезного наказания.

Но мы забежали несколько вперед, обратившись к жизни зэка Васенцовича, к ее лагерному периоду. Однако и до лагеря было в ней несколько значительных событий, оставшихся у него в памяти навечно. Самым значительным из них явилось освобождение из тюрьмы за недоказанностью вины в середине февраля 1940 года (вместе с Я.З. Покусом, Г.Д. Стельмахом и другими руководящими работниками ОКДВА — телеграмму Главного военного прокурора РККА по этому поводу мы приводили, когда вели речь о деле Я.З. Покуса).

Встреча с родными и близкими, восстановление в партии и в кадрах армии, назначение на должность старшего преподавателя кафедры тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе — все эти события 1940 года принесли Васенцовичу сильные психологические нагрузки. Они же и способствовали более быстрой его адаптации к мирной жизни, если можно назвать таковой напряженный ритм повседневного армейского бытия в

год, предшествующий началу войны с фашистской Германией. Вернули Владиславу Константиновичу и награду — орден Красной Звезды, полученный им за достигнутые успехи в деле руководства боевой и политической подготовкой в частях и подразделениях 40-й стрелковой дивизии.

Ровно через год после своего освобождения (15 февраля 1941 года) В.К. Васенцович был вновь арестован как участник военного заговора, т.е. по материалам старого, уже прекращенного дела. Его доставили в Сухановскую тюрьму, где следователи 3-го Управления НКО СССР, лейтенант госбезопасности Добротин и младший лейтенант госбезопасности Комаров, получившие от своих начальников указание во что бы то ни стало довести Васенцовича до суда, принялись за работу. В Управлении особых отделов не спешили расстаться с планом о наличии вредительской организации в верхушке бывшей ОКДВА. Если старое коллективное дело усилиями Главной военной прокуратуры в 1940 году разрушилось, то работникам 3-го Управления не составило особого труда сфабриковать еще одно, как две капли воды похожее на прежнее. Из старого дела в новое включили только Покуса и Васенцовича, добавив к ним еще двух командиров ОКДВА — начальника инженерных войск армии комбрига И.А. Галвина и начальника политического управления дивизионного комиссара И.И. Кропачева.

Из материалов этого дела видно, что Васенцович образца 1941 года совершенно не чета Васенцовичу 1938 года. Прошедший огонь, воду и медные трубы единожды следствия, он уже не позволял себе попадаться на уловки особистов. Выработав твердую тактику своего поведения, Владислав Константинович стойко держал оборону, придерживаясь позиции, по которой его освободили в 1940 году. Ничего нового следователям от него добиться не удалось, да и они, собственно говоря, имея перед собой материалы старого дела, не особенно и торопились добывать новые обличительные факты. Да и где их было взять, если подследственные отказались от ранее данных показаний, а их коллеги, с боем, а точнее — с мордобоем добывавшие эти показания в 1937—1938 годах, сами пошли под суд, получив различные сроки лишения свободы, а то и ВМН.

Вскоре, а точнее, 12 июня 1941 года, Добротин подготовил вариант обвинительного заключения на Покуса, Васенцовича, Кропачева и Галвина, представив его на утверждение начальнику 3-го Управления НКО, майору госбезопасности А.Н. Михееву. Тот не предъявил к тексту особых замечаний. Не встретил возражений он и в Главной военной прокуратуре, где спустя четыре дня после начала войны заместитель Главного военного

прокурора корвоенюрист Гаврилов начертал резолюцию: «Дело направить на рассмотрение ВК Верхсуда СССР».

Судебное заседание Военной коллегии состоялось 16 июля того же года. Когда слово предоставили Васенцовичу, тот сказал: «Обвинение, предъявленное мне, понятно. Виновным себя не признаю. Я признаю себя виновным в той части своих показаний, где речь идет о состоянии войск ОКДВА и в части преступной деятельности бывшего командующего ОКДВА Блюхера... Предъявленное мне обвинение в участии в военном антисоветском заговоре я категорически опровергаю...

Свои показания, данные на предварительном следствии в 1941 г., я полностью подтверждаю. Помимо того, что я не донес партии и правительству о преступной деятельности Блюхера, я признаю себя виновным и еще в том, что в 1938 г. я смалодушничал, встал на путь клеветы: оговорил себя и других. Правда, смягчающим обстоятельством моей вины является то, что все эти показания я дал вынужденно.

Больше преступлений я никаких не совершал...»[94]

Удивительно, но факт налицо: несмотря на крайне тяжелую обстановку на фронтах, в приговоре суда (председатель — диввоенюрист Дмитриев, члены — бригвоенюрист И.В. Дети-сов и военный юрист 1-го ранга А.А. Чепцов) не прозвучала формулировка «высшая мера наказания». На сей раз обошлись без нее, ограничившись следующими сроками лишения свободы в ИТЛ: Васенцович и Галвин на 15 лет, а Покус и Кро-пачев — на 10 лет. Все четверо с поражением в правах сроком на пять лет и с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества. И, конечно, с лишением присвоенных им персональных воинских званий. В отношении Васенцовича в приговоре остались положения из обвинительного заключения о его участии в военном заговоре, проведении подрывной работы в ОКДВА, а также в шпионаже в пользу иностранного государства[95].

Упомянув о заявлениях Васенцовича в адрес И.В. Сталина, нельзя обойти вниманием одно из них, написанное в бараке Устьвымлага в ноябре 1943 года. В нем опытный строевой командир и штабист РККА слезно просит «отца народов» отпустить его в действующую армию или хотя бы в учебное заведение для подготовки кадров для нее. На самом деле он не так уж был и стар — в том году ему исполнилось только 45 лет, в таком возрасте многие его бывшие сослуживцы и однокашники по академии успешно командовали на фронте корпусами и армиями, а в тылу — военными округами. Так что возраст Васенцовича здесь не мог служить серьезной похмехой. Опыта же руководства войсками ему тоже было не занимать — дивизионное, корпусное

и окружное звено он уже прошел. Дело оставалось за малым — за пересмотром дела и получением долгожданной свободы.

«В 1941—42(43) г. я возбуждал многочисленные ходатайства о пересмотре моего судебного дела и о разрешении сражаться за социалистическую Родину. В большинстве заявлений я приводил мотивы, на которых основывал свои ходатайства. Решений по моим заявлениям, которые я писал на Ваше имя, Верховный Совет СССР, Верховный Суд СССР мне не объявлялось.

Я снова обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре моего судебного дела и об использовании меня на боевом фронте или в области работ, непосредственно связанных с ликвидацией разрушительных последствий войны. Я не перестаю просить об этом потому, что живу стремлением принести наибольшую просьбу Родине и работать там, где я могу эту наибольшую пользу принести...

Я знаю военное дело в различных его отраслях и практически и теоретически (начиная со стрелкового дела и кончая стратегией). Я не был в армии отсталым человеком. В 1940 г., работая преподавателем Военной Академии, я стоял на правильном пути в своей исследовательской деятельности в области тактики и оперативного искусства и вплотную подошел к определению новых форм военного искусства, которые еще только нащупывались в западноевропейских операциях 1939—1940 гг. и получили свое развитие и применение в ходе Отечественной войны... Я знаю военное хозяйство в различных его видах, знаю организацию и практику строительных работ, знаю историю общую и военную, географию, имею опыт литературной работы...

В своей лекционной работе я особо ориентировал внимание слушателей на исторических примерах, учивших искусству бить немцев... Мое применение в обстановке свободного труда на огромном фронте деятельности нашей Великой Родины может быть достаточно разнообразным и широким...»[96]

Итак, зэк Васенцович, прошедший через тяжкие испытания двух арестов и следствий, сменив несколько тюрем и лагерей, тем не менее продолжает исповедовать свой неизменный принцип — «прежде думай о Родине, а потом о себе». Диапазон применения его знаний и опыта руководящей работы широк, и он предлагает по максимуму использовать их в сложных условиях войны. Однако и на этот раз положительного решения на свое обращение к высшему руководителю страны Владислав Константинович не дождался. В ответ на его многочисленные заявления и жалобы в высокие инстанции много месяцев спустя приходили (а чаще и вовсе не приходили) стандартные канцелярские отписки.

Например, типа такой:

«Начальнику Устьвымского ИТЛ НКВД
пос. Вожаель, Железнодорожный район
Коми АССР
16 июня 1944 г.

Объявите заключенному Васенцович Владиславу Константиновичу, 1898 года рождения, личное дело № 36490, что его жалоба с просьбой о пересмотре дела оставлена без удовлетворения.

Осуждение его прокуратура считает правильным.

Начальник 2 отдела 1 Управл. ГВП КА гв. подполковник юстиции 16.6.44. / Геолепян /»[97].

Срок заключения В.К. Васенцович отбыл, как говорится, от звонка до звонка. После освобождения из лагеря в 1953 году он, старый и больной человек, был направлен в Зубово-По-лянский дом инвалидов (Мордовская АССР), где и находился вплоть до своей полной реабилитации в апреле 1956 года. Умер он в Москве в 1961 году.

К числу командиров РККА, немного глотнувших воздуха свободы и затем снова «загремевших» в тюрьму и лагеря, относится и комдив Кауфельдт Федор Петрович, бывший начальник пункта ПВО г. Баку, член ВКП(б) с 1917 г. Арестован 4 января 1938 г. Обвинялся в принадлежности к антисоветской военной правотроцкистской заговорщической организации, якобы существовавшей в частях ПВО г. Баку. Содержался во внутренней тюрьме Азербайджанского НКВД (г. Баку). Постановлением особого отдела Закавказского военного округа от 15 июня 1940 г. дело по обвинению Ф.П. Кауфельдта за недоказанностью вины было прекращено, и он вышел на свободу. Спустя некоторое время был восстановлен в кадрах Красной Армии. После этого работал старшим преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе (1940 г.), начальником кафедры общей тактики и оперативного искусства Военной академии связи РККА (1940—1941 гг.).

В годы Великой Отечественной войны Федор Петрович принимал активное участие в обороне Ленинграда. В 1941 г. он командовал армейской оперативной группой на Лужском направлении, руководил возведением полевых укреплений вокруг города; был генерал-инспектором оперативного управления штаба Ленинградского фронта. 10 декабря 1941 г. был арестован сотрудниками особого отдела Ленинградского фронта по обвинению в распространении пораженческих настроений. Особым совещанием при НКВД СССР в ноябре 1942 г. приговорен к пяти годам ИТЛ. Срок отбыл полностью, находясь в Рыбинском

ИТЛ.

После освобождения в 1946 г. жил в поселке Переборы (под Рыбинском) Ярославской области. Затем проживал в Ленинграде. Реабилитирован в 1953 г. Награжден орденами Ленина (1954 г.) и Красного Знамени (1921 г.).

Немного пробыл на свободе в 1938—1939 гг. и бывший сотрудник Разведуправления РККА бригадный комиссар Шнейдерман Марк Павлович. Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, он после войны служил в политотделе 5-й Краснознаменной армии и политуправлении Сибирского военного округа, занимая должности начальника отделения и помощника начальника агитационно-пропагандистского отдела. С декабря 1926 г. — преподаватель курса партийно-политической работы Военно-морской академии РККА. Окончив в 1935 г. школу при Разведуправлении (РУ) РККА, Марк Павлович выполнял задания РУ в странах Европы, в Японии, Китае и США.

Арестован 15 декабря 1937 г. Под следствием находился почти год — до 2 октября 1938 г., когда был освобожден из-под стражи ввиду прекращения дела. Вновь был арестован 4 марта 1939 г. и 29 мая того же года приговорен по тем же статьям обвинения, что и в первый раз, к восьми годам ИТЛ. Освобожден из лагеря 26 декабря 1946 г. Спустя два года после освобождения умер.

Названными выше лицами из числа высшего комначсостава РККА перечень «дважды погруженных во тьму» (по меткому и верному определению писателя Олега Волкова, также несколько раз репрессированного) далеко не исчерпывается. Помимо них, были и другие, получившие в 1939—1940 годах небольшую передышку после первого ареста и следствия, а затем снова «призванные» под знамена ГУЛАГа. К их числу с полным правом следует отнести и тех репрессированных, которые, полностью отбыв отмеренный им срок заключения, в пору новой волны арестов в 1949—1950 годах в качестве «повторников» вновь оказались за колючей проволокой в лагерях или в бессрочной ссылке в отдаленных районах Сибири (ком-кор Н.В. Лисовский, дивизионный комиссар И.И. Кропачев и другие).

Два с половиной года был на свободе (после освобождения из тюрьмы) бывший комиссар пункта ПВО г. Киева дивизионный комиссар Жуков Иван Иванович. Дело по его обвинению за недоказанностью вины арестованного было прекращено 1 октября 1939 г. А обвинялся И.И. Жуков по ст.ст. 54—1 «б», 54—8, 54—11 УК УССР. На предварительном следствии Иван Иванович виновным себя признал, но затем от своих показаний отказался

как от ложных. После освобождения из тюрьмы и восстановления в кадрах РККА (в феврале 1940 г.) И.И. Жуков был назначен комиссаром КЭО (квартирно-эксплуатационного отдела) Харьковского военного округа. В сентябре 1940 г. он получил другое назначение — заместителем интенданта того же военного округа.

Великую Отечественную войну Иван Иванович встретил на посту комиссара штаба 18-й армии, сформированной на базе Харьковского военного округа. В боевой обстановке он зарекомендовал себя опытным, зрелым политработником. Например, в боевой характеристике на военного комиссара штаба 18-й армии И.И. Жукова отмечалось, что он «с начала Великой Отечественной войны сумел мобилизовать личный состав штаба армии на выполнение стоящих перед ним задач. Бесстрашен, инициативен. 17 августа 1941 г. лично возглавил разведывательную группу в составе 13 человек. В завязавшемся бою лично уничтожил три мотоциклиста противника. Под руководством Жукова были собраны ценные сведения о противнике, облегчившие выход частей Красной Армии из окружения. За эту операцию он представлялся к награждению орденом Красного Знамени»[98].

13 мая 1942 г. комиссар штаба 18-й армии дивизионный комиссар И.И. Жуков подвергся аресту органами госбезопасности. Официальная формулировка причины ареста — «за проведение антисоветской агитации». В чем же заключалась и проявлялась эта антисоветская агитация со стороны И.И. Жукова, кого он, член партии с многолетним стажем, окончивший Военно-политическую академию, агитировал против Советской власти? Оказывается, являясь комиссаром штаба

18-й армии, в конце 1941 г. и в начале 1942 г. в беседах с начальником штаба армии генерал-майором И.Л. Леоновичем допускал по отдельным вопросам антисоветские суждения. При этом Жуков, как утверждалось в обвинительном заключении, в беседах с Леоновичем восхвалял гитлеровскую армию. Он якобы утверждал, что Красная Армия плохо вооружена, а ее командный состав слабо обучен и не способен руководить войсками в сложной боевой обстановке, что советская промышленность не мобилизована в достаточной степени и не может обеспечить фронт вооружением и боеприпасами.

И хотя прошло почти пятнадцать лет после того, как И.И. Жуков, будучи слушателем Военно-политической академии, вместе с подавляющим большинством слушателей проголосовал за резолюцию, направленную против введения полного единоначалия в Красной Армии, ему припомнили и это событие,

обозначив это как участие в антипартийной группе. Надо отметить, что все слушатели, голосовавшие за эту злополучную «толмачевскую» резолюцию, вскоре отказались от нее, признав ее идущей в разрез линии партии.

Дело И.И. Жукова было рассмотрено Военной коллегией 27 марта 1952 г., т.е. почти через десять лет после ареста. В судебном заседании Иван Иванович не признал себя виновным в проведении антисоветской агитации. Он заявил, что виновен лишь в непресечении нездоровых высказываний со стороны начальника штаба армии генерал-майора И.Л. Леоновича, показаниями которого обосновывалась виновность И.И. Жукова. Кстати, Иосиф Леонтьевич Леонович тоже был арестован и несколько лет находился под следствием.

На основании ст. 58—10 УК РСФСР И.И. Жуков был приговорен к десяти годам лишения свободы. Судьи не удосужились проверить дело И.Л. Леоновича, там они нашли бы интересные материалы: во-первых, это его отказ от своих прежних показаний, изобличавших Жукова в проведении антисоветской агитации; во-вторых, само уголовное дело в отношении И.Л. Леоновича было прекращено в январе 1946 г. за недоказанностью обвинения.

По протесту Главной военной прокуратуры Военная коллегия определением от 28 июля 1953 г. приговор в отношении И.И. Жукова отменила, а дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления. Иван Иванович из-под стражи был освобожден после одиннадцати лет заключения [99].

Один из создателей советской штурмовой авиации комдив Туржанский Александр Александрович, пробыв почти два года под следствием, 29 февраля 1940 г. был освобожден из-под стражи. После восстановления в кадрах РККА он в июне 1940 г. назначается начальником Качинского авиационного училища. Тогда же ему присваивается воинское звание «генерал-майор авиации». Спустя год (в августе 1941 г.) Туржанского переводят в Военную академию командно-штурманского состава ВВС РККА на должность старшего преподавателя.

Туржанский А.А. родился в 1898 г. в г. Смоленске. Участвовал в Первой мировой войне. В марте 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, и с тех пор его служба проходила в авиационных частях РККА. Окончил летную школу и Московскую высшую авиашколу, после чего проходил службу в качестве летчика, летчика-инструктора, командира авиационного отряда, эскадрильи (штурмовой, одной из первых в РККА. — Н.Ч.), командира 8-й авиабригады и 2-го авиационного корпуса. Туржанский одним из первых в ВВС РККА отрабатывал

тактические приемы действий штурмовой авиации, в том числе на бреющем полете. С его участием была изобретена парашютная бомба. В 1934 г. его наградили орденом Красной Звезды, а в 1936 г. — орденом Ленина.

В 1919 г. он вступил в ряды РКП(б), но в 1921 г. во время чистки партии был исключен из ее состава «как интеллигент». В 1930 г. снова вступил в партию — сначала кандидатом, а в 1937 г. — в члены ВКП(б).

19 февраля 1942 г. А.А. Туржанского арестовали. За что? Какие преступления мог совершить старший преподаватель военной академии? Но, как тогда шутили, был бы человек, а статья всегда найдется!.. Нашли ее и генерал-майору Туржанскому. Содержание предъявленного ему обвинения отвечало духу времени: на всех фронтах было чрезвычайно тяжелое положение, войска Красной Армии с боями отступали под натиском немецко-фашистских группировок, отдавая им территорию СССР. И за это кто-то должен был отвечать!.. Поэтому сотрудники госбезопасности усиленно искали (и находили!) всякого рода паникеров и клеветников, якобы подрывающих устои Советской власти. И жестоко карали их!..

Генерала Туржанского отнесли именно к этой категории. Содержание предъявленного ему обвинения было предельно просто (оно вошло и в обвинительное заключение, и в приговор): «Следствием по делу установлено, что Туржанский среди офицеров Советской Армии проводил антисоветскую пораженческую агитацию, клеветал на сообщения Совинформбюро, Советскую Армию и командный состав и одновременно восхвалял германскую армию»[100]. А вот в чем конкретно все вышесказанное выражалось, в каких формах осуществлялось, об этом в заключительном обвинении не говорилось.

Не обошли следователи вниманием и первую «посадку» А.А. Туржанского, пытаясь «пришить» ему статью о принадлежности к военному заговору, а это верный расстрел в условиях военного времени! Такие поползновения у следствия были, однако они почему-то дальнейшего развития не получили. Из обвинительного заключения: «После освобождения Туржанского из-под стражи на него были получены косвенные показания арестованного Смушкевича Я.В., свидетельствующие о его (Туржанского. — Н.Ч.) принадлежности к антисоветскому военному заговору»[101].

На А.А. Туржанского «показали» свидетель полковник Ф.Т. Ковалев (начальник кафедры академии) и арестованный комбриг В.А. Юнгмейстер (преподаватель той же академии). Полковника Ковалева пригласили даже на судебное заседание, что было явлением очень редким в практике работы Военной коллегии.

Военная коллегия слушала дело А.А. Туржанского 25 марта 1952 г. — десять лет спустя после его ареста. На вопрос, признает ли он себя виновным, Александр Александрович ответил: «Виновным себя признаю в том, что с моей стороны были отдельные элементы высказываний антисоветского и пораженческого характера, но умысел в них и антисоветскую агитацию отрицаю»[102].

Так в чем же следователи увидели антисоветскую и пораженческую агитацию? На этот вопрос ответ дал сам А.А. Туржанский. На суде он пояснил, что, прибыв в конце августа 1941 г. в академию, имел беседу с начальником кафедры полковником Ф.Т. Ковалевым. На вопрос последнего, почему отступают советские войска, он, Туржанский, ответил, что одной из причин этого является назначение на ответственные должности в армии лиц, фактически не соответствующих этим должностям. В условиях военного времени эти командиры не в состоянии должным образом руководить войсками.

И это было действительно так, ибо к началу войны с Германией (а еще раньше — с Финляндией) все опытные военачальники либо были расстреляны, либо сидели в тюрьмах под следствием, либо отбывали срок в лагерях. Все это не способствовало укреплению дисциплины в войсках и повышению морально-политического состояния личного состава. Поэтому Александр Александрович просто констатировал имеющийся факт, когда говорил полковнику Ковалеву о неудовлетворительной дисциплине в Красной Армии. Но, как заявил Туржанский на суде, говорил он это «...не с целью агитации, а в силу... горечи и обиды за поражение наших войск». Сказал Александр Александрович и о том, что он был недоволен своим назначением в академию (как он выразился — в тыл), ибо собирался воевать с захватчиками. Своего возмущения по этому поводу он особенно и не скрывал от сослуживцев по академии.

Полковник Ф.Т. Ковалев в судебном заседании показал, что при обсуждении положения советских войск на фронте А.А. Туржанский высказывал неверие в победу над немецко-фашистской армией. Когда же Ковалева попросили подробнее рассказать о содержании этих разговоров, он смог сделать это «только примерно», сославшись на давность лет. А вот что точно запомнил Ковалев, так это утверждение Туржанского, что одной из причин неудач советских войск явилось ослабление армии необоснованными арестами командного состава в предвоенный период.

По утверждению свидетеля Ковалева, Туржанский иронически высказывался о командующих Северо-Западным,

Западным и Юго-Западным направлениями советско-германского фронта в первый период Великой Отечественной войны, т.е. о Маршалах Советского Союза К.Е. Ворошилове, С.К. Тимошенко и С.М. Буденном. В противовес этим «полководцам» Туржанский, по словам Ковалева, утверждал, что, будь живы М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, такого бы катастрофического положения не случилось.

По свидетельству Ф.Т. Ковалева, генерал Туржанский восхвалял немецкую военную технику. Действительно, попробовал бы кто утверждать обратное!.. В своем последнем слове А.А. Туржанский со всей ответственностью заявил, что во всех его словах не было никакого антисоветского умысла, «это были слова горечи и обиды».

Военная коллегия не прислушалась к доводам подсудимого и приговорила его «за проведение антисоветской агитации» к лишению свободы сроком на двенадцать лет.

После смерти И.В. Сталина и ареста Л.П. Берии появилась возможность реабилитации А.А. Туржанского и возвращения ему свободы. Вопрос о реабилитации арестованных генералов и адмиралов, их освобождения (разумеется, оставшихся в живых) из заключения обсуждался на уровне Президиума ЦК КПСС, который обязал Военную коллегию Верховного Суда СССР пересмотреть дела по обвинению этих лиц (в постановлении они названы пофамильно). И не просто пересмотреть, а прекратить эти дела и полностью реабилитировать подследственных и заключенных. Была в этом списке и фамилия А.А. Туржанского. По заключению Главной военной прокуратуры Военная коллегия своим определением от 27 июля 1953 г. приговор, вынесенный ему, отменила, а дело о нем прекратила.

После восстановления в кадрах РККА и в генеральском звании А.А. Туржанский в ноябре 1955 г. был уволен в отставку (по болезни). Умер он в Москве 2 июля 1982 г.

ОН КОМАНДОВАЛ ПАРАДОМ ПОБЕДЫ

После освобождения из тюрьмы К.К. Рокоссовскому врачи порекомендовали подлечиться и отдохнуть, и он вместе с семьей поехал в санаторий в Сочи. По возвращении в Москву Константина Константиновича принял С.К. Тимошенко, только что назначенный вместо К.Е. Ворошилова наркомом обороны СССР. С Семеном Константиновичем Тимошенко у Рокоссовского были теплые и сердечные отношения — они были сослуживцами по 3-му кавалерийскому корпусу Белорусского военного округа, где первый был командиром корпуса, а второй возглавлял в нем 7-ю Самарскую кавдивизию.

«Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936—1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским военным округом. Я должен был помочь в проверке войск, отправлявшихся в освободительный поход в Бессарабию. В моем присутствии нарком позвонил об этом по телефону в Киев генералу армии Т.К. Жукову.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего округом. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович уехал в Москву начальником Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец сорокового года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю Первую мировую войну. После октября 1917 года — опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь

получил хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно вызывал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давно зародившаяся заинтересованность бронетанковыми соединениями, перед которыми открывались богатые перспективы! Все вместе взятое придало мне бодрости, и, следуя пословице, что «не боги горшки лепят», я со всей энергией приступил к новому делу, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами»[103].

Об истории создания механизированных корпусов Красной Армии следует сказать несколько подробнее. Еще в 1930 г. была сформирована первая в РККА механизированная бригада. Ей было присвоено имя заместителя начальника Управления механизации и моторизации РККА К.Б. Калиновского, погибшего в 1931 г. В апреле 1932 г. Комиссия Обороны при Совете Народных Комиссаров СССР по докладу Реввоенсовета приняла постановление по формированию механизированных корпусов. Первые два из них начали формироваться уже в марте 1932 г. на базе стрелковых дивизий в Ленинградском и Украинском военных округах. Так, 11-й мехкорпус ЛВО формировался на базе 11-й стрелковой дивизии, 45-й мехкорпус — на базе 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии. Оба корпуса имели одинаковую структуру, они состояли из двух механизированных бригад и одной стрелково-пулеметной бригады, а также частей и подразделений боевого обеспечения и обслуживания. На вооружении мехбригад были танки Т-26 и БТ.

По новому плану развития РККА к 1938 г. планировалось создать 25 механизированных бригад. Появилось еще два механизированных корпуса: на базе мехбригады имени К.Б. Калиновского был сформирован в МВО 5-й мехкорпус, а в Ленинградском военном округе вместо 11-го мехкорпуса, переведенного в Забайкалье, был сформирован 7-й мехкорпус. Помимо названных выше механизированных корпусов, в РККА существовали и отдельные мехбригады и танковые бригады резерва Главного командования.

В 1938—1939 гг. все механизированные соединения и части были переименованы в танковые со сменой номеров. Части, имевшие на вооружении танки Т-28 и Т-35, стали называться тяжелыми танковыми; оснащенные танками Т-26 и БТ — легкими

танковыми. Танковый корпус по новым штатам имел 560 боевых и 98 учебных танков.

Главный военный совет в ноябре 1939 г. рассмотрел вопрос об организации и численности РККА и признал необходимым расформировать танковые корпуса. Вместо них в составе стрелковых войск следовало создать 15 моторизованных дивизий четырехполкового состава — по два моторизованных стрелковых полка, артиллерийский и танковых полки. Мотострелковые бригады танковых корпусов, как и мотострелковые батальоны танковых бригад, подлежали расформированию. На повестку дня стал вопрос о формировании танковых дивизий и механизированных корпусов нового состава. По штатам 1940 г. мехкорпу с должен был иметь 1107 танков. Корпус состоял из двух танковых, одной моторизованной дивизий, мотоциклетного полка, дорожного батальона, батальона связи и авиаэскадрильи[104].

По плану высшего руководства страны в июне 1940 г. началось формирование восьми механизированных корпусов. Уже в начале октября 1940 г. нарком обороны (С.К. Тимошенко) и начальник Генерального штаба (К.А. Мерецков) направили в Политбюро доклад о том, что формирование восьми механизированных корпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий, в основном, завершено.

Спустя десять дней (14 октября 1940 г.) нарком обороны и начальник Генштаба направили в Политбюро уточненный доклад, в котором предлагались мероприятия, необходимые для усиления войск в первой половине 1941 г. Они предлагали сформировать в Киевском Особом военном округе (КОВО) еще один механизированный корпус (по счету 9-й), которым и предстояло командовать генерал-майору К.К. Рокоссовскому. Директивой наркома обороны от 4 ноября 1940 г. было дано разрешение на формирование этого корпуса в составе управления с корпусными частями, двух танковых и моторизованной дивизий.

Рокоссовский вспоминает: «Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная стрелковая дивизия под командованием полковника Н.В. Калинина, 35-я танковая генерал-майора Н.А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М.Е. Катуков (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В.М. Черняев)»[105].

Здесь требуется одно уточнение: Константин Константинович среди дивизий своего корпуса называет 35-ю танковую. Эта

дивизия действительно входила в состав 9-го мехкорпуса, но только с марта 1941 г. В начале же формирования корпуса в его состав, помимо 20-й танковой, входила 19-я танковая дивизия, которая затем была передана в 22-й мехкорпус. И только после этого у Рокоссовского появилась 35-я танковая дивизия, сформированная в марте 1941 г. в Новоград-Волынске взамен 19-й танковой.

Формирование корпуса шло с большим трудом. По состоянию на 20 февраля 1941 г. в нем было всего 94 танка[106]. В июне 1941 г. он имел 300 танков — меньше, чем было положено танковой дивизии, да и те были из учебного парка. Техника была на износе, Рокоссовский вынужден был ограничивать использование танков в учебных целях. Новая материальная часть в корпус не поступала, хотя планировалось к концу 1941 г. довести число танков в корпусе до 771. И после начала войны корпус не получил ни одной машины из положенных по плану мобилизации.

И тем не менее люди старались!.. Рокоссовский пишет: «Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним своей долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования развернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь большую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать, начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда в обиходе, “академиком” (т.е. закончил академию имени Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался тренировке нижестоящих штабов, дисциплинируя их и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль — требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев»[107].

Соединения и части корпуса дислоцировались следующим образом: управление корпуса и 131-я моторизованная дивизия — в Новоград-Волынске, там же располагалась и 35-я танковая дивизия; 20-я танковая дивизия — в Шепетовке; 40-й танковый полк — в Изяславе; мотострелковый и гаубичный

артиллерийский полки — в Славуте.

По плану покрытия государственной границы в полосе 5-й армии 9-й мехкорпус, составляя резерв командарма, должен был к исходу второго дня мобилизации сосредоточиться в предписанном районе в готовности к нанесению контрударов в направлениях Луцк, Владимир-Волынский, Горохов, Сокаль.

Обстановка в странах Европы между тем была весьма напряженной. Фашистская Германия, упоенная своими успехами, подминала под себя одну страну за другой. И кадровые командиры РККА предчувствовали, что рано или поздно, но Германия нападет на СССР. Многие из них сомневались в надежности заключенного между Германией и СССР пакта о ненападении. По утверждению К.К. Рокоссовского, «мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт».

Поэтому свою главную задачу Константин Константинович видел прежде всего в организации боевой учебы в войсках корпуса. «В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командноштабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования»[108].

В мае 1941 г. командующий КОВО генерал-полковник М.П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В этих учениях принял участие и 9-й мехкорпус, который взаимодействовал с 5-й армией генерала М.И. Потапова на направлении Ровно, Луцк, Ковель. В плане учебы Рокоссовский немало ждал от данной поездки, но его надеждам не суждено было сбыться. «Мы много ожидали от этого учения. Надежды не оправдались. Разбор, произведенный командующим округом, был весьма бледным, трудно было даже определить, что, собственно говоря, от нас требовалось»[109].

А боевая учеба в округе тем временем продолжалась. Из штаба округа в соединения ушло распоряжение об отправке артиллерийских частей на соответствующие полигоны, находившиеся в приграничной полосе. Командованию 9-го мех-корпуса удалось сохранить свою артиллерию, доказав вышестоящему начальству, что все запланированные упражнения

они отработают у себя на месте. Как потом Рокоссовский хвалил себя и своего начальника артиллерии за такой дальновидный шаг, позволивший им вступить в войну с артиллерийским прикрытием!

По мнению К.К. Рокоссовского, в частях Киевского Особого военного округа недостаточно велась работа, которую необходимо проводить в преддверии войны. «Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И.И. Федюнинский, С.М. Кондрусев, Ф.В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов. — Н. Ч.). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у товарища Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Договорились о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой.

...И самое тревожное обстоятельство — истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков»[110].

В своих воспоминаниях К.К. Рокоссовский подробно описывает начало войны 22 июня и свои действия по руководству соединениями и частями корпуса: «21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз.

Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове»[111].

Война началась в воскресенье, 22 июня 1941 г. Около четырех часов утра дежурный по штабу корпуса принес К. К. Рокоссовскому телефонограмму, полученную из штаба 5-й армии, с приказанием вскрыть особый оперативный пакет. «Вскрывать его мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А тут

стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штарма (штаба армии. — Н.Ч.). Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти (бригадного комиссара Д.Г. Каменева. — Н.Ч.) и начальника особого отдела:

— Ваше мнение, товарищи, как поступить в данном случае?

Все высказали сомнение, подозревая какую-то провокацию.

Дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступать в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа утра приказал объявить боевую тревогу командирам дивизий Новикову, Калинину и Черняеву прибыть на мой НП (наблюдательный пункт. — Н.Ч.).

Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда я не писал столько расписок, как в этот день.

А. Г. Маслов с утра добивался связи наверх. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк. Один из офицеров штаба армии торопливо сказал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно.

Почти к этому же времени удалось получить сведения, что Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась.

С командованием округа, которому мы непосредственно подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня — никаких распоряжений.

Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков. Зенитная артиллерия обстреляла их.

Все эти события убедили меня в том, что действую

правильно. Это подбодрило, и я все внимание сосредоточил на подготовке войск»[112].

Столь подробное рассмотрение порядка работы К.К. Рокоссовского в первый день войны необходимо для того, чтобы показать его высокие организаторские качества, умение в критические минуты сосредоточиться на главном, его решительность и волю при достижении поставленной цели, самообладание, мужество и разумную инициативу.

По свидетельству К.К. Рокоссовского, в два часа дня 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении на Ровно и Луцк. Необходимо отметить, что к началу войны 9-й мехкорпус личным составом был укомплектован почти полностью. Однако не хватало боевой техники, вооружения, да и обучение людей не было завершено.

Из воспоминаний К.К. Рокоссовского: «Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не более трети положенного по штату. А мотопехота обеих танковых дивизий! Положенных машин у нее не было, но поскольку значилась моторизованной, не имела ни повозки, ни коня»[113].

В бой с немцами части корпуса вступили 24 июня. 131-я моторизованная дивизия, которую командарм-5 М.И. Потапов временно подчинил себе (не согласовав это с Рокоссовским), из-под Ровно была переброшена под Луцк для закрытия бреши на этом направлении. Ей придали мотоциклетный полк 22-го мехкорпуса и два артиллерийских дивизиона 19-й танковой дивизии того же корпуса. 25 июня противник овладел Луцком. 131-я дивизия с трудом сдерживала атаки 14-й танковой дивизии немцев, пытавшихся развивать наступление на Ровно.

Как известно, механизированные корпуса предназначались для нанесения контрударов по противнику. Не всегда согласуясь со сложившейся обстановкой, вышестоящее командование отдавало приказ: «Нанести контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить его и восстановить положение». Примерно такой приказ получил комкор-9 К.К. Рокоссовский от командарма-5 М.И. Потапова. Совместно с 19-м мехкорпусом он должен был, взаимодействуя с 36-м стрелковым корпусом, уничтожить противника в районе Млы-нов, Дубно и овладеть этими пунктами.

Но единого, согласованного удара двух механизированных корпусов не получилось, так как к тому моменту, когда 9-й

мехкорпус перешел в наступление (на рассвете 27 июня), части 19-го мехкорпуса с боями отступали под натиском превосходящих сил противника. Обе танковые дивизии корпуса К. К. Рокоссовского своевременно двинулись в наступление. 35-я дивизия рано утром 27 июня недалеко от Млынова вошла в соприкосновение с противником, развернулась на этом рубеже и обороняла его до исхода дня. 20-я танковая дивизия также пыталась продвинуться вперед, но встретила сильное сопротивление. Во второй половине этого дня противник, нащупав открытые фланги дивизии и промежутки между частями, стал обходить ее, угрожая выходом в ее тыл и окружением.

Генерал-майор Рокоссовский внимательно следил за всеми изменениями в боевой обстановке. Учитывая угрозу окружения 20-й танковой дивизии, он решил с наступлением темноты отвести обе дивизии на новый рубеж в районе Рома-шевская, Клевань, где они и закрепились. И хотя удар 9-го мехкорпуса и не достиг поставленной цели — захвата Млыно-ва, тем не менее его активные действия на левом фланге группировки противника несколько облегчили положение частей 19-го мехкорпуса, отходивших с боями в направлении Ровно.

Командующий Юго-Западным фронтом М.П. Кирпонос и его штаб, слабо ориентированные в обстановке, 27 июня отдали приказ 5-й армии продолжать контрнаступление силами тех же 9-го и 19-го мехкорпусов в том же направлении, т.е. на Млынов и Дубно. Эта задача оказалась невыполнимой, так как 19-й корпус отступал, а 9-й отражал атаки противника, при этом нуждаясь в передышке. Но ее (передышки) не было. К 29 июня части корпуса по-прежнему оборонялись, отражая атаки танков и пехоты немцев. К этому времени в корпусе остались 32 танка и 55 орудий различного калибра[114].

С переменным успехом части 9-го мехкорпуса вели бои до начала июля. В период со 2 по 5 июля войска 5-й армии отходили за р. Случь, разрушая за собой мосты и устраивая заграждения на дорогах. Если стрелковые корпуса правого фланга армии отходили под прикрытием арьергардов, то левофланговые 9-й и 19-й мехкорпуса вели тяжелые сдерживающие бои с превосходящими силами противника. В целом положение 5-й армии и всего Юго-Западного фронта в начале июля было неустойчивым. Войска, понесшие в ходе двухнедельных боев тяжелые потери, были ослаблены, измотаны и, отходя на линию старых укрепленных районов, с трудом отражали удары противника, продолжавшего удерживать в своих руках инициативу.

Для устойчивого и эффективного управления войсками

любому командиру, тем более танкисту, необходимо знать о любых изменениях обстановки. В этом плане К.К. Рокоссовский не был исключением. «Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно — в более широком понимании — необходимо и высшему комсоставу борющихся войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Штаб наш быстро вжился в ту, порою казалось — невыносимую ситуацию, в которую мы были поставлены. Маслов организовал буквально охоту за информацией, чтобы уловить логику событий и дать сведения, необходимые для управления войсками. И многие штабные офицеры погибли, выполняя задания»[115].

Несколько суток 9-й мехкорпус находился в резерве 5-й армии. Затем комкор К.К. Рокоссовский получил задачу сосредоточить соединения корпуса в районе Погореловка, Ушомир в готовности к нанесению удара по противнику в направлениях Новоград-Волынского и Житомира. В связи с прорывом немцами позиции советских войск в районе Новоград-Волын-ского задача корпуса была скорректирована. С утра 10 июля ударная группировка 5-й армии в составе двух дивизий 31-го стрелкового корпуса и трех механизированных корпусов, в том числе и 9-го, перешла в наступление. Оно развивалось неравномерно: находящиеся в центре и на левом фланге этой группировки 9-й, 19-й и 22-й мехкорпуса, располагавшие в общей сложности 130 танками, за период с 10 по 14 июля смогли продвинуться на 10—20 км, выйдя на Киевское шоссе. Правый же фланг группировки, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, продвинулся всего лишь на 3—6 км. В 9-м мехкор-пусе к началу этого наступления было около 10 тысяч бойцов и командиров, около 30—35 танков[116].

Рокоссовский вспоминал, описывая эти бои: «Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это нам удавалось на протяжении всех боев под Луцком и под Новоград-Волынским.

За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие офицеры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден наш неутомимый начальник штаба. В числе товарищей и я был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В разгар боев под Новоград-Волынским, где немцы пытались

отбросить наш корпус на северо-восток, обеспечивая себе продвижение к Киеву, пришло распоряжение Ставки. Меня назначали командующим армией на Западный фронт. Было приказано немедленно прибыть в Москву.

Сдав командование генералу А.Г. Маслову, 14 июля на машине отправился в Киев...»[117]

Обстановка на Западном фронте летом 1941 г. осложнялась с каждым днем. Неся большие потери в личном составе и технике, части и соединения фронта с боями отходили на восток. Расстояние от передовых позиций до Москвы — столицы СССР с каждой неделей становилось все меньше и меньше. Поступавшее на фронт пополнение нередко приходилось бросать в бой, не обучив его должным образом. Острая нехватка командиров всех рангов ощущалась постоянно. Вероятнее всего, в силу указанных выше причин назначенный в июле 1941 г. командующим Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко вспомнил о К.К. Рокоссовском, своем старом сослуживце. Семен Константинович намеревался поставить Константина Константиновича на одну из армий, о чем и было сказано в соответствующем документе Ставки, направленном на ЮгоЗападный фронт. С таким намерением К.К. Рокоссовский и прибыл в Москву.

Прибыв в Москву, К.К. Рокоссовский явился в Ставку ВТК. «Здесь мне было сказано, что на смоленском направлении “образовалась пустота” в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево. Задача: прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы.

Узнал я, что Ставка и командование Западного фронта, учитывая значение днепровского рубежа, спланировали создать в районе Ярцево сильную подвижную группу в составе двух-трех танковых и одной стрелковой дивизий. Предполагалось, что ее активные наступательные действия, поддержанные частями 16-й и 20-й армий, смогут привести к резкому улучшению оперативной обстановки и удержанию Смоленска. Вот меня и ставили во главе этой группы. На вопрос, какие и откуда будут выделены войска в мое распоряжение, мне назвали несколько дивизий и полков.

А вообще подчиняйте себе все, что найдете по дороге от Москвы до Ярцево.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

Генеральный штаб меня вооружил. Две автомашины со счетверенными пулеметами и расчетами при них. Радиостанция. И небольшая группа офицеров»[118].

Прибыв на командный пункт маршала С.К. Тимошенко, Константин Константинович представился ему и члену Военного совета Н.А. Булганину. Последние ввели К.К. Рокоссовского в обстановку на фронте. Наступление немцы осуществляли на широком фронте. Под угрозой окружения был Смоленск, с падением которого открывался путь на Москву. В первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях действовали 20-я армия генерал-лейтенанта П.А. Курочкина и 19-я армия генерал-лейтенанта И.С. Конева. В более тяжелом положении находились войска И.С. Конева, которые продолжительное время вели оборонительные бои с врагом, намного превосходившим их в живой силе и технике. Генерал Конев пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, однако массированные удары немецкой авиации всякий раз срывали эти попытки. Командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин держал оборону Смоленска, хотя из войск у него осталось только две стрелковые дивизии.

О чрезвычайной сложности положения, в котором очутился Константин Константинович, говорят хотя бы такие факты. «Ночью я выехал в Ярцево. На прощание командующий фронтом сказал:

— Подойдут регулярные подкрепления — дадим тебе две-три дивизии, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на Ярцевском рубеже.

Мы и стали это делать сразу, подбирая по пути в Ярцево всех, кто мог быть нам полезен для борьбы.

В короткое время собрали порядочное количество войск различных родов. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, саперы, пулеметчики, минометчики, медицинские работники... Набралось, и немало, грузовиков. Они нам очень пригодились.

Так началось, в процессе боев, формирование в районе Ярцево соединения, получившего официальное название “группа генерала Рокоссовского”»[119].

Создал Константин Константинович и штаб группы численностью около двадцати человек. В него вошли прежде всего выпускники Военной академии имени М.В. Фрунзе, прибывшие в распоряжение отдела кадров Западного фронта. В числе этих выпускников был подполковник С.П. Тарасов, которого Рокоссовский и назначил исполнять обязанности начальника штаба группы (он же начальник оперативного отдела).

Нормальных условий для плодотворной работы штаба не было, однако он работал!.. Размещался штаб на колесах: восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика с зенитными пулеметами, прибывшими с Рокоссовским из Москвы.

Работали офицеры штаба самоотверженно, глубоко сознавая важность возложенной на них задачи.

Генерал-майор К. К. Рокоссовский хорошо понимал сложность момента и поэтому действовал решительно, подчиняя себе все встреченные войска, беспорядочно отступавшие или не имевшие четкого приказа на оборонительные действия. Таким же образом он и подчиненные ему офицеры поступали с подразделениями и отдельными группами военнослужащих, выходивших из окружения или потерявших своих командиров. Из этих групп он создавал сводные отряды, батальоны и полки, расставляя их для обороны важнейших узлов дорог, населенных пунктов. Работа эта была ежедневной, можно сказать, ежечасной, напряженной и нервной. Но самое удивительное состоит в том, что «группа генерала Рокоссовского», сформированная описанным выше образом, заявила о себе как достаточно слаженное боевое соединение, способное не только обороняться, но и наступать. Выбрав удачный момент, К. К. Рокоссовский нанес удар по прорвавшимся войскам противника и овладел г. Ярцевом, его войска форсировали р. Вопь и закрепились на выгодном рубеже. Это был успех, достойный полководца.

В этих боях под Ярцевом вокруг К. К. Рокоссовского сложился тот коллектив управления войсками, который, в основном, за небольшим исключением, будет сопровождать, помогать ему все годы войны. В первую очередь это относится к начальнику штаба группы полковнику М.С. Малинину (на завершающем этапе войны он будет генерал-полковником), начальнику артиллерии генерал-майору В.И. Казакову (в конце войны тоже будет генерал-полковником артиллерии). Следует особо подчеркнуть такую черту характера К. К. Рокоссовского, как верность фронтовому братству. К.К. Рокоссовский вспоминает о своей первой встрече с М.С. Малининым. Связано это было с поступлением в конце июля 1941 г. в распоряжение Рокоссовского управления и укомплектованного штаба 7-го механизированного корпуса. Начальником этого штаба был полковник М.С. Малинин. Ему-то Константин Константинович и поручил возглавить штаб его группы. Как показали дальнейшие события, его выбор оказался как нельзя более удачным. «...В общем, Михаил Сергеевич Малинин с первых же дней показал себя умницей, опытным и энергичным организатором. Мы с ним сработались, а впоследствии хорошо, по-фронтовому, сдружились.

Был создан настоящий командный пункт, наблюдательные пункты на переднем крае, быстро установлена проводная связь с войсками.

Опытному глазу сразу было заметно, что в руках полковника

Малинина сколоченный, исполнительный и быстро реагирующий на все, что делается в войсках, штабной коллектив. Властная натура руководителя штаба порою охлаждала инициативу подчиненных, но потом это сошло, стерлось...»[120]

Организаторские и иные качества Рокоссовского были замечены вышестоящим командованием и по достоенству оценены — его назначили командующим 16-й армией. Формально дела Константин Константинович принял от старого командарма генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, однако армия, которой стал командовать Рокоссовский, была новой, т.е. второго формирования. Сформирована она 10 августа 1941 г. путем реорганизации группы войск Ярцевского направления («группы генерала Рокоссовского»). Части же 16-й армии первого формирования, вырвавшиеся из окружения в районе Смоленска, большей частью были переданы на пополнение

20-й армии. Ввиду того, что костяком новой 16-й армии стала возглавляемая им группа войск, К.К. Рокоссовский попросил назначить начальником штаба армии полковника М.С. Малинина, а начальником артиллерии — генерал-майора В.И. Казакова. Эта просьба была удовлетворена.

Бывший тогда членом Военного совета 16-й армии дивизионный комиссар А.А. Лобачев вспоминает: «Новый командарм скоро завоевал уважение в нашем коллективе. Общительный по характеру, Константин Константинович сразу располагал к себе людей. Все мы оценили исключительное его спокойствие в сложной обстановке, доверие к подчиненным.

Руководство боем, даже в самых тяжелых условиях, он рассматривал как дело творческое. Сосредоточившись на главной задаче, Рокоссовский не опекал исполнителей, предоставляя им широкий простор для проявления инициативы»[121].

Реформированная 16-я армия представляла собой внушительную силу: шесть дивизий, танковая бригада, тяжелый артиллерийский дивизион и другие армейские части. Армия получила задачу оборонять важнейшее направление, ведущее к Москве, — Смоленск, Вязьма, а затем Волоколамск. Обстановка была крайне тяжелая. Немецкие войска все ближе и ближе подходили к Москве. Гитлер торопил своих генералов и бросал на московское направление все новые и новые силы. «Учитывая важность назревающих событий, — говорилось в одной из его директив, — особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой».

Здесь сделаем одно отступление от темы повествования и скажем следующее: в настоящее время от некоторых незрелых

граждан можно услышать такое высказывание: «Не следовало бы сопротивляться фашистам, оборонять Москву и Ленинград, так как в случае победы немцев мы жили бы лучше». В ответ этим лжепатриотам следует привести жестокое высказывание Адольфа Гитлера: «Там, где стоит Москва, будет создано огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

В августе 1941 г. войска 16-й армии во взаимодействии с 19-й, 24-й и 30-й армиями наносили удары по противнику, перешедшему на какое-то время к обороне. С начала сентября армия участвовала в наступлении войск Западного фронта, которое, однако, дальнейшего развития не получило. В конце сентября армия совместно с другими войсками фронта занимала оборону на рубеже Осташков — северо-западнее Ельни. В начале октября войска армии вели бои в районе Вязьмы. В связи с угрозой охвата немецкими войсками с севера и юга армия была вынуждена отойти с тяжелыми боями на Можайскую линию обороны.

В армии были большие потери как среди красноармейцев, так и среди командиров. У последних наибольший урон наблюдался в низовом звене — среди взводных и ротных командиров. Рокоссовский охотно поддержал предложение о создании в армии курсов младших лейтенантов, куда из частей и соединений должны были подобрать красноармейцев и младших командиров, имевших среднее или высшее образование и получивших боевой опыт. По этому поводу командарм-16 говорил своим ближайшим помощникам:

— Что, если собрать таких да и организовать в армии курсы младших лейтенантов? Краткосрочные, предположим, на месяц или полтора? У них есть образование, опыт пребывания на переднем крае. Получим кадры для самого уязвимого в боях звена.

Поручил это дело Рокоссовский отделу кадров армии. В помощь привлекли и работников политотдела. Во все дивизии были посланы сотрудники отдела кадров и другие работники штаба для выявления бойцов и младших командиров со средним и высшим образованием, отличившихся в предыдущих боях. Военный совет армии поддержал эту инициативу, и через некоторое время в Дорогобуже открылись курсы младших лейтенантов. Выпуск состоялся через полтора месяца, и армия получила 300 командиров взводов[122].

Генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский (это очередное воинское звание ему было присвоено в сентябре 1941 г.) и его войска, игравшие важнейшую роль в обороне Москвы, понимали

ту огромную ответственность, которая на них лежала. Своими героическими усилиями они делали все для того, чтобы остановить, задержать ненавистного врага и не допустить его к Москве. Константин Константинович постоянно подавал подчиненным пример бодрости, неиссякаемой энергии и новаторства в решении оперативно-тактических задач. Видимо, не случайно, что именно из 16-й армии Рокоссовского вышли прославленные командиры — герои обороны Москвы: генерал-майоры И.В. Панфилов, А.П. Белобородов, Л.М. Доватор, М.Е. Катуков и другие.

Высокое личное мужество К. К. Рокоссовского в боевой обстановке неоднократно отмечали многие из его бывших сослуживцев. Например, генерал-майор А.А. Лобачев, член Военного совета 16-й армии в 1941—1942 гг., пишет: «...Командарм, как обычно, был в полной форме и при всех орденах. В начале совместной работы меня несколько обескуражила эта манера появляться в окопах, словно на параде. Я усмотрел чуть ли не рисовку, однако потом убедился, что все показное, напускное чуждо Константину Константиновичу. У него выработались твердые нормы, согласно которым командиру положено всем своим поведением, внешним видом, вплоть до мелочей, внушать войскам чувство спокойствия, ощущение хозяина положения»[123].

Командующему армией приходилось заниматься множеством проблем, относящихся к жизни и деятельности вверенных ему войск. В том числе и укреплением воинской дисциплины в ее частях, укреплением морально-политического состояния личного состава. И здесь нужно было решать все вопросы по справедливости, ибо подход «война все спишет» был не в правилах Константина Константиновича. Тот же А.А. Лобачев приводит пример, ярко характеризующий личность Рокоссовского.

«Однажды к нам пришел прокурор армии военный юрист 1 ранга Сухов.

— Разрешите доложить Военному совету дело о мародерстве. Передано прокурором дивизии. Требуется санкция на предание суду военного трибунала.

— О мародерстве? — переспросил я. — Странно!

— Да, что-то не верится, — заметил командарм и отложил в сторону оперативную сводку. — Это дело не шуточное.

Я почувствовал, что Рокоссовский насторожился, когда прокурор стал докладывать.

— Старшина одной из рот похитил в колхозе Ярцевского района две швейные машины.

— И что с машинами сделал? Домой отправил? — прервал Сухова командарм.

— Нет, судя по материалам, оставил при себе.

— Как при себе? В части?..

— Да, в роте.

— Тут что-то неладно... Не правда ли, комиссар?

Я уже знал эту манеру Константина Константиновича. Когда командарм встречался со случаем, глубоко и серьезно затрагивавшим его, он величал меня “комиссаром”.

— Константин Константинович, — предложил я, — может быть, вызовем этого человека? У нас в армии еще до войны установилось правило: не давать санкции на предание военнослужащего суду, пока сами не поговорим с ним.

— Правильно.

Обвиняемого доставили в Военный совет. Старшина рассказал как было дело.

— Полк получил на Ярцевской мануфактуре бязь: для всех бойцов, пожалуй, выйдет по лишней паре нательного белья. Двинул я в колхоз и попросил председателя выделить для Красной Армии две швейные машинки. Пошли с ним по избам. Одна колхозница согласилась: «Бери, сынок, у меня на фронте и сыновья, и муж, и его братья!» Погрузил машинку на подводу. Смотрим, другая тоже несет машину. Ну что ж, взяли и у нее. Стали шить рубашки. Наутро говорят: мародерство.

Рокоссовский повернулся к Сухову:

— Ну? Этого старшину надо благодарить. И поощрить за инициативу. Вы, товарищ прокурор, простите за резкое выражение, не разобрались...»[124]

В этот период у К. К. Рокоссовского произошла очередная стычка с командующим Западным фронтом генералом армии Г.К. Жуковым. Речь шла о целесообразности отвода войск 16-й армии на истринский рубеж, сделать который Георгий Константинович не разрешил, хотя Рокоссовский и его штаб изложили все доводы в пользу такого решения. В мемуарах К.К. Рокоссовского читаем: «К этому времени бои в центре и на левом фланге шли в 10—12 километрах западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Тогда некоторое количество войск вывели бы во второй эшелон, создав этим глубину обороны, а значительную часть перебросили бы для усиления борьбы на клинском направлении.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими

помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и попросил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище.

Ко всему сказанному выше в пользу такого решения надо добавить и то, что войска армии понесли большие потери и в людях и в технике. Я не говорю уже о смертельной усталости всех, кто оставался в строю. Сами руководители буквально валились с ног. Поспать иногда удавалось накоротке в машине при переездах с одного участка на другой.

Командующий фронтом не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

На войне возникают ситуации, когда решение стоять насмерть является единственно возможным. Оно безусловно оправданно, если этим достигается важная цель — спасение от гибели большинства или же создаются предпосылки для изменения трудного положения и обеспечивается общий успех, во имя которого погибнут те, кто должен с самоотверженностью солдата отдать свою жизнь. Но в данном случае позади 16-й армии не было каких-либо войск, и если бы обороняющиеся части погибли, путь на Москву был бы открыт, чего противник все время и добивался.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командарма и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен.

Мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставались усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника.

Распоряжение было разослано в части с офицерами связи.

Настроение у нас повысилось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы поломают себе зубы. Их основная сила — танки упрутся в непреодолимую преграду, а моторизованные соединения не смогут использовать свою подвижность.

Радость, однако, была недолгой. Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала

короткая, но грозная телеграмма от Жукова. Приведу ее дословно:

“Войсками фронта командую я! Приказ об отводе за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков”.

Что поделаешь — приказ есть приказ, и мы, как солдаты, ему подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы...»[125]

Давайте порассуждаем — кто здесь прав, а кто неправ. Или тоже прав? Это с какой колокольни смотреть! С точки зрения оценки обстановки в полосе одной армии оперативная целесообразность такого отхода была очевидной. Однако ведь 16-я армия действовала не изолированно от других, она была одной из боевых единиц Западного фронта, имела фланги и стыки с другими его армиями. Поэтому с точки зрения стратегической обстановки в полосе своего фронта отход армии, занимавшей центральное положение, был опасным, ибо он мог подтолкнуть к этому и другие армии, положение которых в тот момент было не менее сложным. Кроме всего прочего, при отходе 16-й армии сразу же оголялся правый фланг 5-й армии.

Трудно предположить, как бы на месте Жукова поступил сам Константин Константинович, однако однозначно можно утверждать, что он вряд ли потерпел бы такое положение, когда подчиненный ему командир корпуса или дивизии, минуя своего начальника и игнорируя его, командарма, указания, обратился бы к командующему фронтом или выше для получения той или иной боевой задачи. Зная командирские качества К.К. Рокоссовского, можно утверждать, что такому командиру после этого мало бы не показалось!

Решительность и твердость К.К. Рокоссовского в боевой обстановке знали подчиненные ему командиры. Так, когда к нему обратился командир 1-й танковой бригады генерал-майор М.Е. Катуков с просьбой дать им хотя бы два дня для передышки и ремонта материальной части, Константин Константинович решительно отказал в этом: «Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках... Деритесь до последнего танка и красноармейца». Это не значит, что командарм-16 не понимал крайней необходимости передышки, но обстановка не позволяла этого сделать.

Здесь следует, видимо, сказать более подробно о взаимоотношениях между двумя выдающимися полководцами

Великой Отечественной войны — между Г.К. Жуковым и К.К. Рокоссовским. Эти взаимоотношения имели давние корни, судьба накрепко связала этих незаурядных людей на несколько десятилетий. Предельно откровенно говорит о них и сам К.К. Рокоссовский, описывая события под Москвой осенью 1941 г.:

«Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимым достоинством всякого начальника является его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же — в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются... К сожалению, командующий нашим Западным фронтом не всегда учитывал это.

С Г.К. Жуковым мы дружим многие годы. Судьба не раз сводила нас и снова надолго разлучала. Впервые мы познакомились еще в 1924 году в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде. Прибыли мы туда командирами кавалерийских полков: я — из Забайкалья, он — с Украины. Учились со всей страстью. Естественно, сложился дружеский коллектив командиров-коммунистов, полных энергии и молодости (в 1924 г. Рокоссовскому и Жукову было по 28 лет. — Я. У.). Помнится, там были Баграмян, Синяков, Еременко и другие товарищи. Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего.

В самом начале тридцатых годов наши пути сошлись в Минске, где довелось командовать кавалерийской дивизией в корпусе С.К. Тимошенко, а Т.К. Жуков был в этой же дивизии командиром полка. Накануне войны мы встретились в ином качестве: генерал армии Жуков командовал округом, а я, в звании генерал-майора, — кавалерийским, а затем механизированным корпусом. Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

И вот на Западном фронте во время тяжелых боев на подступах к Москве мы снова работаем вместе. Но теперь наши служебные отношения порой складываются не очень хорошо. Почему? В моем представлении Георгий Константинович Жуков остается человеком сильной воли и решительности, богато одаренным всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику. Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит.

...Высокая требовательность — необходимая и важнейшая

черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку»[126].

Рокоссовский, рассказывая о своих взаимоотношениях с командующим Западным фронтом в конце 1941 г., характеризуя военные и человеческие качества последнего, невольно сравнивает поведение Жукова в тот период с отношением к нему (Рокоссовскому) Сталина: «Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает по ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность...»[127]

Однако и Верховный бывал упрям и капризен. Ему регулярно докладывали об изменениях в обстановке, о продвижении гитлеровцев в Москве. Иногда в такую информацию вкрадывались погрешности. Одна из таких погрешностей была связано с городом Дедовском. Вот что пишет об этом Г.К. Жуков:

«К Верховному Главнокомандующему каким-то образом поступили сведения, что наши войска северо-западнее Нахабина оставили город Дедовск. Это было уже совсем близко от Москвы.

И.В. Сталин, естественно, был сильно обеспокоен таким сообщением: ведь еще с 28 на 29 ноября 9-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А.П.

Белобородов, не без успеха отражала неоднократные яростные атаки противника в районе Истры. Но прошли какие-то сутки, и, оказывается, Дедовск в руках у гитлеровцев...

Верховный вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И.В. Сталин не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу:

— Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Я попытался возразить:

— Покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно.

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского.

Положив трубку, я сразу же связался с К.К. Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего не известно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не занят, а речь, видимо, идет о деревне Дедово. В районе Хованское—Дедово—Снегири и южнее 9-я гвардейская стрелковая дивизия ведет оборонительный бой, не допуская прорыва противника вдоль Волоколамского шоссе на Дедовск—Нахабино.

Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошла ошибка. Но тут, как говорится, нашла коса на камень.

И.В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный населенный пункт непременно был отбит у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л.А. Говорова:

— Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии.

Возражать в подобной ситуации не имело смысла. Когда я вызвал генерала Л.А. Говорова и поставил перед ним задачу, он вполне резонно попытался доказать, что не видит надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой начальник артиллерии генерал-майор артиллерии В.И. Казаков, да и сам командующий К.К. Рокоссовский знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию.

Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, пришлось разъяснить генералу, что таков приказ Верховного.

Мы заехали к К.К. Рокоссовскому и вместе с ним тут же отправились в дивизию А.П. Белобородова. Вряд ли командир

дивизии обрадовался нашему появлению в расположении своих частей. У него в то время и так было забот по горло, а тут пришлось еще давать объяснения по поводу занятых противником нескольких домов деревни Дедово, расположенных по другую сторону оврага.

Афанасий Павлантьевич (Белобородов. — Н.Ч.), докладывая обстановку, довольно убедительно объяснил, что возвращать эти дома нецелесообразно, исходя из тактических соображений. К сожалению, я не мог сказать ему, что в данном случае мне приходится руководствоваться отнюдь не соображениями тактики. Поэтому приказал А.П. Белобородову послать стрелковую роту с двумя танками и выбить взвод засевших в домах немцев. Это и было сделано, кажется, на рассвете 1 декабря»[128].

Данный эпизод поездки Г.К. Жукова и Л.А. Говорова к Рокоссовскому в 16-ю армию следует дополнить некоторыми подробностями, характеризующими характер командующего Западным фронтом. К тому времени танковые части противника на двух участках потеснили 16-ю армию.

— Что, опять немцы вас гонят? — спросил Жуков Рокоссовского. — Командовать не умеете. Вот Говоров вас поучит. У него оборона прочная.

— Спасибо за помощь, — ответил К.К. Рокоссовский, — учиться никогда не вредно.

Жуков вышел в соседнюю комнату, позвонил в штаб фронта, и ему сообщили, что 5-я армия под ударами противника отошла на 10 километров. Рокоссовский рассказывал: «Георгий Константинович буквально ворвался к нам, был возбужден и срывающимся голосом закричал, обращаясь к Л.А. Говорову: “Кого ты приехал учить? Рокоссовского? Он отразил удар танковых дивизий и бьет их. А против тебя одна паршивая мотодивизия, остальные пехотные. Вон отсюда на место! И, если не восстановишь положение...” — Жуков задохнулся, не мог больше вымолвить ни слова»[129].

Несмотря на разногласия по некоторым вопросам боевой жизни войск, тем не менее Г. К. Жуков объективно оценивал деятельность командарма-16: «Генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский командует войсками 16-й армии с 22 июля 1941 г. Успешно провел оборонительную операцию по разгрому немецких войск в направлении Волоколамск, Истра, Осташково. Хорошо подготовленный в оперативно-тактическом отношении, лично храбр, инициативен и энергичен. Войсками армии управляет твердо»[130].

На всю жизнь в память К.К. Рокоссовского врезались события

осени 1941 г. и последующей зимы: «Вспоминая те дни, я в мыслях своих представляю себе образ нашей 16-й армии. Обессиленная и кровоточащая от многочисленных ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и она это делала, ослабляя силы врага. Остановить его полностью еще не могла. Но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии»[131].

Входе начавшегося 5 декабря 1941 г. наступления советских войск под Москвой Рокоссовский, руководя своей армией, провел ряд успешных операций. Его имя стало известно не только в наших войсках, но и у противника. В середине января 1942 г. он получил задачу — овладеть г. Сухиничами. К тому времени этот город, находившийся в полосе 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, был оставлен ее войсками. Командование Западного фронта решило произвести перераспределение сил ряда армий и «нарезать» им новые задачи. Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение. Из старых соединений, входивших до этого в состав 16-й армии, Рокоссовскому оставили только 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора П.Н. Чернышева.

В Сухиничах случилось удивительное, почти невероятное — немцы сами поспешно оставили город без боя!.. Такого случая Константин Константинович, генералы и офицеры его штаба не могли припомнить в последние месяцы... А «ларчик просто открывался» — сработали имя К. К. Рокоссовского и боевая слава 16-й армии. При посещении дивизий, переданных ему под Сухиничами в подчинение, Рокоссовский с некоторым удивлением обнаружил, что его здесь знают. Появление командарма-16 на позициях внесло в эти дивизии значительную уверенность и бодрость, т.к. до этого они отступали под напором противника. Константин Константинович решил использовать этот психологический момент в свою пользу и приказал передавать по радиостанциям сообщения: «Рокоссовский приехал», а главное — организовать демонстрацию того, что на сухиническое направление прибыла вся 16-я армия. Все это, безусловно, сыграло свою роль, и город достался Рокоссовскому без потерь с нашей стороны. Даже командующий фронтом Г. К. Жуков не сразу поверил в такой успех[132].

В уже освобожденных Сухиничах К. К. Рокоссовский был тяжело ранен осколком снаряда. По распоряжению Г. К. Жукова он был на самолете отправлен в госпиталь в Москву. Это было уже третье его ранение во время службы в Красной Армии. И на

этот раз, как говорил сам Константин Константинович, помощь врачей и крепкий организм позволили одолеть недуг, и он стал поправляться. Во время нахождения на излечении в Москве Рокоссовский вплотную занялся поиском своей семьи — жены Юлии Петровны и дочери Ады, которые в начале войны должны были эвакуироваться из прифронтовой полосы. И они успели эвакуироваться сначала в Казахстан, а затем переехали в Новосибирск. С помощью секретаря Московского комитета партии Г.М. Попова Константину Константиновичу удалось получить в столице квартиру и перевезти туда свою семью.

Окончательно не долечившись, Рокоссовский в мае 1942 г. возвратился в свою армию. Но руководить ею ему пришлось совсем недолго. Командование армией было для него уже пройденным этапом и впереди были новые горизонты. Из воспоминаний К.К. Рокоссовского: «В начале июля меня вызвал к ВЧ Г.К. Жуков. Он спросил, справится ли с должностью командарма Малинин. Недоумевая, я ответил утвердительно. Тогда Жуков сказал, что Ставка намерена назначить меня командующим Брянским фронтом.

— Предупреди Малинина и, как получишь распоряжение Ставки, срочно выезжай в Москву.

Все это меня озадачило. Войсками такого масштаба, как армия, я управлял уверенно и чувствовал себя на месте. Но командовать фронтом?.. Я намекнул было, нельзя ли остаться на армии, но встретил категорический отказ.

Что ж, нужно перебороть свою нерешительность.

Тяжело было расставаться с 16-й армией, с дружным, крепким коллективом. Мы вместе переносили и горе поражений и радость побед. Я знал войска и их командиров, а они знали меня. На войне это имеет большое значение.

Но как ни тяжело, а расстаться пришлось. Я уезжал с мыслью, что и на новом месте люди будут не хуже. От меня самого зависит завоевать их доверие и уважение.

Вечером распоряжение было уже получено. Михаил Сергеевич Малинин откровенно заявил, что его пугает ответственность, которая лежит на плечах командующего армией. Он просил оставить его начальником штаба. Жуков согласился, и на 16-ю армию был назначен генерал И.Х. Баграмян. В хорошие руки попадала наша армия, и это радовало меня.

В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и

управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавалась новому — Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и ЮгоЗападным. Я назвал М.С. Малинина, В.И. Казакова, Г.Н. Орла (командующего бронетанковыми и механизированными войсками 16-й армии. — Н.Ч.) и П.Я. Максименко (начальника связи той же армии. — Н.Ч.).

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная»[133].

Брянским фронтом К.К. Рокоссовский командовал недолго. Уже в сентябре 1942 г. Ставка направляет его руководить Донским фронтом. Это назначение было обусловлено тем, что обстановка на сталинградском направлении сильно обострилась и Ставка принимала меры по усилению группировки войск на этом направлении.

Донской фронт образован 30 сентября 1942 г. на юго-западном направлении на основании директивы Ставки ВГК -от 28 сентября 1942 г. путем переименования Сталинградского фронта. В его состав входили 1-я гвардейская, 21-я, 24-я, 63-я, 66-я армии, 4-я танковая, с 22 октября — 65-я армия, 16-я воздушная армия, а с 1 января 1943 г. также 57-я, 62-я и 64-я армии. Начальником штаба фронта весь период его существования был генерал-майор (с декабря 1942 г. — генерал-лейтенант) М.С. Малинин.

Возглавив Донской фронт, Рокоссовский мог бы ограничиться только обороной для остановки наступления противника. Но он признает оборону только активную. Поэтому с учетом требований Ставки и общей стратегической обстановки Рокоссовский значительно активизирует действия войск фронта. Его полки и дивизии захватывают на противоположном берегу Дона, севернее Сталинграда, плацдармы и предпринимают ряд атак с тем, чтобы оттянуть на себя часть войск противника из-под Сталинграда и тем самым в какой-то мере облегчить положение соседнего фронта, непосредственно защищающего Сталинград.

Качества искусного военачальника Константин Константинович показал и при переходе в контрнаступление с целью окружения и уничтожения группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. В то время как Юго-Западный и Сталинградский фронты наносили фланговые удары по 3-й и 4-й румынским армиям, войска Донского фронта должны были частью сил сковывать противника, а другой частью

прорывать его прочные оборонительные рубежи, обороняемые наиболее боеспособными дивизиями 6-й армии генерала Ф. Паулюса. Но штаб фронта, руководимый неутомимым М.С. Малининым, умело спланировал действия войск, благодаря чему Рокоссовскому удалось прорвать сильно укрепленные позиции противника и не допустить переброски его частей и соединений для прикрытия своих флангов. Все это способствовало быстрому окружению Сталинградской группировки противника.

Генерал-полковник К.К. Рокоссовский (это звание он получил в январе 1943 г.) умел учитывать допущенные ранее ошибки и делать из них соответствующие выводы. При подготовке контрнаступления под Сталинградом им, как и другими командующими, принимавшими участие в этой операции, были учтены некоторые ошибки и упущения, допускавшиеся в наступательных операциях 1941—1942 гг. Так, было обеспечено более массированное использование танков и артиллерии (плотность последней достигала до 180—200 орудий и минометов на 1 км фронта). Было осуществлено не только тщательное планирование операции на картах в соответствующих штабах, но и проведена в необходимом объеме работа на местности с командирами всех степеней по подготовке боевых действий, организации взаимодействия, технического и тылового обеспечения.

Огромное внимание придавалось К. К. Рокоссовским организации разведки противника. И ей удалось, в основном, вскрыть огневую систему противника, что позволило осуществить более надежное огневое его поражение. В этой операции в полном объеме было осуществлено артиллерийское и авиационное наступление. В результате наступление войск Донского фронта, впрочем, как и других фронтов, развивалось успешно и в короткие сроки удалось завершить окружение 330-тысячной группировки гитлеровских войск.

После завершения окружения армии Паулюса Ставка подчинила Рокоссовскому все войска на внутреннем фронте и на него была возложена задача по уничтожению окруженной группировки немцев. Задача эта была не из простых, к тому же масштабной. Достаточно сказать, что к тому времени ни К.К. Рокоссовскому, ни другим командующим фронтов подобных операций проводить не доводилось и у них не было опыта ликвидации крупных окруженных группировок врага. Потом такой опыт появится, но пока все это было впервые.

Но Константин Константинович сумел справиться с этой непростой задачей. Он решил выполнить ее путем последовательного отсечения и разгрома окруженных войск по

частям. При этом с внешней стороны кольца окружения гитлеровским командованием предпринимались отчаянные попытки вызволить войска Паулюса, однако все они окончились неудачей.

Победу советских войск под Сталинградом трудно переоценить. Она, эта победа, надломила вермахт и положила начало коренному перелому во Второй мировой войне. Большой вклад в эту победу наряду с другими военачальниками внес и К.К. Рокоссовский, бесспорно, войдя в когорту прославленных советских полководцев.

Следующей операцией, в которой принимали участие войска под командованием К.К. Рокоссовского, была Курская битва. В середине февраля 1943 г. на основании директивы Ставки от 5 февраля на базе Донского фронта образуется Центральный фронт. Командующим фронтом утверждается генерал-полковник (с апреля 1943 г. — генерал армии) К.К. Рокоссовский, начальником штаба — генерал-лейтенант М.С. Малинин. В состав фронта вошли 21-я, 65-я, 70-я армии, 2-я танковая армия и 16-я воздушная армия. Фронт занимал полосу северо-западнее Курска — между Брянским и Воронежским фронтами. В последующем в его состав входили 3, 13, 48, 50, 61, 63-я армии, 3-я гвардейская танковая армия.

Главные силы фронта участвовали в зимнем наступлении 1942—1943 гг. группы фронтов на орловско-брянском направлении. В ходе наступления они продвинулись на 30—60 км и вышли к Севску, перерезав железную дорогу на Брянск—Конотоп. Конно-механизированная группа фронта продвинулась еще дальше на запад (на 100—120 км) и к 10 марта 1943 г. вышла на Десну севернее Новгород-Северского. Проведя Сев-скую наступательную операцию, войска Рокоссовского перешли к обороне на северном фасе Курского выступа.

Оценивая возможные варианты действий противника летом 1943 г. и, соответственно, вырабатывая план действий своих войск, Рокоссовский, как и Жуков с Василевским, считал необходимым переход к жесткой стратегической обороне с целью отразить наступление врага, измотать его и уже затем наступать — решительно, мощно, стремительно. Ставка утвердила такое решение У Константина Константиновича к этому времени уже накопился значительный опыт организации как обороны, так и наступления. Под Курском Рокоссовский еще раз показал себя мастером оборонительных действий. Он никогда не отвергал разумного риска, если тот обещал выигрыш для своих войск. Константин Константинович умел рисковать и шел на такой шаг вполне сознательно и продуманно. Например, в Курской битве,

базируясь на данных разведки, он пошел на такой смелый шаг, как проведение артиллерийской контрподготовки за несколько часов до перехода противника в наступление, что, в свою очередь, сильно осложнило положение немецких войск, изготовившихся к атаке.

Генерал Рокоссовский учил подчиненных ему командиров и командиров корпусов, что прочное удержание занимаемых их войсками позиций необходимо сочетать с хорошо подготовленными контрударами и контратаками по прорвавшимся группировкам противника. Особенно важное значение в обороне, делал вывод командующий фронтом, имеют правильное определение главного удара противника и сосредоточение на этом направлении основных сил и средств. Следуя этому правилу, К. К. Рокоссовский на наиболее угрожаемом участке фронта шириной 90 км сосредоточил 58% стрелковых дивизий, 70% артиллерии, 87% танков и самоходных орудий[134].

И такое перераспределение сил и средств успешно себя оправдало. Несмотря на мощные удары танковых и пехотных группировок противника, войскам Центрального фронта под руководством К.К. Рокоссовского удалось обеспечить устойчивость обороны и не допустить его глубоких прорывов. Самые большие вклинения немцев в оборону фронта Рокоссовского составили 10—12 км, тогда как в полосе Воронежского фронта эта величина доходила до 25—30 км. Ликвидируя такие вклинения, генерал Рокоссовский обходился своими силами, не испрашивая их из резервов Ставки.

Решительно и умело действовали армии Центрального фронта в начавшемся 15 июля контрнаступлении, нанеся решительное поражение орловской группировке противника.

Медленно, но верно линия фронта сдвигалась в сторону Белоруссии. 20 октября 1943 г. на основании директивы Ставки ВГК Центральный фронт преобразуется в Белорусский фронт с прежним командованием. На тот момент в его состав входили 3-я, 48-я, 50-я, 61-я, 63-я, 65-я армии и 16-я воздушная армия. В последующем в него войдут 10-я и 11-я армии. В том же октябре 1943 г. войска фронта, используя захваченные плацдармы на правом берегу рек Проня и Сож, перешли в наступление на гомельско-бобруйском направлении. Развивая стремительное продвижение на запад, войска Рокоссовского захватили плацдарм на Днепре и создали угрозу охвата гомельской группировки немцев с юга.

В ноябре 1943 г. войска под руководством генерала армии К.К. Рокоссовского провели Гомельско-Речицкую операцию (10—

30 ноября), в результате которой продвинулись на глубину 130 км, освободив Речицу и Гомель. Отразив сильные контрудары противника, армии фронта закрепились на рубеже восточнее Нового Быхова, Жлобина, Мозыря. Эту операцию можно рассматривать как одну из показательных в «обойме» операций, проведенных К.К. Рокоссовским. Проведена она была сравнительно небольшими силами и средствами без выделения сил из резерва Ставки.

Характеризуя полководческий «почерк» Рокоссовского, для сравнения скажем, что Западный фронт, начав в это же время и в течение зимы 1943—1944 гг. примерно в таких же условиях местности, обороны противника и соотношения сил и средств, предприняв одиннадцать (11!) наступательных операций и потеряв 330 тысяч человек, не имел практически продвижения. Войска же Белорусского фронта, ведомые К.К. Рокоссовским, взломали оборону врага на ширине 100 км и продвинулись в глубину до 130 км, овладели городами Речица и Гомель, освободив десятки других населенных пунктов Белоруссии. Это сравнение наглядно свидетельствует о том, что от искусства управления войсками, от качества подготовки, организации боевых действий зависит очень многое на войне. Этим искусством К.К. Рокоссовский овладел сполна.

Одной из замечательных страниц полководческой деятельности К.К. Рокоссовского является Белорусская стратегическая операция, в которой он командовал 1-м Белорусским фронтом.

Зрителям известной киноэпопеи о Великой Отечественной войне «Освобождение» запомнилась сцена обсуждения в Ставке замысла операции по освобождению Белоруссии «Багратион», когда Верховный Главнокомандующий дважды просил генерала армии К.К. Рокоссовского «хорошо подумать», а затем уже предлагать свой вариант операции. Дело в том, что командующий 1-м Белорусским фронтом и его штаб в отличие от предыдущих операций, когда наносился один основной удар и другой (или несколько) вспомогательный, предложили нанесение в Белоруссии двух одинаковых, равных по значению ударов. Это была новинка в военной практике последних лет.

Из воспоминаний К.К. Рокоссовского: «Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояние вражеской обороны убедило в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева на

Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнее течение Березины, Оза-ричи в общем направлении на Слуцк. Причем оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредоточиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было.

Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла сосредоточивать там в начале наступления силы только 3-й армии и лишь частично 48-й. Если этой группировке не помочь ударом на другом участке, противник мог бы не допустить здесь прорыва его обороны, у него осталась бы возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей. Два же главных удара решали все проблемы: в сражение одновременно вводилась основная группировка войск правого крыла фронта, что было недостижимо на одном участке из-за его сравнительной ограниченности; противник терял реальные возможности маневра; успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих участков, ставил немецкие войска в тяжелое положение, а нашему фронту обеспечивал энергичное развитие наступления.

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого “продумывания” приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Вся операция получила условное название “Багратион”...»[135]

Согласно плану этой операции, войскам четырех фронтов (1-й Прибалтийский — командующий И.Х. Баграмян, 3-й Белорусский — командующий И.Д. Черняховский, 2-й Белорусский — командующий И.Е. Петров, 1-й Белорусский — командующий К.К.

Рокоссовский) предстояло выполнить целый ряд задач: ликвидировать выступ противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск; разгромить крупную группировку гитлеровцев «Центр»; освободить Белоруссию; начать освобождение Польши, после чего перенести военные действия на территорию фашистской Германии. Исключительно важное значение имело взаимодействие между фронтами, особенно между 1-ми 3-м Белорусскими фронтами, потому что именно войска этих фронтов должны были, продвинувшись на запад, сомкнуть свои фланги западнее Минска.

С началом Белорусской наступательной операции, где приходилось действовать на трудно проходимой болотистой местности, войска 1-го Белорусского фронта в первый же день прорвали сильно укрепленную оборону противника, в течение пяти суток окружили и уничтожили в районе Бобруйска более шести германских дивизий и продвинулись на глубину до 110 км со средним темпом наступления до 20—25 км в сутки. Даже сдержанный, не склонный выражать свои эмоции Верховный Главнокомандующий не удержался от похвалы К.К. Рокоссовского: «Какой молодец!.. Настоял и добился своего...» Еще до окончания этой операции, так сказать, досрочно, Константин Константинович был удостоен высшего на тот момент воинского звания «Маршал Советского Союза» (29 июля 1944 г.).

Войска 1-го Белорусского фронта успешно наступали. В конце июня — начале июля фронт частью сил участвовал в проведении Минской операции. Затем в течение июля — начала августа провели Люблинско-Брестскую операцию, в ходе которой форсировали р. Вислу, захватили на ее берегу магну-шевский и пулавский плацдармы, освободили города Люблин (24 июля), Брест (28 июля), Седлец (31 июля). В августе—декабре 1944 г. войска фронта вели боевые действия по удержанию и расширению плацдармов на Висле и готовились к зимнему наступлению.

В конце лета 1944 г. ко всему комплексу проблем, решаемых маршалом Рокоссовским, добавилась еще одна, притом незапланированная. Дело в том, что в начале августа 1944 г. неожиданно для советского командования в Варшаве началось вооруженное восстание, спровоцированное лондонским эмигрантским правительством с целью установления своей власти до подхода войск Красной Армии. Несмотря на явное нежелание руководителей восстания сотрудничать с советским командованием, К.К. Рокоссовский (поляк по национальности) сделал все, что мог, для оказания помощи восставшим. К этому

времени войска 2-го Белорусского фронта только что завершили наступательную операцию, продвинувшись на глубину 500—600 км, понеся при этом большие потери и испытывая острую нехватку материальных средств. И тем не менее К.К. Рокоссовский предпринял ряд наступательных действий с целью давления на противника, однако они успеха не имели. По воздуху и другими путями советское командование старалось оказать восставшим посильную материальную помощь.

За образцовое выполнение боевых заданий по руководству операциями фронтов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1944 г. К.К. Рокоссовский был удостоен звания «Герой Советского Союза».

В ноябре 1944 г. неожиданно для себя Рокоссовский был назначен командовать 2-м Белорусским фронтом, а на его прежнее место прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. В исторической литературе по этому поводу приводятся самые разные высказывания, поэтому есть смысл обратиться к первоисточнику, т.е. мемуарам К.К. Рокоссовского.

В его книге воспоминаний читаем: «Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что, не подумав, я тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов. Жуков таким и является. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами:

— Если не продвинетесь вы и Конев (командующий 1-м

Украинским фронтом. — Я. ¥.), то никуда не продвинется и Жуков.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к новому месту назначения. Маршал Жуков тогда еще не прибыл. Спустя некоторое время я решил поехать, встретиться с ним и попрощаться с товарищами.

Был как раз праздник артиллерии, и мы провели вечер в тесной командирской семье. Высказано было много пожеланий. Тепло попрощавшись с Георгием Константиновичем и со своими сослуживцами, в бодром настроении я вернулся во 2-й Белорусский фронт, будучи доволен, что не поддался соблазну и никого из своих сотрудников не потянул за собой. Я встретил достойных офицеров как в штабе фронта, так и в управлении. Мы быстро сработались»[136].

Несколько слов о руководящем составе 2-го Белорусского фронта: заместителем К. К. Рокоссовского был назначен генерал-полковник К.П. Трубников (мы его упоминали в главе «На воле!»), начальником штаба работал генерал-лейтенант А.Н. Боголюбов, артиллерией фронта командовал генерал-полковник артиллерии А.К. Сокольский, начальником связи был генерал-лейтенант Н.А. Борзов, тылом фронта руководил генерал-лейтенант интендантской службы Ф.Н. Лагунов. Все они были профессионалами в своем деле, и Константин Константинович остался доволен своими новыми помощниками.

Во главе войск 2-го Белорусского фронта К.К. Рокоссовский успешно провел Млавско-Эльбинскую операцию и своими передовыми соединениями вышел на р. Вислу. Но в связи с отставанием 3-го Белорусского фронта генерала И.Д. Черняховского Ставка поставила Рокоссовскому несколько иную задачу: повернуть основные силы фронта на север и северо-восток против восточнопрусской группировки немцев, блокировав ее с запада и юго-запада и отрезав от внутренних районов Германии.

После выхода к Балтийскому морю основных сил 2-го Белорусского фронта Ставка снова перенацелила войска Рокоссовского на берлинское направление. Для этого Константину Константиновичу и его штабу пришлось проводить необычный маневр — разворачивать войска на 180 градусов.

Проводя эту крупнейшую перегруппировку, пришлось в течение 6—9 суток перебрасывать комбинированным способом на 300—350 км армии, корпуса и дивизии. По словам маршала Рокоссовского, это был сложный маневр войск целого фронта, подобного которому не было на протяжении всей Великой Отечественной войны. При выполнении этой задачи проявились высокие организаторские способности со стороны командующего фронтом и его начальника штаба генерал-лейтенанта А.Н. Боголюбова. В итоге в установленные сроки войска Рокоссовского вышли на предназначенные им рубежи.

В Берлинской операции 2-й Белорусский фронт под командованием К.К. Рокоссовского принял самое активное участие. В своих воспоминаниях маршал пишет: «Выполнение этой задачи возлагается на три фронта: 1-й Белорусский, 1-й

Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна развиваться следующим образом. Удар в общем направлении на Берлин наносит l-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходя город с севера; 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина, обходя город с юга. Наш, 2-й Белорусский, наносит рассекающий удар севернее Берлина, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидирует все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю.

Начало операции устанавливалось Ставкой для войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 16 апреля, для нас — 20 апреля. (Раньше мы не могли в связи с перегруппировкой войск с востока на запад.)

Надо сказать, что эти четыре дня отсрочки мы получили только после того, как я раскрыл все трудности, которые стояли перед нами. Фронт нацеливался на новое направление, по существу не завершив предшествующую Восточно-Померанскую операцию. Нам отводится невероятно короткий срок на перегруппировку, хотя войска должны преодолеть расстояние свыше 300 километров. Я попросил помочь фронту в сложной передислокации. Но дополнительный автотранспорт нам не был выделен. Все это до предела сокращало время на подготовку сложнейшей операции по формированию такой большой водной преграды, как Одер в его нижнем течении. По сути дела войскам фронта предстояло начать наступление с ходу...»[137]

Приложив неимоверные усилия, войска маршала Рокоссовского выполнили поставленную перед ними задачу. В ходе наступления они форсировали Одер в его нижнем течении и, продвинувшись на глубину 200 км, разгромили штеттинскую группировку противника, обеспечив с севера наступление

ударной группировки 1-го Белорусского фронта на Берлин. 4 мая 1945 г. войска Рокоссовского вышли к Балтийскому морю и на рубеж Эльбы, где установили связь с английской 2-й армией. 7 мая командующий английскими войсками фельдмаршал Б. Монтгомери принимал К.К. Рокоссовского в своем штабе. 10 мая состоялся ответный визит, на котором Монтгомери предложил тост «за выдающегося русского полководца К.К. Рокоссовского и его доблестные войска».

За умелое руководство войсками фронта в ВосточноПрусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях К.К. Рокоссовский 1 июня 1945 г. награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Подводя некоторые итоги полководческой деятельности К.К. Рокоссовского в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить следующее. Во-первых, он на всех занимаемых постах умело управлял вверенными ему войсками. Главной отличительной чертой его таланта искусного военачальника была присущая ему способность глубоко и всесторонне анализировать конкретно сложившуюся обстановку, положение противника и своих войск, предвидеть вероятное развитие событий на том или ином участке фронта и, исходя из этого, находить соответствующие решения и действия. Причем характерно то, что он не просто реагировал на стихийно складывавшуюся обстановку, а старался каким-то образом влиять на нее в нужном направлении (дезинформация противника, демонстрационные действия и т.п.).

Во-вторых, о стиле его деятельности. Сравнив методы руководства войсками двух самых выдающихся полководцев Великой Отечественной войны — Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, видим два разных стиля управления. Жуков был более властным, жестким, твердым, категоричным. Рокоссовский же, также обладая высокими волевыми и организаторскими качествами, в то же время был более гибким, более терпимым к подчиненным ему людям, он обладал по сравнению с Жуковым большей внутренней культурой и личным обаянием. В войсках не только уважали, но и любили своего командующего. Возможно, что этому в определенной степени способствовал сопровождавший его негласно ореол «мученика» сталинских лагерей и тюрем, попасть в которые в те годы легко мог каждый гражданин страны.

Генерал армии П.И. Батов, командовавший 65-й армией и прошедший вместе с К.К. Рокоссовским путь от Сталинграда до Берлина, в своих воспоминаниях свидетельствует: «Мы в армиях очень часто видели командующего фронтом, слышали его

распоряжения, советы, замечания. Он никогда не навязывал своих предварительных решений, одобрял разумную инициативу и помогал развивать ее. Умело руководил подчиненными так, что каждый генерал и офицер с желанием вносил в общее дело свою долю творчества. Рокоссовского характеризовали сильная воля, твердые убеждения, свой почерк и, наконец, интуиция».

Другой военачальник — генерал-полковник К.П. Трубников (как и Рокоссовский, был освобожден из тюрьмы накануне войны), несколько лет работавший на фронтах заместителем у Константина Константиновича, рассказывал о стиле работы своего командующего: «Вот, например, в штабе разрабатывается операция. На карте все предусмотрено. Собирается штабное совещание. Рокоссовский приходит, внимательно все рассмотрит, а потом вдруг говорит: “Давайте проиграем?” Проигрываем. Выясняются недостатки, неучтенные детали взаимодействия. Начинается спор. Командующий заключает: “Решаем так: подумать до утра”. Наутро собираемся снова у командующего фронтом. “Как наш Генеральный штаб думает?” — спрашивает он у начальника штаба. Тот отвечает, что согласен с внесенными дополнениями. “А командующий артиллерией?” У Василия Ивановича Казакова тоже все согласовано. “Ну, и я согласен, -- говорит Рокоссовский. — Теперь напишем приказ о наступлении”. А иногда всех выслушает, поблагодарит за работу и скажет: “Попробуем эту задачу решить иначе”, — и развернет свою программу, более глубокую и оригинальную»[138].

Совсем немного довелось поработать совместно с К.К. Рокоссовским в 1942 г. генерал-майору М.И. Казакову — начальнику штаба Брянского фронта, однако и этого короткого времени хватило для того, чтобы проникнуться к новому командующему фронтом глубоким уважением: «...Мне очень мало довелось поработать под руководством Константина Константиновича. Но и те восемь—десять дней, в течение которых я имел возможность близко соприкасаться с ним, остались в моей памяти поныне. Особенно большое впечатление произвело на всех нас — генералов и офицеров управления фронта — внимание его к мнению своих подчиненных. Человек высокой культуры, он умел терпеливо выслушать каждого, тут же выделить главную суть в суждениях собеседника и использовать в интересах дела знания и опыт коллектива. Я не ошибусь, если скажу, что в очень короткий срок Константин Константинович сумел расположить к себе всех своих новых сослуживцев. Нам нравилась его спокойная деловитость»[139].

В-третьих, о рейтинге (говоря современным языком) К.К. Рокоссовского среди полководцев Великой Отечественной войны.

Здесь обратимся к оценке, которую Константину Константиновичу дал ближайший сподвижник Сталина В.М. Молотов. Тот сказал, что «по характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдет. А кто третий — надо подумать...» Сталин тоже очень ценил Рокоссовского и ему, можно сказать, симпатизировал, называя его, особенно после Белорусской операции, «мой Багратион». Подбирая кандидатуру командующего Парадом Победы, Сталин без колебаний предпочел всем остальным именно К.К. Рокоссовского.

Страна чествовала и славила своих героев. Кульминацией этих торжеств в Москве был Парад Победы, проведенный на Красной площади 24 июня 1945 г. В приказе Верховного Главнокомандующего № 370 говорилось:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, ВоенноМорского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому...»[140]

Оба полководца появились на Красной площади верхом: Г.К. Жуков — на белом коне, К.К. Рокоссовский — на вороном. Пробыв много лет кавалерийскими командирами, они чувствовали себя в седле уверенно, привлекая взгляды трибун своей молодецкой осанкой, хотя как тому, так и другому было уже под пятьдесят. Маршалы объехали сводные полки, сформированные из солдат, сержантов и офицеров, наиболее отличившихся в сражениях войны. Представлены были все фронты, начиная с самого северного (Карельского) и кончая самым южным (3-м Украинским). В строю были представлены все основные воинские специальности — от сухопутных и морских пехотинцев до летчиков, танкистов и кавалеристов, от саперов и связистов до военных музыкантов. Прохождение парадных колонн представляло собой красочное, незабываемое зрелище. Особенно впечатляющим был момент, когда знамена поверженного врага бросались к подножию Мавзолея В.И. Ленина.

Вечером 25 июня в Кремле состоялся прием в честь

участников Парада Победы. Произносились тосты за советских солдат и маршалов — победителей неимоверно сильного врага, изгнавших его с территории нашей Родины и окончательно добивших в самом логове фашизма — Берлине. В своей здравице Константин Константинович Рокоссовский заявил: «Командование Парадом Победы я воспринял как самую высокую награду за всю свою многолетнюю службу в Вооруженных Силах».

В мирное послевоенное время маршал К.К. Рокоссовский командовал Северной группой войск (в Польше). С октября 1949 г. — министр Национальной обороны Польской Народной Республики. С 1956 г. — заместитель министра обороны СССР, с октября 1957 г. — командующий войсками Закавказского военного округа. В 1958—1962 гг. — заместитель министра обороны СССР. С 1962 г. находился в группе генеральных инспекторов.

Константин Константинович Рокоссовский не был баловнем судьбы в буквальном понимании этого выражения. Он не перескакивал быстро через ступеньки служебной лестницы, минуя некоторые из них. Нет, даже наоборот — полком, бригадой и дивизией будущий маршал командовал по несколько лет. Он последовательно преодолевал эти трудные ступеньки — эскадрон, полк, дивизия, корпус, армия, фронт. На этом многотрудном пути были неудачи, ошибки, упущения и огорчения, но была и радость достижений, преодолений, побед. Его полководческий талант с каждой новой должностью совершенствовался, проходя дополнительную огранку.

В офицерской среде о Константине Константиновиче ходили настоящие легенды. В этих легендах тесным образом переплелось многое: рассказывали, что он подвергся репрессиям и побывал в лагерях; что у него в подчинении на фронте было много бывших уголовников, которые слушали только его, как бывшего лагерника, и т.п. Автор этих строк, начавший свою офицерскую службу в пятидесятых годах прошлого века, т.е. десять лет спустя после окончания войны, еще захватил эту пору рассказов о геройском поведении самого Рокоссовского и его «рокоссовцев».

Действительно, когда представлялась возможность, К.К. Рокоссовский всегда охотно встречался с молодыми офицерами, особенно со слушателями военных академий. Одна из таких встреч произошла весной 1962 г. в стенах Военной академии имени М.В. Фрунзе. Вспоминает доктор исторических наук, профессор, полковник в отставке Ф.Д. Свердлов:

«В один из дней апреля 1962 года я вел занятия в учебной группе 3-го курса (выпускного. — Н.Ч.) Военной академии им. М.В. Фрунзе, где преподавал уже десять лет. Неожиданно в класс

не вошел, а буквально вбежал начальник кафедры оперативного искусства генерал-лейтенант Н.И. Белов и взволнованно сказал мне: “Приехал Рокоссовский... Хочет послушать. Я пригласил его в вашу группу... Сейчас войдет!” Через минуту в сопровождении начальника учебного отдела появился маршал. Я дал команду, начал докладывать ему, но он улыбнулся, подал руку и доклад сам собой прервался. Двухметрового роста, широкоплечий, с ярко-голубыми глазами на красивом улыбающемся лице, он произвел на всех нас неотразимое впечатление.

Один из слушателей предложил Константину Константиновичу свое место за первым столом, но он отказался.

— Я сяду по старой памяти сзади, — сказал К.К. Рокоссовский, — где сидел в академии еще в 1929 году (на курсах усовершенствования. — Н.Ч.).

Занятия были рассчитаны на четыре часа, но я закончил их за три, считая, что надо оставить час на беседу с маршалом, и не ошибся. Он вышел к висевшей большой карте, на которой были нарисованы боевые действия танковой армии, и сказал: “Вы хорошо разобрали сложный вопрос развития успеха и возможные решения, но помните: главное — это инициатива, самостоятельность, готовность взять на себя ответственность за смелые и решительные действия, использовать танковую армию только для стремительного, дерзкого рассекающего удара на глубину нескольких сот километров”. Он сделал небольшую паузу и уже другим, более мягким тоном сказал: “Если есть вопросы, я с удовольствием отвечу”. Я ожидал, что слушатели спросят его о Сталинграде, о Берлине, но первый же вопрос был неожиданным: “За что вас арестовали перед войной и долго ли вы были в тюрьме?”

Улыбка сразу сошла с лица маршала. Он внимательно посмотрел на спросившего молодого майора и после довольно большой паузы сказал: “За что? За что и всех арестовывали. Объявили польским шпионом. Это было нетрудно, ведь я поляк, да и корпусом командовал кавалерийским в Белоруссии, недалеко от польской границы. Арестовали в августе 1937 года. На первом же допросе следователь предложил мне подписать заранее подготовленное признание в шпионаже. Я, конечно, отказался. Потом было много таких допросов... Били... Вдвоем, втроем, одному-то со мной не справиться! В тюрьме просидел ровно три года, страшных и долгих три года. Выпустили в августе 1940-го (правильно — в марте 1940 г. — Н. Ч.), присвоили звание генерал- майора, вновь назначили в Белоруссию командиром моего родного 5-го кавалерийского корпуса, а в ноябре — командиром 9-го механизированного, с которым и вступил в

войну”.

— Расскажите, пожалуйста, о Московской битве, — спросили сразу двое.

— Как шло сражение в начале войны? — прозвучал громкий вопрос.

— Правда ли, что Г.К. Жуков служил у вас командиром полка? — раздался третий.

Маршал широко улыбнулся и неожиданно сказал: “У вас обед ведь скоро... на все ответить я не успею...”

— Обед у нас длится два часа, — сказал Н.И. Белов, — а с маршалами слушатели беседуют не часто.

— Хорошо, — согласился К.К. Рокоссовский, — я отвечу...»[141]

Рассказывая слушателям Военной академии имени М.В. Фрунзе о своей работе в Польше, К.К. Рокоссовский не стал лакировать действительность и опускать негативные моменты:

«В Польшу меня направили в октябре 49-го. Было это сделано по просьбе Польского правительства. Здесь меня назначили министром национальной обороны, заместителем председателя Совета Министров Польши. Присвоили звание маршала Польши. Стал я, кажется, единственным в мире маршалом двух стран. Мне предстояло произвести реорганизацию Войска Польского, укрепить его боеспособность, очистить от чуждых элементов. Нельзя сказать, что весь офицерский корпус Вооруженных Сил Польши тепло принял меня. Часто во время приездов в дивизии из глубины построенных на плацах для встречи войск слышались одиночные, а иногда и групповые выкрики: “Уезжайте в Россию!”, “Долой красного маршала!”. Больше того, в январе 1950 г. при посещении артиллерийских частей в Люблине в меня стреляли из пистолета. Выстрел был произведен с большого расстояния, и пуля пролетела мимо. Стрелявшего не нашли. Через три месяца в Познани по моей машине дали автоматную очередь. Оказался раненым сопровождавший офицер, было разбито вдребезги заднее стекло, но я не пострадал. И на этот раз стрелявших не нашли.

Выступали против меня в основном бывшие участники Армии Крайовой и формирований “Национальных Вооруженных Сил”. Поэтому работать в Польше было трудно. Большую помощь оказывал заместитель министра национальной обороны генерал-полковник С.Г. Поплавский, тоже наш генерал, Герой Советского Союза, командовавший на фронте советским стрелковым корпусом, а в 1944—1945 годах — созданными в СССР 1-й, а затем 2-й армиями Войска Польского, входившими в ходе войны в 1-й Белорусский фронт. Помогли и сотни советских офицеров, посланных в Польшу, зачисленных в Войско Польское и занявших

ответственные посты в соединениях, в штабах военных округов и центральных управлениях. Большую поддержку всегда оказывал Президент Польши Б. Берут, ставший в 1952 году Председателем Совета Министров.

Выполнив возложенные на меня обязанности, создав в Войске Польском реорганизованные сухопутные войска, ракетные соединения, войска ПВО, авиации и Военно-Морского Флота, я в 1956 году вернулся в Советский Союз. Вскоре возвратились из Польши и все советские генералы и офицеры»[142].

Умер К.К. Рокоссовский в Москве 3 августа 1968 г. Урна с его прахом замурована в Кремлевской стене.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Среди высшего комначсостава РККА был один человек, повороты судьбы которого были просто удивительны. Ему исключительно везло, особенно в самые опасные моменты жизни. Это Мерецков Кирилл Афанасьевич. Его можно назвать счастливчиком, если не баловнем судьбы, несмотря на выпавшие на его долю испытания. Судите сами: в тридцать с небольшим он возглавляет штабы крупнейших в РККА военных округов (Московского, Белорусского, ОКДВА); зловещий 1937 год обходит его стороной, лишь немного пощекотав нервы; на финской кампании стал одним из немногих Героев Советского Союза (среди высшего комначсостава РККА); поднялся на вершину военной иерархии, заняв пост начальника Генерального штаба. Такой карьере можно только позавидовать! К тому же личное расположение со стороны Генсека партии И.В. Сталина... Единственный из высшего эшелона РККА (генерал армии, заместитель наркома!), попавший в следственные кабинеты НКВД и вышедший оттуда хоть и побитым, но живым. До него еще никому из командиров такого высокого ранга это не удавалось сделать...

Итак, 1937 год К.А. Мерецков пережил, но поволноваться ему пришлось изрядно. Обратимся к тем страницам его мемуаров «На службе народу», где он описывает свои впечатления после прибытия в СССР из республиканской Испании, где исполнял обязанности советника начальника Главного штаба ее армии. Сразу же по возвращении Мерецков попал на заседание Военного совета при наркоме обороны, членом которого он был с 1934 г. На данном заседании (1—4 июня 1937 г.) обсуждались вопросы, связанные с разоблачением «заговора» группы М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича и других подельников, причем некоторые «камешки» летели и в «огород» комдива Мерецкова. Да не просто камешки, а целые булыжники...

«Незабываем июнь 1937 года, когда я после девятимесячного отсутствия ступил на родную землю. Тогда радость возвращения была омрачена печалью и ужасом известия о том, что Тухачевский, Уборевич, Якир и другие видные военачальники разоблачены как изменники и враги. Адъютант наркома Р.П. Хмельницкий поздравил меня с успешным возвращением и пригласил срочно прибыть в наркомат. Я ожидал, что мне придется рассказывать об испанских делах, и собирался доложить о том главном, что следовало, на мой взгляд, учесть как существенный опыт недавних военных действий. Получилось же

совсем по-другому. В зале заседания наркомата собрались многие командиры из руководящего состава РККА и вскоре нас ознакомили с материалами относительно М.Н. Тухачевского и остальных. А еще через несколько дней в Кремле состоялось совещание высшего комсостава, на котором обсуждалось трагическое событие. Выступал ряд лиц и многие из них говорили о том, кого из числа обвиняемых они ранее подозревали и кому не доверяли.

Когда на совещании мне предоставили слово, я начал рассказывать о значении военного опыта, приобретенного в Испании. Обстановка была трудная, из зала слышались отдельные реплики в том духе, что я говорю не о главном. Ведь ни для кого не было секретом, что я долгие годы работал с Уборевичем бок о бок. И.В. Сталин перебил меня и начал задавать вопросы о моем отношении к повестке совещания. Я отвечал, что мне непонятны выступления товарищей, говоривших здесь о своих подозрениях и недоверии. Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали? А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил и никогда ничего дурного не замечал. Тут И.В. Сталин сказал: «Мы тоже верили им, а вас я понял правильно...»[143]

В мемуарах К.А. Мерецков лишь кратко упомянул о заседании Военного совета при наркоме обороны и своем в нем участии. На деле же он активно выступал по основным обсуждаемым вопросам, в частности, в споре между маршалом В.К. Блюхером и командармом 2-го ранга И.Ф. Федько он принял сторону Блюхера. Пришлось Мерецкову и каяться, касаясь совместной работы с И.П. Уборевичем. Из стенограммы заседания:

«Мерецков: Товарищи, мне особенно тяжело по двум причинам. 1-я причина. Я еще вчера ехал с испанских полей сражения большим гордецом, хвастаться хотел...

Сталин: Вы там себя хорошо вели.

Мерецков: Как наши люди умеют по указанию партии умирать.

Ворошилов: Сражаться и побеждать.

Мерецков: Это первое. А второе, я в течение двух лет был начальником штаба с Уборевичем.

Сталин: Что же?

Мерецков: Я считаю, что я был близок к нему и в этом отношении моя вина была больше всех, потому что я проспал, проспал рядом с врагом спокойно и должен сказать не только проспал, и было очень много случаев, что я слепо работал на его авторитет. {Голос: Занимался политиканством.) Подождите, о вас

я тоже скажу в свое время. Уборевич в моих глазах был авторитетом. Исключительно напряженно я работал под его руководством. Я с таким же напряжением работал под руководством других командующих. Они здесь есть. Я верил Уборевичу, еще больше я верил Якиру. И всегда завидовал. Я говорил, что Уборевич очень большой барин в отношении к людям, если бы он был такой, как товарищи с Украины характеризуют Якира, Уборевич был бы незаменимым человеком.

Сталин: Якир был проще, это верно»[144].

Мерецков выступил достаточно смело. Он продолжает «раздевать» своего бывшего командующего (И.П. Уборевича), не забывая по ходу критиковать и самого себя. Ознакомившись с показаниями членов группы Тухачевского, в том числе с показаниями А.И. Корка — бывшего командующего войсками Московского военного округа, Кирилл Афанасьевич в своем выступлении отреагировал на реплику начальника политуправления МВО дивизионного комиссара М.Г. Исаенко:

«Что из это следует, т. Исаенко? Это была завеса, так же, как у тебя, когда ты сидел под крылышком двух вредителей (имеются в виду И.П. Уборевич и А.И. Корк, бывшие командующие округом. — Н.Ч.). От тебя тоже надо потребовать ответа — Корк не был таким большим руководителем, у тебя надо будет спросить, почему ты не разглядел в нем врага.

Я потом расскажу, в каком дурацком положении я очутился, когда я сделался для него (Уборевича. — Я. Ч.) буфером. Мы с Жильцовым (коринтендант А.И. Жильцов в первой половине 30-х годов был заместителем начальника политуправления Белорусского военного округа, а К.А. Мерецков — начальником штаба округа. — Н.Ч.) разговаривали не один раз на эту тему и даже тогда, когда он сделал выпад против наркома, то мы и тогда решили ничего не предпринимать, так как считали, что нельзя обострять отношения между Ворошиловым и Уборевичем. Теперь я понимаю, что это было большой ошибкой, что мы не поставили вопроса по-большевистски, по-партийному. Я разговаривал со Смирновым (П.А. Смирнов был в Белорусском округе членом РВС. — Н. Ч.). Смирнов часто меня предупреждал, смотри веди себя солиднее, будь осторожнее. Смирнов предупреждал меня, я это честно говорю. Белов (командарм 1-го ранга И.П. Белов, командовавший после А.И. Корка войсками Московского военного округа. — Н.Ч.), которого я по старой службе часто ориентировал, Белов всегда говорил: “Ну как эта сволочь поживает?” (Смех.) Он иначе его не называл. С ним я всегда мог говорить откровенно по этому вопросу, но вот между собой мы говорили, а по-партийному вопроса не поставили, проспали»[145].

Мерецков хорошо знал Уборевича в течение нескольких лет, он был, можно сказать, его выдвиженцем и протеже. Характеризуя своего бывшего «шефа», Кирилл Афанасьевич говорил о том, что тот был в большом почете и «наверху»:

«Мерецков: ...я сам... видел его среди этих людей, среди партийного актива, среди членов ЦК. Все это заставляло относиться к нему с уважением. Проспал я это дело, работал, пусть скажут, что я спал больше часов в сутки, а вот это дело проспал.

Что он делал? Приезжает из Москвы (пусть скажет Жильцов), говорит: был у Сталина, был у Орджоникидзе, разговаривал с Микояном, иногда только ссылался на Ворошилова. Сидишь и слушаешь: “Был у Сталина на даче”.

Сталин: Один раз в жизни.

Мерецков: Теперь-то ясно. Хорошо быть умным задним числом.

Сталин: А вы не замечали, что он немножко хвастунишка?

Мерецков: Замечал. Хвастун он большой.

Ворошилов: Почему же вы не спросили, был он у Сталина?

Мерецков: Как я мог спросить, я слепо ему верил.

Ворошилов: С одной стороны, вы знали, что он хвастун, а с другой стороны вы слепо ему верили.

Мерецков: Пусть подтвердит Жильцов, он приезжал и заявлял, что виделся с Микояном, разговаривал с Орджоникидзе, вы имейте в виду то-то и то-то. Вот тут Хрулев выступал, он его тоже сволочью называл. Когда я работал в Московском округе, я хотел написать о взаимоотношениях моих с Шиловским (Е.А. Шиловский в 1928—1931 гг. был начальником штаба МВО, а К.А. Мерецков — его помощником. — Н. Ч.), который ко мне относился по-свински и часто цукал. Еще как цукал, до слез. Я терпел и считал, что должен работать с этим человеком. Потом решил написать заявление наркому, говорю: Нет больше сил. Хрулев здесь сидит, он скажет, как было дело. Тебе же, говорит, и всыпят. Может быть в этом и есть основная вина всех нас. Мы практически работали, мы не могли не видеть многого, но не доводили до конца, думали, как я пойду, как я скажу. Хрулев может это подтвердить. Письма-ник (правильно — Писманик. С осени 1935 г. Г.Е. Писманик работал заместителем начальника политического управления Белорусского военного округа. — Н.Ч.) здесь сидит, он тоже знает.

Я видел всю личную жизнь Уборевича. Много знаю, многое мог бы рассказать о нем.

Ворошилов: Сволочная жизнь.

Мерецков: Интриган.

Ворошилов: А почему же вы молчали?

Мерецков: Двуличный человек. Грязный человек. По-моему, это все было известно. Трус и барин по отношению к начальствующему составу, командиров называл дураками и все это переносили. Смирнов с ним объяснялся, часто говорил, что так нельзя. У них драка доходила черт знает до каких крайностей.

Голос с места: Смирнов закатывал рукава и дрался с ним.

Мерецков: Но я докладываю вам честно, что я Смирнову верил, как пролетарию. Правда, я иногда верил Уборевичу больше, чем Смирнову.

Голос с места: И не только иногда, но и всегда.

Мерецков: Нет, извиняюсь. Это пусть Смирнов скажет, с которым я работал, а не вы.

Голос с места: А каким ты другом был Векличеву (члену РВС и начальнику политуправления МВО. — Н.Ч.), расскажи.

Мерецков: Я никогда ему другом не был. Я с ним всегда сталкивался и ставил вопрос о том, что не могу работать. Векличева я считал авантюристом, человеком, совершенно не подготовленным ни в военном отношении, ни в политическом. Никаким авторитетом Векличев не пользовался, это я знаю совершенно точно. И если у Векличева хоть немного совести сохранилось, он это скажет...»[146]

Склоки и распри среди высшего комначсостава были и в других военных округах. Например, в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (она функционировала на правах округа), где до своего отъезда в Испанию К.А. Мерецков работал начальником штаба. Обратимся к той же стенограмме заседания Военного совета при наркоме обороны. На сей раз К.А. Мерецков в качестве разоблачителя обрушился с критикой на Ивана Федько, до мая 1937 г. командовавшего Приморской группой войск в составе ОКДВА.

«Мерецков: ...Я утверждаю, что самым лучшим товарищем Федько на Дальнем Востоке был Ароніггам (армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам в 1933—1936 гг. работал в должности члена РВС и начальника политуправления ОКДВА. Арестован 31 мая 1937 г., т.е. накануне начала работы означенного заседания Военного совета при НКО. — Н.Ч.).

Федько: Что?

Мерецков: Самым лучшим твоим товарищем был Аронштам.

Федько: Ну это ты врешь. Аронштам сам скажет.

Мерецков: Я знаю, что говорю. Я заявляю это Политбюро, правительству. Я знаю, что Аронштам тебе был лучшим другом. Я утверждаю так же, что ты был против Сангурского и Лапина

(комкор М.В. Сангурский был заместителем Блюхера в ОКДВА, а комкор А.Я. Лапин — начальником ВВС ОКДВА. Первый был арестован 2 июня, а второй — 17 мая 1937 г. — Н.Ч.)... Ты, Федько, знал, что Аронштам вел линию против Блюхера. Знал, будь большевиком.

Федько: Мне известно, что он спекулировал на болезни Блюхера.

Сталин (обращаясь к присутствующим): Дело вот в чем. Тут враги на Дальнем Востоке играли. Они, с одной стороны, хотели Блюхера выгнать. С другой стороны, так как Блюхер не хотел иметь группы, он правильно думал, какой же командующий, если в группе дивизий больше, чем у него, он хотел иметь корпус, а так как Федько был за группы, то они их стравливали, Федько с Блюхером. Они играли. А Блюхер и Федько не замечали этого. Двойная борьба была и двойная игра. Видимо, в этом дело.

Мерецков: Мое положение с Сангурским. Здесь есть свидетели, очень большие свидетели, что я был в исключительных отношениях, на ножах с Сангурским. Он пытался всем доказать, об этом есть документ у начальника Генерального штаба, что армию учили неправильно, не выполняли директив Блюхера. Когда Народный комиссар меня спросил, а как, в частности, вы смотрите на Сангурского, я сказал вам, что он вредитель, вредный человек.

Ворошилов: Не вредитель сказали, а ерундовский человек.

Мерецков: Вредный человек для армии, я прямо сказал. Я докладывал об этом Гамарнику (начальнику Политуправления РККА. Застрелился 31 мая 1937 г. — Н.Ч.). И когда я был в госпитале, меня Блюхер вызвал и говорит: Ты выздоровеешь и поедешь опять в армию (в ОКДВА. — Н.Ч.), я хочу, чтобы ты поехал в армию. Я ответил Блюхеру: Под вашим руководством я охотно буду работать в армии, но я не могу работать с Сангурским, он обманывает вас, он пишет на вас, он ведет линию против Блюхера. Как ослеплен Блюхер, я не понимаю. В то время с Лапиным я был товарищем. Я никогда не знал, что он шпион. Наоборот, он подчеркивал, что у него с Путна все порвано. Лапин предупреждал: имейте в виду, что к Блюхеру надо относиться хорошо, он исключительно знает Маньчжурию, Китай. Я ничего не понимаю — Лапин шпион!

Сталин: Они путали.

Мерецков: Мы к Лапину с Блюхером ходили на квартиру и Блюхер прекрасно относился к Лапину до тех пор, пока не было скандала с авариями. Блюхер хорошо относился к Лапину, это факт. Теперь говорит Федько, что я на Военном совете выступал. Я перед Народным комиссаром и перед правительством заявляю,

что группа войск, которая выступила, не была подготовлена к горной местности.

Голос: Ты как специалист два месяца подрабатывал этот вопрос и дал оценку.

Мерецков: Я докладывал, что к горной местности войско не подготовлено, об этом может подтвердить Пикулин и Берзин (Я.К. Берзин — заместитель В.К. Блюхера по разведке, корпусной комиссар, бывший начальник Разведуправления РККА. — Н.Ч.). Я оказался прав. Это вы с частями ходили в горах 25—40 километров...

Голос: Ничего подобного, это неправильно.

Мерецков: Есть документ о том, что я запротестовал.

Голос. Какой документ?

Мерецков: Представьте себе, на этот случай документ оказался.

Голос: Это белорусская доктрина?

Мерецков: Это Блюхер сказал: “Слушай, парень, я через Читу ходил, там Иван Кенсоринович (комкор И.К. Грязное, командующий Забайкальской группой войск ОКДВА, с 1935 г. — Забайкальским военным округом. — Н.Ч.) вел игру, идут по горам по 100 км. Походом. Это не ты нам принес?” Я сказал, что я сам против этого.

Голос: Неправильно.

Мерецков: Об этом могут подтвердить, что по указанию Сангурского вели игру. Выходили через Хинган, ходили по тайге, как по сухому. Я не знал. Теперь я узнал, что в этом есть суть вредительства. Пусть тов. Ежов разберет и выяснит, кто внес это дело. А я утверждаю, что бригада ваша не переправлялась через реку на маневры.

Голос: Это известно.

8 Черушев Н. С.

Мерецков: А я по этому вопросу только и выступаю и мне нет смысла дискредитировать вас. Между прочим, я был с вами в хороших отношениях.

Федько: А потом политиканствовать начали.

Мерецков: Извините, я скажу. Теперь, как было с заместителем командующего, т. Федько. Предложение было сделано вам, в связи с чем, я не знал. Когда мы принимали два варианта в отношении корпуса. Сначала стал вопрос о создании корпуса в двух вариантах и упразднении групп. И второй вариант. Между прочим, я должен сказать, что это первая идея Лапина, я это признаю. Она раньше была в телеграммах дана. И вот, когда этот вопрос обсуждался, т. Федько, тогда я сказал: чего вы волнуетесь, пойдите заместителем командующего.

Голос: Расскажи, как ты предлагал Лапина на Приморскую группу.

Мерецков: Ты спросил, кто будет на Приморской группе, я сказал — Лапин. Человек, который имеет 4 ордена.

Сталин: В Маньчжурии он дрался неплохо.

Мерецков: Да, дрался он неплохо. Я же не знал, что он шпион. Коммунист он был неплохой, на баррикадах дрался. Я не знал, что он шпион. Я сказал, что он знает Восток, он знает это дело. Правильно я вам сказал. Это совершенно точно. Теперь я должен сказать совершенно откровенно, Блюхер болел, это всем известно, но в то же самое время, несмотря ни на какие телеграммы из Москвы, что мы задерживаем оперативные планы, Блюхер все сам просматривал до последней точки. Я ездил за ним, иногда он даже стеснялся, потому что начальник штаба новый, но я ему всегда говорил: Василий Константинович, правленый документ большую ценность всегда имеет. И до тех пор, пока он сам по каждому вопросу не примет решения, он этого дела не выпускал из своих рук. Для чего я это говорю? Для того, чтобы ответить тем, кто здесь выступал с такими заявлениями, как в частности Гайлит (комкор Я.П. Гай-лит, командующий войсками Уральского военного округа. — Н.Ч.), что “все пропало”.

Вот здесь тов. Федько знает, что мы предлагали две линии строить из бетона, но нам срезали средства. Конечно, две линии лучше, чем одна, но когда срезают средства, две линии не построят. Я хочу сказать этим, что не вредительство здесь было, не по злому умыслу не строили мы две линии, а потому, что мы прошляпили или же были вынуждены обстоятельствами»[147].

Свое выступление комдив К.А. Мерецков закончил, тем не менее, на оптимистической ноте, заверив руководство страны и наркомата обороны в своей готовности отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь на благо Родины: «Мне особенно тяжело переживать все это, потому что я ехал сюда с другим настроением. Я повторяю второй раз, что мне очень тяжело потому, что я был близок к этим врагам. Но я честно дрался всю свою сознательную жизнь. Многие знают, когда партия требовала, я на глазах у всех шел под пулеметным огнем в атаку. Если завтра пошлют, я так же пойду, как ходил по семи атак в бой, и если мне скажут, что завтра надо вернуться и снова идти в атаку, я пойду. ,

Товарищи, я совершенно уверен в том, что эта рана будет очень быстро залечена. Красная Армия покажет, что она сильна не тем, что она имела группу каких-то начальников, а тем, что она воспитана во всей своей массе коммунистической партией.

Сама армия есть великая сила, не отдельные лица играли в ней роль... Напрасно думали и думают некоторые, что в Белорусском округе был один Уборевич. Там работали и работают прекрасные красноармейцы, командиры, большевики. И Белорусский округ и Дальневосточная армия и все другие округа, откуда эта сволочь изъята, они сейчас могут вести активную работу по бою. Проспали — ничего не поделаешь»[148].

Мерецкову казалось, что, выступив с такой речью на этом заседании Военного совета и в меру покаявшись, он во многом обезопасил себя. Но так ему только казалось, ибо опасность таилась в каждом выступлении других членов совета и приглашенных. Так оно и получилось: когда выступал начальник Академии Генерального штаба комдив Д.А. Кучинский, работавший до этого назначения начальником штаба у Яки-ра, Сталин прервал его:

«Сталин: Я извиняюсь, я вас прервал, но если вы мне разрешите, то я хотел бы маленький перерыв допустить. Люди, которые здесь сидят, их не всегда увидишь, и вот я при них хочу у вас спросить. Вот что говорит Уборевич о тов. Мерецкове — вы, конечно, за него не отвечаете. Уборевич пишет: “Мерецкова я вовлек в мае 1936 года, когда вместе с ним отдыхал в Сочи”. Вы не волнуйтесь, т. Мерецков. Наше дело разобрать и проверить. Я, как коммунист коммунистам докладываю».

И Сталин зачитал ту часть показаний И.П. Уборевича, где говорилось, что у него (Уборевича) всегда были близкие отношения с Мерецковым, который принимал очень активное участие в делах заговорщиков.

«Мерецков: Это ложь. Я заявляю со всей ответственностью, что это ложь.

Сталин: Может быть. Дай бог, чтобы это было ложью. Может быть, он оклеветал вас»[149].

В конце работы Военного совета И.В. Сталин высказался в том духе, что, дескать, в Красной Армии есть среди командиров и политработников лица, которые оказались случайно задеты врагами народа, хотя сами они ничего плохого не сделали. И предложил всем этим людям прийти в соответствующие органы и рассказать всю правду о заговорщиках. Таких людей, подчеркнул Сталин, наказывать не следует. И поручился за это своим честным словом: «Простить надо, даем слово простить, честное слово даем», — сказал он. А верный оруженосец вождя Ефим Щаденко тут же подсказал, где надо искать таких людей: «С Военного совета надо начинать. Кучинский и другие».

Дмитрий Александрович Кучинский решительно воспротивился, заявив: «Товарищ Ворошилов, я к этой группе не

принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца». Тогда Ворошилов не сдержался и выругался, упомянув К.А. Мерецкова: «Вот и Мерецков. Этот пролетарий, черт возьми». Кирилл Афанасьевич возмущенно ответил: «Это ложь...»[150]

Все ложное было отметено, и К.А. Мерецков продолжал службу в Красной Армии, поднимаясь с одной должностной ступеньки на другую. Вскоре после окончания работы вышеупомянутого Военного совета при наркоме обороны он был назначен заместителем начальника Генерального штаба. Ему было присвоено очередное воинское звание «комкор». На этой должности Мерецков пробыл немногим более года. Затем ему предложили должность не штабного профиля — командовать войсками Приволжского военного округа. После непродолжительного командования этим округом он в феврале 1939 г. принял Ленинградский военный округ. Командовал данным округом К.А. Мерецков уже в звании «командарм 2-го ранга». В войне с Финляндией в 1939—1940 гг. Кирилл Афанасьевич командовал 7-й армией. За умелое руководство войсками армии он был удостоен звания Героя Советского Союза. В июне 1940 г. постановлением Совета Народных Комиссаров ему было присвоено звание «генерал армии».

После замирения с Финляндией К.А. Мерецков вновь занял пост командующего войсками Ленинградского военного округа, которым руководил до лета 1940 г., когда получил назначение заместителем наркома обороны (им стал С.К. Тимошенко, получивший звание Маршала Советского Союза). Участок его работы касался вопросов боевой учебы войск и подготовки командных кадров. Кирилл Афанасьевич с горячим желанием приступил к новой работе, однако обстановка с кадрами в высшем эшелоне сложилась так, что в конце августа 1940 г. он принял должность начальника Генерального штаба РККА.

Штабную работу К.А. Мерецков знал и любил. Поэтому за непродолжительный срок — пять месяцев — пребывания на посту начальника Генштаба он успел сделать многое. Но обстоятельства сложились так, особенно после стратегической игры в конце 1940 г., что высшее руководство страны приняло решение поставить на Генеральный штаб генерала армии Г.К. Жукова, а Мерецкова вернуть на его прежний участок работы — заместителя наркома обороны.

За короткий срок Кирилл Афанасьевич побывал в Киевском, Западном, Прибалтийском и Одесском военных округах, проводил все время в войсках, поднимая их по боевой тревоге, присутствовал на тактических учениях и командно-штабных

играх. Свои наблюдения и выводы он докладывал наркому С.К. Тимошенко и нередко И.В. Сталину. Вечером

21 июня, в канун нападения немецко-фашистских войск на СССР, Кирилл Афанасьевич выехал в командировку в хорошо знакомый ему Ленинградский военный округ. Однако уже на второй день войны ему было приказано возвратиться в Москву, где он и был арестован 23 июня.

Итак, арестовали К.А. Мерецкова 23 июня 1941 г., а вот постановление на арест и обыск было подписано соответствующими должностными лицами только 5 июля, т.е. спустя две недели. Приведем этот документ, этот единственно сохранившийся из тех, что находились в его следственном деле.

«“Утверждаю” “Согласен”

Народный комиссар Государственной Прокурор Союза ССР Безопасности Союза ССР — Комиссар (Бочков) Государственной Безопасности 3 ранга 5 июля 1941 года

(Меркулов) 5 июля 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (на арест)

Гор. Москва, 1941 года, июля ... дня

Я, начальник отделения Следственной части НКГБ — лейтенант Государственной Безопасности — Сорокин, рассмотрев имеющиеся материалы на Мерецкова Кирилла Афанасьевича, 1897 года рождения, уроженца деревни Назарово Зарайского р-на, Московской области, по происхождению из крестьян, русского, гр-на СССР, члена ВКП(б) с 1917 года, заместителя Наркома Обороны Союза ССР, в звании генерала армии, —

Органами НКВД в 1937—1938 гг. была вскрыта и ликвидирована антисоветская военно-заговорщическая организация, ставившая своей целью свержение существующего в СССР государственного строя и реставрацию капитализма.

Материалами следствия по делу участников антисоветского военного фашистского заговора установлено, что для осуществления своих преступных планов заговорщики, установив контакт с разведками и штабами армий ряда иностранных государств, действовали в соответствии с их директивами, вели широкую шпионскую работу против СССР в пользу этих государств, подготовляли террористические акты против руководителей партии и Советского правительства, проводили вредительство, направленное на ослабление обороноспособности страны, готовили диверсионные акты и разрабатывали планы поражения Красной Армии на случай войны Советского Союза с фашистскими государствами.

Следствием также установлено, что активным участником антисоветского военного заговора является МЕРЕЦКОВ КИРИЛЛ

АФАНАСЬЕВИЧ.

Как заговорщика, проводившего преступную антисоветскую работу, Мерецкова уличают ряд его соучастников, арестованных в разное время органами НКВД по делу антисоветского военного заговора.

Так, бывш. Командующий БВО Уборевич (осужден) на следствии в 1937 году, в числе других лиц назвал Мерецкова, как участника антисоветского военного заговора, завербованного лично им, Уборевичем.

Работая начальником штаба БВО с 1932 по 1935 год Мерецков, по указаниям Уборевича, расставлял заговорщические кадры по войсковым соединениям Белорусского военного округа, среди неустойчивой части командного состава или социально-чуждых, вербовал новых участников заговора, организовывал в округе подрывную работу заговорщиков.

Заговорщики, арестованные в Белорусском военном округе, в своих показаниях изобличают Мерецкова, как активного участника военно-фашистского заговора, как «правую руку» одного из руководителей центра заговора — Уборевича.

Контрреволюционная подрывная деятельность Мерецкова в частях Красной Армии, БВО и его преступная связь с Уборевичем подтверждается показаниями заговорщика КАЗАНСКОГО Е.С., бывшего командира 5-го стрелкового корпуса, который на допросе 28/VI — 1938 года показал:

“...Вредительскую работу в округе Уборевич проводил вместе со своими доверенными людьми... Мерецковым — бывшим нач. штаба округа.

Сравнивая нашу армию с немецкой, он на разборах и учениях всегда подчеркивал преимущество немецкой армии.

В тактической подготовке войск Уборевич проводил такую линию, которая вела к тому, чтобы в первые же дни войны мы понесли крупнейшие потери в людском и конском составе...

Вредительская работа проводилась также в строительстве огневых складов, которые строились открыто и в большинстве своем были деревянные и при первом воздушном налете авиации противника были бы уничтожены...”

Вербовка Мерецкова в военный заговор Уборевичем подтверждается также показаниями заговорщика ЯНСОНА — бывш. командира 64 стрелковой дивизии, который на допросе 10/11-1938 года показал:

“...В процессе связи с Никитиным, он рассказал мне о причастности к военному заговору комдива Мерецкова, бывш. нач. штаба БВО, ныне заместителя нач. Генерального штаба РККА. Никитин говорил, что Мерецков старый соратник Убо-ревича,

преданный ему и лично вовлеченный им в заговор...” Это обстоятельство подтверждается показаниями и ряда других, арестованных в разное время, участников заговора. Так, например, Мерецков изобличается показаниями бывш. начальника Р.У. (Разведывательного управления. — Н.Ч.) Красной Армии УРИЦКОГО от 20—23 декабря 1937 года: “...По БВО, помимо общего заявления Уборевича, что им вовлечены в организацию многие лица высшего нач. состава, мне известны (со слов Уборевича), как участники военной организации: Мерецков — комдив... и другие.

Все названные мною лица играли, по словам Уборевича, активную роль в организации. Бобров (комдив Б.И. Бобров сменил К.А. Мерецкова на посту начальника штаба БВО. — Н.Ч.) и Мерецков были доверенными людьми Уборевича”.

Показаниями ЛЕВИЧЕВА В.Н. — бывш. заместителя начальника Генштаба:

“О причастности к заговору Мерецкова, Уборевич мне говорил в марте 1935 года у меня в кабинете в Генштабе.

Разговор о Мерецкове у нас возник по следующему поводу: Когда Уборевич и Якир посвятили меня в их вредительские планы, которые они наметили для ослабления Западного военного театра и дали мне задание содействовать проведению через правительство предложенного ими вредительского плана организационных мероприятий (формирование 10 механизированных бригад и кавдивизий), то я спросил Уборевича, с кем он будет осуществлять эти планы по БВО, Уборевич мне ответил, что в состав организации входит еще бывш. начальник штаба БВО — Мерецков и он надеется вернуть его из ОКДВА в БВО”.

(Из показаний от 4/X-1937 года)

Показаниями БУЛИНА — бывш. нач. Управления НС (начсостава. — Н.Ч,) РККА(А.С. Булин в 1935—1937 гг. был начальником политуправления БВО. — Н.Ч.):

“В этой беседе Уборевич назвал мне и ряд других заговорщиков... Мерецкова, бывшего начальника штаба БВО...

Уборевич считал Мерецкова очень способным военным работником, весьма ценным для заговора. Уборевич мне говорил о том, что Мерецков вовлечен им в заговор”.

(Из показаний от 3/1-1938 года)

Показаниями КАШИРИНА Н.Д. — бывш. ком. Войск СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — Н.Ч.):

“...Пользуясь тем, что Уборевич назвал мне указанных трех командиров, как “своих людей”, т.е. как участников нашего заговора, я спросил у него о Мерецкове, который тогда также

отдыхал в Сочи и с которым Уборевич там встречался.

Уборевич сказал мне, что Мерецков также является участником заговора, что он лично вовлек его в заговорщическую и подрывную работу в бытность его в БВО и что в этой работе Мерецков помогал ему".

(Из показаний от 29/XI-1937 года)

Показаниями СМИРНОВА П.А. — бывш. наркома Военно-Морского Флота:

"Как я указывал, впервые о Мерецкове, как о заговорщике, я узнал со слов Уборевича в 1935 году в БВО. Еще раньше, присматриваясь к Мерецкову (в 1933—1935 гг. П.А. Смирнов работал в БВО членом РВС и начальником политуправления. — Я. Ұ.), я видел, что он тесно связан с Уборевичем не только по службе, но и в быту, предан ему и выполняет все его указания. Собственно это и дало ему основание спросить

Уборевича о Мерецкове, на что Уборевич ответил, что он лично вовлек Мерецкова в заговор.

...Лично с Мерецковым я связался лишь в 1937 году, будучи начальником ПУ (Политического управления. — Н.Ч.) РККА".

(Из показаний от 17—19/VII-1938 года)

Показаниями ОРЛОВА В.М. — бывш. нач. ВМС РККА:

«Об участии Мерецкова в заговоре говорил мне в конце 1935 года Тухачевский: Мерецков был вовлечен в заговор Уборевичем, с которым он долго и близко соприкасался в работе и находился в тесных дружеских отношениях».

(Из показаний от 6/XI-1937 года)

Показаниями СИМОНОВА Б.М. — бывш. нач. 5-го отдела Генштаба РККА (с Симоновым Мерецков был вместе в республиканской Испании):

"Вопрос (следователя): Вы лично были связаны с Мерецковым?

Ответ: Да, я с ним был связан как с заговорщиком.

Вопрос: Расскажите, что вам известно о Мерецкове?

Ответ: Мерецков является близким к Уборевичу человеком и участником контрреволюционного заговора в армии. Это мне стало известно примерно в 1934—1935 гг. Я должен рассказать о целом ряде известных мне фактов в отношении Мерецкова.

Мерецков, будучи с 1932 года начальником штаба у Уборевича (в БВО), всегда во всех вопросах проводил и поддерживал как в округе, так и в центре установки и точки зрения Уборевича, которые в основном были направлены на подрыв боеспособности армии (об этом я ниже скажу подробнее)".

(Из показаний от 7/IX — 1938 года)

Контрреволюционная подрывная деятельность Мерецкова в частях Красной Армии, БВО и его практическая работа по подготовке поражения СССР в войне с фашистскими странами, подтверждается показаниями ХАЛЕПСКОГО — бывш. наркома связи (до этого назначения И.А. Халепский многие годы возглавлял Автобронетанковое управление РККА. — Н.Ч,) СССР, который показал:

“Моя связь с Мерецковым произошла при помощи Уборевича, когда я был в БВО в инспекторских поездках и на маневрах.

Мерецков был у Уборевича правой рукой по всем делам. Уборевич рекламировал всюду Мерецкова, как талантливого и т.д.

Практическая моя связь с Мерецковым выражалась в подрывной работе в том, что я через него узнавал, проводятся вредительские директивы или нет. Вели мы критические беседы против Штаба РККА по тем или иным распоряжениям. От Уборевича мне было известно, что Мерецков подрабатывал ему материал по оперативным вопросам пораженческих планов, которые потом передавали Тухачевскому”.

(Из собственноручных показаний).

О проводимой Мерецковым вербовочной работе бывш. командир 13 стрелкового полка ПОГОНЯЙЛО на допросе 28/ VII-1937 года показал:

“...В результате этой работы Мерецкова в заговор были вовлечены: я — Погоняйло, Журавлев и, насколько мне кажется, Мальцев и Шанин”.

Группа арестованных заговорщиков, бывших работников центральных управлений НКО, в частности, СМИРНОВ П.А. — бывш. Наркомфлот, ФЕДЬКО — бывш. заместитель НКО, МЕЖЕНИНОВ и ЛЕВИЧЕВ — бывшие заместители начальника Генерального штаба РККА, УРИЦКИЙ — бывш. нач. Разведупра, ХАЛЕПСКИЙ — бывш. Нарком связи, БУ-ЛИН — бывш. начальник Управления по начсоставу, ЛАНДА — бывш. редактор газеты «Красная Звезда», ТКАЛУН — бывш. комендант Кремля, КАШИРИН — бывш. комвойска-ми СКВО, ВЕНЦОВ — бывш. командир 62 Туркестанской дивизии, ТКАЧЕВ — бывш. начальник ПВО ЛВО и другие уличают Мерецкова в проводимой им активной вражеской работе, направленной на подрыв обороноспособности Советского Союза.

Кроме того, в 1937 и 1938 гг. Мерецкову были произведены очные ставки с арестованными участниками заговора: ОРЛОВЫМ, ХАЛЕПСКИМ, СМИРНОВЫМ и ФЕДЬКО, на которых они подтвердили участие Мерецкова в заговоре и дали показания о проводимой им антисоветской работе.

Материалами следствия по делу участников военно-фашистского заговора в Красной Армии в 1941 году также установлено, что Мерецков продолжает проводить преступную работу, является агентом одной из иностранных разведок, которой передает совершенно секретные сведения о Красной Армии и оборонной промышленности Советского Союза.

Так, арестованный заговорщик СМУШКЕВИЧ Я.В. (бывший командующий ВВС РККА, а затем помощник начальника Генерального штаба по авиации. — Н.Ч.) на допросе 21-го июня 1941 года показывал:

“Должен, однако, сказать, что в одну из встреч со Штерном (Г.М. Штерн — командующий 1-й отдельной Краснознаменной армии, командарм 2-го ранга. — Н.Ч.) в Москве в 1939 году, он ориентировал меня о том, что вражескую работу на Дальнем Востоке он ведет лично, а по центру связан только с Мерецковым”.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 158 УПК РСФСР, -

Мерецкова Кирилла Афанасьевича подвергнуть аресту и обыску.

Нач. отделения Следчасти НКГБ СССР — Лейтенант Государственной Безопасности

(Сорокин)

Зам. начальника Следчасти НКГБ СССР Майор Государственной Безопасности

(Шварцман)

Согласен: Начальник Следственной части НКГБ СССР Майор Государственной Безопасности (Влодзимирский)»[151].

Что же получается? А получается то, что сработала мина замедленного действия, заложенная еще в 1937 г. Все лица, показавшие на К.А. Мерецкова в 1937—1938 гг., давно уже были расстреляны, а их показания продолжали «работать»!.. Выходило так, что мертвые хватали живого!.. Следует отметить, что еще в 1937—1938 гг. следователи НКВД проводили очные ставки К.А. Мерецкова с подследственными: бывшим начальником Морских Сил РККА флагманом флота 1-го ранга В.М. Орловым, бывшим начальником Автобронетанкового управления РККА командармом 2-го ранга И.А. Халепским, бывшим членом РВС и начальником политуправления Белорусского военного округа П.А. Смирновым (во второй половине 1937 г. он был в должности начальника Политуправления РККА, а в первой половине 1938 г. — наркомом Военно-Морского Флота СССР), бывшим командующим Приморской группы войск ОКДВА командармом 2-го (затем 1-го ранга) И.Ф. Федько.

На этих очных ставках с Мерецковым названные подследственные подтверждали его участие в военном заговоре и давали показания о проводимой им антисоветской работе. И тем не менее Кирилл Афанасьевич до июня 1941 г. оставался на свободе. И не только пребывал он на свободе, но и поднимался по служебной лестнице, достигнув второй величины в военной иерархии РККА (начальник Генерального штаба!), став генералом армии и удостоившись звания Героя Советского Союза.

Что же это такое? Почему такая избирательность в выборе жертв репрессий? Помимо Мерецкова, среди высшего комначсостава РККА были и другие лица, на которых также были показания со стороны подследственных, обвинявших этих «генералов» в совершении тягчайших преступлений, однако они не пострадали в 1937—1938 гг. Если, конечно, не считать морального ущерба, вызванного очными ставками с арестованными, писанием различного рода объяснительных записок, докладных и т.п.

К таким лицам относились (воинские звания указаны по состоянию на 1937 г.): Маршал Советского Союза С.М. Буденный; командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников; комкоры И.Р. Апанасенко; МА. Антонюк, О.И. Городовиков, Г.И. Кулик, АД. Локтионов, Д.Г. Павлов, Я.В. Смушкевич, С.К. Тимошенко; корпусные комиссары А.В. Хрулев, Е.А. Щаденко; комдивы М.П. Ковалев, В.Д. Соколовский, И.В. Тюленев, Г.М. Штерн и др. Следует иметь в виду, что в отделах и управлениях госбезопасности соответствующие досье имелись на этих и ряд других лиц комначсостава. Чего только не было в этих досье — доносы, сплетни, материалы партийных собраний по чистке партии в различные годы, по разбору персональных дел и другие материалы. Все это постепенно накапливалось, хранилось, приобретая все большую убойную силу. И, конечно же, там находились копии показаний арестованных начальников, подчиненных и сослуживцев, данных ими на предварительном следствии в суде и несущих негативный материал. Это и был тот самый «крючок», на который «компетентные органы» в нужный момент сажали того или иного военачальника. Иногда такую «удочку» не трогали совсем (Буденный, Шапошников, Городовиков, Тимошенко, Тюленев, Соколовский, Хрулев, Щаденко), другие же (Мерецков, Штерн, Локтионов, Смуш-кевич и др.), благополучно пережив большой террор 1937— 1938 гг., «загремели под фанфары» в 1941 г.

Итак, К. Мерецкова арестовали 23 февраля 1941 г. Обвинялся он по ст. 58, пункты 1 «б», 7, 8, 11 УК РСФСР. Все обвинения относились к числу тягчайших, в том числе принадлежность к

антисоветскому военному заговору, сотрудничество с разведкой иностранного государства, а именно Германии. На предварительном следствии Кирилл Афанасьевич виновным себя признал. Да и как было не признать, если к нему применили весь набор «физического воздействия». Устраивали ему и очные ставки с другими подследственными. Одна из таких очных ставок состоялась 15 июля (три недели спустя после ареста) с арестованным генерал-полковником А.Д. Локтионовым, который до ареста был командующим войсками Прибалтийского Особого военного округа (на территории вошедших в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии). В начале 30-х годов, в бытность К.А. Мерецкова начальником штаба Белорусского военного округа, Александр Дмитриевич Локтионов был там начальником ВВС.

На данной очной ставке К.А. Мерецков обвинял А.Д. Локтионова в принадлежности к военному заговору, последний же это упорно отрицал. Вполне возможно, что присутствие и поведение Мерецкова на очной ставке в какой-то мере поколебали позицию Локтионова на отрицание своей вины, ибо в тот день, не выдержав пыток, он признал себя виновным. Как проходила эта очная ставка, рассказал в 50-е годы бывший следователь Наркомата госбезопасности В.Г. Иванов. Он поведал, что 15 июля 1941 г. начальник следственной части наркомата Л.Е. Влодзимирский со своим заместителем Шварцманом и помощником Родосом в его присутствии проводили очную ставку между А.Д. Локтионовым и К.А. Мерецковым.

По словам В.Г. Иванова, арестованный генерал армии выглядел, по тюремным меркам, неплохо, но, по его (Иванова) мнению, не владел собой. Локтионов же, только что избитый, был весь в крови, и его вид удручающе действовал на Мерецкова, которого и привели на очную ставку для того, чтобы он выступал в роли разоблачителя Локтионова, который отрицал свою виновность и участие в заговорщической организации. Владзимирский, Шварцман, Родос и, конечно же, сам Иванов (не мог же быть он сторонним наблюдателем, когда его начальники «обрабатывали» его подследственного!), по очереди и все вместе продолжали избивать Локтионова на глазах Мерецкова, который убеждал Александра Дмитриевича подписать все, что от него хотели следователи. Локтионов катался от боли по полу, кричал, но отказывался подписывать протокол с признанием своей антисоветской деятельности.

— Кирилл Афанасьевич, ну ведь не было этого, не было, не было! — умоляюще протягивал он руки к Мерецкову, но замолкал, встретившись с измученным и потухшим взглядом последнего. Так продолжалось некоторое время. Наконец

Локтионов сказал то, что от него требовали следователи НКГБ, — он заявил, что был с 1934 г. сообщником Уборевича. Выдавив из себя эти признания, Локтионов спустя несколько минут от них отказался, и его снова начали бить.

И вдруг все изменилось! Внезапно, стремительно, как по волшебству, Кирилл Афанасьевич из преисподней вырвался на свободу! То был удивительный случай, когда органы госбезопасности выпустили свою жертву, не полностью насытившись ее кровью. Это было своего рода исключение из правил, не характерное для почерка органов госбезопасности тех лет. И чтобы такое свершилось, нужны были чрезвычайно влиятельные силы или чья-то властная рука, по меньшей мере не ниже наркома госбезопасности или НКВД. Но для наркома госбезопасности В.Н. Меркулова, так же как и для наркома внутренних дел Л.П. Берии генерал армии К.А. Мерецков большого интереса не представлял, ибо они не руководили боевыми действиями на фронтах Великой Отечественной войны. В условиях войны, притом так неудачно начавшейся для СССР, военачальник Мерецков мог представлять интерес только для И.В. Сталина — Верховного Главнокомандующего.

Сам К.А. Мерецков не оставил воспоминаний о периоде своего пребывания в следственных камерах НКГБ. В своей книге «На службе народу» он ни слова об этом не упоминает, как будто ничего подобного с ним не было. Неизвестно также, как происходило его освобождение из тюрьмы, кто с ним там в последний раз беседовал и о чем. Его архивно-следственное дело, из которого можно было кое-как узнать об этом, крайне важном для него повороте судьбы, было уничтожено в 1955 г. По чьей инициативе это было сделано, было ли об этом ходатайство самого Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, сейчас узнать об этом уже невозможно. В ответе на соответствующий запрос ГВП в Центральный архив ФСБ РФ был получен следующий ответ: «...архивно-следственное дело № 981 697 в отношении Мерецкова Кирилла Афанасьевича уничтожено 25 января 1955 г. на основании указания ЦК КПСС и распоряжения председателя КГБ при СМ СССР».

Некоторые следы относительно освобождения Кирилла Афанасьевича из тюрьмы в сентябре 1941 г. остались лишь в деле надзорного производства (НП 25168—41), хранящемся в архиве Главной военной прокуратуры. Дело это очень «тощее» — в нем всего несколько страниц, которые составляют текст приведенного выше постановления на арест и обыск К.А. Мерецкова. На последнем листе этого постановления имеется две важные пометки. Первая из них: «Мерецков освобожден 6.IX-41 г.». И

неразборчивая подпись. Другая пометка сделана 11 сентября тем же лицом (видимо, надзирающим прокурором): «Справка. Мерецков освобожден на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка. (Справка зам. нач. Следств. части по особо важным делам тов. Родос.)»[152]

О том, что освобождение К.А. Мерецкова произошло по указанию И.В. Сталина, говорит и тот факт, что через несколько дней после обретения свободы он был вызван к Верховному Главнокомандующему (он же нарком обороны), который то ли сочувственно-ободряюще, то ли в назидание (не забывай полученный урок!) поинтересовался его самочувствием:

«В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И.В. Сталин стоял у карты и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!

И.В. Сталин не спеша раскурил свою трубку, подошел к карте и спокойно стал знакомить меня с положением на Северо-Западном направлении...

Через два дня я вылетел в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Северо-Западный фронт вместе с Н.А. Булганиным и Л.З. Мехлисом»[153].

Мы не будем подробно разбирать деятельность К.А. Мерецкова на посту командующего войсками 4-й и 7-й армий, Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Все необходимые сведения об этом можно найти в его книге воспоминаний «На службе народу», первое издание которой вышло в 1968 г. Скажем только, что сразу же после его освобождения из тюрьмы в начале сентября 1941 г. Кирилл Афанасьевич активно включился в боевую деятельность войск. После непродолжительной беседы со Сталиным он поехал на Северо-Западный фронт в качестве представителя Ставки.

Однако представителем Ставки К.А. Мерецков пробыл совсем недолго, да и роль наблюдателя и регистратора, хотя и с большими полномочиями, его совсем не устраивала. Кирилл Афанасьевич тяготел к самостоятельной командной работе, и когда ему предложили возглавить 7-ю отдельную армию (с непосредственным подчинением Москве), он не задумывался ни на минуту. Командуя этой армией, К.А. Мерецкову в сентябре 1941 г. пришлось вести тяжелые оборонительные бои, удерживая рубежи на р. Свири.

В Тихвинской оборонительной операции Кирилл Афанасьевич руководил войсками 4-й армии. Правда, Мерецков принял армию на исходе наступления немцев. Противник наступал на Тихвин силами двух танковых, двух моторизованных и четырех пехотных дивизий, стремясь осуществить глубокий обход Ленинграда, соединиться на р. Свири с финскими войсками и полностью блокировать город. Им противостояли 4-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева и 52-я отдельная армия генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова — всего пять стрелковых и одна кавалерийская дивизии, занимавшие оборону в полосе 130 км на правом берегу р. Волхова — от Киришей до Дубровки. Создать глубокую и прочную оборону не удалось, и немецко-фашистские войска смогли прорваться на стыке армий. 8 ноября они овладели Тихвином, перерезав единственную железную дорогу, столь необходимую для снабжения Ленинграда. Поэтому сложилась чрезвычайно опасная обстановка и необходимо было принимать срочно меры.

Именно в эти дни сменилось руководство 4-й армией — 9 ноября ее командующим стал К.А. Мерецков. А на следующий день началась Тихвинская наступательная операция, в которой принимали участие новгородская группировка Северо-Западного фронта, войска 52-й отдельной и 54-й армий Ленинградского фронта, к которым 19 ноября присоединилась 4-я армия, наносившая главный удар.

Получилось так, что действия новгородской группировки успеха не имели, а 52-я армия с наступлением задержалась. И только войска генерала армии К.А. Мерецкова действовали решительно и смело. Они прорвали вражескую оборону, угрожая единственной коммуникации группировки противника. Вражеским войскам пришлось отступать, и 9 декабря 1941 г. Тихвин был освобожден, а 4-я армия, взаимодействуя с 52-й отдельной армией, захватила несколько плацдармов на левом берегу Волхова. Успех под Тихвином, куда немецкое командование было вынуждено срочно перебросить до пяти дивизий, не только помог осажденному Ленинграду, но и содействовал созданию условий для перехода в контрнаступление под Москвой.

Задача, стоявшая перед новым командующим 4-й армии, была чрезвычайно сложной. Эта сложность состояла в том, что переход в наступление нужно было подготовить в кратчайшие сроки, при этом отражая ожесточенные атаки противника. И эта задача генералом Мерецковым была успешно выполнена. Командарм смело шел на риск, умело маневрировал войсками, создавая необходимое тактическое превосходство над

противником. Кропотливая работа командиров всех степеней, штабов и политорганов соединений по формированию стойкости у красноармейцев в обороне и наступательного порыва в наступлении давала свои результаты.

Самыми северными по географическому положению были Волховский и Карельский фронты, которыми К.А. Мерецкову довелось командовать в 1941—1944 гг. (Волховским — с декабря 1941 г. по февраль 1944 г., Карельским — в феврале-ноябре 1944 г.). Волховский фронт он сформировал 17 декабря 1941 г. на основании директивы Ставки ВГКот 11 декабря того же года из войск левого фланга Ленинградского фронта и резервов Ставки в составе 4-й, 26-й, 29-й, 52-й, 59-й и 2-й ударной армий. Перед фронтом стояла задача разгромить противника, оборонявшегося по левому берегу Волхова, в дальнейшем наступать в северо-западном направлении и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта снять блокаду Ленинграда. В январе—апреле 1942 г. войска фронта вели тяжелые бои на любанском направлении.

Одной из труднейших операций, которую пришлось проводить К.А. Мерецкову, была Синявинская операция (август-сентябрь 1942 г.). Цель ее заключалась в прорыве блокады Ленинграда, в соединении с войсками Ленинградского фронта. В самом узком месте расстояние между этими фронтами составляло около двадцати километров. Прорыв намечался осуществить в районе Шлиссельбургско-Синявинского выступа, образовавшегося в результате выхода немецких войск к побережью Ладожского озера в сентябре 1941 г. Оборона противника на этом выступе была сильно укреплена как в инженерном отношении, так и по насыщенности огневыми средствами. Действия немецкой пехоты и других войск поддерживались мощной авиационной группировкой. Войскам фронта в этом наступлении предстояло действовать на местности, почти сплошь заболоченной.

В силу указанных выше причин наступление войск Волховского фронта проходило с самого начала с большим трудом. Прорвав оборону противника, они продвинулись вперед на глубину 7—8 км. И на этом наступление закончилось, т.к. немецкое командование очень оперативно перебросило в этот район свои крупные резервы из Крыма. Гитлеровцы сами нанесли контрудары по советским войскам и нанесли им тяжелое поражение, которое генерал армии переживал очень болезненно.

Безусловно, командующий Мерецков понимал, что наступление войск его фронта не было до конца подготовлено, а потому стопроцентных гарантий успеха тоже не было:

недоставало сил и средств, не было танковых соединений для развития успехов (да и как их применять в болотистой местности!), слабо осуществлялись авиационное прикрытие и авиационная поддержка войск, хронически не хватало боеприпасов, авиация противника господствовала в воздухе. У командующего немецкими войсками генерал-фельдмаршала Манштей-на в подчинении были хорошо укомплектованные, закаленные в боях и воодушевленные успехами соединения, тогда как генералу К.А. Мерецкову приходилось обороняться и даже наступать, имея наспех сформированные дивизии. На первых порах слабо действовала разведка, плохо было организовано огневое поражение противника.

Но Ленинград был в отчаянном положении, к тому же шли тяжелые бои под Сталинградом, где во многом решалась судьба страны. Поэтому Ставка ВГК требовала ускорить переход в наступление не только Волховского, но и Западного (операция «Марс») фронтов. Их главная задача состояла в том, чтобы своим наступлением оттянуть на себя возможно больше сил противника, сковать их действия на северо-западном направлениях, не давая ему возможности перебрасывать подкрепления немецким войскам на сталинградском направлении.

Несмотря на серьезную неудачу советских войск, Синявинская операция не была бесполезной. Ведь дивизии Манштейна, переброшенные из Крыма и втянутые в боевые действия с войсками Волховского фронта, были предназначены для развития наступления и штурма Ленинграда. Войска генерала Мерецкова отвлекли на себя и сорвали новое наступление на Ленинград. Причем противник и сам понес определенные потери в живой силе и боевой технике.

Несмотря на потрясение, испытанное им в застенках НКВД (НКГБ), Кирилл Афанасьевич не потерял способности к разумному риску и смелым поступкам. Большой смелостью можно назвать и его обращения в Ставку и лично к И.В. Сталину относительно отсрочки или переноса сроков начала некоторых операций. К числу таких операций относилась и Любанская операция, проведенная в январе—апреле 1942 г. силами Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта с целью разгромить любанскую группировку противника.

Мерецков неоднократно обращался в Ставку и Генеральный штаб (рабочий орган Ставки) с просьбой отложить начало наступления до полного сосредоточения необходимых сил и средств, до окончательной подготовки войск фронта к этой операции. От попыток настаивать на выполнении своих требований он отказался только после получения личного

послания от И.В. Сталина. Вождь при необходимости мог найти нужные слова и дойти до сердца человека:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю вам успеха. И. Сталин»[154].

Не всегда деловые предложения К.А. Мерецкова находили поддержку и понимание в Ставке и лично у Сталина. Например, о включении 54-й армии Ленинградского фронта в состав Волховского фронта. Дело в том, что эта армия, тесно взаимодействуя с войсками Волховского фронта, находилась в отрыве от сил своего Ленинградского фронта, за внешним кольцом немецким войск, блокировавших Ленинград. Поэтому К.А. Мерецков, считая целесообразным включение этой армии к себе во фронт, поставил этот вопрос перед Ставкой.

Однако Ставка прислушалась не к нему, а к командованию Ленинградского фронта, которое в лице командующего генерала М.С. Хозина и члена Военного совета А.А. Жданова (руководителя ленинградских большевиков) решительно воспротивилось такой передаче.

Из воспоминаний К.А. Мерецкова: «...Что из того, что 54-я армия, возражали М.С. Хозин и А.А. Жданов, расположена за внешним кольцом немецких войск, блокировавших Ленинград? Нанося удары по врагу с тыла, говорили они, войска этой армии окажут наибольшую помощь ленинградцам в прорыве блокады. Я пытался возражать. Перед Волховским фронтом ставится задача прорыва блокады города Ленина. Значит, кому бы эта армия ни подчинялась, она будет действовать в одном направлении. Ас оперативной точки зрения отрыв ее от Волховского фронта затруднит планирование ударов по врагу и боевое взаимодействие войск. Но Ставка поддержала М.С. Хозина: если для Ленинграда это лучше, пусть будет так. Однако прошло полгода, и Ставка внесла поправку в границы фронтов, передав нам не только 54-ю, но и образованную в январе 1942 года 8-ю армию, находившуюся южнее Ладожского озера. После этого Волховский фронт протянулся на 250 километров, перемалывая бросаемые на Ленинград гитлеровские войска и не давая им соединиться с финляндскими войсками, застрявшими севернее реки Свирь»[155].

В действиях Ставки были и другие «промашки» в отношении Волховского фронта и его командующего К.А. Мерецкова. Одной из крупных таких «промашек» явилась ликвидация, опять-таки по инициативе М.С. Хозина, возглавляемого генералом армии К.А. Мерецковым Волховского фронта во второй половине апреля 1942 г. Фронт был преобразован в Волховскую оперативную группу с подчинением тому же Хозину. Кирилл Афанасьевич об этом пишет: «...Это решение явилось для меня полной неожиданностью. Я никак не мог понять, ради чего было предпринято подобное объединение. На мой взгляд, в этом не было ни оперативной, ни политической, ни какой бы то ни было иной целесообразности. Вскоре, однако, все прояснилось. Будучи в Ставке, я узнал, что командующий Ленинградским фронтом генерал М.С. Хозин утверждал: если

Волховский фронт присоединить к Ленинградскому, то он имеющимися в Волховском фронте силами решит задачу по деблокированию Ленинграда. И Ставка пошла на объединение фронтов...»[156]

Как исправляли эту ошибку, также находим у К.А. Мерецкова (он в то время был командующим 33-й армией Западного фронта): «Минул май, загорелись июньские зори. Близились дни, несшие с собой горячее дыхание второй летней кампании. Я уже прикидывал, когда и как 33-я армия опять заиграет активную роль на фронте, высоко неся свое боевое знамя. Но 8 июня раздался неожиданный звонок. Мог ли я подумать, что он явится прологом моего нового свидания с волховчанами, на этот раз более чем полуторагодичного.

Меня вызвал Жуков (командующий Западным фронтом. — Н.Ч,). Он сказал:

— Срочно приезжай, как есть!

— Сейчас возьму карту и приеду (я решил, что речь пойдет о предстоящей операции).

— Не нужно карты.

— Да в чем же тогда дело?

— Здесь узнаешь. Торопись!

Приехал. Жуков сердится: пока нашли, сколько времени прошло. Я отвечаю, что был у солдат в батальоне. Прибыл сразу оттуда, даже поесть не успел. Георгий Константинович засмеялся. Тоже, говорит, не обедал сегодня. Пока машину подготовят, успеем поесть. Потом объясняет причину вызова. Оказывается, уже трижды звонил Сталин, требовал срочного прибытия Мерецкова. В чем дело, Жуков не знал.

Сел я в автомашину в полевой форме, весь в окопной грязи. Не успел даже переодеться. Довольно скоро оказался в приемной

Верховного Главнокомандующего. Его секретарь Поскребышев тоже не дал мне привести себя в порядок и сразу ввел в кабинет. Там в полном составе шло заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Я почувствовал себя довольно неловко, извинился за свой вид. Председательствующий дал мне пять минут. Я вышел в коридор, быстро почистил сапоги, вновь вошел и сел за стол. Меня стали расспрашивать о делах на

Западном фронте. Но это оказалось лишь предисловием, а главный разговор последовал позже.

Говорил Сталин:

— Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков, — продолжал Сталин, обращаясь ко мне, — хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у товарища Шапошникова. Вам же надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом»[157].

Здесь отметим характерную деталь во взаимоотношениях Мерецкова со Сталиным. Анализ этих взаимоотношений показывает, что Верховный Главнокомандующий весьма ценил и уважал его, но не очень баловал, не осыпал наградами, держа его на почтительном расстоянии от себя. Об этом говорит хотя бы тот факт, что очередное воинское звание «Маршал Советского Союза» Кирилл Афанасьевич из всех командующих фронтами получил в годы войны самым последним — в конце октября 1944 г. А ведь генералом армии он стал еще до войны — в июне 1940 г. (вместе с Г.К. Жуковым и И.В. Тюленевым). И Великую Отечественную войну К.А. Мерецков начал в том же звании.

Другие же военачальники в этом плане значительно обогнали его. Приведем данные относительно начала войны. Генерал-майорами начали ее А.М. Василевский (звание маршала получил в феврале 1943 г.), Р.Я. Малиновский (звание маршала получил в сентябре 1944 г.), К.К. Рокоссовский (звание маршала получил в июне 1944 г.), Ф.И. Толбухин (звание маршала получил в сентябре 1944 г.), Л.А. Говоров (маршалом стал в июне 1944 г.). Генерал-лейтенантом встретил войну И.С. Конев, а маршалом он стал в феврале 1944 г.

Надо сказать, что для полного вызволения 2-й ударной армии

время было безвозвратно упущено и только ценой огромных усилий К.А. Мерецкову удалось спасти от уничтожения часть ее сил. Командующий этой армией генерал-лейтенант А.А. Власов, выходя из окружения, сдался в плен немцам и спустя некоторое время предложи им свои услуги, став, таким образом, предателем Родины. При этом он объявил себя борцом с большевизмом и сталинизмом.

В последующем Кириллу Афанасьевичу пришлось проводить ряд трудных операций. Командуя Волховским и Карельским (с февраля 1944 г.) фронтами, он руководил их войсками при прорыве блокады Ленинграда (совместно с Ленинградским фронтом), в Новгородско-Лужской, Свирско-Петрозаводской и Петсамо-Киркенесской операциях. Например, в ходе Новгородско-Лужской операции (январь—февраль 1944 г.) войска Волховского фронта во взаимодействии с 67-й армией Ленинградского фронта успешно прорвали сильно укрепленную оборону противника, разгромили до десяти его дивизий и продвинулись до 150 км, окончательно отбросив немцев от Ленинграда и Новгорода. Весьма смелым был маневр войск левого крыла фронта по неокрепшему льду через озеро Ильмень с выходом во фланг и тыл группировки противника в районе Новгорода.

Уже командуя Карельским фронтом, К.А. Мерецков умело провел Свирско-Петрозаводскую операцию (июнь—август 1944 г.) во взаимодействии с Ладожской и Онежской военными флотилиями. Эта операция проводилась на очень сложной лесисто-болотистой местности с многочисленными озерами и реками, с прорывом глубокоэшелонированной обороны между Ладожским и Онежским озерами. Преодолев яростное сопротивление врага, войска фронта продвинулись на 150— 250 км, освободили Карело-Финскую республику, очистили от противника Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал. При этом город Петрозаводск был взят войсками фронта во взаимодействии с десантом, высаженным Онежской военной флотилией.

Не менее успешно была проведена К.А. Мерецковым в октябре 1944 г. Петсамо-Киркенесская операция (совместно с силами Северного флота). В результате этой операции практически полностью был очищена территория Заполярья от немецких захватчиков. Успешные действия Карельского и Ленинградского фронтов во многом способствовали выходу Финляндии из войны. Государственная граница с Норвегией и Финляндией была восстановлена.

Карельский фронт выполнил свою задачу и в середине ноября 1944 г. был расформирован. Его войска вошли в состав других

фронтов. Полевое же управление фронта было направлено на Дальний Восток, где на его базе в 1945 г. создано полевое управление Приморской группы войск, переименованной затем в 1-й Дальневосточный фронт под командованием Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова.

Кирилл Афанасьевич был требовательным и в то же время справедливым и заботливым командующим. Подчиненные уважали его за эти качества. Вот что писал Мерецкову, убывая на другой фронт, командир 24-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор П.К. Кошевой (будущий Маршал Советского Союза и дважды Герой Советского Союза), благодаря за учебу и дельные советы: «Уезжая, считаю своим долгом высказать Вам, товарищ генерал армии, как своему первому командарму, так и командующему фронтом, в составе которого я воевал 11 месяцев, несколько своих личных, а также и подчиненных мне командиров, мыслей и чувств...

Я ехал на фронт под впечатлением рассказов об отходах, окружениях, проигранных боях. Но никто не говорил мне, как бить врага... Ваш разговор со мной о том, что делается на участке армии, а главное, о том, как нужно воевать, как бить гитлеровцев, для меня был школой. Вы мне не говорили об отступлении или окружении. Наоборот, Вы говорили, как заставить противника повернуть вспять. В Ваших советах я нашел моральную опору. Я шел в бой уверенно... Уезжая, пишу откровенно и правду. Вы меня научили воевать и бить фашистов. Спасибо Вам за это, товарищ генерал армии»[158].

Он же, Петр Кириллович Кошевой, уже будучи Маршалом Советского Союза и дважды Героем, вспоминал своего первого командующего фронтом, который по-отечески заботливо учил впервые попавших на передовую командиров, организуя их вылазки на передний край:

«Так, на практике вводил меня и моих подчиненных в “курс дела” генерал армии К.А. Мерецков. Возможно, кто-нибудь теперь и усомнится: зачем, мол, рисковать людьми, устраивая подобные “экскурсии” на передний край? Но я на собственном опыте убедился в необходимости и огромной пользе такой науки. Я хорошо запомнил тихвинский урок Мерецкова и позднее, командуя соединениями под Сталинградом, Севастополем, в Белоруссии и под Кенигсбергом, всегда старался хоть немного приучить необстрелянных людей к боевым условиям, не бросать новичков в огонь с ходу. Даже короткая закалка позволяет людям освоиться с обстановкой на передовой и в итоге сохраняет немало жизней»[159].

Маршал Советского Союза А.М. Василевский, бывший

начальник Генерального штаба Красной Армии и соратник К.А. Мерецкова по боям с японцами на Дальнем Востоке, пишет о Кирилле Афанасьевиче: «Солдаты и офицеры любили своего командующего, любили за человечность и постоянную заботу о них, за отвагу, за твердость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении»[160].

Говоря о человечности К.А. Мерецкова, нельзя не привести потрясающего примера из фронтовой жизни, о котором Кирилл Афанасьевич упоминает в своих мемуарах: «...Приходит ко мне с жалобой женщина, сумевшая преодолеть рогатки военных условий и добраться прямо до генерала. В чем дело? Оказалось, что мимо ее дома проезжала часть, в которой служит рядовым ее муж. Она увидела мужа и пришла к месту расположения этой части. Но командир полка не разрешил женщине свидание с мужем. Все об этом знают. Не только ее муж, но и другие солдаты ходят хмурые, настроение у бойцов упало. Вызываю комполка. Он докладывает, что согласно имеющимся указаниям свидания строжайше запрещены. Тогда я своей властью дал солдату трехдневный отпуск и поселил его с женой в домике по соседству. Потом мне сообщили, что его товарищи высказывались так: повезло Феде, генерал армии здесь оказался, а если бы его тут не было, тогда как? И я подумал, что пора отменить нелепое распоряжение о запрете свиданий...»[161]

О том, как росли и совершенствовались полководческие качества К.А. Мерецкова, говорят следующие факты. В войне с Финляндией (1939—1940), особенно на ее первом, весьма неудачном этапе, основную нагрузку несли войска Ленинградского военного округа, которым командовал командарм 2-го ранга К.А. Мерецков. Он же тогда принял на себя командование 7-й армией, наступавшей на Выборгском направлении. И если сравнить первую половину войны СССР с Финляндией, с ее более чем посредственными результатами, и блестяще проведенную операцию 1-го Дальневосточного фронта на территории Маньчжурии и Северной Кореи в августе—сентябре 1945 г., становится видна разница в почерке командующих этими войсками, хотя таковыми был один и тот же человек — Кирилл Афанасьевич Мерецков. Среди командующих фронтами в годы Великой Отечественной войны было немного военачальников, которые бы имели столь насыщенный послужной список: руководство военными округами, их штабами и Генеральным штабом Красной Армии, работа на посту заместителя наркома обороны. А Мерецков прошел все эти ступеньки, обогатившись необходимым опытом работы, что значительно помогло ему в годы Великой Отечественной войны

выполнить поставленные перед ним задачи.

После окончания войны Кирилл Афанасьевич командовал войсками Приморского, Московского и Северного военных округов, руководил Высшими стрелково-тактическими курсами усовершенствования офицерского состава «Выстрел». В 1955—1964 гг. он был помощником министра обороны СССР по военно-учебным заведениям. С апреля 1964 г. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны. Скончался в Москве в декабре 1968 г.

ОТ ЗЭКА ДО КОМАНДАРМА И ГЕРОЯ

У каждого арестованного органами НКВД, а затем освобожденного командира (политработника, инженера и т.п.) и на воле была своя «одиссея». Испытав в застенках НКВД всю тяжесть унижений и побоев, освобожденному командиру РККА и на свободе пришлось столкнуться с не меньшими трудностями. Безработный, без средств существования, без квартиры (ее отобрали после ареста главы семьи), с неясными перспективами относительно дальнейшей службы в армии (а что еще он мог делать, кроме службы!), с семьей, живущей в крайне стесненных условиях. Хорошо, если жену не арестовали после «изъятия» мужа и она сумела сохранить детей и их не приходилось разыскивать в детских домах и приемниках, в лучшем случае — у родственников. При выходе на свободу такому командиру Красной Армии приходилось униженно просить (о восстановлении в партии и армии, ибо без первого не продвигалось и второе), везде и всюду доказывать свою лояльность Советской власти и ее органам на местах, давать клятву верности партии, правительству и лично товарищу Сталину, говорить о своей нужности и полезности армии.

Бывший командир 57-й стрелковой дивизии комдив Цветаев Вячеслав Дмитриевич был арестован 5 июля 1938 г. сотрудниками особого отдела Забайкальского военного округа. Обвинялся он по ст.ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Обвинение ему было предъявлено 15 июля 1938 г. Обвинялся комдив Цветаев в шпионаже в пользу Германии. Для выколачивания признательных показаний следователи применяли весь набор имеющихся у них средств. Например, с 22 по 30 апреля 1939 г. (девять суток!), за исключением 24 и 25 апреля, когда Цветаев находился в карцере (итого семь суток!), он непрерывно допрашивался, в результате чего 30 апреля был вынужден признать, что является агентом германской разведки, а также участником военно-троцкистской организации, в которую был завербован в 1937 г. командующим войсками ЗабВО-комкором И.К. Грязновым. Спустя некоторое время В.Д. Цветаев от этих показаний отказался.

В начале сентября 1939 г. постановлением Особого отдела ГУГБ НКВД СССР дело по обвинению В.Д. Цветаева было прекращено за недоказанностью обвинения, и он из-под стражи был освобожден 9 сентября 1939 г. На другой день (10 сентября) его рукой был исполнен следующий документ:

«Заместителю Народного Комиссара Обороны СССР

Армейскому комиссару 1-го ранга т. Щаденко

РАПОРТ

Товарищ Армейский Комиссар 1-го ранга! Я бывший командир 57 сд комдив Цветаев В.Д. был арестован 5.7.38 органами особого отдела ЗабВО и 9-го сентября освобожден вследствие прекращения моего дела. Будучи в течение своей двадцатилетней службы в РККА честным и преданным командиром — гражданином своей Родины и Армии, я остаюсь им и поныне и прошу Вашего ходатайства перед Народным Комиссаром Обороны — Маршалом т. Ворошиловым о принятии меня в мою родную семью РККА.

Настоящим рапортом я заявляю, что сумею доказать свою беззаветную преданность партии и правительству и выполню свой долг как подобает командиру РККА.

Тов.арищ Армейский Комиссар 1-го ранга! Освобожденный на свободу, я очутился в тяжелом положении, не знаю, где моя семья (жена Ольга Васильевна, дочери Ирина и Наталия. — Н.Ч.), потерял все то, что имел из вещей и нахожусь совершенно без средств, платья и крова. Прошу Вас помочь мне материально и ходатайствовать о возвращении в РККА.

Б(ывший) комдив Цветаев В.Д.

10.9.39 г.[162].

При восстановлении в кадрах РККА В.Д. Цветаев заполнил ряд необходимых анкет, в том числе написал автобиографию. Приведем этот важный документ:

«Родился в январе 1893 года на станции Малоархангельск М. Курской ж.д. бывшей Орловской губернии. Отец служил начальником станции до 1922 года, после уволился и жил на моем иждивении и умер в 1929 г. в гор. Калуге. Мать не служила и находится на моем иждивении в гор. Калуге, Красноармейский пер., д. 12.

Женат. Жену зовут — Ольга Васильевна Цветаева. Имею двоих детей: Ирина — 16 лет и Наталия — 9 лет. Жена до Октябрьской революции училась в Петрозаводской гимназии и в Московском университете. Родители жены: отец умер в 1918 году. До Октябрьской революции служил на Мурманской железной дороге. Мать жены до Октябрьской революции служила на телефонной станции в Петрозаводске. Мать жены умерла в 1935 году. Братья, сестры жены до Октябрьской революции были несовершеннолетними. В настоящее время жена работает в гор. Калуге зав. библиотекой в Калужском пед-техникуме. Брат ее — Петр Васильевич, работает в гор. Петрозаводске. Больше родственников у жены нет.

Работать я начал с 1913 года на М.К. ж.д. (Московско-Курской

железной дороге. — Н.Ч.). В 1914году был призван в армию и прослужил в ней до января 1918 года. В армии до 1916 года служил рядовым, а в 1916 году окончил школу прапорщиков и произведен в офицеры и служил в Екатериноградском пехотном полку младшим офицером до 1917 года. В 1917 году по январь 1918 года — младший офицер в Управлении корпусного инженера 6-го Кавказского армейского корпуса в Кавказской армии. Рядовым служил в гор. Орле в 203 пехотном запасном батальоне. Школу прапорщиков окончил в Тифлисе.

Общее образование имею за 6 классов Орловской гимназии и окончил техническое железнодорожное училище в гор. Туле в 1913 году. Во время февральской революции служил младшим офицером в Екатериноградском пехотном полку и в Управлении корпусного инженера 6-го Кавказского армейского корпуса Кавказской армии. С мая 1918 года по август 1920 года состоял членом Коммунистической партии. В партию вступил в Краснопресненском районе гор. Москвы. В 1920 г. при интернировании в Восточную Пруссию (при отходе частей РККА из-под Варшавы) уничтожил партбилет и в дальнейшем автоматически выбыл из партии. В других партиях не состоял. В троцкистских и прочих организациях не состоял и участия не принимал в них.

В РККА вступил добровольно в мае 1918 года в гор. Москве командиром роты 4-го Советского полка. В июле 1918 г. был отправлен на Северный фронт под Архангельск, где командовал ротой, батальоном, полком, бригадой в 54 стрелковой дивизии и командиром этой дивизии с октября 1919 года по август 1920 года. После 1920 года командовал отдельной бригадой в Ленинграде (1921 —1922 гг.). В 1922 году окончил Высшие Военно-Академические курсы и командовал 56 Московской дивизией до 1926 года. В 1926 году переведен в Среднеазиатский округ и командовал 3-й Туркестанской стрелковой дивизией. С 1931 г. по 1937 г. работал старшим преподавателем Академии им. М.В. Фрунзе. В 1937 г. по 1939 г. командовал 57 стрелковой дивизией.

В боях участвовал с 1918 г. по 1920 г., командуя от роты до дивизии включительно на фронтах Северном и Западном. В 1929 г. выполнял особое задание правительства. В 1930— 1931 гг. участвовал в подавлении басмачества в Ферганском округе Уз. ССР. Контужен в 1918 г.

Имею два ордена “Красного Знамени” и медаль “XX лет РККА”.

В старой армии окончил в 1916 г. школу прапорщиков в Тифлисе. Последний чин в армии — поручик.

В Красной Армии окончил Военно-Академические курсы высшего комсостава в 1922 г. и повторно при Академии имени Фрунзе в 1927 г.

В 1938 г. 5 июля я неожиданно для себя был арестован Особым отделом ЗабВО и содержался под следствием до 9 сентября 1939 г. 9 сентября 1939 г. мне объявили, что дело мое, за отсутствием преступления, прекращено и я освобождаюсь с восстановлением в правах и принятием в ряды РККА. Причиной своего ареста считаю результат вражеской работы контрреволюционного элемента, стремившегося подорвать мощь Советского Союза и РККА.

Комдив Цветаев В.Д. 26.9.1939 г.»[163].

Вячеслав Дмитриевич Цветаев всегда положительно аттестовался по службе соответствующими начальниками. Например, в служебной аттестации за 1925 г. по должности командира 56-й Московской стрелковой дивизии отмечалось:

«Тов. Цветаев энергичный, самостоятельный в работе, проявляет большую настойчивость и знание своего дела. Теоретически хорошо подготовлен. Имеет крупный практический опыт как на фронте гражданской войны, так и в период мирной учебы. Интересуется военной литературой и полученное знание с успехом применяет на деле.

Дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину среди подчиненных. Тактичен и выдержан. Среди комсостава дивизии пользуется большим авторитетом. Вполне соответствует занимаемой должности и достоин выдвижения на должность командира корпуса в очередном порядке»[164].

Через девять лет, в 1934 г., уже в должности старшего руководителя кафедры общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе:

«Тов. Цветаев с большим военным опытом, который в значительной мере подкреплен теорией современной тактики в стенах академии. Хорошо разбирается в вопросах общей тактики. Умело руководит занятиями со слушателями. Хороший методист. Много работает над собой. Летом 1934 года выполнял ответственную работу, порученную ему Штабом РККА в ОКДВА. Крепкой воли. Инициативен, дисциплинирован. Должности старшего руководителя общей тактики вполне соответствует и достоен продвижения на К-12. По строевой линии достоин продвижения на должность комкора стрелкового»[165].

Приведенные аттестации касаются «доарестного» периода деятельности В.Д. Цветаева. А как он стал работать после своего освобождения из тюрьмы и восстановления в кадрах РККА? Изменилось ли что-либо в его отношении к службе и к людям, в

содержании и методике работы со слушателями? Об этом становится известно из его аттестации, написанной в мае 1940 г. заместителем начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе по научной и учебной работе комкором Н.А. Веревкиным-Рахальским . К этому времени В.Д. Цветаев уже занимал должность начальника кафедры общей тактики (с января 1940 г.), что говорит о том, что менее чем за год после освобождения Вячеслав Дмитриевич был повышен в должности.

«Тов. Цветаев предан партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине. Политически и морально устойчив, хранить военную тайну может.

Общее и политическое развитие вполне удовлетворительное. Над повышением своей марксистско-ленинской подготовки работает.

С преподавательским составом оперативно-тактического цикла связан, связан с парторганизацией, умело опирается он на ее авторитет и помощь. Налаживает организацию и учет соцсоревнования.

Волевые качества развиты, добивается упорно выполнения принятого решения. Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным.

Кафедра общей тактики и оперативно-тактического цикла под руководством тов. Цветаева добилась первых успехов по повышению качества учебы и методической подготовки преподавательского состава, однако в области развертывания научно-исследовательской работы сдвигов серьезных нет, это очередная и серьезная задача цикла в целом.

Над собой тов. Цветаев работает, обладает богатым опытом боевым и по подготовке войск и начсостава.

Должности вполне соответствует.

Достоин утверждения в занимаемой должности и в строю может быть назначен командиром стрелкового корпуса»[166].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. для высшего командного состава армии и флота были введены генеральские и адмиральские звания. В армии и на флоте началось аттестование на присвоение этих званий. В аттестационном листе на исполняющего должность начальника кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе комдива В .Д. Цветаева, подписанном начальником академии командармом 2-го ранга М.С. Хозиным и комиссаром академии П.К. Батраковым (содержание этой аттестации во многом повторяет формулировки предыдущей, приведенной выше), делался следующий вывод:

«Должности вполне соответствует. Достоин утверждения в

занимаемой должности, а в строю может быть назначен командиром стрелкового корпуса. Достоин присвоения военного звания генерал-майор»[167].

Руководство Военной академии имени М.В. Фрунзе посчитало, что В.Д. Цветаев достоин только первичного генеральского звания «генерал-майор». Однако более высокие инстанции не согласились с этим выводом, справедливо решив, что один из старейших командиров РККА (еще в годы Гражданской войны командовал дивизией) в этом плане достоин большего. И Цветаеву было присвоено звание генерал-лейтенанта. Между прочим, начальник академии М.С. Хозин и его заместитель по научной и учебной работе Н.А. Веревкин-Рахальский получили точно такое же воинское звание, что и В.Д. Цветаев. В этом звании и названной выше должности Вячеслав Дмитриевич и встретил начало Великой Отечественной войны. Сюда добавим, что в 1940 г. он был удостоен ученого звания «доцент».

Начавшаяся Великая Отечественная война с ее печальным начальным периодом, большими потерями территориями страны, личного состава и боевой техники Красной Армии требовала все новых и новых пополнений, в том числе и командно-политического состава. Уже в июле 1941 г. большая группа преподавателей Военной академии имени М.В. Фрунзе убыла на различные фронты для замещения должностей командно-штабного профиля. Учитывая хорошее знание В.Д. Цветаевым северо-западного театра военных действий, его направили в Карелию, в 7-ю армию. Там ему поручили командовать оперативной группой армии.

7-я армия перед началом Великой Отечественной войны занимала оборону по государственной границе СССР севернее Ладожского озера и прикрывала ухтинское, ребольское, петрозаводское и сортавальское направления, т.е. те самые места, где Цветаеву приходилось воевать в годы Гражданской войны. С 1 июля 1941 г. войска армии вели оборонительные бои против финских войск в Карелии. Левофланговые дивизии армии, развернутые на широком фронте, вынуждены были отходить под ударами превосходящих сил противника. Получив на усиление ряд соединений и частей, армия в конце июля сумела остановить наступающего противника. В этих боях В.Д. Цветаев принимал активное участие.

Но у него с самого начала не сложились отношения с командующим армией генерал-лейтенантом Ф.Д. Гореленко. Результатом этих напряженных отношений, осложненных тяжелой обстановкой на фронте, появилась такая боевая

характеристика на В.Д. Цветаева (датирована она 4 апреля 1942 г.):

«Генерал-лейтенант Цветаев в составе армии с конца июля 1941 года. За это время, командуя частями опергруппы, обнаружил большую теоретическую, оперативную и тактическую подготовку.

Хорошо знает штабную работу. Дисциплинирован. Личные качества генерал-лейтенанта Цветаева: нерешительный, боится ответственности, малоинициативен, имеет недостаточные организаторские способности.

В сложной обстановке теряется, вследствие чего в ходе боя на рубеже реки Тулокса и последующих боях на олонецком направлении не сумел правильно организовать оборону и взаимодействие частей; не зная действительного положения в ходе боя, не принял меры к наведению железной дисциплины в войсках, поэтому допустил неорганизованность в отходе частей, потерял управление и связь с соседями. В результате части понесли значительные потери.

С сентября 1941 г., командуя первой опергруппой на правом фланге армии, не мог добиться успеха в проводимых операциях и, как правило, все неудачи пытается свалить на подчиненных. Так, например, в октябре вследствие неправильного доклада генералу армии т. Мерецкову, ряд командиров были неправильно отстранены от занимаемой должности, как например: командир 314 сд генерал-майор Шеменков, командир 114сд Девятое и другие. Генерал-лейтенант Цветаев лично мало руководил операциями, проводимыми командирами дивизий и полков. Вследствие отсутствия у Цветаева твердых волевых качеств и при наличии боязни ответственности Цветаев наступательными операциями руководить не может. По своим личным качествам, знанию и опыту, а также складу характера может быть использован только на преподавательской работе»[168].

Мнение командарма-7 генерал-лейтенанта Ф.Д. Горелен-ко и члена Военного совета армии дивизионного комиссара Г.А. Васильева, подписавших вышеприведенную боевую характеристику, было сугубо субъективным. Последующие боевые действия показали, что и волевые качества у Вячеслава Дмитриевича на высоте, и организовать как наступление, так и оборону он может. Что и подтвердил командующий Южным фронтом Р.Я. Малиновский, характеризуя командующего 5-й ударной армией генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева в конце марта 1943 г. Но об этом несколько позже.

Оперативной группой войск 7-й армии В.Д. Цветаев командовал до конца марта 1942 г. Затем он несколько месяцев

находился в распоряжении наркома обороны, выполняя отдельные его поручения (вот тогда и была составлена вышеприведенная боевая характеристика на него, т.е. когда Вячеслав Дмитриевич уже не служил в 7-й армии). Затем в течение полутора месяцев В.Д. Цветаев исполнял обязанности заместителя командующего 4-й резервной армией. В июле—декабре 1942 г. он временно командовал 10-й резервной армией. Когда же в начале декабря 1942 г. на базе этой армии сформировали 5-ю ударную армию, то Вячеслав Дмитриевич около трех недель был на должности заместителя командующего, а в конце того же месяца принял армию и успешно руководил ею по май 1944 г. включительно.

Первоначально в армию входили 87-я, 300-я и 315-я стрелковые дивизии, 4-й механизированный и 7-й танковый корпуса. Под умелым командованием генерал-лейтенанта (с сентября 1943 г. — генерал-полковника) В.Д. Цветаева 5-я ударная армия успешно действовала в составе Сталинградского и Юго-Западного фронтов, принимала участие в разгроме тормосинской группировки противника. В январе 1943 г. она была передана Южному (с октября 1943 г. 4-му Украинскому) фронту и в его составе участвовала в Ростовской операции, в ходе которой освободила города Шахты и Новошахтинск. Во второй половине февраля 1943 г. 5-я ударная армия под командованием В.Д. Цветаева вышла к реке Миус и до августа обороняла рубеж Дмитриевка, Куйбышево, Янсиновский.

В представлении В.Д. Цветаева к ордену Кутузова 1-й степени о его роли в упомянутых боевых действиях говорилось следующее: «Генерал-лейтенант Цветаев активнейший участник Отечественной войны, разработал план уничтожения фашистских полчищ, спешивших на выручку окруженных армий под Сталинградом в декабре 1942 года на реке Н.-Чир, искусно осуществил этот план в жизнь. Лично участвовал и руководил боевыми операциями частей армии, проявив личное мужество и отвагу.

Операции по прорыву линии обороны противника и разгрому фашистских полчищ, спешивших на выручку окруженных немецких банд, проведенные под руководством генерала Цветаева, способствовали выполнению стратегического плана Верховного Главнокомандования.

В февральских наступательных операциях войска генерала Цветаева проявили исключительное мужество и умение побеждать. Под его руководством войска 5 ударной армии прорвали линию обороны противника на реке Донец, стремительно продвинулись вперед и первыми вступили в город

Шахты»[169].

А вот что отмечало в краткой, но емкой боевой характеристике на В.Д. Цветаева командование Южного фронта в конце марта 1943 г.: «Генерал-лейтенант Цветаев в ходе операций по разгрому тормосинской группировки противника, а затем в наступательной операции от р. Сев. Донец до р. Миус показал себя достаточно подготовленным командармом.

Его командование 5 ударной армией на всем протяжении было грамотным и решительным.

Несмотря на большие трудности лучше всех сохранил огневые средства армии.

Лично дисциплинированный и требовательный командарм.

Вывод: Должности командующего армией вполне соответствует»[170].

Данную характеристику подписали командующий войсками Южного фронта генерал-полковник Р.Я. Малиновский и член Военного совета фронта генерал-лейтенант К.А. Гуров.

В Донбасской операции 1943 г. соединения и части армии прорвали оборону противника на реке Миус, освободили города Макеевка, Сталино (Донецк), во взаимодействии с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом — Гуляйполе и другие населенные пункты. К концу операции войска армии вышли в район юго-восточнее Запорожья.

В Мелитопольской операции 1943 г., наступая в составе главной ударной группировки фронта, армия к 5 ноября овладела рубежом Верхи, Рогачик, Каховка, Цюрупинск и затем до конца января 1944 г. вела наступательные бои с целью улучшения своего оперативного положения.

В Никопольско-Криворожской операции 1944 г. войска 5-й ударной армии в составе 4-го Украинского фронта во взаимодействии с другими армиями разгромили противника на никопольском плацдарме и форсировали реку Днепр. Развивая наступление с захваченного плацдарма, армия к концу февраля вышла на рубеж Ново-Архангельское, Дудчаны. В марте-апреле 1944 г. она участвовала в Березнеговато-Сингиревской и Одесской наступательных операциях, в ходе которых в трудных условиях весенней распутицы освободила ряд крупных населенных пунктов, в том числе во взаимодействии с другими армиями города Николаев и Одессу.

Большие заслуги генерал-полковника В.Д. Цветаева в достижении указанных выше успехов были отмечены в боевой характеристике, датированной 20 мая 1944 г. Ее подписали командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Р.Я. Малиновский и член Военного совета фронта генерал-лейтенант

А.С. Желтое:

«...После завершения ликвидации Никопольского плацдарма, 5 ударная армия успешно форсировала р. Днепр и, перейдя в наступление совместно с другими армиями, участвовала в разгроме 6 немецкой армии, овладении г. Николаев, форсировала Южный Буг и первой ворвалась в Одессу, находясь на левом фланге фронта и наступая по узким дефиле между лиманами и Черным морем.

Его командование на всем протяжении этих операций 5 ударной армией было грамотным и решительным.

Должности командующего войсками армии соответствует»[171].

Нет нужды доказывать, что оценка действий армии есть одновременно и оценка деятельности ее командующего. К этому времени генерал-полковник В.Д. Цветаев имел следующие награды: помимо двух довоенных орденов Красного Знамени, он во время войны был награжден орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени. Богдана Хмельницкого 1-й степени.

В конце мая 1944 г. Вячеслав Дмитриевич пошел на повышение — его назначили заместителем командующего войсками 1-го Белорусского фронта, где он работал до августа того же года. Командовал этим фронтом тогда Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский (тоже бывший зэк, как и Цветаев). Однако работа в качестве заместителя, пусть даже «у самого Рокоссовского», Вячеслава Дмитриевича не устраивала, ибо он всегда тяготел к самостоятельной должности. Поэтому Цветаев упросил Рокоссовского отпустить его снова на армию, что и было сделано в августе 1944 г. Тогда на 3-м Украинском фронте, у генерала армии Ф.И. Толбухина, освободилась должность командующего 6-й армией, находившейся в резерве Ставки.

Но был Цветаев в этой должности только в течение месяца.

В конце сентября 1944 г. Вячеслава Дмитриевича затребовал к себе на 1-й Белорусский фронт маршал К.К. Рокоссовский, предложив ему возглавить 33-ю армию (вместо генерал-лейтенанта С.И. Морозова). Руководить армией, да еще на фронте у Рокоссовского, — от этого Цветаев, разумеется, не мог отказаться, хотя состояние здоровья у него было неважное. Однако работать с Константином Константиновичем в качестве командарма-33 ему пришлось совсем немного — в ноябре 1944 г. 1-й Белорусский фронт возглавил заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а Рокоссовский убыл принимать 2-й Белорусский. Несмотря на некоторые опасения, Вячеслав Дмитриевич сумел сработаться и с

грозным Жуковым. Последний и представил В.Д. Цветаева к званию Героя Советского Союза.

Во главе 33-й армии В.Д. Цветаев заканчивал Великую Отечественную войну. Штаб армии возглавлял генерал-майор В.П. Орлеанский, членом Военного совета был опытный политработник генерал-майор Р.П. Бабийчук. С ними у Вячеслава Дмитриевича сложились нормальные отношения, позволявшие успешно решать сложные боевые задачи. Некоторое время 33-я армия находилась в резерве Ставки, а затем была перегруппирована в район Белостока.

В Варшавско-Познанской операции (14 января — 3 февраля 1945 г.) войска 33-й армии генерал-полковника В.Д. Цветаева наступали с пулавского плацдарма. К концу операции они вышли к Одеру в районе Фюрстенберга, форсировали реку и захватили плацдарм. В этой операции, как и в других предыдущих, Вячеслав Дмитриевич проявил себя умелым военачальником, уверенной рукой управлявшим сложным армейским организмом. Его заслуги были достойно отмечены высокими государственными наградами. К марту 1945 г. на его груди были: ордена Ленина, Красного Знамени (три), Суворова 1-й степени (два), Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Из наградного листа на присвоение В.Д. Цветаеву звания Героя Советского Союза, подписанного командующим войсками 1-го Белорусского фронта Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом К.Ф. Телегиным:

«Войска под командованием генерал-полковника Цветаева в результате хорошо проведенной подготовки к наступательным операциям, четкого взаимодействия всех родов войск и руководства ими прорвали сильно укрепленную глубоко эшелонированную оборону противника в районе г. Пулавы. Развив стремительное наступление, войска армии совместно с 69 армией, разгромили Радомско-Томашевскую группировку противника и овладели этими городами. Продолжая успешное наступление, овладели крупными опорными пунктами немцев, городами Калит, Шрем, Швибус и более 800 других населенных пунктов, вышли на р. Одер, форсировали ее, захватили плацдарм на западном берегу и ведут бои по его расширению.

За период январской наступательной операции войска армии уничтожили и захватили в плен свыше 60 556 немецких солдат и офицеров, танков и самоходных орудий — 186, складов разных— 55, орудий разного калибра — 1184, автомашин — 6736, паровозов — 113, железнодорожных вагонов — 2093.

В осуществлении январской операции генерал-полковник

Цветаев проявил высокое оперативное мастерство, смелость, отвагу и геройство.

За умелое руководство и высокую организацию в управлении войсками, мужество, отвагу и геройство, проявленном при прорыве долговременной, глубоко эшелонированной обороны противника, генерал-полковник Цветаев достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий войсками 1БФ Маршал Советского Союза Г. Жуков

Член Военного совета 1БФ генерал-лейтенант Телегин 6 марта 1945 г.»[172].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г. В.Д. Цветаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ходе Берлинской стратегической операции после успешного прорыва обороны противника войска 33-й армии генерала В.Д. Цветаева во взаимодействии с другими армиями участвовали в разгроме группировки немецких войск, окруженной юго-восточнее Берлина. Боевые действия 33-я армия завершила 6 мая 1945 г. с выходом ее главных сил на Эльбу северо-западнее г. Десау.

Объективный анализ боевой деятельности командарма-33 Героя Советского Союза генерал-полковника В.Д. Цветаева на заключительном этапе войны сделан в последней военной (или первой послевоенной) аттестации, датированной 28 июля 1945 г. и подписанной Главнокомандующим группой советских оккупационных войск в Германии Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и членом Военного совета группы генерал-лейтенантом К.Ф. Телегиным.

«Тов. Цветаев преданный делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине генерал. С большим командным, теоретическим и практическим стажем мирного и военного времени.

Лично генерал-полковник Цветаев хороший организатор и методист. Много уделяет внимания подготовке и обучению войск, проявляет заботу о подчиненных, по характеру спокоен и тверд. Обладает большой силой воли, энергией и решительностью. Инициативен. Быстро ориентируется в обстановке и деятельно влияет на ход операции. Умеет организационно обеспечить свое решение и твердо провести его в жизнь. Проявляет должную и своевременную разумную инициативу. Культурный, дисциплинированный генерал, пользуется заслуженным деловым и политическим авторитетом среди подчиненных.

За время Отечественной войны генерал-полковник Цветаев

провел ряд успешных наступательных и оборонительных операций по разгрому немецко-фашистских войск. Хорошо организовал взаимодействие всех родов войск. В осуществлении серьезных оперативных задач умеет правильно оценить обстановку и принять решение в боевой обстановке.

Генерал-полковник Цветаев всегда находился на ответственных и главных оперативных направлениях боевых действий войск армии.

Состояние здоровья плохое, часто болеет.

Вывод: Должности командующего войсками армии вполне соответствует»[173].

Победоносно завершилась Великая Отечественная война советского народа с гитлеровской Германией. Войска Красной Армии победителями, с большими почестями возвращались на Родину, где старшие возрасты были демобилизованы и отправлены домой. Армия по численности сильно сократилась, постепенно приобретая облик и форму вооруженной силы мирного государства. Однако часть советских войск осталась за границами СССР в виде групп войск, предусмотренных соответствующими соглашениями союзных государств. Одной из таких групп являлась Южная группа, дислоцированная на территории Румынии. В этой группе Вячеслав Дмитриевич прослужил до середины января 1948 г. — сначала в качестве заместителя, а с января 1947 г. — Главнокомандующего.

В середине января 1948 г. генерал-полковник ВД. Цветаев был назначен начальником Военной академии имени М.В. Фрунзе. Он возвратился в военно-учебное заведение, с которым у него было связано много хороших воспоминаний и работе в котором он отдал немало лет. Уже в качестве его руководителя Вячеславу Дмитриевичу предстояло готовить высококвалифицированные кадры командного и штабного профиля для сухопутных войск. Причем готовить с учетом опыта недавно закончившейся Великой Отечественной войны.

Особо внимательно В.Д. Цветаев относился к подбору профессорско-преподавательского состава академии. Читателю небезынтересно будет знать, что в тот период времени, согласно приказу министра Вооруженных Сил, должности руководящего профессорско-преподавательского состава приравнивались: начальник академии — к командующему войсками округа; заместитель начальника академии — к начальнику штаба округа; начальник факультета и начальник кафедры — к командующему армией; старший преподаватель — к командиру дивизии, начальнику штаба дивизии; преподаватель — к командиру полка. Назначение на должность профессорско-преподавательского

состава рассматривалось как продвижение по службе[174].

У В.Д. Цветаева подобрались хорошие помощники. Его первым заместителем был генерал-лейтенант А.В. Сухомлин, бывший командарм, которого в 1949 г. сменил генерал-лейтенант М.Ф. Тихонов. Ведущую кафедру академии (оперативно-тактической подготовки) с 1946 г. возглавлял его заместитель генерал-полковник А.Н. Боголюбов, на завершающем этапе Великой Отечественной войны руководивший штабом 2-го Белорусского фронта. В 1948 г. начальником кафедры тактики инженерных войск стал генерал-полковник К.С. Назаров, ранее занимавший должность начальника инженерных войск Советской Армии. На должность начальника кафедры тыла был назначен генерал-лейтенант А. И. Шимонаев, работавший до прихода в академию заместителем начальника штаба тыла Вооруженных Сил СССР.

Задачи, поставленные перед Военной академией имени М.В. Фрунзе после войны, потребовали пересмотра программ и учебных планов, перестройки учебного процесса и методики обучения. Жизнь настойчиво требовала углубленного изучения и широкого внедрения в практику обучения слушателей опыта войны, а также новейших достижений науки и техники. Под руководством генерал-полковника В.Д. Цветаева такая работа развернулась в академии. В учебные программы и учебные материалы ежегодно вносились существенные изменения. Вышедшие в свет в 1948 г. новые уставы и наставления потребовали значительной переработки учебных программ и материалов, перераспределения времени на изучение различных оперативно-тактических дисциплин, уточнения содержания и методики их преподавания. Всю эту работу возглавлял Вячеслав Дмитриевич Цветаев.

Впереди были новые горизонты в повышении качества учебно-воспитательного процесса, совершенствования учебно-материальной базы академии. Однако состояние здоровья Вячеслава Дмитриевича сильно ухудшилось, и 11 августа 1950 г. он скончался. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

Комбриг А.В. Горбатов, один из «крепких орешков» для следователей НКВД, не давший им признательных показаний и осужденный на пятнадцать лет лишения свободы в ИТЛ, в 1941 г. все же вышел на свободу. Случилось это за несколько месяцев до начала войны с Германией. После восстановления в кадрах РККА он был назначен заместителем командира 25-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор С.М. Честохвалов).

Александр Васильевич соскучился по настоящей работе. Приступив к своим обязанностям, он поспешил ознакомиться с

дивизиями, входившими в состав корпуса. Их состояние сильно огорчило Горбатова: «...Они были полностью укомплектованы, но настоящей слаженности я в них не почувствовал, и общее состояние их оставило у меня впечатление неважное. Чем больше вникал я в дело, тем больше убеждался в правильности своих первоначальных впечатлений. Не было необходимого порядка, организованности и должной воинской дисциплины. Хуже всего было то, что многие командиры не замечали этих недостатков. Вернувшись в управление корпуса, я без преувеличений, но ясно и четко доложил обо всем виденном командиру. Он во всем согласился. Но на устранение недостатков времени у нас уже не было — в воздухе пахло войной»[175].

С началом войны дивизии корпуса были переброшены на Западный фронт. Анализируя итоги первых дней и недель войны, Александр Васильевич много размышлял о причинах неудач, постигших войска Красной Армии. Безусловно, тут были и внезапность нападения гитлеровской Германии на СССР (хотя разведданные о подготовке вторжения поступали и Сталину, и в Генеральный штаб), и использование Германией промышленного потенциала и сырьевой базы чуть ли не всей Европы. Все это было. Но, как утверждает А.В. Горбатов, его волновало другое: «...Но меня до пота прошибли мои прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны? Это, несомненно, была, по меньшей мере, одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937— 1938 годы, очистив армию от “изменников”, увеличили ее мощь»[176].

На первых порах боевой деятельности А.В. Горбатову пришлось столкнуться и с паникой в войсках, боящихся окружения, и с беспорядочным отходом частей и подразделений с занимаемых ими позиций. Он стыдил отступающих, увещевал, требовал от командиров этих частей и подразделений вернуться на покинутые позиции, грозя судом военного трибунала за отход без приказа. Многое из творившегося вокруг него возмущало и удивляло Александра Васильевича: «Мне, только что вернувшемуся в армию, все это казалось плохим сном. Не верилось тому, что видели глаза. Я пытался отогнать навязчивую мысль: “Неужели 1937—1938 годы так подорвали веру солдат в своих командиров, что они и сейчас думают, не командуют ли ими враги народа? Нет, этого не может быть. Вернее другое: неопытные и необстрелянные командиры несмело и неумело берутся за исполнение своих высоких обязанностей”»[177].

Что и говорить — значительная часть командного состава Красной Армии в 1941 г. воевать не умела, особенно те из них,

что прибыли из запаса. Непопулярная в народе война с Финляндией в 1939—1940гт. («зимняя война») вскрыла многие недостатки в подготовке войск. Полностью устранить эти недостатки к началу Великой Отечественной войны не удалось. Теперь предстояло учиться воевать с опытным, хорошо моторизованным врагом уже в ходе Отечественной войны, учиться не на полигонах и стрельбищах, а на поле боя, под пулеметным и артиллерийским огнем противника, при господстве немецкой авиации в воздухе.

Будучи ранен в июле 1941 г. под Ярцевом, где он организовывал оборону войск, А.В. Горбатов был эвакуирован в госпиталь в Москву. Рана оказалась не тяжелой, и через две недели Александра Васильевича уже выписался из госпиталя. Десять дней он пробыл в резерве, а затем его зачислили слушателем краткосрочных курсов высшего комсостава.

«Мне стыдно было ходить по улицам Москвы. С фронта не поступало радостных вестей. Казалось, что все на меня смотрят и хотят спросить: почему так плохо там получается и почему ты болтаешься в тылу? Очень хотелось попасть скорее снова на фронт, но, как ни старался, назначения не получал: корпусные управления к этому времени ликвидировали. Только через месяц я получил назначение, но не на фронт, а в глубокий тыл, к новым формированиям в районе Омска...

На другой день я пошел в гостиницу “Савой” к Вильгельму Пику; до 1937 года он бывал у нас во 2-й кавалерийской дивизии как представитель компартии Германии, которая шефствовала над нами с 1926 года. Товарищ Пик знал о моем аресте и встретил меня с распростертыми объятиями. Пробыл я у него часа два. Естественно, наш разговор был о положении на фронте и о Германии; оба мы твердо верили в победу над гитлеризмом и строили предположения, как именно она осуществится. Он напомнил нашу последнюю встречу в 1936 году; тогда, поднимая бокал с вином, он сказал: “За встречу в свободном Берлине”.

— Несмотря на ваши большие неудачи, — сказал товарищ Пик, — я верю, что фашизм будет побежден и мы встретимся в свободном Берлине.

Поговорив со мной, Вильгельм Пик позвонил Л.З. Мехлису и сказал ему:

— После ранения приехал с фронта и зашел ко мне комбриг Горбатов, он много видел и, вероятно, больше, чем мне, может рассказать вам. Может быть, выкроите время и поговорите с ним?

Не опуская трубки, Пик спросил меня, где я остановился и передал мой адрес Мехлису (заместителю наркома обороны, начальнику Политуправления РККА, армейскому комиссару 1-го

ранга. — Н.Ч.).

Через сутки, в час ночи, в дверь моего номера в гостинице ЦДКА постучали, а когда я открыл ее, в номер вошел, как в ночь ареста в 1938 году, офицер НКВД и сообщил, что меня вызывает Мехлис и он может меня проводить к нему. Трудно описать мое состояние, когда я ехал в машине по пустым улицам ночной Москвы.

Увидев меня, Мехлис повышенным тоном спросил:

— Почему действуете в обход? Почему не обратились прямо ко мне?

Не дав мне времени ответить, присутствовавший здесь же Щаденко (заместитель наркома обороны по кадрам. — Н. Ч.) добавил:

— По-видимому, его мало поучили на Колыме.

Не ожидавший такой встречи, я на минуту растерялся, а потом доложил о своем давнишнем знакомстве с Вильгельмом Пиком. Отвечая на дополнительные вопросы, пересказал содержание нашего разговора. Рассказал и о том, что получил назначение в Омск. В обращении со мной Мехлиса и Щаденко все время чувствовалась угроза, а когда Мехлис, отпуская меня, отменил поездку в Омск и приказал положить на стол командировочное предписание, в моей голове был уже полный сумбур...»[178]

Самого худшего, что уже А.В. Горбатов испытал в 1938 г., не случилось, так как ему удалось попасть в состав группы командиров, отправляемой в распоряжение главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала С.К. Тимошенко, где он был назначен командиром 226-й стрелковой дивизии, расположенной недалеко от Харькова. Дивизия доукомплектовывалась личным составом и готовилась к новым сражениям. Она уже имела некоторый боевой опыт, понеся в предыдущих боях большие потери.

Фактически вновь сформированная 226-я стрелковая дивизия во второй половине октября 1941 г. вступила в бой с немцами севернее Харькова в составе 21-й армии. Общая же обстановка была неблагоприятной: советские войска оставили Харьков и частям дивизии А.В. Горбатова пришлось испытать горечь отступления по территории родной страны. В условиях осенней распутицы этот отход был исключительно тяжелым.

Вот что писал А.В. Горбатов в своем донесении: «Горючее полностью отсутствует, нет надежды на его подвоз колесным транспортом. По дороге г. Волчанск — ст. Бибиково-Новый брошено шоферами большое количество машин с грузом, принадлежащих 14-й кавдивизии. Кроме того, в г. Волчанске

оставлено без горючего много машин, даже танков, принадлежащих 3-й танковой бригаде, хотя ее части отошли восточнее»[179].

В этом донесении в штаб армии Александр Васильевич докладывал о вопиющих фактах, когда специальные команды подрывают мосты, не дождавшись перехода через них всех наших частей. А также о том, что подобные команды уничтожают тысячи тонн горючего, тогда как в то же время много исправных машин остается без бензина.

Анализ первых боев в обороне позволил А.В. Горбатову внести некоторые дополнения в тактику действий одиночного бойца, отделения и взвода. В своей книге он по этому поводу пишет, что «...в войну мы вступили с укоренившимися взглядами на прогрессивность групповой тактики, с распылением взвода почти по всему обороняемому району. Однако красноармейцы теряли при этом чувство локтя, не видели не только командира взвода, но порой и командира отделения, не слышали команд, то есть были неуправляемы. С тех пор, как я начал сознательно относиться к тактическим вопросам, я был всегда ярым противником такого расположения в обороне и считал его устаревшей системой. Такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал оборону, ничего не зная о своих, воображая, что “уже все отошли, я ушел последним”»[180].

Исходя из названных обстоятельств, комбриг Горбатов (он еще носил старое, довоенное звание. Генерал-майором Александр Васильевич станет только в конце декабря 1941 г.) требовал от подчиненных командиров не распылять взвод, располагать его на позиции в общей траншее, не более ста двадцати метров по фронту. Причем располагать так, чтобы командир видел своих подчиненных, а они — своего командира, чтобы он мог контролировать их действия и поведение. Среди других рекомендаций и требований командира дивизии А.В. Горбатова было и то, что он допускал наличие незанятых промежутков между взводами и ротами. Но в этом случае они, промежутки, обязательно должны были простреливаться управляемым огнем.

Как известно, А.В. Горбатов в годы Первой мировой войны несколько лет служил солдатом. Поэтому весьма интересны его наблюдения и выводы, касающиеся взаимоотношений командира и подчиненного на войне. Основные из них следующие:

«1. Каждое слово и поступок офицера солдаты обдумывают и оценивают, им важно знать настроение своего командира: как он сам-то, верит в успех боя или сомневается в нем? Солдата обмануть нельзя. Он умен и зорок. И путь к его сердцу найдет

лишь тот, кто не боится правды, кто умеет разговаривать с людьми откровенно и убежденно.

2. Солдаты должны убедиться, что командир о них думает, но под их настроение не подделывается, а говорит то, во что верит сам. Солдаты дерутся всегда гораздо лучше, если понимают обстановку и если верят в свои силы»[181].

Дивизией А.В. Горбатов командовал успешно. Его заслуги были отмечены орденом Красного Знамени. В июне 1942 г. Александр Васильевич сдал дивизию новому командиру, так как получил новое назначение — инспектором кавалерии штаба Юго-Западного направления. Исполняя эти обязанности, он в то же время выполнял отдельные поручения командующего фронтом. К тому времени обстановка под Сталинградом становилась все более сложной и опасной. При организации в сентябре 1942 г. Донского фронта А.В. Горбатов был назначен туда инспектором кавалерии. Но пробыл он в этой должности совсем немного, так как в октябре того же года принял должность заместителя командующего 24-й армией.

Надо заметать, что работа в качестве заместителя командира (начальника) любого ранга нисколько не удовлетворяла такую деятельную натуру, как А.В. Горбатов. Он привык, свыкся, сроднился с ролью командира, самостоятельно принимающего решения и несущего полную ответственность за его выполнение. Богатейший опыт деятельности командира-единоначальника (на полку, бригаде, дивизии) налагал свой отпечаток на содержание и методы работы А.В. Горбатова. Однако какое-то время Александру Васильевичу приходилось довольствоваться ролью заместителя командарма, в частности, в период Сталинградской битвы.

В своих воспоминаниях А.В. Горбатов пишет: «24-я армия оборонялась фронтом на юг, между Доном и Волгой, правым флангом упираясь в Дон, а левым примыкая к 66-й армии. Частными операциями мы отвлекали резервы противника от Сталинграда и тем самым облегчали положение 62-й армии, которая оборонялась в самом городе»[182]. Почти все свое время заместитель командарма проводил в дивизиях. Как он сам отмечает, «там вместе с командованием соединений мы совершенствовали оборону, готовили людей к активным действиям, думали, как лучше организовать частные операции, чтобы выполнить задачи с меньшими потерями...»[183].

После успешного завершения битвы на Волге последовало назначение А. В. Горбатова командиром 20-го гвардейского стрелкового корпуса. Тогда же (в апреле 1943 г.) ему было присвоено звание «генерал-лейтенант» На корпусе Александр

Васильевич пробыл всего несколько месяцев и в июне того же года получил под свое начало 3-ю армию, которая в то время оборонялась в районе Мценска. Армия входила в состав Брянского фронта, в командование которым совсем недавно вступил генерал-полковник М.М. Попов. Пройдет несколько недель, и Александр Васильевич Горбатов снова встретится со своим «доброжелателем» — Львом Захаровичем Мсхлисом, назначенным членом Военного совета Брянского фронта.

3-я армия являлась одним из старейших объединений Красной Армии. Она была сформирована еще до войны (в сентябре 1939 г.) в составе Белорусского Особого военного округа на базе Витебской армейской группы войск. В начальном периоде Великой Отечественной войны армия в составе Западного фронта вела тяжелые оборонительные бои в районе Гродно, Лида, Новогрудок. В конце июня 1941 г. войска армии оказались в окружении. С тяжелыми боями большая часть армии сумела вырваться. Другие же ее части остались в тылу противника, где вели партизанские действия. В последующем войска армии участвовали в Смоленском сражении, в Орловско-Брянской оборонительной операции.

С переходом войск Красной Армии в контрнаступление под Москвой 3-я армия участвовала в Елецкой операции и освобождении г. Ефремов. Продолжая развивать наступление, армия к концу декабря 1941 г. вышла на правый берег р. Зуша, восточное Орла, где и перешла к обороне. На этом рубеже генерал-лейтенант А.В. Горбатов и принял армию в июне 1943 года. Он же явился и ее последним командующим. Его предшественниками на посту командарма были генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, генерал-майор Я.Г. Крейзер, генерал-лейтенант П.С. Пшенников, генерал-лейтенант П.И. Батов, генерал-майор Ф.Ф. Жмаченко, генерал-лейтенант П.П. Корзун.

3-я армия занимает в жизни и деятельности А.В. Горбатова особое место. Командуя ее войсками, Александр Васильевич утвердился как опытный, умелый военачальник, умеющий организовать и провести не только оборонительную, но и наступательную операцию. Его высоко ценили командующие фронтами, под чьим руководством он воевал. Его уважали подчиненные — за умение по справедливости оценить труд того или иного человека, воздать ему должное по заслугам. Недаром же ближайшие его помощники не хотели никуда уходить из армии, просили не переводить их в другие объединения. Это прежде всего относится к начальнику штаба армии генерал-лейтенанту М. В. Ивашечкину и члену Военного совета генерал-лейтенанту И,П. Коннову (оба в армии были с весны 1942 г. и до

конца войны).

Вполне определенно можно сказать, что с аппаратом управления и штаба армии Александру Васильевичу повезло. Боевой подготовкой войск руководил заместитель командарма генерал-лейтенант П.П. Собенников — опытный и знающий командир. Начало войны он встретил в должности командующего 8-й армией Северо-Западного фронта, принявшей на себя первый удар превосходящих сил противника. Результаты начального периода войны всем хорошо известны. За неудачи этого периода были сурово наказаны ряд военачальников, среди которых был и П.П. Собенников. Он был смещен с занимаемой должности и понижен, пробыв все годы войны в заместителях командарма. Однако личная обида не мешала Петру Петровичу Собенникову быть надежным помощником А.В. Горбатова.

Особо следует сказать о начальнике штаба армии М.В. Ивашечкине. Все, кто находился с ним рядом, утверждали, что это человек с высокими волевыми и прекрасными душевными качествами. Макар Васильевич Ивашечкин обладал исключительной работоспособностью. Он никогда ни на кого не повышал голоса, был доброжелателен и улыбчив, уважал и ценил своих подчиненных. И те отвечали ему взаимностью. Опытный штабной работник, М.В. Ивашечкин войну встретил в должности начальника штаба 45-го стрелкового корпуса 13-й армии. До середины 1942 г. он возглавлял оперативное управление штаба Брянского фронта. Большой военный и жизненный опыт позволил М.В. Ивашечкину в кратчайшие сроки сколотить штаб 3-й армии, прекрасно ориентироваться в сложной боевой обстановке, умело организовывать работу штаба.

Оперативный отдел штаба армии возглавлял полковник А.В. Владимирский. Он был трудолюбив, грамотен, обладал хорошими организаторскими способностями. Промахи и ошибки своих подчиненных, особенно молодых операторов, как правило, брал на себя. Несколько позже он был выдвинут на должность начальника штаба другой армии. К слову сказать, когда после войны А.В. Горбатов командовал Прибалтайским военным округом, он попросил назначить к нему начальником штаба генерала А.В. Владимирского.

Начальником тыла армии был генерал М.П. Еремин. Отделы штаба и полевого управления 3-й армии возглавляли: артиллерии — генерал-майор С.П. Иорданский, бронетанковых войск — полковник В.А. Опарин, инженерных войск — полковник В.А. Жилин. Разведотделом руководил полковник Н.Г. Туманян.

О том, как в полевом управлении 3-й армии восприняли весть о назначении к ним нового командарма (А.В. Горбатова),

рассказывает бывший старший помощник начальника оперативного отдела штаба армии полковник в отставке С.П. Цыр-фа: «Командный пункт армии перебрался в деревню Ержино, что на левом фланге, откуда предусматривался ввод ударной группировки в сражение из-за правого фланга 63-й армии. Напряженность с каждым днем возрастала. День начала (день “Ч”) никому не был известен. Все зависело от развития событий южнее — на Курской дуге.

И вдруг прошел слух — к нам едет новый командарм. Все в полевом управлении восприняли этот слух с недоверием, тем более, что веских причин для смены руководства армии в такой ответственный момент не было. И посещение буквально за несколько дней до этого высоких гостей в лице Василевского (начальника Генерального штаба. — Н.Ч.) и Попова (М.М. Попова — командующего Брянским фронтом. — Н.Ч.), их положительная оценка работы командарма тому подтверждение.

И тем не менее слух подтвердился. В конце июня в сопровождении первого заместителя командующего фронтом генерала И.И. Федюнинского на КП армии въехал кортеж автомашин с новым командующим 3-й армией. Им оказался генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов.

Командарм-загадка. Кто он и откуда прибыл к нам? Как поведет себя с незнакомыми ему людьми? Ведь с прежним командующим мы работали, как говорится, душа в душу, понимали его с полуслова. Для нас он был как отец родной. А какой будет новый?

С первого взгляда новый командарм настораживал: в противоположность своему предшественнику, по росту был высок, лицо хмурое, худое, с цепким взглядом, угловатое, не очень расположенное к улыбке, осанка стройная — кавалерийская, возраст — за пятьдесят.

После официального представления нового командующего генерал Федюнинский отбыл по своим делам, и Горбатов остался один на один со своими незнакомыми помощниками. Теперь каждая из сторон гадала, как сложатся отношения в такой ответственный для армии период, быстро ли установился взаимопонимание. Ведь времени на раздумья не было. При этом вряд ли новый командарм осмелится производить какие-либо кадровые изменения в полевом управлении. До начала операции оставалось две недели.

К сожалению, Горбатов в своих воспоминаниях “Годы и войны” этого события не коснулся, как будто для него оно было обычным явлением, не имевшим никакого значения. А ведь очень интересно, что чувствует и как переживает такие ситуации

военачальник. Горбатов в этой части промолчал. Он не стал открывать своих чувств и переживаний, хотя, наверное, они у него были...

Должен отметить, что определенная настороженность по отношению к своим помощникам, да и к армии у Горбатова просматривалась. Тем более, он не мог не учитывать напутствие командующего фронтом, что “войска армии врылись в землю, засиделись в обороне, в прошлом провели ряд неудачных наступательных операций... и что нужна работа и работа и с генералами и с солдатами”.

Такой упрек командующего фронтом был некорректным и обиден для армии. Мы засиделись в обороне не по своей вине, а по стратегической необходимости, прочно прикрывая направление Орел—Тула»[184].

Горбатов прибыл в армию тогда, когда она готовилась наступать на орловском направлении. Надо было срочно включаться в работу, ибо до начала наступления оставалось всего пятнадцать суток. И новый командарм-3 сразу же включился в общий ритм работы. Общий замысел операции выглядел следующим образом. 3-й армии в составе Брянского фронта отводилась своеобразная роль: она половиной своих сил должна была (первоначально) обороняться, а другой половиной (тремя дивизиями), следуя за 63-й армией генерала В.Я. Кол-пакчи, наступавшей с плацдарма в направлении г. Орел, продвигаться за ней уступом вправо, обеспечивая ее правый фланг, сворачивая перед собой боевые порядки противника также вправо[185].

В первых числах июля 1943 г. на Брянский фронт прибыл представитель Ставки — Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Он провел совещание руководящего состава армий фронта на КП 63-й армии, где каждому командарму была дана возможность высказаться. Предоставили слово и командарму-3 А.В. Горбатову: «Докладывая о готовности своей армии, я попросил разрешения высказать свое мнение о предстоящей операции. У меня возникло сомнение: удастся ли одной 63-й армии прорвать вражескую оборону? Немцы орловскому выступу придают большое значение. Само собой разумеется, что они участок против нашего плацдарма укрепили особенно сильно (ведь для того и плацдарм, чтобы с него наступать!).

— Я вношу предложение отвести нашей 3-й армии самостоятельный участок для прорыва. Причем прорывать оборону противника будем с форсированием реки в районе Измайлово и Вяжи. Отвлекая внимание противника, заходя к нему в тыл, мы поможем 63-й армии, облегчим ей выполнение задачи.

Развивая дальше свою мысль, я выразил уверенность, что если нам удастся прорыв обороны противника, то танковый корпус и армию лучше будет ввести в нашей полосе — здесь будет меньше противотанковых препятствий, чем на участке плацдарма.

Сначала Г.К. Жуков отнесся с недоверием к моим предложениям. А относительно ввода в полосе нашей армии танковых соединений даже заметил с усмешкой:

— Вы, товарищ Горбатов, все хотите действовать по-кавалерийски, налетом, шапками закидать противника.

Но, подумав немного, сказал:

— Пожалуй, было бы неплохо, если бы все получилось, как вы предлагаете. Но планирование уже закончено, а до наступления осталось мало времени, и ваша армия не успеет изготовиться.

Я заверил, что успеем. Меня поддержал командующий фронтом. После этого Жуков согласился и передал нам одну из трех артиллерийских дивизий, отобрав ее у 63-й армии»[186].

Начавшееся наступление внесло свои коррективы в первоначальные планы. Как и предлагал А.В. Горбатов, 1-й танковый корпус пришлось вводить не в полосе 63-й армии, а в 3-й, притом с форсированием реки. Если овладение г. Орел раньше было задачей 63-й армии, то теперь задача целиком возлагалась на армию Горбатова. Для взятия этого города по решению командарма была создана ударная группировка. При этом А.В. Горбатов всемерно поощрял инициативные предложения командиров корпусов и дивизий, способствующие выполнению поставленной задачи при меньших потерях и материальных затратах.

3-я армия успешно наступала. 21 июля 342-я стрелковая дивизия освободила г. Мценск. Был захвачен ряд плацдармов на р. Ока. В этих боях погиб командир 308-й стрелковой дивизии генерал-майор Л.Н. Гуртьев. Военный совет армии обратился ко всем солдатам и офицерам с воззванием, в котором говорилось: «Бойцы и командиры! На ваших глазах гитлеровские бандиты уничтожают город Орел. Вы находитесь в 6—10 километрах от него. 2—3 часа быстрого наступления не только сохранят вас от лишних потерь, но и не позволят врагу окончательно разрушить родной город. Вперед, на скорейшее его освобождение!»

4 августа 380-я стрелковая дивизия и 17-я танковая бригада ворвались в восточную часть города. 308-я дивизия, переправившись через Оку, с боем захватила северные кварталы, а ударная группировка армии охватывала город с северо-запада. С юга на Орел наступали части 5-й и 169-й стрелковых дивизий. Вскоре Орел был полностью очищен от гитлеровцев. В честь

освобождения Орла и Белгорода в Москве был дан первый победный салют. Это значит, что данный салют прозвучал и в честь победы, одержанной войсками 3-й армии, руководимой генерал-лейтенантом А.В. Горбатовым. Нескольким ее дивизиям, а именно 5-й, 169-й и 380-й было присвоено почетное наименование Орловских.

Отходя, гитлеровские войска сжигали населенные пункты и созревшие хлеба, разрушали мосты и дороги. Каждый железнодорожный рельс подрывался, чтобы его невозможно было использовать. Дивизиями армии были отбиты у противника более тридцати тысяч советских людей, которых специальные команды конвоировали на запад, в Германию.

В годы войны бывшие заключенные тюрем и лагерей НКВД продолжали «отмывать» свои грехи. Казалось бы, просто нелепо было на втором и третьем году кровопролитной войны военачальникам, носившим генеральские знаки различия, отмеченным высшими государственными наградами, напоминать о черной странице их жизни, притом случившейся не по их вине. Повторяю, просто нелепо было об этом и думать, не то чтобы о том говорить. Однако факт, что некоторые высшие должностные лица из числа армейского руководства довольно длительное время продолжали подозрительно относиться к делам и поведению командиров и политработников, побывавших в структурных подразделениях НКВД. К числу таких руководителей относился Л.З. Мехлис, исполнявший до мая 1942 г. должность начальника Главного Политического управления Красной Армии. Летом 1943 г. он был членом Военного совета Брянского фронта, куда входила и третья армия под командованием А.В. Горбатова.

Из воспоминаний генерала армии А.В. Горбатова: «...Мехлис, по-видимому, принадлежал к числу тех, кто имеют слишком цепкую память и с великим трудом меняют свое мнение о людях. Я не сомневался, что он хорошо помнил грубый разговор со мной у него в кабинете в Москве, после моей встречи с Вильгельмом Пиком, помнил и то, как он отобрал у меня предписание на выезд для формирования конницы. После того разговора я не спал несколько ночей, ожидая повторения случившегося в 1938 году и был очень рад, что меня забрал к себе на юг С.К. Тимошенко.

При каждой встрече со мной вплоть до освобождения Орла Мехлис не пропускал случая задать мне какой-нибудь вопрос, от которого можно было бы стать в тупик. Я отвечал просто и, вероятно, не всегда так, как ему хотелось. Однако заметно было, что он, хотя и с трудом, изменяет к лучшему свое прежнее отношение ко мне. Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал:

— Я долго присматривался к вам и должен сказать, что вы

мне нравитесь как командарм и как коммунист. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил. Теперь вижу, что был не прав.

Поблагодарив за откровенность, я сказал:

— Не скрою и я от вас, что вы тогда, в Москве, мне очень не понравились, я пережил много неприятных часов. Видел также, как настороженно вы встретили меня на фронте. Но я привык прежде всего думать о деле. Очень рад тому, что вы только что мне сказали.

После этого разговора Л.З. Мехлис стал чаще бывать у нас в армии, задерживался за чаепитием и даже говорил мне и моей жене комплименты, что было совершенно не в его обычае. Он был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, — вот почему его энергия не всегда приносила хорошие результаты. Характерно, что он никогда не поручал писать кому-либо шифровки, и писал их только сам, своим оригинальным почерком»[187].

После битвы за Орел были и другие наступательные операции, в которых 3-я армия, умело руководимая А.В. Горбатовым, вписывала все новые и новые страницы в боевую летопись Красной Армии, освобождая территорию родной страны от фашистской нечисти. Только перечисление названий стратегических наступательных операций, в которых принимала участие 3-я армия, впечатляет: Брянская, Гомельско-Ре-чицкая, Рогачевско-Жлобинская, Бобруйская, Минская, Бе-лостокская. Только в последних трех операциях войска, руководимые А.В. Горбатовым, прошли с боями свыше 600 км. После выхода к реке Нарев армия заняла оборону на рубеже Остроленка—Ружаны.

По заслугам были и награды. Только за Бобруйскую операцию более тридцати трех тысяч солдат, сержантов и офицеров 3-й армии были награждены орденами и медалями. Все ее дивизии стали Краснознаменными, некоторые из них были удостоены орденов Суворова и Кутузова. Войска армии получили пять благодарностей Верховного Главнокомандующего.

В январе 1945 г. в ходе Млавско-Эльбингской операции (на территории Польши) войска 3-й армии наступали в составе ударной группировки фронта с ружанского плацдарма в направлении Вилленберг, Мельзак. Командующий фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский высоко оценивал боевые дела 3-й армии и ее командарма генерал-полковника А.В. Горбатова. В своих воспоминаниях он (Рокоссовский), описывая боевые действия 2-го Белорусского фронта на территории

Полыни в январе 1945 г., свидетельствует:

«...Против 3-й армии гитлеровцы, стянув в течение ночи большие силы, перешли в наступление, введя в бой части танковой дивизии “Великая Германия” и новые пехотные части, поддержанные мощным артиллерийским и минометным огнем. А.В. Горбатову выпала тяжелая доля отразить удары имеющимися у него силами. А направление это было очень важно и для нас и для противника. Если бы враг прорвался здесь, он вышел бы во фланг и тыл всей ударной группировке войск фронта. Вот почему немцы так яростно обрушились на войска 3-й армии. Нужно воздать должное ее бойцам и командирам: они сражались доблестно и отражали все попытки врага прорваться через их боевые порядки. В этих боях Александр Васильевич Горбатов во всем блеске проявил свое искусство руководить войсками, а его подчиненные — высокое боевое умение и упорство...

Настал третий день операции. 3-я армия продолжала отражать удары гитлеровцев, стремившихся во что бы то ни стало добиться своей цели на этом направлении. Улучшившаяся со второй половины дня 16 января погода позволила подняться нашей авиации, которая своими ударами с воздуха крепко помогла армии в отражении вражеских атак. Ввод части сил 49-й армии между 50-й и 3-й армиями вообще улучшил положение на этом участке фронта, создав условия для продолжения наступления войск А.В. Горбатова, которые к вечеру продвинулись до 5 километров, блестяще выполнив свою задачу»[188].

20 января 1945 г., когда войска 2-го Белорусского фронта уже подходили к Висле и готовились форсировать ее с ходу, Ставка приказала основные его силы повернуть на север и принять участие в разгроме восточно-прусской группировки врага. Войска 3-й армии, преследуя противника, 20 января пересекли польскую границу и вступили на территорию Восточной Пруссии. Здесь они с боем преодолели сильно укрепленный рубеж, построенный еще задолго до войны. Наступление дивизий 3-й армии было столь стремительным, что немцы по-настоящему так и не смогли использовать этот рубеж.

10 февраля 1945 г. 3-я армия вошла в состав 3-го Белорусского фронта, т.е. она вышла из подчинения К.К. Рокоссовскому. Маршал с сожалением расставался с этим крепким, надежным объединением и его командующим А.В. Горбатовым. Оценивая большие заслуги Александра Васильевича, Военный совет 2-го Белорусского фронта решил представить его к ордену Суворова 1-й степени. В представлении А.В. Горбатова к этому высокому ордену говорилось:

«В подготовке операции по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу р. Нарев на фронте: Понекевка, Дуже, Домбровка и вступлении войск в Восточную Пруссию гв. генерал-полковник Горбатов лично провел ряд практических занятий на реальной местности и дал указания командирам корпусов, дивизий, полков, а на главном направлении и командирам батальонов, как методически прорывать оборону противника и как наращивать последовательные удары в период наступления.

В ходе наступления войска гв. генерал-полковника Горбатова, действуя на правом фланге ударной группировки войск фронта, стремительным ударом в первый день наступления прорвали оборону противника на всю ее тактическую глубину и продвинулись на 7—10 км. На второй день операции противник силами вновь введенной танковой дивизии “Великая Германия” в содействии с другими частями нанес удар по выдвинувшейся вперед группировке войск армии. В этот критический момент генерал-полковник Горбатов, лично находясь в боевых порядках частей 35 и 41 ск, проявляя смелость и решительность, отразил все контратаки противника и этим самым обеспечил развитие успеха главной группировки войск фронта.

Войска 3 армии под командованием гв. генерал-полковника Горбатова прорвали и второй сильно укрепленный оборонительный рубеж противника на р. Ожиц и развивая наступление смелыми обходными действиями с ходу взламывали промежуточные оборонительные рубежи его, стремительно преследуя, вступили на территорию Восточной Пруссии.

В ходе операции войска армии заняли города: Красно-сельц, Еднорожец, Хожеле, Яново, Вилленберг, Ортенбург, Еддабно, Пассенхайм, Алленштайн.

С 4 января по 10 февраля с.г. войска армии нанесли противнику следующий урон в живой силе и технике: уничтожено солдат и офицеров — 23 918, танков и самоходных орудий — 208, орудий разного калибра — свыше 300, складов с боеприпасами — 14, захватили: солдат и офицеров — 2258, танков и самоходных орудий — 79, орудий разного калибра — 198, складов разных — 93, вагонов и платформ — 1890, паровозов — 83, много другого военного имущества, продовольствия и техники противника. Войска армии с напряженными боями прошли 168 км и очистили от войск противника территорию в 3600 кв. км.

Гвардии генерал-полковник Горбатов на протяжении всего наступательного периода постоянно выезжал в войска, контролировал выполнение поставленных задач и анализируя обстановку, быстро и решительно вводил в действие свои резервы

для наращивания ударов по развитию наступления.

За хорошо подготовленную, умело и успешно выполненную боевую операцию гвардии генерал-полковник Горбатов достоин награждения орденом Суворова 1 ст.

Командующий войсками 2 Белорусского фронта
Маршал Советского Союза
(Рокоссовский)
Член Военного совета 2 Белорусского фронта
генерал-лейтенант (Н. Субботин) 16 февраля 1945 г.»[189].

В «верхах» изменили степень награды — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. А.В. Горбатову было присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени он уже имел следующие государственные награды: ордена Ленина, Красного Знамени (три), Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, Красной Звезды.

В марте 1945 г. 3-я армия приняла участие в ликвидации восточно-прусской группировки противника юго-западнее Кенигсберга. В начале апреля армия была выведена в резерв фронта и была передислоцирована в район юго-восточнее Кюстрина. 16 апреля она была включена в состав 1-го Белорусского фронта и вместе с его другими армиями участвовала в Берлинской операции, закончив боевые действия 8 мая с выходом к р. Эльба северо-восточнее Магдебурга.

А вечером 9 мая 1945 г. офицеры штаба армии отмечали День Победы коллективным ужином. Такие же торжества проводились, безусловно, в каждой дивизии, в каждой полку. В этот вечер Александр Васильевич нарушил одну из своих заповедей, которым он следовал всю свою жизнь. А вообще А.В. Горбатов был удивительный, нравственно цельный и чистый человек. Еще в 1907 г. он дал клятвенное обещание никогда не курить, не пить спиртного и не сквернословить. И этой клятвы Александр Васильевич старался придерживаться, несмотря на тяжесть испытаний Первой мировой и Гражданской войн, периода нахождения в тюрьмах и лагерях НКВД, боев и сражений Великой Отечественной войны.

В своих воспоминаниях А.В. Горбатов пишет: «…Всю мою жизнь ко мне приставали, принуждая меня выпить, особенно во время войны. Однажды я имел неосторожность сказать: “Вот когда добьемся победы, тогда и выпью”. Я об этом позабыл, но мои товарищи не забыли и в этот вечер всем коллективом потребовали от меня выполнения слова. Мы сидели в цветущем саду одного из красивейших особняков Брандер-бург-Вест. И в тот вечер я нарушил один из трех своих обетов.

Все встали, держа в руках наполненные бокалы.

— За полную, совершенную победу, за всех вас, за ваше здоровье и счастье, дорогие мои друзья, — сказал я и выпил до дна первую за всю мою жизнь рюмку красного вина»[190].

С 10 мая 1945 г. части армии приступили к службе охранения по берегу Эльбы.

После трагической гибели в июне 1945 г. первого коменданта Берлина генерал-полковника Н.Э. Берзарина Александру Васильевичу Горбатову было предложено принять этот пост. Армию он сдал начальнику штаба генерал-лейтенанту М.В. Ивашечкину.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал: «Командуя во время Берлинской операции войсками 3-й армии, он (Горбатов. — Н.Ч.) блестяще справился с задачей разгрома немецких войск, окруженных юго-восточнее Берлина. Как комендант Берлина, Александр Васильевич проявил себя выдающимся организатором и сделал все возможное, чтобы активно продолжить работу по восстановлению нормальной жизни трудового немецкого народа»[191].

Обязанности коменданта советского сектора Берлина были многообразны. Как вспоминает А.В. Горбатов, «...было взято на учет продовольствие, составлены списки остро нуждающихся в нем; налаживалось и ремонтировалось самое необходимое для нормальной жизни города: электроосвещение, бани, лечебницы, городской транспорт; расчищались от обломков улицы и т.п.».

Затем А.В. Горбатов исполнял обязанности начальника провинций Мекленбург и Западная Померания. Ему пришлось заниматься охраной демаркационной линии, обеспечивать работу предприятий, производящих предметы народного потребления, обеспечивать сельскохозяйственные работы на всех площадях и рыбную ловлю, восстанавливать торговлю, разъяснять немецкому населению политику СССР в германском вопросе, обеспечивать соблюдение законности в провинции и т.п. Всеми этими вопросами Александр Васильевич занимался до осени 1946 г., когда его назначили командующим армией, дислоцированной на территории Советского Союза. В 1946 г. и в 1950 г. А.В. Горбатов избирался депутатом Верховного Совета СССР.

В 1950—1954 гг. генерал-полковник А.В. Горбатов был командующим воздушно-десантными войсками (ВДВ), а с 1954 г. командовал Прибалтийским военным округом. В 1955 г. ему было присвоено воинское звание «генерал армии». С 1958 г. он находился в группе генеральных инспекторов («райская группа»). В 1952—1961 гг. Александр Васильевич избирался кандидатом в члены ЦК КПСС.

После выхода в свет первого издания его воспоминаний

«Годы и войны» Александр Васильевич стал получать много писем-откликов. Писали его сослуживцы по 3-й армии, пионеры и комсомольцы из разных сел и городов, писали и бывшие заключенные колымских лагерей. Интересны заметки бывшего корреспондента газеты 3-й армии «Боевое знамя» капитана в отставке М.Е. Аметистова, побывавшего в гостях у генерала армии А.В. Горбатова во второй половине 1960-х годов.

Разговор собеседников касался различных тем, в том числе и реакции читателей на книгу «Годы и войны». Среди других откликов А.В. Горбатов дал М.Е. Аметистову прочитать и письмо из Магадана. Написал его инженер Кирилишин:

«Вы, конечно, помните “колымскую инвалидку”. Там мне довелось встретиться с вами. С тех пор минуло почти четверть века, и вы, наверное, забыли меня. Попытайтесь же восстановить в памяти образ печального “доходяги” 23-х лет, плохо, очень плохо видевшего, одетого зимой и летом в рваный, прожженный бушлат... Как-то нес я бак с кипятком, в силу слепоты споткнулся и облил кого-то. На меня набросились с бранью, ротный дал пинка, и только вы заступились... Я рассказал вам, что без очков ничего не вижу, а их растоптал еще в тюрьме следователь. И вы достали мне очки у какого-то уголовника, выменяли их, наверное, на пайку хлеба... Я принес вам свой паек, а вы не взяли его... Много лет прошло с тех пор, а очки эти со мной. Они в тяжелые дни спасли мне жизнь. Такое забыть нельзя...»[192]

Умер А.В. Горбатов в Москве 7 декабря 1973 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Освобожденный в мае 1939 г. комбриг Галицкий Кузьма Никитович в июле того же года был зачислен в распоряжение Управления по комначсоставу РККА. Несколько месяцев спустя началась Советско-финляндская война, первый период которой был весьма неудачен для частей Красной Армии. Ее войска несли неоправданные потери личного состава и боевой техники. Не отличалась от остальных в этом отношении и 24-я стрелковая дивизия. После гибели в конце декабря 1939 г. ее командира комбрига П.Е. Вещева дивизию возглавил К.Н. Галицкий.

24-я Самаро-Ульяновская Железная стрелковая дивизия входила в число старейших соединений Красной Армии. Сформированная в 1918 г., она прошла славный боевой путь. В годы Гражданской войны дивизия освобождала от белогвардейцев города: Симбирск — родину В.И. Ленина, Сызрань, Самару, Бугуруслан, Бузулук. Одной из первых в РККА она была награждена Почетным Революционным Красным Знаменем. В составе 1-й и 5-й армий дивизия участвовала в Уфимской, Златоустовской, Челябинской, Актюбинской операциях. В войне с

Польшей 24-я дивизия участвовала в Киевской, Но-воград-Волынской, Ровенской, Львовской операциях. В честь 10-летия РККА она была награждена вторым Почетным Революционным Красным Знаменем, а в ознаменование 15-летия Красной Армии — орденом Красного Знамени.

Из рядов 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизии вышли видные военачальники Красной Армии: Г.Д. Гай — первый начальник дивизии; М.Д. Великанов — командующий войсками ряда военных округов, командарм 2-го ранга; А.И. Седякин — заместитель начальника Генерального штаба РККА, командарм 2-го ранга; М.А. Пуркаев — командующий рядом фронтов в годы Великой Отечественной войны, и др.

Обладавший опытом Гражданской войны в должности командира взвода, роты, батальона, помощника начальника штаба стрелковой бригады, получивший высшее военное образование в стенах Военной академии имени М.В. Фрунзе, К.Н. Галицкий сумел в короткий срок врасти в боевую обстановку. Приняв дивизию, он тщательно проанализировал ее положение и ход боевых действий входивших в нее частей. Проводя эту работу, Кузьма Никитович не стеснялся учиться у подчиненных по тем вопросам, которые он еще слабо знал. В то же время Галицкий жестко требовал от командиров частей проявления инициативы и творчества при выполнении боевой задачи. В частности, он обратил их внимание на необходимость умелого использования в лесисто-болотистой местности мелких групп и подразделений, на совершенствование тактики их действий. Командир дивизии потребовал шире применять тактику обхода и охвата, т.е. бить врага его же приемами.

В историю дивизии вошел яркий пример обходного маневра, осуществленного под руководством К.Н. Галицкого в ходе прорыва главной полосы обороны «линии Маннергейма» во второй половине февраля 1940 г. Дело было так: финны закрепились на заранее подготовленных позициях тактических резервов и оказывали сильное огневое сопротивление. 23 февраля 1940 г. наступление Железной дивизии приостановилось. Полки залегли северо-восточнее и юго-восточнее станции Лейпяусо. Разведка установила слабое место в обороне противника. Оно находилось за правым флангом, вне полосы наступления дивизии, в северо-западной части побережья озера Муолан-Ярва (Глубокое), шириной до 6 км. Здесь располагались только мелкие подразделения боевого охранения. В середине озера находился небольшой остров Сурри-Саари (Бол. Стерегущий).

По решению командира дивизии комбрига К.Н. Галицкого в ночь на 24 февраля 168-й стрелковый полк в полосе наступления

соединения предпринял неоднократные атаки на нескольких участках. В это время другие полки вышли из боя и сосредоточились в тылу 168-го полка.

В туманную ночь на 25 февраля 1940 г. передовые отряды 7-го и 274-го полков, двигаясь на северо-восток, вышли из полосы дивизии, перешли по льду на остров Сурри-Саари, от которого до берега в сторону противника простиралось двухкилометровое ледяное пространство, покрытое мокрым снегом. На рассвете, соблюдая все меры маскировки, они вышли на берег озера. Вскоре сюда прибыли главные силы дивизии и после короткого боя овладели хуторами... Таким образом, Железная дивизия, совершив обходный маневр через озеро, вышла в тыл основной группировке противника, которая в течение дневного боя была разгромлена. В результате создались условия для развития наступления на Вийпури (Выборг)[193].

Под контролем К.Н. Галицкого передовой боевой опыт отдельных бойцов и подразделений становился достоянием всего личного состава дивизии. Так, проводились показные занятия по методике преодоления минных полей, борьбы со снайперами —«кукушками», по уничтожению дотов, дзотов и других огневых точек и заграждений. Постепенно росла боевая выучка подразделений, красноармейцы и командиры приобретали необходимые навыки ведения современного боя.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля 1940 г. 34-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Этот орден стал уже вторым на ее знамени, и дивизия получила право именоваться дважды краснознаменной. Многие ее бойцы и командиры были удостоены орденов и медалей, а шесть из них стали Героями Советского Союза.

Самаро-Ульяновская Железная дивизия под командованием генерал-майора К.Н. Галицкого (это звание Кузьме Никитовичу было присвоено в июне 1940 г.) 25 июня 1941 г. вступила в бой с немецко-фашистскими захватчиками. Произошло это в Белоруссии, севернее г. Лида. Первый бой с немцами Кузьма Никитович и его подчиненные выиграли, тем более что это была встреча с 19-й танковой дивизией гитлеровцев. «На поле боя, — вспоминал генерал К.Н. Галицкий, — осталось догорать около трех десятков немецких танков... За ними застыли остовы более 50 сгоревших автомашин, на которых еще несколько часов назад двигалась вражеская пехота. Картину дополняли десятки разбросанных по полю разбитых вражеских мотоциклов... Первый боевой успех воодушевил бойцов и командиров. Десятки

сгоревших немецких танков и автомашин явились лучшей аттестацией силе оружия и боевой техники дивизии, мужеству и боевому мастерству ее бойцов и командиров...»[194]

До 29 июня дивизия удерживала занимаемый рубеж. Однако к этому времени часть сил Западного фронта, в том числе и 24-я стрелковая дивизия, оказалась в окружении. Вместе с частями 21-го стрелкового корпуса дивизия стала отступать на восток, но отступать организованно. Собрав на совещание руководящий состав частей, К.Н. Галицкий объявил свое решение.

— Мы будем с боями отходить в сторону фронта, на соединение с Красной Армией. Переходим на положение части, воюющей в тылу врага. Об этом нужно прямо и открыто сказать сейчас же всем бойцам. Отныне мы будем действовать партизанскими методами, вредить фашистам, не давать им покоя ни днем, ни ночью, изматывать и бить нещадно. Никакой паники!.. 29 июня продолжать удерживать занимаемые позиции, вести огонь, скрытно готовясь к отходу. Отход на восток начать в час ночи 30 июня[195].

Напоминая подчиненным командирам о тактике действий в тылу врага, К.Н. Галицкий выделил главные моменты, как то: 1) все передвижения осуществлять только в ночное время, день же использовать для укрытия частей, их тылов в лесах, а также для отдыха, приведения подразделений в порядок, для ведения разведки; 2) в тех случаях, когда немцы будут навязывать бой или возникнет угрожающее положение, необходимо принять все меры для того, чтобы отвести основные силы и тылы из-под удара. Если же это окажется невозможным, то смелыми и решительными действиями пробивать брешь в боевых порядках врага, организованно выводить подразделения и обозы в указанных направлениях.

Генерал Галицкий потребовал от командиров частей неуклонного выполнения правила: ввязался в бой с противником или расположился на отдых — немедленно донеси штабу дивизии и соседям, сообщив свои координаты. Связь между полками и со штабом дивизии должна была поддерживаться непрерывно с использованием броневиков, автомобилей, трофейных мотоциклов, по линии местной телефонной связи. В исключительных случаях Галицкий разрешил использовать радиостанции, применяя при этом кодовую таблицу.

Две недели длился поход дивизии по тылам противника. Дивизия, ведомая К.Н. Галицким, шла на восток, нанося удары по колоннам немцев, осуществляя диверсии на железных дорогах Слуцк—Осиповичи, Бобруйск—Октябрьский. Имела она, разумеется, и потери. Однако, как свидетельствует К.Н. Галицкий,

«в ходе боев в тылу врага численность дивизии держалась почти на одном уровне, так как постоянно пополнялась за счет крупных и мелких групп и даже одиночных бойцов и командиров, выходивших из окружения. Безграничная вера… в силу советского народа и нашей Красной Армии вела окруженные части по тылам врага на восток. Ими владела одна мысль — поскорее влиться опять в ряды Красной Армии и продолжать бить фашистов до полного их изгнания с советской земли»[196].

И дивизия вырвалась из окружения. 14 июля 1941 г. Сама-ро-Ульяновская Железная вышла в район населенных пунктов Озаричи, Карпиловка, (80 км севернее Мозыря), контролируемый войсками Красной Армии. Позади остались почти 500-километровый путь по тылам врага, тяжелые и кровопролитные бои с превосходящими силами противника.

День встречи со своими войсками навсегда остался в памяти Кузьмы Никитовича. Как, впрочем, и в памяти всех солдат и командиров дивизии. Впоследствии К.Н. Галицкий вспоминал: «Незабываемым остался в памяти тот волнующий момент, когда мы, вырвавшись из вражеского кольца, встретились с частями Красной Армии. Лица наших воинов, на которых оставили суровый след бои и тяготы борьбы в тылу противника, засветились счастьем, восторгом. Все обнимали друг друга, поздравляли с выходом из окружения. В воздух летели пилотки, каски. По рядам перекатывалось могучее “Ура!”»[197].

Организованный отход или выход из окружения — это не бегство с поля боя деморализованной массы солдат и их командиров. Этот вид боевой деятельности является одним из самых трудных. И Кузьма Никитович с такой задачей справился успешно. Подтверждением тому служит высокая оценка его организаторских качеств, воли и распорядительности со стороны высшего руководства. Будь это иначе, в центральном печатном органе партии — газете «Правда» — не появилась бы статья, озаглавленная «Великое искусство, помноженное на храбрость». В этой статье (передовой!), в частности, говорилось о 24-й стрелковой дивизии и ее командире К.Н. Галицком:

«Соединение, которым командует генерал-майор К.Н. Галицкий, одно из первых приняло на себя удар германских танковых колонн и отразило его… А когда немецкие танковые и моторизованные дивизии, прорвавшиеся на соседних участках, окружили наше соединение, генерал Галицкий… приказал пробиваться на восток. Дни и ночи шли храбрецы по лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, нападая с тыла на вражеские части и штабы. Когда бойцы израсходовали боеприпасы, они “перевооружились” отбитым

германским оружием. Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся врагу значительно большие потери, чем понес сам»[198].

Весь путь выхода 24-й стрелковой дивизии из окружения проделал с ней корреспондент газеты «Красная Звезда» старший политрук А. Поляков. Все это время он делал дневниковые записи. После выхода из окружения этот дневник был опубликован в «Красной Звезде», а затем вышел отдельным изданием (в 1941 г.) под названием «В тылу врага». Тогда же эта книга была переведена и издана в Лондоне с предисловием тогдашнего советского посла в Англии И.М. Майского.

Полномочный представитель Советского Союза писал: «Мы были свидетелями того, как во Франции, когда немцы окружали французские части, французские генералы не находили ничего лучшего, чем сдаваться. Когда в первые дни германского нашествия на СССР отряд генерал-майора Галицкого оказался в таком же затруднительном положении, немцы были в полной уверенности, что и русские немедленно сдадутся. Они не учитывали изобретательности, стойкости и храбрости бойцов Красной Армии».

Продолжая развивать дальше эту мысль, И.М. Майский отметил: «...три важных фактора, могущих сыграть важную роль в разрушении даже тщательно разработанных планов механизированной армии Гитлера... Это, во-первых, быстрое приспособление регулярной части к методам действий партизанской войны; дробление крупного отряда на небольшие подвижные части, способные действовать самостоятельно. Огромную роль, во-вторых, играет моральное состояние людей. Когда бойцы Галицкого узнали, что они отрезаны, они не поддались панике и не потеряли мужества. Во время всего их долгого и опасного пути через тыл врага, они сохраняли строжайшую дисциплину и железную решимость не сдаваться. Последним, однако, отнюдь не маловажным, фактором, является тесная связь красноармейцев с населением районов, через которые они шли. Где бы они ни проходили, старики, женщины и дети помогали им повсюду и это как нельзя лучше показывает, как велика солидарность армии и народа в борьбе против фашистских захватчиков»[199].

Радость встречи со своими войсками тогда, в июле 1941 г., омрачалась тем, что дивизия К.Н. Галицкого вышла из окружения без Боевого Знамени. Это знамя находилось на попечении знаменного отряда под командованием инструктора отдела политической пропаганды дивизии старшего политрука А.В. Барбашева. В конце июня этот отряд оказался отрезанным от

штаба дивизии и других ее частей и по этой причине был вынужден действовать самостоятельно. Пробиваясь к своим войскам, старший политрук Барбашев. хранивший знамя, от полученных ран скончался. А знамя, обнаруженное при нем, с риском для жизни прятали местные жители до прихода частей Красной Армии.

Выхода из окружения отряда А.В. Барбашева ждала вся дивизия. В преданности Родине и военной присяге бойцов отряда никто не сомневался, и все надеялись на скорую встречу со своим Боевым Знаменем. Видимо, только поэтому 24-я стрелковая дивизия не была расформирована, как соединение (часть), утерявшее Боевое Знамя. Во второй половине июля 1941 года по приказу главнокомандующего войсками Западного направления дивизия была пополнена личным составом и вооружением и продолжала воевать с фашистами.

Содержание истории с Боевым Знаменем дивизии многие годы преподносилось искаженно. Некоторые журналисты, не зная доподлинно все детали и подробности этого факта, писали о том, что Самаро-Ульяновская Железная дивизия была расформирована за утерю знамени. На самом же деле все эти слухи являлись неправдой, а дивизия, пополненная людьми и вооружением расформированной 17-й стрелковой дивизии, продолжала оставаться одним из боеспособных соединений Западного фронта. Из сказанного видно, что вопрос о чести дивизии не стоял. К тому же ее командир генерал-майор К.Н. Галицкий и другие руководители дивизии вскоре после выхода из окружения были выдвинуты на более высокие должности. Однако ложный слух, пушенный журналистами, долгие годы тиражировался. Судьба же Боевого Знамени дивизии выяснилась уже в октябре 1943 г.

А Кузьма Никитович получил новое назначение сразу же после вывода своей дивизии из окружения. В целом Галицкий был доволен достигнутым: дивизия выполнила свой долг, ее действия по достоинству оценили и Военный совет армии, и маршал С.К. Тимошенко. А главное состояло в том, что впереди ждали новые боевые задачи, к выполнению которых части дивизии были готовы. Но выполнять эти задачи К.Н. Галицкому уже не пришлось — его назначили командиром 67-го стрелкового корпуса.

Как все это происходило, Кузьма Никитович рассказал в своих воспоминаниях: «Ранним утром 19 июля я ждал приезда секретаря Мозырьского обкома партии и председателя облисполкома. Нам предстояло обсудить ряд вопросов, связанных с мероприятиями по приведению дивизии в боеспособное состояние. В это время вошел майор Подорванов (начальник

штаба дивизии. — Н.Ч.) и положил на стол телефонограмму, подписанную начальником штаба 21-й армии генералом Горловым. Она содержала приказание немедленно прибыть в Гомель на Военный совет армии. Связавшись по телефону с генералом Горловым, доложил, что жду руководителей области и попросил разрешения прибыть позже. Ответ: выехать немедленно.

Я был в недоумении: что могло случиться за сутки, прошедшие с момента моего отъезда из штаба армии? Пришлось выехать, поручив майору Подорванову встретить руководителей области. Быстро добрался до Гомеля. И едва вошел к командующему, как Федор Исидорович (Кузнецов. — Н.Ч.) в ответ на мое приветствие протянул мне руку и сказал:

— Маршал Тимошенко назначил вас командиром 67-го стрелкового корпуса. Обстановка требует, чтобы вы немедленно выехали в корпус и вступили в командование.

Он показал мне на карте положение частей корпуса. И тотчас же вслед за этим вместе с членом Военного совета подписал мне предписание. Затем добавил:

— В дивизию ехать не разрешаю. Все указания ей даст начальник штаба армии. Вам выделена машина. Поедете с офицером связи. — И крепко пожал мне руку. — Желаю боевых успехов»[200].

Безусловно, Кузьме Никитовичу хотелось знать, какие задачи в ближайшем будущем будет решать вверенный ему 67-й стрелковый корпус. Эти сведения он получил от начальника штаба армии генерала В.Н. Гордова. Оказалось, что противник прорвал оборону наших войск в районе Могилева, форсировал Днепр и стремится окружить западнее Смоленска 16-ю и 20-ю армии. Выполняя приказ Ставки, командование фронта решило нанести по немцам ряд контрударов на флангах прорвавшейся к Смоленску немецкой группировки. Далее В.Н. Гордов сказал Галицкому, что их 21-я армия участвует в выполнении этой задачи. Она должна наступать в направлении Бобруйска с целью овладения им и выхода в тыл Могилевской группировке противника, что должно было оттянуть часть средств гитлеровцев на себя и тем самым облегчить положение советских войск под Смоленском.

Что же касается положения и задач 67-го корпуса, то он, находясь на правом фланге армии, имел задачу разгромить быховскую группировку противника. Корпус уже, как и вся 21-я армия, с 13 июля наступал на позиции врага, однако его продвижение было незначительным. Его сосед слева, 63-й стрелковый корпус под началом комкора Л.Г. Петровского, достиг больших успехов — он форсировал Днепр, овладел Рогачевом,

Жлобином и продвинулся на бобруйском направлении до 16 км. В направлении Старые Дороги с целью перерезать коммуникации противника выдвигалась кавалерийская группа в составе трех дивизий под командованием генерал-полковника О.И. Городовикова.

Приняв корпус от комбрига Ф.Ф. Жмаченко, Кузьма Никитович сразу же провел ряд мер по поддержанию устойчивого управления войсками (до полка включительно), улучшению взаимодействия между дивизиями, обеспечению стыков и

флангов. Объехав все дивизии корпуса, заслушав доклады их командиров, К.Н. Галицкий пришел к выводу, что удары по противнику на широком фронте вряд ли позволят выполнить поставленную корпусу задачу. Обсудив это с начальником штаба полковником А.Б. Бариновым и комиссаром корпуса, дивизионным комиссаром К.Г. Руденко (тоже бывшим зэком), Кузьма Никитович подготовил аргументированное донесение Военному совету армии. В нем Галицкий докладывал, что корпус наступает на фронте в 70 км, при этом его силы одновременно обращены (развернуты) на восток, север и частью на запад. В таких условиях чрезвычайно трудно произвести перегруппировку и создать ударную группу войск для наступления против быховской группировки противника. Командование 67-го стрелкового корпуса обращалось к Военному совету армии с просьбой сократить ему полосу боевых действий или же усилить хотя бы одной стрелковой дивизией.

Военный совет 21-й армии с пониманием отнесся к просьбе только что назначенного командира корпуса. Командарм Ф.И. Кузнецов, прибыв на КП к Галицкому, заявил, что он принимает меры для усиления корпуса, В частности, подчиняет ему 187-ю стрелковую дивизию и мотоциклетный полк. Аза счет введения 21-го стрелкового корпуса полоса наступления дивизий Галицкого сокращалась на 20—25 км. По просьбе Кузьмы Никитовича командарм Кузнецов перевел в корпус испытанных помощников Галицкого по 24-й дивизии, назначив их: начальником артиллерии — полковника В.В. Добронравова, начальником тыла — подполковника А.И. Плохова. Кузьма Никитович за это сердечно поблагодарил Ф.И. Кузнецова.

Осуществляя руководство наступлением частей корпуса, К.Н. Галицкий 13 августа 1941 г. был тяжело ранен в ногу, после чего он был эвакуирован сначала в армейский госпиталь в Гомель, а затем самолетом в Москву.

Долечивание проходило уже в Свердловске. Лишь в январе 1942 г. Кузьма Никитович прибыл в Москву, в Главное управление кадров за назначением.

Из Москвы он поехал в 1-ю ударную армию заместителем к командарму генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову, своему старому знакомому по первым боям в Белоруссии и выходу из окружения. На этой должности К.Н. Галицкий работал до середины февраля 1942 г., когда он опять был тяжело ранен. Лечение затянулось до сентября 1942 г. После излечения Кузьма Никитович стал командармом, получив приказ сформировать в районе Тамбова 1-ю резервную армию. Здесь он встретил своих сослуживцев по довоенной Московской Пролетарской стрелковой дивизии (там Галицкий командовал полком): бывшего командира батальона, а в 1942 г. генерал-майора Я.Г. Крейзера — заместителя командующего; бывшего командира батальона, а в 1942 г. генерал-майора С.С. Бирюзова — начальника штаба армии.

Однако командармом 1-й резервной К.Н. Галицкий пробыл всего лишь около двух недель. Поздно ночью 20 сентября 1942 г. ему позвонили из Москвы и приказали срочно прибыть в Ставку. В Москве его принял И.В. Сталин. В своих воспоминаниях «Годы суровых испытаний» Кузьма Никитович так описал эту встречу с Верховным Главнокомандующим:

«В кабинете за длинным столом сидели В.М. Молотов, Г.М. Маленков, К.В. Ворошилов. И.В. Сталин стоял у торца стола, курил трубку. Я представился и доложил о прибытии.

— Как ваше здоровье, товарищ Галицкий? — спросил Сталин.

— Вполне здоров, товарищ Сталин

— Как идут дела в резервной армии?

— Заканчиваем формирование и подготовку войск. Через две недели будем готовы выехать на фронт.

— Значит вы вполне здоровы? — повторил свой вопрос Сталин.

— Абсолютно здоров, товарищ Сталин. Даже забыл о ранах.

— Где лечились?

Я понял, что И.В. Сталин хочет услышать от меня о положении в тыловых госпиталях.

— Лечился в Свердловске. Лечение раненых поставлено очень хорошо. Почти все возвращаются в строй. Среди медперсонала много жен военнослужащих, которые работают медицинскими сестрами, санитарками. Работают без устали день и ночь, как и весь врачебный персонал госпиталей.

Сталин слушал меня внимательно, не перебивая. Затем задал мне еще несколько уточняющих вопросов о состоянии 1-й резервной армии. Я ответил. Обращаясь к членам Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий сказал:

— Так назначим его командующим 3-й ударной армией? Нет

возражений?

Возражений не было.

— Итак, — обращаясь ко мне, продолжал Сталин, — поезжайте командовать 3-й ударной армией. Учтите, скоро она, возможно, получит задачу на наступление. Готовьтесь. Но пока об этом никому ни слова.

— Ясно, товарищ Сталин.

— Предварительно сориентируйтесь в обстановке в Генштабе. Желаю успехов.

Таков был неожиданный для меня финал вызова в Ставку. Следующее утро я провел в оперативном управлении Генерального штаба, знакомясь с обстановкой на Калининском фронте и, в частности, в полосе 3-й ударной армии»[201].

Конечно, К.Н. Галицкий поинтересовался историей создания 3-й ударной армии. Она была сформирована в конце декабря 1941 г. путем преобразования 60-й армии первого формирования в составе Московской зоны обороны. В составе Калининского фронта находилась с января 1942 г. Войска армии у Великих Лук занимали самый западный выступ в сторону противника на всем советско-германском фронте. Отсюда ближе всего было до Прибалтики, до наших западных границ.

Утром 23 сентября 1942 г. К.Н. Галицкий представился командующему Калининским фронтом генерал-лейтенанту М.А. Пуркаеву, который также недавно (в начале сентября) был назначен на этот фронт. До этого Максим Алексеевич был предшественником К.Н. Галицкого на посту командующего 3-й ударной армией. И еще одно обстоятельство сближало этих двух военачальников — М.А. Пуркаев в годы Гражданской войны командовал полком в 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии. Командующий фронтом хорошо знал положение дел в 3-й ударной армии, и поэтому он счел своим непременным долгом подробно ознакомить Кузьму Никитовича с делами и задачами армии и дал краткую характеристику ее руководящему составу.

«3-я ударная армия, — сказал Максим Алексеевич, — имеет в своем составе пять стрелковых дивизий, три стрелковых и одну танковую бригады, два отдельных танковых батальона и несколько специальных частей. Ее сосед справа — 1-я ударная армия, которой командует генерал-лейтенант В.З. Романовский, на своем правом фланге главными силами ведет активные боевые действия против демянской группировки противника. Поэтому она ослабила силы на своем левом фланге. Слева от вас обороняется 4-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В.В. Курасова. В стыке этой армии и 3-й ударной, по сведениям разведки, возможны активные действия противника из района Невеля. Все это определяет наши задачи на первое время. Вам, Кузьма Никитович, надо усилить группировку войск на правом фланге для создания совместно с 1-й ударной армией надежной обороны на этом направлении. А на левом фланге вам надлежит организовать оборону вместе с генералом Курасовым, отработав план взаимодействия на случай удара противника»[202].

Прибыв в армию, К.Н. Галицкий прежде всего познакомился со своими ближайшими помощниками, с офицерами полевого управления и штаба армии. С заместителем командующего

генерал-майором В.И. Швецовым и членом Военного совета бригадным комиссаром А.П. Рязановым ему ранее встречаться не приходилось. А вот с начальником штаба генерал-майором И.С. Юдинцевым Кузьма Никитович вместе учился на основном факультете Военной академии имени М.В. Фрунзе. Это обстоятельство, безусловно, способствовало началу дружной совместной работы. Кстати. И.С. Юдин-цев прибыл в армию всего лишь месяцем раньше К.Н. Галицкого, но он уже прекрасно разбирался в обстановке. Познакомился новый командарм и с руководителями родов войск, отделов штаба армии. Затем наступил самый сложный этап в работе командарма — личное обследование района обороны и знакомство с войсками.

Войска 3-й ударной армии в обороне составляли две группировки (группы). Из них наиболее сильной в количественном и качественном отношении была северная, холм-локнян-ская. Ее основу составлял 2-й гвардейский стрелковый корпус (командир генерал-майор И.М. Чистяков) в составе трех стрелковых дивизий, стрелковой бригады и отдельного танкового батальона. На этом же направлении находился и армейский резерв — одна стрелковая бригада, отдельный танковый батальон, два дивизиона гвардейских минометов («катюш»), истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

Южная группа — великолукская, подчиненная непосредственно командарму, прикрывала пути из районов Великие Луки и Невель в направлении на Торопей и Старая Торопа, обороняясь на фронте 85 км. Оборонялись на этом большом фронте две стрелковые дивизии, притом одна из них неполная (без полка). Между этими дивизиями имелся значительный разрыв, заполненный лишь группами боевого охранения и истребительным отрядом. На этом направлении силы армейского резерва составляли: стрелковая и танковая бригады, два дивизиона гвардейских минометов, два истребительно-противотанковых полка[203].

Обследовав войска армии, составив о них довольно четкое представление и сделав для себя определенные выводы, К.Н. Галицкий 25 сентября провел совещание с руководящим составом полевого управления и штаба армии, корпусов, дивизий, бригад и отдельных частей. Главный вопрос, поднятый командармом, — осуществление бесперебойного, устойчивого управления войсками, обеспечение живучести органов управления. Кузьма Никитович напомнил собравшимся, что опыт войны подтвердил ту истину, что искусство управления операцией и боем заключается в умении командиров и их штабов постоянно предвидеть ход событий. А для этого требуется хорошо знать как

противника, так и возможности своих войск, детали обстановки, предполагать вероятные изменения обстановки. Поэтому важнейшей задачей штабов всех степеней должно быть обеспечение постоянного поступления нужных данных.

Говоря об обеспечении живучести и устойчивости органов управления, командарм Галицкий отметил, что одна из особенностей современного боя состоит в его быстром развитии на большую глубину. Причем каждая сторона перед началом и в процессе боя стремится всеми мерами и способами парализовать управление в войсках своего противника. Имеющиеся данные о местоположении командных пунктов и узлов связи позволяют в нужный момент уничтожить их авиацией, артиллерией, десантными отрядами. Задача состоит в том, чтобы обезопасить систему управления войсками от любых случайностей. Располагая командные пункты, узлы и линии связи, необходимо прежде всего обеспечить их неуязвимость с воздуха и с земли.

— А что делается у нас? — заметил К.Н. Галицкий. — Линии связи тянутся открыто. Фашистские самолеты-разведчики буквально висят над нашим командным пунктом. Следовательно, надо его сменить и впредь тщательно маскировать. Наряду с телефоном и телеграфом нужно организовать надежную связь по радио, заблаговременно подготовить все необходимое для этого. Но средства связи, разумеется, не могут заменить живого общения с войсками. Оно позволяет лучше узнать их боевую жизнь, вовремя помочь изучить положение войск, чтобы в случае отсутствия связи в любую минуту, при любых условиях обстановки быстро прибыть в нужную дивизию ИЛИ ПОЛК[204].

Осенью 1942 г. вся страна следила за развитием событий в Сталинграде. Его героические защитники в неимоверно трудных условиях сражались за каждый дом и квартал города. И в то же время велась подготовка мощных ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и разгрома противника в районе Сталинграда. План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал наступательные действия и на других участках советско-германского фронта с задачей сковывания резервов врага.

Одна из таких операций готовилась на западном направлении. Намечалось силами левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов уничтожить в районе Ржев, Сычевка вражескую группировку, которая глубоко, на 150—180 км, вдавалась северо-восточнее Смоленска в район расположения наших войск. Этим самым предполагалось ликвидировать плацдарм немцев, находившийся всего в 150—160 км от Москвы, а значит, угрожавший столице страны. В дальнейшем советские

войска должны были развивать действия в направлении Смоленска. Данная операция получила кодовое название «Марс». От Калининского фронта для осуществления этой операции предназначались четыре армии — 41-я, 43-я, 22-я и 39-я, причем главный удар должны были наносить войска 41-й армии.

3-й ударной армии под командованием генерал-майора К.Н. Галицкого по первоначальному плану в этой операции отводилась вспомогательная роль. Вместе с 4-й ударной армией она должна была активной обороной прикрывать ударную группировку фронта от возможного удара противника с северо-запада.

Однако дальнейшее развитие событий привело к существенным изменениям первоначального плана в отношении предназначения армии Галицкого и вместо оборонительных действий ей предстояло наступать. Дело в том, что противнику удалось установить сосредоточение войск Калининского фронта, вследствие чего немецкое командование приступило к усиленной переброске резервов в этот район. Стало известно, что гитлеровское командование готовится нанести удар во фланг и тыл ударной группировке советских войск. Поэтому возникла необходимость упредить этот удар. Вот почему Ставка потребовала от командующего Калининским фронтом провести частную наступательную операцию силами 3-й ударной армии на великолукском участке. Армия получила на усиление два корпуса (стрелковый и механизированный), стрелковую дивизию, пять отдельных танковых полков, восемь артиллерийских полков, части гвардейских минометов[205]. Начало наступления было назначено на 25 ноября.

Великолукская операция, в течение почти 50 суток проводимая войсками 3-й ударной армии, явилась серьезной проверкой полководческих качеств командарма К.Н. Галицкого. И в том, что армия успешно выполнила поставленные перед ней задачи, есть немалая заслуга Кузьмы Никитовича. За время боев части и соединения армии получили значительный опыт организации наступательных действий. Сама армия в этой операции закалилась и окрепла. Начав наступление силами семи стрелковых дивизий, одной стрелковой, трех механизированных и трех танковых бригад, армия завершила операцию, имея на великолукском направлении двенадцать стрелковых дивизий, восемь стрелковых и лыжных бригад, пять механизированных и пять танковых бригад.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков высоко оценил действия армии и ее командующего: «Операция под Великими Луками имела важное значение и для прорыва ленинградской блокады. Наступавшие

там войска оттягивали на себя из-под Ленинграда значительные силы противника и тем самым содействовали успеху операции “Искра”. Дела в 3-й ударной армии шли хорошо. И сам командующий генерал К.Н. Галицкий произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Обо всем этом я доложил И.В. Сталину».

Сражение в районе Великих Лук вошло в историю Великой Отечественной войны как одна из успешных операций. В ходе ее была окружена и уничтожена значительная группировка вражеских войск в крупном городе. Своими действиями части и соединения 3-й ударной армии притянули на себя и сковали в общей сложности до десяти дивизий противника, не позволив использовать их на других направлениях.

Операция дала богатейший опыт борьбы за сильно укрепленный город. Со всей очевидностью подтвердилось положение, что такая борьба требует предварительной изоляции города от остальной обороны противника, что и было осуществлено 3-й ударной армией в первые же дни. А тот факт, что бои за Великие Луки затянулись почти на полтора месяца, объяснялся исключительно нехваткой резервов.

За героизм, мужество и воинскую отвагу, проявленные в Великолукской операции, свыше десяти тысяч бойцов и командиров армии были удостоены государственных наград. 257-я стрелковая дивизии, действовавшая на главном направлении и внесшая существенный вклад в освобождение Великих Лук, была преобразована в гвардейскую. Наград был удостоен и руководящий состав армии. Командарму К.Н. Галицкому в январе 1943 г., еще до окончания операции, было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант».

Великолукская операция стала достоянием истории. А впереди были новые бои и сражения. Всю весну и лето 1943 г. части 3-й ударной армии вели интенсивные бои местного значения. В то время особенности конфигурации ее фронта потребовали проведения небольшой по масштабу, но довольно важной наступательной операции. Речь шла об овладении районом Невеля, через который проходила одна из важнейших коммуникаций, связывавших группы немецких армий «Север» и «Центр». Овладение Невелем должно было затруднить для противника маневр силами и средствами из Прибалтики в Белоруссию, а также на Украину. Кроме того, оно выводило наши войска во фланг витебской группировки противника.

Необходимость проведения Невельской наступательной операции выявилась уже в начале августа 1943 г. Такую задачу поставил 3-й ударной армии генерал армии А.И. Еременко,

сменивший М.А. Пуркаева на посту командующего Калининским фронтом. Сразу скажем, что Невельская операция для К.Н. Галицкого была одной из последних в должности командарма 3-й ударной.

Начавшийся утром 6 октября 1943 г. штурм Невеля закончился успехов к исходу того же дня. Успех был блестящим и настолько быстрым, что в нем усомнился даже командующий фронтом генерал А.И. Еременко. В целом войска армии продвинулись вперед на 35 км, расширив прорыв до 30 км по фронту, после чего они перешли к обороне. В своих воспоминаниях А.И. Еременко по достоинству оценил действия армии в Невельской операции:

«Это был серьезный успех. История войн знает немного примеров, когда операция, проводившаяся на широком фронте против мощной обороны противника, завершилась бы прорывом всей полосы обороны противника и овладением важным оперативным пунктом фактически в течение одних суток. Ведь действия войск на вторые сутки операции носили характер закрепления первоначального успеха»[206].

По свидетельству доктора исторических наук, профессора, полковника в отставке Ф.Д. Свердлова, о Невельской операции впоследствии любил вспоминать и сам К.Н. Галицкий. Ведь недаром же именно за нее Кузьма Никитович был удостоен полководческого ордена Суворова 1-й степени: «Город Невель, находившийся в 35 километрах за рубежом обороны немецко-фашистских войск, жил прифронтовой жизнью. И вдруг, во второй половине дня 6 октября 1943 года в него ворвалось несколько десятков наших танков. Уничтожив на окраине противотанковую батарею и несколько огневых точек, они, ведя огонь из пушек и пулеметов, быстро достигли центра города, а затем вышли в его западную часть. За танками вступил в город на автомашинах стрелковый полк. Удар был настолько дерзким и неожиданным, что большая часть гарнизона, не оказывая сопротивления, пыталась спастись бегством. В панике разбежались и офицеры, обедавшие в гарнизонной столовой… Внезапность действий наших войск была ошеломляющей. Всего за полчаса до подхода советских танков к городу к начальнику гарнизона приехал на мотоцикле один из офицеров обороняющихся войск и предупредил о том, что более 50 русских танков движутся к Невелю. Тот оборвал его и заявил: “Вы, голубчик, пойдите вначале протрезвитесь, а затем придете и доложите обстановку на фронте”.

Откуда же появились советские танки и мотопехота? Это была подвижная группа нашей 3-й ударной армии, которая утром

этого дня начала Невельскую наступательную операцию. Планировалась она давно...»[207]

21 ноября 1943 г. Кузьме Никитовичу позвонил заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А.И. Антонов и сообщил, что он, генерал-лейтенант Галицкий, назначен командующим 11-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. До него армией командовал И.Х. Баграмян, возглавивший 1-й Прибалтийский фронт и только что получивший очередное воинское звание «генерал армии». Антонов порекомендовал Галицкому не оттягивать выезд к новому месту службы.

Кузьма Никитович впоследствии писал: «Такого оборота дела я не ждал. К тому же нелегко было уезжать из армии, с которой успел сродниться, да еще в трудный для нее момент. Единственное, что я мог сделать, это использовать оставшиеся до отъезда часы для принятия первоочередных мер по укреплению обороны армии.

...Итак, настало время проститься с 3-й ударной. Собрав всех офицеров и генералов полевого управления армии, я сообщил о своем отъезде, рассказал о мероприятиях по организации обороны войск армии, разработанных Военным советом. Затем поблагодарил за хорошую совместную службу, пожелал дальнейших боевых успехов. Не имея возможности увидеться с войсками, все же успел позвонить по телефону командирам всех дивизий, попрощался и попросил передать солдатам и офицерам мою искреннюю благодарность и добрые пожелания»[208].

11-я гвардейская армия была создана 1 мая 1943 г. путем преобразования 16-й армии из состава Западного фронта. Это была армия, которой в 1941—1942 гг. командовал К.К. Рокоссовский, а после него И.Х. Баграмян. То есть это была армия с хорошим послужным списком. В ходе Орловской стратегической операции (июль-август 1943 г.) войска армии прорвали главную и вторую полосы обороны противника. Отличились они и в последующих боях. С середины ноября 1943 г. армия входила в состав 1-го Прибалтийского фронта.

Генерал К.Н. Галицкий прибыл в 11-ю гвардейскую армию за четверо суток до назначенного наступления. Имея уже немалый опыт организации наступления в армейском масштабе, Кузьма Никитович немедленно включился в напряженный режим деятельности полевого управления и штаба. Он прекрасно понимал, что за этот короткий срок (четверо суток!) ему необходимо решить массу проблем, связанных с руководством операцией. Он хорошо видел эти проблемы:

«Это означало, что все те трудности, которые всегда возникают перед новым командующим, возрастали во много раз.

Ведь нужно было руководить операцией на основе готового решения, по уже разработанному плану. Следовательно, требовалось изучить их безотлагательно и определить, насколько они соответствуют поставленной задаче. Для этого, естественно, нужно было ознакомиться и с обстановкой в полосе армии, с ее силами и средствами, с обороной противника. Необходимо было и убедиться в полной готовности каждого соединения и частей обеспечения к проведению операции. А установление необходимого контакта и взаимодействия с руководящим составом армии, ее соединений, взаимодействующих войск, авиации и, наконец, фронта?

На все перечисленные, а также многочисленные другие заботы, выпадающие на долю командарма перед наступательной операцией, я имел менее четырех суток...»[209]

Членом Военного совета 11-и гвардейской армии являлся генерал-майор П.Н. Куликов, начальником штаба — генерал-майор Н.П. Иванов. С ними Кузьма Никитович сразу же нашел общий язык. Эти три ключевые фигуры и повели 11-ю гвардейскую к новым победам.

С конца мая 1944 г. армия входила в состав 3-го Белорусского фронта, которым командовал генерал армии И.Д. Черняховский. В Минской и Вильнюсской операциях 1944 г. войска под руководством К.Н. Галицкого во взаимодействии с другими армиями освободили города: Оршу (27 июня), Борисов (1 июля), Молодечно (5 июля), Алитус (15 июля) и другие населенные пункты Белоруссии и Литвы, успешно форсировали р. Неман. В октябре 1944 г. войска армии прорвали оборонительные рубежи противника на подступах к Восточной Пруссии, вышли к ее границе. Взломав мощную приграничную полосу обороны и расширив прорыв до 75 км, они продвинулись на 70 км.

Тогда же командование 3-го Белорусского фронта представило К.Н. Галицкого к званию Героя Советского Союза. В представлении говорилось:

«Войска 11 гв. армии под командованием генерал-полковника Галицкого К.Н., прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника в полосе Минской автострады, во взаимодействии с войсками 5 армии, разгромили Богушевско-Оршанскую группировку противника.

В последующем стремительно развивая наступление, проходя с боями в среднем по 25 км в сутки, умело и решительно маневрируя на поле боя и тесно взаимодействуя с подвижными войсками фронта, войска 11 гв. армии с боями прошли до 600 км, выйдя на ближние подступы к границе с Восточной Пруссией, преодолев при этом первую приграничную полосу заранее

подготовленной и хорошо развитой обороны противника.

На своем боевом пути 11 гв. армия форсировала крупные речные преграды Бобр, Березина, Неман. Форсирование этих преград и в особенности р. Неман было проведено организованно и смело.

За умелое руководство проведенными 11 гв. армией операциями, отличавшимися размахом, решительностью действий, смелостью маневра на поле боя и своими результатами генерал-полковник Галицкий К.Н. достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”.

Командующий войсками Третьего Белорусского фронта генерал армии (Черняховский) Член Военного совета Третьего Белорусского фронта генерал-лейтенант (Макаров) 29 октября 1944 г.[210].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 г. К.Н. Галицкому было присвоено звание Героя Советского Союза. К моменту представления к этому званию Кузьма Никитович уже имел следующие государственные награды: два ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого (все первой степени).

Во время Восточно-Прусской стратегической операции (январь—апрель 1945 г.) армия генерал-полковника К.Н. Галицкого вводилась в сражение из второго эшелона фронта. В ходе наступления она разгромила инстербургскую группировку противника, вышла к заливу Фришес-Хафф на Балтийском море, блокировав город и крепость Кенигсберг с юга. С февраля 1945 г. она входила в Земландскую группу войск.

Вначале апреля 1945г. войска 11-й гвардейской армии приняли участие в штурме Кенигсберга. В ходе Земландской операции (13—25 апреля) ее части овладели важной военно-морской базой немецкого флота Пиллау и завершили разгром группировки противника на косе Фрише-Нерунг (Балтийская коса). За эти последние бои К.Н. Галицкий был награжден орденом Ленина. Из аттестации на командарма 11-й гвардейской Галицкого, подписанной командующим фронтом генералом армии И.Х. Баграмяном: «Энергичный, волевой генерал. Хорошо оперативно подготовлен, твердо и разумно руководит войсками. Удар 11-й гвардейской армии на Кенигсберг с юга решил успех штурма»[211].

По свидетельству знавших его, Кузьма Никитович Галицкий был строгим, требовательным командармом. Одним из таких людей был Федор Давыдович Свердлов, бывший сотрудник оперативного отдела штаба 11-й гвардейской армии. Впоследствии Ф.Д. Свердлов — профессор кафедры оперативного

искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе, доктор исторических наук. В книге о советских военачальниках Ф.Д. Свердлов так характеризует своего командарма: «У меня в памяти навсегда сохранился этот исключительно волевой и энергичный человек, твердо, уверенно и хладнокровно управлявший на фронте более чем 100-тысячной армией, не знавшей поражений, умевший всегда предвидеть ход противника и сорвать его, не просто требовательный к себе и к подчиненным, а в ответственные моменты сражения безжалостный к каждому, кто во имя выполнения боевых задач не отдает себя этому целиком...»[212]

«При всей своей жесткости Кузьма Никитович был справедливым военачальником. Он мог, при необходимости, защитить незаслуженно обиженного человека, помочь ему обрести веру в себя. Характерен пример с начальником оперативного отдела штаба армии И.И. Ледневым. Незадолго до Великой Отечественной войны Иван Иванович Леднев окончил Академию Генерального штаба. В 1942 г. он был начальником оперативного отдела штаба 4-й ударной армии на Северо-Западном фронте. В один из дней гитлеровцы внезапно атаковали левофланговую дивизию на стыке с соседней армией. Оттуда доложили об этом начальнику штаба фронта генералу Н.Ф. Ватутину. Он позвонил в штаб 4-й ударной, чтобы уточнить обстановку. Командующий армией генерал А.И. Еременко был в это время в войсках, начальника штаба генерала В.В. Ку-расова быстро не нашли и к телефону подошел И.И. Леднев, который до этого отдыхал. Донесения от командира атакованной дивизии он еще не получил и об атаке противника не знал. За это Н.Ф. Ватутин приказал отдать его под суд военного трибунала, который приговорил И. И. Леднева за потерю управления войсками к расстрелу. Две недели сидел он в блиндаже, ожидая исполнения приговора. Весь поседел. Спас его В.В. Ку-расов, который позвонил в Москву и добился отмены приговора. Расстрел был заменен разжалованием в рядовые. И вот в папахе и касторовой шинели прибыл в один из полков 16-й гвардейской дивизии рядовой И.И. Леднев. Воевал он хорошо. Скоро его взяли писарем в штаб полка, потом назначили начальником штаба полка. Командир дивизии полковник П.Г. Шафранов ходатайствовал о восстановлении И.И. Лед-неву звания, но Ивану Ивановичу присвоили только звание майора. Тогда он дал в управление кадров Наркомата обороны телеграмму: “От майора отказываюсь”. Спустя несколько месяцев он вновь стал полковником»[213].

На заключительном этапе войны И.И. Леднев исполнял

обязанности начальника штаба 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Кузьма Никитович не побоялся взять опального полковника на одну из ключевых должностей в свой штаб. И не пожалел о содеянном. Вскоре И.И. Ледневу присвоили звание «генерал-майор». В апреле-мае 1945 г. он был начальником штаба 11-й гвардейской армии. После войны генерал-лейтенант И.И. Леднев возглавлял штаб Таврического военного округа.

Генерал-полковник К.Н. Галицкий умел подбирать и ценить способных офицеров. Полковник в отставке Ф.Д. Свердлов вспоминает: «...Вначале наши отношения с Кузьмой Никитовичем были строго официальными, я выполнял свою оперативную работу, сопровождал его в поездках в войска, разрабатывая, как всегда, его ежедневные донесения Военному совету фронта. К.Н. Галицкий, человек суровый, трудно сходившийся с людьми, был ко мне, как и ко всем в штабе армии, весьма требователен, никогда ни за какую работу не хвалил. Но постепенно душа его оттаивала. Как-то на собрании оперативного отдела он сказал обо мне в своем выступлении: “Офицеры у нас разные. Вот у меня в 3-й ударной армии над информацией во фронт работало два полковника, а здесь у вас один майор, который не только делает это лучше тех двух, но и выполняет еще ряд оперативных работ”. Без лишней скромности скажу, что заслужить похвалу К.Н. Галицкого вообще, а тем более такую, было большой честью»[214].

После окончания Великой Отечественной войны генерал-полковник К.Н. Галицкий в течение года командовал Особым военным округом (штаб в г. Кенигсберг), много сделав для восстановления города и его промышленности. По инициативе Кузьмы Никитовича и при его активном участии в Кенигсберге был сооружен памятник воинам-гвардейпам, павшим при штурме города.

В 1946 г. Галицкий был назначен командующим войсками Прикарпатского военного округа. В его состав входила и родная Кузьме Никитовичу 24-я Самаро-Ульяновская дивизия, с личным составом которой командующий довольно часто встречался. С 1951 г. Галицкий командовал войсками Одесского военного округа, а затем Северной группой войск. В 1955 г. ему было присвоено звание «генерал армии». В 1958—1961 гг. — командующий войсками Закавказского военного округа. За послевоенные годы Кузьма Никитович избирался депутатом Верховного Совета СССР 2—5 созывов.

Выйдя в начале 1962 г. в отставку, К.Н. Галицкий нашел себя в общественной деятельности. Его избрали председателем военно-научного общества при Центральном Доме Советской Армии. Одновременно он много времени посвящал подготовке к

изданию своих воспоминаний (вышло две книги).

Умер генерал армии К.Н. Галицкий 14 марта 1973 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Бывший командир 92-й стрелковой дивизии комбриг Жмаченко Филипп Феодосьевич после освобождения из тюрьмы и восстановлении в кадрах РККА был назначен начальником отдела боевой подготовки штаба Харьковского военного округа. Незадолго до войны, в марте 1941 г., он вступил в командование 67-м стрелковым корпусом, сформированным на территории Полтавской области.

По своей старой комиссарской привычке Ф.Ф. Жмаченко вел подробный дневник, в который записывал свои впечатления, наблюдения, размышления. Относительно предвоенного времени вот что он пишет: «Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, мы всегда помнили о капиталистическом окружении... Народ, руководимый партией Ленина, не терял времени зря: укреплял обороноспособность Родины, готовился к неизбежной схватке с врагом. Очень многое удалось сделать в годы и месяцы, непосредственно предшествующие войне. Для меня это было напряженнейшее время: и в Харьковском военном округе, и особенно в рождавшемся 67-м стрелковом корпусе шли непрерывные учения войск, штабов. Как начальнику боевой подготовки, а затем командиру корпуса, мне требовалось всюду поспеть, иначе ведь я себе и не мыслил. Сам учился и людей учил. Готовились к суровым испытаниям»[215].

С началом Великой Отечественной войны войска корпуса были приведены в повышенную боевую готовность. 25 июня 1941 г. был получен приказ об отправке в район Смоленска одной из дивизий корпуса — 132-й стрелковой под командованием генерал-майора С.С. Бирюзова, будущего начальника Генерального штаба и Маршала Советского Союза. Остальные соединения и части корпуса поступали в распоряжение командующего 21-й армией, штаб которой находился тогда в Гомеле. Армией командовал генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко.

«В Гомеле, куда прибыл Ф.Ф. Жмаченко, находился в это время заместитель наркома обороны маршал С.М. Буденный. Жмаченко присутствовал на совещании, которое тот проводил. Обстановку докладывал командарм. Он сказал, что 21-я армия входит в состав группы войск, на которую возложена задача оборудовать прочную, устойчивую противотанковую оборону, в частности, подготовить Гомельский укрепленный район. Создание этого укрепрайона было поручено комбригу Ф.Ф. Жмаченко.

Времени для выполнения поставленной задачи отводилось мало. Поэтому командир корпуса и все работники его штаба немедленно включились в работу, которая не прерывалась ни днем, ни ночью. Приданные саперные батальоны сооружали дзоты и другие оборонительные объекты, на земляные работы привлекалось и население окрестных сел. Вскоре двадцативосьмикилометровый противотанковый ров опоясал Гомель.

Работая над планом создания и усовершенствования Гомельского Ура, комбриг Ф.Ф. Жмаченко и начальник штаба корпуса полковник П.С. Баринов пришли к выводу, что район необходимо расширить, включив туда рубежи, на которых заняли оборону соседние части. Маршал Буденный согласился с этим предложением. В результате Гомельский укрепрай-он значительно расширился и его передний край теперь стал проходить по берегу Днепра. Это позволило создать более прочную и эшелонированную противотанковую оборону. Опираясь на созданные под началом Ф.Ф. Жмаченко рубежи, советские войска на подступах к Гомелю задержали противника, нанеся ему немалый урон.

Пока войска корпуса были заняты укреплением оборонительных позиций под Гомелем, сам Ф.Ф. Жмаченко получил лично от Главкома Юго-Западного направления задачу: принять вырвавшуюся из окружения 42-ю стрелковую дивизию, пополнить ее людьми и вооружением, затем передислоцировать в новый район, где и занять оборону. Сроки даны были небольшие и, конечно, не все необходимые мероприятия удалось выполнить. Однако главное Ф.Ф. Жмаченко сделал. Совершив ночной сорокакилометровый бросок, 42-я дивизия прибыла в назначенный район. После короткого отдыха приступили к оборудованию оборонительного рубежа. Вскоре состоялась и встреча с немецкими войсками. Одна за другой было отбито несколько вражеских атак.

Филипп Феодосьевич был противником пассивной обороны. Он задумал организовать наступление силами дивизии, чтобы нанести удар по рвущемуся вперед врагу. Совместно с работниками штаба он разработал детальный план операции. Доложив этот план командующему армией, Жмаченко получил согласие на проведение частной операции. Уже в ближайшую ночь дивизионные разведчики, перейдя линию фронта, побывали в расположении находившегося перед ними немецкого пехотного полка. Они принесли неплохую весть: танки, которыми был усилен полк, отошли в тыл.

Тогда Ф.Ф. Жмаченко вызвал к себе старшего лейтенанта

Ожогина и поставил ему задачу пробраться с подразделением незаметно в тыл противника, укрыться в засаде и по условленному сигналу атаковать немцев с тыла. Так началась боевая операция, о которой Совинформбюро сообщало 3 сентября 1941 г.: “Обороняющая важный рубеж часть командира орденоносца Жмаченко (в 1936 г. Филипп Феодосьевич был награжден орденом «Знак Почета». — Н.Ч,) отбила за последние дни несколько ожесточенных атак 135-го немецкого пехотного полка. Ночью часть перешла в контратаку. Красноармейцы, пользуясь темнотой, вплотную подошли к вражеским окопам. Подразделение тов. Меркулова, смяв передовые немецкие цепи, прорвалось в расположение противника и стало теснить врага. Отступающих немцев встретило находившееся в засаде подразделение старшего лейтенанта Ожогина. Фашисты были зажаты в кольцо. Пулеметно-оружейным огнем и штыковой атакой бойцы части тов. Жмаченко разгромили врага. Захвачены два миномета, противотанковая пушка, десятки немецких пулеметов и автоматов, большие запасы мин и патронов. Остатки 135-го немецкого пехотного полка были рассеяны”»[216].

Это был первый и очень важный успех, который ободрил бойцов и командиров дивизии, заставил их поверить в то, что немцев можно побеждать. Это было время, когда враг продвигался к Москве, когда он находился на подступах к Ленинграду и Киеву.

Полки дивизии после этого успеха стали воевать более успешно, более уверенно. Более трех суток 42-я стрелковая дивизия под командованием комбрига Жмаченко сдерживала натиск противника на подступах к Лоеву, вблизи которого советские войска переправлялись через Днепр. По понтонному мосту (его возводили только ночью) смогли переправиться на другой берег части 15-го стрелкового корпуса, три кавалерийские дивизии, защитники Мозырского укрепрайона. Лишь на третью ночь немецкие летчики обнаружили переправу у Лое-ва и начали бомбить ее. К тому времени все отступавшие войска и боевая техника уже были на восточном берегу Днепра.

Поступил приказ сниматься и 42-й дивизии. Она отошла к понтонному мосту, разрушив за собой дороги. После переправы частей и подразделений понтоны были уничтожены, чтобы они не достались врагу.

После боев под Лоевом 42-я стрелковая дивизия вошла в состав 67-го стрелкового корпуса, командование которым снова принял Ф.Ф. Жмаченко. Части корпуса мужественно сражались на черниговской земле, принимали участие в Киевской оборонительной операции. Взять штурмом Киев врагу не удалось.

Тогда немецкое командование предприняло обход города с севера и юга. Используя свое превосходство в силах, особенно в танках и авиации, немцы настойчиво продвигались вперед. Над войсками Юго-Западного фронта нависла угроза окружения. 19 сентября 1941 г. Киев был оставлен. Его защитники отступили на новые рубежи. Однако значительная часть войск Юго-Западного фронта, в том числе и 21-я армия, оказалась в окружении.

Вместе с другими соединениями армии прорывались дивизии и полки 67-го стрелкового корпуса. Во втором томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» отмечается: «Счастью войск пробились из окружения многие командиры корпусов, в том числе генерал-майор К.С. Москаленко, генерал-майор П.П. Корзун, генерал-майор А.И. Лопатин, комбриг Ф.Ф. Жмаченко и другие»[217].

Характеризуя личность и деятельность комбрига Ф.Ф. Жмаченко, Герой Советского Союза генерал-майор И.В. Купин позже писал: «...Это было трудное время. Ценой больших потерь противнику удалось форсировать Днепр и занять Киев. Корпус Жмаченко вел ожесточенные бои. В то время я служил в противотанковой артиллерии и был очевидцем мужественного поведении комбрига в бою. Он всякий раз появлялся там, где назревал острый кризис, где противнику удавалось потеснить наши части, где солдаты испытывали необходимость поддержки примером, присутствием и словом. Пренебрегая опасностью, он часто бывал в боевых порядках передовых частей. Не раз он был и в нашем противотанковом полку, а его место в бою известно — впереди... Это был исключительно смелый и волевой командир. Его мужество покоряло бойцов, вызывало уважение и любовь. С первых встреч бойцы верили каждому его слову, а побывавшие с ним в бою были готовы следовать за ним в огонь и воду».

Заслуги Филиппа Феодосьевича были оценены высшим командованием: в начале ноября 1941 г. на его петлицах вместо ромбов появились звезды генерал-майора. Получил он и новое назначение — заместителем командующего 61-й армией. Эта армия прибыла на фронт под Москву из резерва Ставки и еще не имела боевого опыта. Этот «недостаток» был устранен, когда под Москвой в начале декабря 1941 г. началось контрнаступление. Входе этой операции войска 61-й армии с тяжелыми боями продвинулись вперед почти на 300 км, освободив десятки населенных пунктов и выйдя к Оке южнее Бе-лева. В своем дневнике Ф.Ф. Жмаченко записал: «Находясь в передовых наступающих частях, я заботился об организации четкого взаимодействия между ними, учил других и сам учился воевать в условиях морозной, снежной зимы. Быстрое продвижение войск

61-й, а также соседней 3-й армии способствовало успеху наступления войск Западного фронта под Тулой и на Калужском направлении».

Вскоре Ф.Ф. Жмаченко получил назначение заместителем командующего 40-й армией. Летом 1942 г. эта армия вела упорные бои с немцами на воронежской земле, в излучине Дона. Армией в то время командовал генерал-лейтенант артиллерии М.А. Парсегов. Она входила в состав Брянского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков).

Дадим краткую справку об обстановке, сложившейся в том районе весной и летом 1942 г. Согласно указаниям Ставки ВГКот 24 мая 1942 г., войска Брянского фронта переходили к обороне. Фронт должен был обороняться в 320-километровой полосе от Белева до верхнего течения реки Сейм, прикрывая правым крылом тульско-московское направление, а левым — воронежское. В его состав, помимо 40-й, входили еще три армии — 3-я, 13-я и 48-я, а также 1-й и 16-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус.

Все четыре армии фронта располагались в его первом эшелоне. Основные усилия командующий фронтом Ф.И. Голиков сосредоточил в центре в полосе 48-й и 13-й армий. Как показали дальнейшие события, группировка Брянского фронта не отвечала условиям сложившейся обстановки. Голиков и его штаб (начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков) ошибочно считали более важным орловское направление, где они и сосредоточили основные силы. Угроза наступления противника против левого крыла фронта на курско-воронежском направлении недооценивалась. Оборонявшаяся на этом направлении 40-я армия занимала фронт 110 км и имела оперативную плотность около 16 км на стрелковую дивизию.

Сложившаяся обстановка требовала от командования фронтом и 40-й армии создания оборонительной группировки и возведения оборонительных сооружений. Однако этого сделано не было: стрелковые дивизии первого эшелона армии располагались почти равномерно; второй эшелон (одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады) находился в 40—60 км от переднего края; оборонительные рубежи не были подготовлены ни в тактической, ни в оперативной глубине; артиллерийско-противотанковые резервы и противотанковые районы не создавались вовсе. Одним словом, состояние обороны 40-й армии не отвечало требованиям жесткой обороны. В этом есть вина не только командования 40-й армии (Парсе-гов, Жмаченко, Казаков), но и фронта. Дело в том, что сначала Ф.И. Голиков (23 июня) дал указания войскам 13-й и 40-й армий по

организации обороны, но затем, через трое суток, не веря в реальность наступления немцев, отказался от этого решения и сориентировал командармов на подготовку к наступлению.

Разведка фронта и армии своевременно не вскрыла подготовки противника к наступлению. А между тем к 26— 28 июня 1942 г. немецкое командование заканчивало сосредоточение своих войск к наступательным боям, создав значительное превосходство в живой силе и технике на избранных направлениях. Например, против 13-й и 40-й армий (это тринадцать стрелковых дивизий на фронте 180 км) противник сосредоточил армейскую группу, имевшую двадцать одну дивизию. На направлении главного удара (стык 40-й и 13-й армий) это превосходство было еще более значительным.

На рассвете 28 июня 1942 г. на стыке 13-й и 40-й армий немцы провели разведку боем. Все эти атаки были отбиты. Затем началась артиллерийская и авиационная подготовка. Немецкая авиация группами по 30—50 самолетов наносила удары по позициям 121-й и 160-й стрелковых дивизий, находившихся на правом фланге армии, а также по армейским тылам и резервам. Потом в наступление пошли пехотные и танковые части. К исходу 28 июня оборона войск Брянского фронта на стыке 13-й и 40-й армий была прорвана. Немецкие танки продвинулись на 8—12 км в глубину советских войск в направлении на Касторную.

А ведь ничего, казалось бы, не предвещало такого развития событий. К тому же командующий 40-й армией генерал-артиллерист М.А. Парсегов заверил командование фронта, что в полосе его армии все надежно прикрыто. Из воспоминаний генерала армии М.И. Казакова: «Командарм-40 Парсегов — человек увлекающийся и потому не особенно расчетливый, порою вызывал у нас серьезное беспокойство. Мне и сейчас помнится один разговор с командующим фронтом.

— Как оцениваете свою оборону? — спросил Ф.И. Голиков.

— Мышь не проскочит, — уверенно ответил командарм»[218].

Для ликвидации прорыва на стыке 13-й и 40-й армий командующий фронтом направил из своего резерва 16-й танковый корпус, а для усиления 40-й армии — 115-ю и 116-ю танковые бригады. Представителем командования армии на этот участок был направлен заместитель командарма Ф.Ф. Жмаченко, а также член Военного совета армии И.С. Грушецкий. Как недостаток надо отметить то, что штаб армии находился далеко в тылу, в районе Быкова, и командарм знал обстановку только по донесениям. А противник в течение двух дней наступления продвинулся в глубину советских войск до 35— 40 км. Войска Брянского фронта не смогли в эти дни нанести контрудар, так как

выдвигаемые резервы не успели сосредоточиться. Попытка 16-го танкового корпуса восстановить положение на стыке двух армий не имела успеха. Тому причиной явились плохое взаимодействие между бригадами в корпусе и между подразделениями в бригадах, слабая организация разведки. И, безусловно, господство немецкой авиации в воздухе.

К вечеру 1 июля 1942 г. была прорвана оборона и на стыке 21-й и 28-й армий. И прорвана она была на глубину до 80 км. В результате на стыке двух фронтов (Брянского и Юго-Западного) образовалась брешь и войскам противника открывался путь на Воронеж. Все резервы Брянского и Юго-Западного фронтов, находившиеся на воронежском направлении, были втянуты в сражение. Управление трех армий — 13-й, 40-й и 21-й — было нарушено, а учитывая, что силы двух из них оказались иод угрозой окружения, то могла произойти новая катастрофа, по своим масштабам превосходящая разгром советских войск под Харьковом в мае 1942 г.

На сей раз Ставка В ГК своевременно заметила опасность, грозившую войскам Брянского фронта, а также Юго-Западного. Вечером 1 июля она дала указания о немедленном отводе сил 40-й и 21-й армий на рубеж Ястребовка—Оскол. Следует отметить, что приказы об отводе войск 40-й армии передавались непосредственно из штаба фронта в дивизии при отсутствии управления последними со стороны штаба армии. Командующий армией со штабом к этому времени находились под Воронежем и связи с войсками не имели. Приказы на отход в соединения сообщались по радио или ночью доставлялись на самолетах У-2 офицерами связи.

Вот как описывает события этих дней бывший начальник штаба Брянского фронта М.И. Казаков: «Вечером 29 июня стало ясно, что дальнейшее продвижение противника в направлении Касторное поведет к серьезному осложнению обстановки. Нарастала реальная угроза обхода войск левого крыла 40-й армии. Ее 45-я стрелковая дивизия уже начала развертываться фронтом на север.

А на армейском КП в районе Быково все еще благодушествовали. И дождались наконец того, что вражеские танки приблизились вплотную к Быково. Этого оказалось достаточно, чтобы генерал Парсегов и его штаб полностью утратили управление войсками. Командующий армией поспешно “отскочил” юго-восточнее Касторного.

Продолжая использовать успех в районе Быково, противник подтянул сюда моторизованные и пехотные дивизии для развития удара в направлении Горшечное, Старый Оскол. Создалась явная

угроза окружения войск левого крыла 40-й армии и правого крыла 21-й армии. Это вызвало озабоченность даже в Ставке Верховного Главнокомандующего...»[219]

Однако тогда И.В. Сталин не согласился с предложением командования Брянского фронта об отводе войск левого крыла 40-й армии на новый рубеж. Что было дальше, читаем у М.И. Казакова: «30 июня положение на воронежском направлении осложнилось еще больше. Противник нанес удар по обороне 21-й армии Юго-Западного фронта, довольно легко прорвал ее и начал быстро продвигаться на Волоконовку и Новый Оскол. В этих условиях мы получили наконец разрешение Ставки на отвод войск левого крыла 40-й армии. Оно поступило к нам уже в ночь на 1 июля в 2 часа 50 минут.

Мера эта была явно запоздалой. Мы потеряли целые сутки, в течение которых танковые части противника, наступавшие в направлении Быково, Горшечное, оказались по отношению к Старому Осколу значительно ближе, чем левофланговые соединения нашей 40-й армии, а группа немецких войск, действовавшая в полосе 21-й армии, уже подходила к Новому Осколу.

Организация отвода войск, оказавшихся под угрозой окружения, осложнилась еще и тем, что командующий 40-й армией и ее штаб, перебазировавшись под Касторное, по существу, самоустранились от этого. Нам пришлось доводить приказы непосредственно до дивизии. Копии этих приказов были вручены также заместителю командарма-40 Ф.Ф. Жмаченко и члену Военного совета И.С. Грушецкому, которые все еще оставались на левом крыле своей армии.

Несколько молодых офицеров штаба фронта в ночь на 1 июля сыграли поистине героическую роль. В кромешной тьме они рыскали на самолетах в поисках штабов дивизий, совершали посадки на незнакомые площадки и не возвращались до тех пор, пока приказ об отводе войск не попадал в руки того, кому он адресовался...»[220]

Между тем в полосе 40-й армии обстановка продолжала осложняться. 2 июля крупные силы пехоты и танков противника заняли Горшечное и вели бой в городе Старый Оскол, перехватив пути отхода войскам левого крыла 40-й армии. Танковые и моторизованные части противника после занятия Горшечного взяли курс на Синие Липяги. Их целью было полное окружение левофланговых частей 40-й армии, что и произошло на исходе 2 июля. В окружении оказались три дивизии и две бригады. Вместе с ними находились Ф.Ф. Жмаченко и И.С. Грушецкий. Перед окруженными стоял выбор: пробиваться через боевые порядки

противника совместными усилиями или же просачиваться небольшими группами.

Свидетельствует генерал армии М.И. Казаков: «Пользуясь тем, что противник не успел создать сплошного фронта в районе Горшечное, Старый Оскол, здесь стали прорываться войска левого крыла 40-й армии. Вместе с ними вышли из окружения генерал-лейтенант Ф.Ф. Жмаченко и генерал-майор И.С. Грушецкий, сделавшие все возможное в тех условиям для спасения отрезанных соединений»[221].

В целях улучшения руководства войсками 7 июля 1942 г. Ставка разделила Брянский фронт на два: на Воронежский и Брянский, 40-я армия вошла в состав Воронежского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков). В ноябре 1942 г. началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. В составе Воронежского фронта наступала и 40-я армия, где заместителем командующего продолжал оставаться Филипп Феодосьевич. Боевой путь дивизий армии пролегал через Острогожск, Белгород, Харьков. Весной 1943 г. 40-я армия приступила к созданию оборонительных рубежей на юго-западном участке курского выступа, чтобы затем перейти в решительное наступление.

По поручению командарма Ф.Ф. Жмаченко руководил строительством противотанковых сооружений и опорных пунктов, занимался организацией заградительного огня артиллерии. Много внимания он уделял боевой выучке войск, результаты которой сказались в ходе Курской битвы. В подразделениях и частям отрабатывались способы борьбы с танками. В свою очередь, танковые подразделения практиковались в тактике преодоления укреплений противника, отработке вопросов взаимодействия с артиллерией, саперами, пехотой. Удавалось Ф.Ф. Жмаченко проводить в частях тактические занятия с командирами и штабами. В итоге боевое мастерство солдат и офицеров значительно возросло.

У немецкого командования на курский выступ имелись свои виды. Намеченному наступлению немцы придавали очень важное значение, о чем говорилось в соответствующих документах. Для осуществления своих планов немцы создали под Курском отборную группировку войск. Рано утром 5 июля 1943 г. гитлеровцы перешли в наступление одновременно на направлениях Орел—Курск и Белгород—Курск. Началась Курская битва — одно из крупнейших сражений Второй мировой войны.

Советские войска с величайшей стойкостью старались сдержать напор противника. Ценой больших усилий и потерь немцам удалось продвинуться вперед на расстояние до 35 км. В

трудном положении оказались находившиеся слева от 40-й армии соседние части, на которые обрушился сильный удар противника. Командование фронта приняло решение: перебросить им на помощь артиллерийские полки из соединений второго эшелона 40-й армии. Осуществление этого решения было возложено на заместителя командарма-40 Ф.Ф. Жмаченко.

Филипп Феодосьевич, получив эту задачу, немедленно выехал к «соседу». Он встречал прибывающие полки, руководил их размещением на позициях. Заместитель командарма находился среди артиллеристов и тогда, когда они своим огнем в упор встретили фашистские танки. Его личное мужество воодушевляло бойцов и командиров, его распорядительность и твердая воля служили примером выполнения воинского долга.

После Курской битвы, осенью 1943 г., Ф.Ф. Жмаченко короткое время (полтора месяца) командовал войсками 47-й армии. Но и за этот непродолжительный период армия под его руководством внесла достойный вклад в общее дело достижения победы над врагом. Ее задачу четко определил командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин — выйти к левому берегу Днепра, форсировать реку, захватить плацдарм на правом берегу, в районе Канева.

Воронежский фронт наступал в полосе Полтава—Кременчуг. Таким образом, Филипп Феодосьевич снова оказался на полтавской земле, на которой два года тому назад он встретил начало войны. В своем дневнике он записал: «47-ю армию принял на рубеже Гадяч. На второй день взял Гадяч». Сокрушая оборону противника, войска 47-й армии упорно продвигались вперед. Уже были освобождены Ромодан, Лубны, Лох-вина. Части и соединения форсировали реки Псел, Хорол, Сулу и приближались к Днепру. В районе Золотоноши произошла задержка наступления из-за сильного сопротивления противника. К тому же на левом фланге образовался разрыв с соседней армией, и враг мог воспользоваться этим обстоятельством.

Командарм Жмаченко выехал в район Золотоноши и лично возглавил организацию боевых действий на этом участке. По его приказу сюда были переброшены входивший в состав армии 3-й гвардейский механизированный корпус и два полка 23-го стрелкового корпуса. Филипп Феодосьевич поставил следующую задачу: расчленить золотоношскую группировку врага, а затем разгромить ее. Ожесточенные бои продолжались несколько суток. Гитлеровцы несколько раз предпринимали контратаки, но все они были отбиты. Понеся большие потери в живой силе и технике, потеряв много танков, противник был вынужден оставить город. Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин высоко оценил действия 47-

й армии в последних боях.

Впереди был Днепр. В армейской газете «Фронтовик» было напечатано обращение Военного совета армии к солдатам и их командирам. В нем, в частности, говорилось: «Днепр — не преграда, а мост к геройству и победе. Смело преследуйте врага, вгрызайтесь в правый берег Днепра, не давайте врагу закрепиться!»[222] Командиры разъясняли бойцам и сержантам конкретные боевые задачи, заботясь о том, чтобы каждый из них знал свое место в бою и действовал согласованно на всех этапах операции. В подразделениях ветераны боев рассказывали о приемах действий при форсировании водных преград.

Весь личный состав армии был ознакомлен с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 г., призывавшей воинов Красной Армии форсировать Днепр на широком фронте, в наиболее выгодных местах. Важным пунктом этой директивы было то, что она обязывала командиров представлять к званию Героя Советского Союза тех солдат, сержантов и офицеров, которые первыми переправятся через Днепр и будут успешно вести бой за захват и расширение плацдарма. Передовые штурмовые отряды формировались из наиболее опытных бойцов.

В ночь с 23 на 24 сентября 1943 г. началось сражение за Днепр. Лодки и плоты с десантниками отчаливали в темноте от низкого левого берега. На своем КП командарм Жмаченко нетерпеливо ждал сообщений от десантных групп. Вскоре поступила весть о том, что десантные отряды зацепились за правый берег Днепра и ведут бой за расширение плацдарма. Вслед за штурмовыми отрядами стали (по ночам) переправляться на правый берег средства их усиления.

Большую помощь воинам 47-й армии в период форсирования Днепра оказали местные жители и партизаны. Филипп Феодосьевич записал в своем дневнике: «Они помогали захватывать плацдарм, наносили удары по флангам и тылам боевых порядков противника, отвлекая на себя силы врага, они были хорошими проводниками к реке, помогали наводить подручные переправочные средства. В ходе форсирования можно было видеть, как усердно местное население, в большинстве своем подростки и старики, помогало подвозить и подносить снаряды, горючее. Заботой и вниманием окружались раненые воины. Это был величайший акт подлинного народного патриотического энтузиазма и единения народа и армии».

Солдаты и офицеры 47-й армии стойко удерживали захваченный плацдарм под Каневом. Этот небольшой (четыре километра по фронту и до полутора в глубину) участок земли

находился под непрекращающимся огнем противника. По приказу командарма Жмаченко на помощь закрепившимся на правом берегу десантникам переправлялись другие подразделения. С одним из них на плацдарм переправился и сам командарм. По его приказу на правый берег в срочном порядке были переправлены противотанковые средства. Прибыла на плацдарм и приданная армии 34-я артиллерийская истребительно-противотанковая бригада. Здесь же был оборудован и командно-наблюдательный пункт (КНП) командарма. Все танкоопасные направления на плацдарме были заминированы, а на случай контратак противника предусмотрены средства для дымовой завесы.

Немцам очень хотелось ликвидировать Каневский плацдарм, сбросить его защитников в воды Днепра. Утром 26 сентября противник начал мощную артиллерийскую и авиационную подготовку атаки. Затем в сторону плацдарма двинулись немецкие танки. У Жмаченко же на правом берегу Днепра танков не было. И здесь выручила дымовая завеса. Потеряв ориентиры, немецкие танки, за которыми шли цепи пехоты, замедлили движение. А тем временем открыли огонь противотанковые батареи. Бойцы стрелковых рот и батальонов пропускали немецкие танки через свои боевые порядки, а сами били из пулеметов, автоматов, винтовок по вражеской пехоте, отсекая ее от танков и заставляя откатываться назад. Танки же встречали противотанкисты, расстреливая их в упор. Таких атак было несколько, и все они были отбиты.

В этом ожесточенном сражении Филипп Феодосьевич Жмаченко показал себя опытным и умелым военачальником. Наиболее ярко проявилось такое его качество, как умение оперативно и творчески решать боевые задачи в сложных условиях боевой обстановки. Командарм был горд тем, что его подчиненные удержали Каневский плацдарм, нанеся противнику большие потери — только одних танков немцы оставили на поле боя шесть десятков.

А Жмаченко в это время вынашивал дерзкий план — неожиданно, без артиллерийской подготовки, нанести контрудар по противнику. Сначала эта задумка показалась очень уж смелой, даже дерзкой: защитники плацдарма очень устали, им требовался отдых, их ряды поредели, да и боеприпасов было недостаточно. Однако Филипп Феодосьевич, всесторонне обдумав план, все же решил, что его надо воплотить в жизнь, сделав основную ставку на внезапность наступления. Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин поддержал преложенный план. Скрытная подготовка к наступлению дала свои результаты — внезапность была достигнута.

И вот настал день, когда части 47-й армии, находившиеся на Каневском плацдарме, ринулись на немецкие позиции. Ошеломленные гитлеровцы отступили, и плацдарм был расширен почти вдвое — до 12 км по фронту и до четырех в глубину. В последующие дни противник предпринял ряд атак с целью вернуть утраченные позиции. Но все его попытки были тщетны — плацдарм у Канева остался за 47-й армией генерала Ф.Ф. Жмаченко.

Родина достойно отметила подвиги солдат, офицеров и генералов 47-й армии в ходе летне-осеннего наступлении и битвы за Днепр: 3796 человек были награждены орденами, 5888 — медалями. 120 наиболее храбрых и мужественных стали Героями Советского Союза. Этого высокого и почетного звания был удостоен и командарм Ф.Ф. Жмаченко, которому в октябре 1943 г. было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант».

Войска 47-й армии перешли к обороне, а командарма ждали другие дела — в конце октября 1943 г. Ф.Ф. Жмаченко назначили командующим 40-й армией, где не так давно он был в роли заместителя. На должности командарма-40 Филипп Феодосьевич сменил генерал-полковника К.С. Москаленко. Сразу же отметим, что 40-й армией Ф.Ф. Жмаченко командовал до окончания войны.

40-ю армию ее новый командарм принял на Букринском плацдарме. Еще недавно за этот плацдарм ожесточенно бились ее соединения и части. Теперь же перед армией стояла новая задача — освобождение Киева, столицы Советской Украины. Вначале советское командование намечало нанести удар по киевской группировке противника из района Великого Бук-рина. Но затем это решение пришлось пересмотреть. И вот почему: немецкое командование сосредоточило против букрин-ского выступа пять танковых и моторизованных, а также пять пехотных дивизий, прочно закрыв пути на запад. Советские войска оказались зажатыми в глубоких приднепровских оврагах и балках. Сильно пересеченная местность не позволяла широко применять танки. Противнику же было достаточно легко держать здесь оборону.

Учитывая все это, советское командование приняло решение нанести основной удар по врагу с Лютежского плацдарма, в обход Киева с северо-запада. Началась перегруппировка войск, часть сил из-под Букрина была переброшена к Лютежу. На Букринском плацдарме остались войска 40-й и 27-й армий. В седьмом томе «Истории Второй мировой войны 1939— 1945» говорится: «40-й и 27-й армиям генералов Ф.Ф. Жмаченко и С.Г. Трофименко предстояло перейти в наступление с Букринского плацдарма на два дня раньше ударной группировки фронта и активными

действиями в направлении Кагарлык, Белая Церковь оттянуть на себя возможно больше сил противника и тем самым облегчить выполнение главной задачи, поставленной армиям правого крыла фронта»[223].

Армии генералов Жмаченко и Трофименко выполнили поставленную перед ними задачу. Предпринятое ими 1 ноября 1943 г. наступление южнее Киева сыграло свою роль. Немецкое командование было вынуждено на этом участке ввести в бой свои резервы и не смогло своевременно перебросить на север, где решался вопрос защиты Киева, свои танковые и моторизованные дивизии. На рассвете 6 ноября 1943 г. Киев был очищен от немецких оккупантов.

После Киева были бои за освобождение Белой Церкви. В этих боях в составе 40-й армии участвовала 1-я чехословацкая бригада под командованием полковника Людвика Свободы. Гитлеровское командование Белой Церкви как важному опорному пункту придавало большое значение. Оно сосредоточило здесь сильную группировку мотомеханизированных войск. 40-я же армия начинала подготовку к наступлению на Белую Церковь значительно ослабленной из-за передачи в 60-ю армию танкового корпуса и артиллерийских бригад. В силу данного обстоятельства ранее принятый план наступления на Белую Церковь пришлось переработать. Новый план предусматривал, что войска армии не будут прорывать сплошной фронт обороны противника, а ударными кулаками нанесут рассекающие удары, захватят опорные пункты обороны гитлеровцев и предпримут наступление на город с нескольких сторон. Кроме того, предусматривались и меры по дезинформации противника.

В свое время Ф.Ф. Жмаченко записал: «В конце декабря началась Белоцерковская операция. В ней приняли участие две армии — 40-я и 27-я. Успех операции зависел от внезапности удара, нужно было перехитрить врага. Любой ценой необходимо было заставить фашистов поверить в ту ситуацию, будто бы мы надолго засели в обороне и в ближайшее время никоим образом не собираемся наступать. В этом был наш стратегический ход. Получив разрешение командования 1-го Украинского фронта и правительства Советской Украины, мы срочно начали эвакуацию мирных жителей Фастовского района в глубь Киевщины. Эта операция проходила средь белого дня, когда по небу шныряли вражеские самолеты-разведчики. Мы достигли желаемого: пусть гитлеровцы думают, что советские войска готовятся здесь зимовать. Прямо перед глазами немецких наблюдателей воины 40-й укрепляли свой передний край. Бойцы нескольких саперных подразделений дружно трудились и в глубине нашей обороны. В

течение ноября и двадцати четырех дней декабря было возведено свыше двухсот дзотов, вырыто в общей сложности двести пятьдесят километров траншей, построены в несколько поясов укрепления»[224].

Желаемое свершилось — бдительность врага была усыплена. R ночь на 25 декабря 40-я армия перешла в наступление. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Бои шли на окраинах Белой Церкви. Но в центре города противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Чтобы избежать жертв, Филипп Феодосьевич решил ускорить развитие событий ударом в тыл противника. Он приказал командиру 78-го стрелкового полка подполковнику А. Левашову обойти кружным путем, захватить Шкаровку и оттуда ударить по врагу с тыла. Полк успешно справился с поставленной задачей. В итоге Белая Церковь была очищена от фашистов.

Маршал Советского Союза И.И. Якубовский в своих воспоминаниях писал: «В освобождении Белой Церкви решающую роль сыграла 40-я армия. Ее командующему Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Ф.Ф. Жмаченко пришлось воевать в эту пору недалеко от тех мест, где он родился. Войска армии за два дня до Нового года продолжали наступление правым флангом в обход Белой Церкви с запада, а центром и левым флангом — непосредственно на город с целью окружения и уничтожения белоцерковско-гребенковской группировки противника. К этому времени фронт действий армии, расширяясь, как и в других армиях, веерообразно, стал составлять уже 75 км...

Штурм Белой Церкви начался в ночь на 4 января. Враг не выдержал ударов советских войск. Бросая оружие и боевую технику, автомобили и повозки с награбленным имуществом... гитлеровцы бежали, оставляя позади себя черные пепелища»[225].

Всему личному составу частей 40-й армии, освобождавших Белую Церковь, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность. А особо отличившимся частям и соединениям было присвоено почетное наименование «Белоцерковских». За успешное руководство войсками армии при освобождении Белой Церкви генерал-лейтенант Ф.Ф. Жмаченко одним из первых в стране был награжден орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. Наряду с радостью победы в эти дни Филипп Феодосьевич получил и печальную весть о расстреле фашистами его младшей сестры Марии.

Следующей крупной стратегической операцией, в которой участвовали войска 40-й армии генерала Жмаченко, явилась Корсунь-Шевченковская битва. Предыстория здесь такова: в результате боев на Правобережной Украине враг был отброшен от

Днепра на запад на 450—500 км. Ему удалось удержаться лишь в районе среднего течения реки, на так называемом Корсунь-Шевченковском выступе, который глубоко вклинивался в расположение советских войск. Фашистское командование рассчитывало использовать этот выступ как удобный плацдарм для последующих боевых действий и поэтому сосредоточило здесь значительные силы. Для советского командования, стремившегося завершить освобождение Правобережной Украины, крайне важно было ликвидировать этот выступ, разгромив корсунь-шевченковскую группировку немцев.

Проведение этой операции было поручено войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов. Бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюков в своих воспоминаниях пишет: «В ходе подготовки к Корсунь-Шевченковской операции на левом крыле 1-го Украинского фронта была создана ударная группировка в составе 27-й армии, части сил 40-й армии и 6-й танковой армии. Она имела задачу прорвать оборону противника на 25-километровом участке в районе Тынов-ки и, нанося главный удар в общем направлении на Звениго-родку, к исходу третьего дня операции главными силами выйти на рубеж Тальное, Звенигородка, Лысянка, а подвижными войсками овладеть Шполой, где соединиться с танкистами 2-го Украинского фронта»[226].

Войска 40-й армии под руководством Ф.Ф. Жмаченко, принимавшие участие в Корсунь-Шевченковском сражении, успешно выполнили свои задачи. Вечером 3 февраля 1944 г по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего, в котором, в частности, говорилось: «Войска 2-го Украинского фронта, перейдя в наступление из района севернее Кировограда в западном направлении, и войска 1-го Украинского фронта — из района юго-восточнее Белой Церкви в восточном направлении, прорвали сильно укрепленную оборону немцев, продвинулись за пять дней наступательных боев навстречу друг другу на каждом направлении от 50 до 75 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 160— 175 километров по фронту.

В результате этих операций войска 2-го и 1-го Украинских фронтов соединились в районе Звенигородка—Шпола и тем самым замкнули кольцо окружения вокруг группировки противника, действующей севернее этой линии, в составе девяти пехотных и одной танковой дивизий.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Галанина, генерал-майора Рыжова, генерал-лейтенанта Жмаченко...»[227]

А вот строки из воспоминаний самого Ф.Ф. Жмаченко: «В конце февраля 1944 года была завершена Корсунь-Шевчен-

ковская операция. В период ее проведения 40-я армия вела исключительно напряженные бои, отбивая контратаки противника, особенно его танковых дивизий, стремившихся прорваться к окруженной группировке. За период боев было уничтожено около 350 танков противника. Большой опыт приобретен по организации взаимодействия с танками, применению подвижных заградительных отрядов, по маневру противотанковой артиллерии и по созданию внутреннего и внешнего кольца боевого порядка»[228].

После Корсунь-Шевченковской операции 40-я армия была передана из 1-го Украинского в состав 2-го Украинского фронта (командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев). Вместе с другими войсками этого фронта армия в марте — начале апреля 1944 г. участвовала в Уманс-ко-Ботошанской операции, в ходе которой ее войска в тяжелых условиях распутицы форсировали крупные водные преграды: Южный Бут, Днестр, Прут. 6 апреля армия Ф.Ф. Жмаченко вышла к реке Серет, с ходу форсировала ее и перенесла боевые действия на территорию Румынии. За успешное руководство войсками армии по освобождению Правобережной Украины и в Уманско-Ботошанской операции Филипп Феодосьевич был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Вспоминая это время, бывший начальник штаба артиллерии 40-й армии полковник И.К. Лихачев пишет: «Филипп Феодосьевич Жмаченко не подавлял своим большим положением и авторитетом инициативы, воли командиров. Наоборот, он как бы воодушевлял их, подсказывал каждому, как лучше выполнить стоящую задачу в той сложной обстановке, в которой нередко приходилось действовать. Его распоряжения были короткими, но четкими и понятными для исполнителя... Жмаченко внимательно изучал работников штаба и если видел, что человек душу вкладывает в дело — он не жалел ничего, чтобы поддержать его, поощрить. Сам же Филипп Феодосьевич, казалось, был неистощим на инициативу во всех своих заботах».

Входе Ясско-Кишиневской операции (август 1944г.) 40-я армия действовала на правом фланге фронта и, успешно развивая наступление, к концу августа вышла к предгорьям Восточных Карпат. В дальнейшем ее войска содействовали 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат и выводе его частей и соединений в район Ужгорода и Мукачева. В октябре 1944 г. армия участвовала в Дебреценской операции, а затем в Будапештской операции, продолжавшейся до середины февраля 1945 г. Еще в начале ноября 1944 г. соединения и части армии форсировали реку Тисса и, преодолевая ожесточенное

сопротивление противника, к концу декабря вышли на венгерско-чехословацкую границу, где перешли к обороне. Возобновив наступление, войска генерал-лейтенанта Жмаченко в середине января 1945 г. прорвали оборону противника на юго-восточных склонах Словацких Рудных гор и овладели рядом городов.

В Братиславско-Брновской операции (23 марта — 5 мая 1945 г.) соединения и части армии освободили города Банс-ка-Бистрица (23 марта), Кремница (3 апреля) и Превидза (4 апреля). Последней из операций, в которой участвовала 40-я армия, была Пражская операция (6—11 мая), к концу которой ее войска вышли в район Богдалец, Боброво, Нове Место.

Нове Место очистили от врага за день до окончания войны. Этот город находился в 100 км от Праги. 8 мая 1945 г. здесь состоялся митинг, на котором выступил и командарм-40. В своем выступлении Филипп Феодосьевич сказал, что дни и часы гитлеровского режима сочтены, что бои идут в центре Берлина. Рассказал он и о том, как трудно давалась эта победа, как беззаветно сражались солдаты и офицеры армии, отдавая свою жизнь не только за свободу и независимость Советского Союза, но и за свободу и независимость народов Европы. Генерал Жмаченко напомнил и о том, что вместе с войсками его армии за эту свободу сражались и воины 1-й чехословацкой бригады. Приехав с этого митинга к себе в штаб, Филипп Феодосьевич узнал, что война окончена. Вскоре ему было присвоено очередное воинское звание «генерал-полковник».

Командарм Жмаченко был участником Парада Победы в Москве. На его парадном мундире были награды Родины: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, два ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден «Знак Почета». А также американский Командный орден, врученный ему в 1944 г. от имени президента США.

После войны генерал-полковник Ф.Ф. Жмаченко продолжал еще некоторое время командовать 40-й армией, которая была передислоцирована в Одесский военный округ. В 1946г. его избрали депутатом Верховного Совета СССР. В феврале того же года Филипп Феодосьевич был направлен на Высшие академические курсы (ВАК) при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. После завершения учебы на ВАК он был назначен заместителем главнокомандующего Центральной группой войск, дислоцированной на территории Австрии и Венгрии. На этой должности он проработал четыре года. Весной 1951 г. его перевели в Белорусский военный округ заместителем командующего. Там Филиппа Феодосье-вича избрали депутатом

Верховного Совета БССР.

В 1953 г. Ф.Ф. Жмаченко вернулся на родную Украину, в ее западную часть — заместителем командующего войсками Прикарпатского военного округа. А командовал округом Маршал Советского Союза И.С. Конев, который хорошо знал Жмаченко по фронтовым дорогам. Всего два года Филипп Феодосьевич проработал в названной должности во Львове. Здоровье его пошатнулось, и врачи вынесли свой приговор: к строевой службе непригоден. Предложение возглавить республиканский комитет ДОСААФ Украины пришлось Ф.Ф. Жмаченко по душе. И он возглавлял оборонную организацию республики до 1960 г., когда по болезни был уволен в отставку.

Умер Ф.Ф. Жмаченко в Киеве 19 июня 1966 г. Его именем были названы улицы в Киеве, Каневе, Коростене. Это имя было присвоено средней школе в селе Полесском, где Жмаченко родился, а также республиканскому Дому технического обучения допризывной молодежи.

Бывший командир 6-й тяжелой танковой бригады полковник Лизюков Александр Ильич после освобождения и восстановления в кадрах РККА был назначен преподавателем Военной академии механизации и моторизации. С марта 1941 г. он исполнял должность заместителя командира 36-й танковой дивизии 17-го механизированного корпуса Западного Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны Александр Ильич возглавил штаб группы войск, оборонявшей г. Борисов. С конца июня 1941 г. он командовал сводным отрядом, оборонявшим переправы на Днепре, в тылу 16-й и 20-й армий.

По свидетельству К.К. Рокоссовского, назначенного летом 1941 г. командующим оперативной подвижной группой Западного фонта, немцы стремились тогда захватить переправы через Днепр. Однако им это продолжительное время не удавалось. «Там действовал сводный отряд полковника А.И. Лизю-кова, которому ввиду важности дела командующий фронтом (Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. — Н.Ч.) лично поставил задачу обеспечить пути питания (и в случае нужды, отвода) борющимся под Смоленском войскам.

— Лизюков надежный командир, — сказал маршал. — Недавно я посылал Льва Доватора (полковник из резервной группы офицеров при штабе Западного фронта. — Я. Ч.) проверить, как там у него дела, он вернулся в восторге, даже предложил отметить Лизюкова наградой...»[229]

В наградном листе тех дней отмечалось: «Полковник Лизюков Александр Ильич с 26 июня по 8 июля 1941 года работал начальником штаба группы войск по обороне города Борисова.

Проявил максимум настойчивости, энергии и инициативы. Буквально под непрерывной бомбежкой со стороны противника, не имея средств управления, товарищ Лизюков своей настойчивой работой обеспечил управление частями. Лично проявил мужество и храбрость. Пренебрегая опасностью, появлялся среди бойцов и командиров на важнейших участках и восстанавливал необходимый порядок»[230].

Вскоре К.К. Рокоссовский убедился в верности оценки, данной А.И. Лизюкову со стороны С.К. Тимошенко. Это показали бои под Ярцевом. Из воспоминаний К.К. Рокоссовского: «Сводный отряд, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, некоторое время действовал самостоятельно, а затем по логике событий был подчинен нашей группе войск.

Полковник Александр Ильич Лизюков на самом деле оказался чудесным офицером. Среди опасных неожиданностей, то и дело возникавших на этом ответственном участке, он чувствовал себя как рыба в воде. Личная смелость его была безукоризненна, умение маневрировать малыми силами — на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину, но это продолжалось несколько часов — Лизюков отбросил их, и его подразделения уничтожили весь вражеский отряд.

Сам полковник был из танкистов (перед войной служил заместителем командира 36-й танковой дивизии), и отряд его составился из танкистов — это были остатки танкового и мотострелкового полков, принадлежавших 5-му мехкорпусу... У них сохранилось всего пятнадцать танков. Но люди были отборные, кадровые, крещенные боем, включая командиров полков Сахно и Шепелюка»[231].

Сводный отряд, которым командовал А. И. Лизюков, располагал весьма скромными силами и средствами: несколько разрозненных, неукомплектованных частей и подразделений, небольшое количество танков, главным образом, легких, противотанковый дивизион, зенитно-пулеметные установки и саперная рота для минно-заградительных работ.

Ввиду малочисленности своего отряда и важности выполняемой задачи полковник Лизюков большие надежды возлагал на военную хитрость, на смекалку, которые позволяли перехитрить противника. Поэтому в основе его замысла лежали: скрытность действий отдельных подразделений на разных направлениях по единому плану; маневренность, которую предстояло обеспечить за счет скорости легких танков и приданной им артиллерии. Суть замысла была в непрерывном перемещении от одного угрожаемого участка к другому, в нанесении внезапных огневых ударов по врагу и в стремительных

коротких контратаках, без дальнейшего преследования отступающих, чтобы не раскрыть малочисленности собственных сил и средств.

Александр Ильич большое значение придавал правильному использованию местности под Смоленском: густые леса, множество болот, озер, речек, а также частых туманов, в которых фашисты нередко теряли ориентировку и управление. «Чем меньше противник будет о нас знать, — рассуждал А.И. Лизюков, — тем больше возможности ввести его в заблуждение. Пусть от нашей подвижности у немцев зарябит в глазах...»[232]

За храбрость, мужество и стойкость, проявленные при обороне г. Борисов и на последующих рубежах обороны полковник А.И. Лизюков был удостоен звания Героя Советского Союза. С середины августа 1941 г. он успешно командует 1-й танковой дивизией, которая во второй половине сентября была переформирована в 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию. Ее командиром А.И. Лизюков был до конца ноября 1941 г., когда он получил назначение командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

Необходимо отметить, что под командованием А.И. Лизюкова гвардейцы-мотострелки неоднократно отличились в битве под Москвой. Так было и под Наро-Фоминском, куда срочно направили 1-ю Московскую мотострелковую дивизию. Город несколько раз переходил из рук в руки. Положение сложилось чрезвычайно сложное. Дивизия Лизюкова преградила путь врагу на восток. Александр Ильич своевременно выдвинул танковый полк на левый берег р. Нара. Этот маневр создавал угрозу наступавшим войскам противника, и они остановились.

Оценивая действия гвардейцев, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал: «Серьезно осложнилась обстановка в районе Наро-Фоминска... Быть бы беде, но в этот опасный момент подошла из резерва Ставки 1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия под командованием полковника Героя Советского Союза А.И. Лизюкова. Эта дивизия была усилена 5-й танковой бригадой подполковника М.Г. Сахно...

1-я Московская гвардейская дивизия отбросила прорвавшиеся части противника за реку Нару и прочно закрепила наро-фоминский участок».

2-м гвардейским стрелковым корпусом Александр Ильич руководил до начала апреля 1942 г., приняв участие в составе войск Северо-Западного фронта в Демянской наступательной операции. В середине апреля 1942 г. А.И. Лизюков был назначен командиром 2-го танкового корпуса, на базе которого была сформирована 5-я танковая армия, вошедшая в состав Брянского

фронта. С июня 1942 г. А.И. Лизюков — командующий этой армией. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в январе 1942 г.

1942 год был не менее тяжелым для Красной Армии, чем год предыдущий. Как, впрочем, и для всей страны. После крупного поражения под Харьковом и в Крыму очередным испытанием для Красной Армии явилось отражение наступления немецких войск в излучине Дона в конце июня — июле 1942 г. Эти ожесточенные бои в отечественной историографии получили название Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции. Войскам Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов трудно было устоять под ударами противника. Ситуация была близка к критической. Очевидно, именно поэтому и появился знаменитый приказ наркома обороны № 227, сразу же названный в армии приказом «Ни шагу назад!».

Войска Красной Армии находились на пределе своих сил и возможностей. Но и враг не смог добиться полного достижения своих планов — окончательно разгромить советские армии, преградившие ему путь к Кавказу и Волге. Несмотря на колоссальные потери в живой силе и технике, войска Красной Армии продолжали оказывать противнику упорное сопротивление, защищая каждую пядь родной земли.

Вот в такой обстановке стал формировать 5-ю танковую армию ее первый командарм генерал-майор А.И. Лизюков. Начальником штаба стал полковник П.И. Другое, а членом Военного совета Лизюков попросил назначить к нему дивизионного комиссара Г.Л. Туманяна, с которым Александр Ильич хорошо сработался во 2-м гвардейском стрелковой и 2-м танковом корпусах.

Формирование 5-й танковой армии происходило с 29 мая по 12 июня 1942 г. на основании директивы Ставки ВТК от 25 мая того же года на территории Московского военного округа. В нее вошли 2-й и 11-й танковые корпуса, 340-я стрелковая дивизия, 19-я отдельная танковая бригада, артиллерийские и другие части. В начале июля 1942 г. армия получит еще один корпус — 7-й танковый.

16 июня 1942 г. 5-я танковая армия была включена в состав Брянского фронта (командующий фронтом — генерал-лейтенант Ф.И. Голиков). 17 июля она передислоцируется в район г. Ефремов для прикрытия участка возможного прорыва немецких войск. Здесь части армии занимались боевой подготовкой, вели разведку и строительство оборонительных сооружений. После прорыва немцами обороны на стыке 40-й и 21-й армий распоряжением штаба Брянского фронта 5-я танковая армия

стала перебрасываться в район Ельца. Эта переброска осуществлялась смешанным способом: пехота, гусеничные машины и грузы перевозились по железной дороге, остальная техника выдвигалась походным порядком. Однако малая пропускная способность железной дороги на участке Ефремов—Елец в сочетании с одновременной перевозкой в район Ефремова частей 3-й танковой армии привела к тому, что сосредоточение армии А.И. Лизюкова сильно растянулось по времени.

Еще шла передислокация частей и соединений, когда командарм Лизюков получил директиву из Москвы с задачей нанести удар в направлении Землянск, Хохол, перехватить коммуникации танковой группы противника, прорывавшейся к Воронежу, и, действуя по ее тылам, сорвать ее переправу через Дон. Все эти действия должны были оказать помощь войскам 40-й армии, ведущим бои в районе Касторной. Причем Ставка ВГК требовала начать операцию, не дожидаясь сосредоточения всех частей 5-й танковой армии, при этом вводя 2-й и 11-й танковые корпуса побригадно. Воздушное прикрытие этих действий должна была осуществлять авиационная группа генерал-лейтенанта авиации Г.А. Ворожейкина[233].

Не все получилось так, как задумывалось первоначально. Бывший начальник штаба Брянского фронта генерал армии М.И. Казаков впоследствии говорил: «Вместо того, чтобы организовать одновременную массовую атаку танков силами хотя бы четырех-пяти бригад на фронте 12—15 километров, командиры корпусов вводили их в бой прямо из колонн по месту ввода в готовый прорыв с выделением передовых батальонов, примерно по два батальона от корпуса. В итоге наступление танковых корпусов свелось, по существу, к боевым действиям только этих передовых батальонов, а остальные их силы стояли на месте и несли неоправданно большие потери от немецкой авиации...»[234]

Ради справедливости отметим, что большого практического опыта в применении танковых армий при организации наступления у Красной Армии летом 1942 г. еще не было. Тем более у молодого командующего 5-й танковой армией и его

штаба. Он, этот опыт, появится потом. А тогда у Александра Ильича, разумеется, были упущения и недоработки. Как, впрочем, были они и у более высоких начальников. Упомянутый выше генерал армии М.И. Казаков вспоминает, что «...утром 4 июля прибыл начальник Генерального штаба А.М. Василевский и в моем присутствии на КП 5-й танковой армии уточнил поставленную перед ней задачу. На мой взгляд, эта задача была очень осторожной. Ведь только в самой 5-й танковой армии насчитывалось около 600 танков, тогда как у противника в

районе севернее Касторного их имелось не более 300. К тому же немецкие танки уже в течение целой недели вели бои и вряд ли в должной мере были обеспечены горючим и боеприпасами.

Все это позволяло использовать 5-ю танковую армию с более решительными целями, а для содействия ее удару следовало привлечь максимально возможное количество сил с северного фаса Брянского фронта. Но даже и та ограниченная задача, которую поставил Генеральный штаб перед этим мощным войсковым объединением, при условии успешного ее выполнения, могла существенно повлиять на обстановку под Воронежем. Основные танковые силы противника, то есть в первую очередь его 9-я и 11-я танковые дивизии, могли быть разбиты, и тогда войска левого крыла нашего фронта получили бы возможность закрепиться на оборонительном рубеже западнее реки Дон.

К сожалению, с запозданием предпринятое и неумело осуществленное наступление 5-й танковой армии с самого начала пошло не так, как можно было ожидать. Командующий армией плохо организовал взаимодействие между артиллерией, штурмовой авиацией и танками, а штаб фронта ему не помог. При постановке задач корпусам А.И. Лизюков ограничился картой, по которой повторил лишь то, что сам услышал от старших начальников. Точно так же поступили и командиры корпусов; они тоже по карте ставили задачи бригадам. Массированной танковой атаки не получилось...»[235].

Хроника боевых действий такова. Утром 6 июля нанести контрудар смог только 7-й танковый корпус, половина бригад которого находилась во втором эшелоне и резерве. В ходе атаки части корпуса встретились с танками наступавшей 11-й танковой дивизии немцев, с которой вели бой в течение всего дня.

Утром следующего дня бригады 7-го и подошедшего 11-го танковых корпусов вновь перешли в атаку, отбросив немецкие части на рубеж Перекоповка, Озерки, Каменка. При этом две бригады 11-го танкового корпуса застряли на переправе через реку Кобылья Снова и в бою не участвовали. Они закончили переправу только к полудню следующего дня, причем один из батальонов 59-й танковой бригады оставил половину своих танков в болоте.

Утром 8 июля бригады 7-го и 11-го танковых корпусов вновь атаковали противника с тем же успехом, что и в предыдущие дни. Вечером того же дня заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов передал в штаб Ли-зюкова следующую директиву: «Товарищ Сталин приказал во что бы то ни стало сегодня взять Землянск. 2-й танковый корпус ни в коем случае не выдвигать, а держать его во втором эшелоне.

Отдельными машинами прорываться подальше и громить тылы и транспорты противника»[236].

Но выполнить задачу, поставленную Сталиным, личному составу 5-й танковой армии не удалось — продвижение бригад было остановлено сильным огнем артиллерии и танков противника. Не способствовала наступлению и заболоченная местность на пути движения танков. Но самый большой урон армия несла от налетов немецкой авиации, которая непрерывно бомбила ее боевые порядки, тылы и коммуникации. Особенно активно самолеты противника действовали во второй половине июля, когда бомбардировщики группами по 12—20 машин бомбили объекты армии по 7—9 раз. Очень сильно страдала от бомбежек пехота (2-я и 12-я мотострелковые бригады), которая временами вообще вынуждена была прекращать боевые действия.

Генерал-майор Лизюков в этой обстановке настойчиво требовал от командования Брянского фронта надежного авиационного прикрытия. Он просил, умолял: «Прикройте нас с воздуха, и мы сделаем все, что необходимо». В критическую минуту боя Александр Ильич не сдержался и резко заявил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Н.Е. Чи-бисову: «Вы не дали мне нанести удар железным кулаком, заставили вводить армию в бой по частям, так хоть теперь сделайте по-моему — дайте авиацию, иначе все погибнет!»[237] В ответ Чибисов назвал Лизюкова трусом, не имея к тому никаких оснований.

Все последующие дни продолжались ожесточенные бои. Предпринимаемые попытки частей 5-й танковой армии продвинуться вперед немцы отражали. 12 июля, подтянув силы, противник нанес контрудар, атаковав 2-й и 7-й танковые корпуса крупными силами пехоты и танков. Понесшие в предыдущих боях большие потери, ослабленные бригады 5-й танковой армии стали отходить. На следующий день немецкое наступление на север было остановлено. Несколько дней части армии вели бои на занимаемых рубежах, а вечером 15 июля перешли в наступление. К вечеру 16 июля 5-я танковая армия несколько потеснила противника, выйдя на рубеж Хрущево, Озерки, Ломово, где и закрепилась.

В ночь на 18 июля части 5-й танковой армии были сменены стрелковыми войсками и отведены в тыл. В тот же день на основании директивы Ставки ВГК от 15 июля 1942 г. 5-я танковая армия была расформирована. По данным штаба армии, в боях в период 6—16 июля ее части уничтожили несколько тысяч солдат и офицеров противника, 317 танков, 358 орудий, 166 минометов, 310 автомашин и 30 самолетов[238].

Признанный мастер танковых атак, дважды Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков, анализируя действия 5-й танковой армии под руководством А.И. Лизюкова, в своих воспоминаниях написал: «Только теперь, когда изучаешь архивные документы, понимаешь, насколько верно и точно была задумана эта операция, которая даже не получила в нашей исторической литературе своего наименования. А смысл этого замысла Ставки заключался в том, что 5-я армия, получившая дополнительно вновь прибывший 7-й танковый корпус, при поддержке наших уже поредевших к тому времени 1-го и 16-го танковых корпусов должна была нанести удар с севера на юг в направлении Землянск— Хохол по северному флангу группы армий “Вейхс”, перерезать ее коммуникации, сорвать переправу через Дон и, выйдя в тыл противнику, помочь вырваться из окружения левофланговым дивизиям 40-й армии... Конечно, результаты контрудара были бы значительнее, если бы Лизюков имел время на его подготовку. Армия была введена в бой по частям, как правило, с ходу, без разведки местности и противника. Это также значительно ослабило мощь ее удара. Отрицательно сказались и слабая артиллерийская поддержка танкистов, и отсутствие надежного авиационного прикрытия. К тому же противник обнаружил выдвижение 5-й танковой армии на исходные позиции. А это привело к потере внезапности ее применения. Ко всему сказанному надо добавить, что армия Лизюкова не имела боевого опыта»[239].

К сказанному М.Е. Катуковым следует добавить, что главной заслугой танкистов генерал-майора А.И. Лизюкова является то, что они оттянули на себя и задержали на несколько дней основные силы 4-й танковой армии немцев, предназначенные для охвата войск Юго-Западного фронта. Контрудар 5-й танковой армии генерал-майора Лизюкова в значительной мере способствовал срыву первоначальных планов немецкого командования по проведению операций «Блау» и «Клаузевиц».

Александр Ильич тяжело переживал неудачи армии, а тем более ее расформирование. Он всесторонне анализировал все проведенные ею бои, делая для себя необходимые выводы на будущее. Но будущего у него, как оказалось, оставалась всего одна неделя. После расформирования армии А.И. Лизюков был назначен командиром 2-го танкового корпуса. 25 июля 1942 г. один из батальонов 148-й танковой бригады его корпуса попал в окружение. Генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов приказал А.И. Лизюкову лично вывести тот батальон из западни. Непродуманность такого шага была очевидной, ибо командир корпуса, садясь в танк, лишался возможности управлять

подчиненными войсками в опасный момент боевой обстановки.

Однако приказ надо было выполнять, и Александр Ильич вместе с полковым комиссаром Асоровым на танке КВ выехал в направлении деревни Медвежье (Воронежская область), чтобы найти батальон и руководить его прорывом из окружения. Обратно Лизюков и Асоров не возвратились. Как выяснилось позже, при прорыве танк А.И. Лизюкова был подбит и все находившиеся в нем погибли.

Об этом эпизоде боевой действительности упоминает и маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков: «С волнением следил я со своего КП за этой атакой. Танк, в котором находился Лизюков, вырвался далеко вперед. Но вдруг он словно споткнулся о невидимую преграду... Машина Лизювова была подбита прямым попаданием бронебойной болванки. Командир корпуса генерал А.И. Лизюков приказал экипажу машины покинуть ее. В этот момент рядом разорвался снаряд... С болью в сердце похоронили мы отважного генерала...»[240]

Гибель Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова потрясла всех, кто его знал. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский пишет: «В этих боях погиб командующий 5-й танковой армией генерал Лизюков. Он двигался в боевых порядках одного из своих соединений. Ему показалось, что танкисты действуют недостаточно решительно. Чтобы воодушевить их, генерал бросился на своем танке КВ вперед, ворвался в расположение противника и там сложил голову.

Мне было искренне жаль его. Мы познакомились с ним еще на ярцевском рубеже. Боевой, храбрый танкист. Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но танковая армия ему была не по плечу. Соединение новое, наспех сформированное, к тому же у нас еще и опыта не было применения такой массы танков. Армия впервые участвовала в бою, да еще в столь сложной обстановке, и, конечно, все это не могло не отразиться на ее действиях. Было от чего впасть в отчаяние командарму...»[241]

Имя генерал-майора А.И. Лизюкова было присвоено Саратовскому высшему командно-инженерному училищу. Семья Лизюковых дала Родине двух Героев Советского Союза. Младший брат А.И. Лизюкова — полковник Петр Ильич Лизюков на завершающем периоде войны командовал 46-й истребительно-противотанковой бригадой. 30 января 1945 г. он погиб в бою на территории Германии. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

О братьях Лизюковых — Героях Советского Союза, отдавших

жизнь за свободу и независимость своей Родины, замечательно написал Маршал Советского Союза А.М. Василевский:

«Нельзя не преклоняться перед этой семьей.

Она дала Отчизне двух Героев Советского Союза. Одним из первых, получивших это звание в начальный период войны, был Александр Ильич Лизюков. Он командовал танковой армией и геройски погиб, находясь в разгар боя в передовых подразделениях своих бригад.

Этого высокого звания был удостоен и его брат полковник Петр Ильич Лизюков — командир 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской Ленинградской бригады, сражавшейся в составе 3-го Белорусского фронта, которым я тогда командовал.

Отдал жизнь за Родину и третий брат — Евгений Ильич Лизюков, командир партизанского отряда Минского партизанского соединения.

Три брата, три героических защитника нашей Родины!

Это ли не пример патриотизма советских людей!»[242]

Восстановленный в кадрах Красной Армии в 1939 г. комбриг Козлов Петр Михайлович был назначен начальником 2-го отдела штаба Калининского военного округа. Затем он работал начальником штаба 14-й армии, начальником курса Академии Генерального штаба. В июне 1940 г. ему было присвоено воинское звание «генерал-майор».

На фронтах Великой Отечественной войны П.М. Козлов с ноября 1941 г. Начинал он с должности заместителя по тылу командующего 56-й армией Южного фронта. С декабря 1941 г. командовал оперативной группой войск этой армии. С марта 1942 г. П.М. Козлов — заместитель командующего 18-й армией Южного фронта. В мае-июне того же года — командующий 9-й армией Южного фронта.

В июне 1942 г. Петр Михайлович принял 37-ю армию. Эта армия последовательно входила в состав Южного фронта, Донской группы Северо-Кавказского и Северной группы Закавказского фронтов. Под командованием генерал-майора П.М. Козлова армия участвовала в тяжелых оборонительных боях в Донбасской, Моздокско-Малгобекской и Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительных операциях. С переходом в январе 1943 г. советских войск в наступление 37-я армия под руководством П.М. Козлова участвовала в изгнании врага из пределов Северного Кавказа, освободив города Кисловодск (10 января), Пятигорск — родину Петра Михайловича (11 января), Ессентуки (11 января), Черкесск (17 января).

В составе Северо-Кавказского фронта в феврале-марте 1943 г.

войска армии П.М. Козлова участвовали в Краснодарской наступательной операции (9 февраля — 16 марта). В мае-июне того же года в составе этого фронта Петр Михайлович командовал войсками 9-й армии, а в июле-августе — 47-й армией Степного фронта. В августе 1943 г. от командования этой армией он был отстранен с формулировкой: «За слабое руководство войсками армии и незнание обстановки, состояния подчиненных соединений и отсутствие с ними непрерывной связи, что привело в ходе боевых действий к значительным потерям личного состава армии».

Тогда же П.М. Козлов был назначен командиром 77-го стрелкового корпуса, которым он командовал до ноября 1943 г. В составе 60-й армии Центрального фронта корпус принимал участие в Черниговско-Припятской наступательной операции и освобождении городов Конотоп, Бахмач, Нежин и др. Особенно отличились части и соединения корпуса в битве за Днепр. В ходе этих боев Петр Михайлович умело руководил своими войсками при форсировании рек Остер, Днепр, Десна. Он проявил высокие организаторские способности, твердую волю, личное мужество и героизм при удержании захваченного плацдарма ка правом берегу Днепра. За эти и другие заслуги П.М. Козлов был представлен к званию Героя Советского Союза. В представлении к этому званию говорилось:

«Генерал-майор Козлов, являясь командиром 77 стрелкового корпуса, отлично сколотил в боевой коллектив руководимые им части. Ведя решительные наступательные действия, 77 ск образцово, одним из первых, преодолел водные преграды рек Остер, Десна, овладев населенными пунктами Мо-ровск, Рудня, продолжал неотступное преследование отходящего противника. К моменту форсирования р. Днепр, несмотря на труднопроходимые песчаные дороги, отсутствие скрытых подступов, тов. Козлов сумел своевременно подтянуть тылы своих частей, обеспечить в достаточном количестве свои части боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием. И, несмотря на сильное воздействие вражеской авиации, 77 ск, прочно укрепившись на восточном берегу в районе Окуниново, не имея переправочных средств, широко использовал подручные средства для переправы, построив за короткий срок плоты, штурмовые мостики, паромы. Благодаря этим мероприятиям и тщательного выбора мест переправы, хорошего взаимодействия войск, отличной постановки службы связи Днепр был успешно форсирован. Занятый плацдарм на западном берегу в районе населенного пункта Стра-холесье, Ротичи обеспечил дальнейшее развитие наступательной операции и дал возможность

бесперебойной переправы частям армии. В упорных боях на западном берегу Днепра был полностью разгромлен 381 пехотный полк противника, убито 700 солдат и офицеров противника, захвачено 23 орудия, 3 катера, 2 радиостанции. На самых трудных участках боя появлялся лично тов. Козлов и своим умелым руководством, самоотверженностью и отвагой создавал в личном составе непоколебимую веру в победу, чем способствовал успеху наступательной операции. Генерал-майор Козлов достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий 60 армией генерал-лейтенант (Черняховский) Член Военного совета 60 армии генерал-майор (Оленин) 15 октября 1943 г.»[243].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1943 г. П.М. Козлову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В январе 1944 г. П.М. Козлову было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант». Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени (двумя), Кутузова 2-й степени.

Умер П.М. Козлов от болезни 17 апреля 1944 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Его именем названа улица в Пятигорске.

Бывший командир 9-й механизированной бригады полковник Богданов Семен Кгьин после освобождения в октябре 1939 г. и восстановления в кадрах РККА некоторое время находился в распоряжении Управления по комначсоставу. В июле 1940 г. он был назначен заместителем командира 29-й моторизованной дивизии по строевой части (начальником пехоты). В этой должности Семен Ильич находился до марта 1941 г., когда он получил назначение на пост командира 30-й танковой дивизии, с которой и вступил в войну в составе 14-го механизированного корпуса.

В первый месяц войны дивизия полковника С.И. Богданова сражалась в составе 4-й армии, вступив в сражение со 2-й танковой группой генерала Гудериана на брестском направлении. До середины июля 1941 г. дивизия вместе с другими соединениями армии сдерживала продвижение врага до рубежа р. Березина. Несмотря на все трудности начального периода войны и потери в живой силе и технике, части дивизии продолжали наносить противнику значительный урон.

В период обороны Москвы С.И. Богданов в октябре 1941 г. руководил защитой Можайского укрепленного района в системе Можайской линии обороны. Октябрь 1941 г. вообще для Москвы был одним из самых опасных месяцев — немцы вплотную

приблизились к столице СССР. Ставка Верховного Главнокомандования делала все возможное, чтобы укрепить Западный фронт, в том числе за счет войск Резервного, Дальневосточного и Забайкальского фронтов. В командование Западным фронтом 11 октября вступил генерал армии Г. К. Жуков. Его заместителем стал И.С. Конев.

Из воспоминаний Г. К. Жукова: «Обсудив обстановку с И.С. Коневым, мы прежде всего решили отвести штаб фронта в Алабино. И.С. Коневу предстояло взять с собой необходимые средства управления, группу командиров и немедленно выехать для координации действий группы войск на калининское направление. Военному совету фронта выехать в Можайск к коменданту Можайского УРа полковнику С.И. Богданову, чтобы на месте разобраться в обстановке на этом направлении.

Штаб фронта двинулся в Алабино, а мы с членом Военного совета Н.А. Булганиным часа через два были в Можайске. Здесь были слышны артиллерийская канонада и разрывы авиационных бомб. С.И. Богданов доложил, что на подступах к Бородину с передовыми моторизованными и танковыми частями противника ведет бой 32-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и танками. Ею командует полковник В.И. Полосухин, опытный командир. На дивизию можно надеяться.

Дав необходимые указания С.И. Богданову, мы выехали в штаб фронта»[244].

С мая 1942 г. С.И. Богданов командовал 12-м танковым корпусом. В июле того же года ему было присвоено воинское звание «генерал-майор танковых войск». В составе 3-й танковой армии корпус под руководством Семена Ильича Богданова сражался на Западном фронте. С сентября 1942 г. по январь 1943 г. С.И. Богданов командовал 6-м механизированным корпусом, который принимал участие в Котельниковской наступательной операции. За успешные боевые действия в январе 1943 г. корпус был преобразован в 5-й гвардейский механизированный корпус, ему было присвоено почетное наименование «Зимовниковский». С марта 1943 г. С.И. Богданов — командир 9-го танкового корпуса 13-й армии Центрального фронта, который принимав активное участие в сражении под Курском. В июне того же года Семену Ильичу было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант танковых войск».

С сентября 1943 г. С.И. Богданов — командующий 2-й танковой армией, преобразованной 20 ноября 1944 г. в гвардейскую под тем же номером. Войска под его командованием в январе 1944 г. в составе 1-го Украинского фронта участвовали в отражении контрударов немецко-фашистских войск на

винницком направлении, в Корсунь-Шевченковс-кой, Уманско-Ботошанской, Люблин-Брестской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. В проведенных сражениях и боях оттачивалось полководческое мастерство командующего 2-й гвардейской танковой армией генерала С.И. Богданова. Ему свойственны были такие качества, как умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, принимать смелые, подчас неординарные решения.

Например, в Уманско-Ботошанской операции 2-я гвардейская танковая армия, согласуя свои действия с 27-й армией, в качестве подвижной группы фронта завершила прорыв обороны противника севернее г. Умань и совместно с 29-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой армии и 73-м стрелковым корпусом 52-й армии освободила г. Умань. В дальнейшем, несмотря на весеннюю распутицу и бездорожье, армия начала преследование противника. Она прошла с боями более 200 км, форсировав при этом такие крупные водные преграды, как реки Южный Буг, Днестр, Прут, и к концу операции вышла на подступы к г. Яссы.

За умелое руководство войсками армии в боях по прорыву обороны противника на уманском направлении и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1944 г. С.И. Богданов был удостоен звания Героя Советского Союза. В апреле того же года ему было присвоено очередное воинское звание «генерал-полковник танковых войск»[245].

Во время боев на территории Польши Семен Ильич был тяжело ранен в районе г. Люблин. Более полугода пробыл он в госпитале. 2-ю гвардейскую танковую армию в этот период водил в бой начальник штаба армии генерал-лейтенант танковых войск А.И. Радзиевский. К своим боевым друзьям Семен Ильич возвратился только в начале января 1945 г. Приняв армию (Алексей Иванович Радзиевский вернулся к исполнению своих прежних обязанностей), С.И. Богданов уже через неделю вводил ее в прорыв. Армия с боями прошла свыше 500 км, показав образцы смелых, дерзких и стремительных ударов по врагу. Она первой вышла к р. Одер и обеспечила захват чрезвычайно важных для последующих операций плацдармов.

За отличия в этих боях генерал-полковник танковых войск С.И. Богданов был представлен к полководческому ордену Суворова 1-й степени. В наградном листе говорилось:

«Войска 2-й гв. танковой армии, руководимые гв. генерал-полковником танковых войск тов. Богдановым, в наступательных операциях войск 1-го Белорусского фронта в 1945 году показали

образцы смелых, дерзких и стремительных ударов по противнику.

2-я гвардейская танковая армия, будучи введенной в прорыв с Веркинского плацдарма, 16.1.1945 года стремительным ударом разгромила подходившие из района г. Варшава резервы противника, вышла двумя танковыми корпусами в район г. Сохочев и завершила оперативное окружение Варшавской группировки противника. Преследуя разгромленные войска противника, части 2-й гв. танковой армии первыми вышли к границам Померании, успешно форсировали р. Нетце и вторглись в пределы Германии. За этот период боевых действий войска 2-й гв. танковой армии освободили города: Груец, Же-рардув, Сохочев, Кутно, Иновроцлав, Бромберг, Вонгровец, Кольмар и тысячи других населенных, пунктов.

Ведя бои в Померании, армия тов. Богданова первой вышла к реке Одер и обеспечила захват чрезвычайно важных для последующих операций плацдармов на западном берегу реки Одер.

В феврале месяце 1945 года войска армии провели успешные бои юго-восточнее города Штеттин, измотав и уничтожив отборные части противника, пытавшиеся вести наступление из района юго-восточнее Штеттин.

1.3.1945 года 2-я гв. танковая армия, войдя в прорыв в р-не Арнсвальде, успешно выполнила свою задачу — вышла к побережью Балтийского моря в р-не г. Каммин.

Вывод: За умелое и искусное руководство войсками армии, в результате чего противник был разгромлен и лишен возможности произвести какую-либо перегруппировку сил, генерал-полковник т/в тов. Богданов достоин награждения орденом Суворова 1-й степени.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1 Белорусского фронта генерал-лейтенант танковых войск (подпись неразборчива) 8 марта 1945 г.»[246].

Однако высшее руководство посчитало, что С.И. Богданов достоин более высокой награды, нежели орден Суворова. По данному представлению он был награжден второй медалью «Золотая Звезда», став, таким образом, дважды Героем Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г.).

Сразу же после победы над гитлеровской Германией С.И. Богданову было присвоено воинское звание «маршал бронетанковых войск».

В послевоенные годы Семен Ильич занимал должности: командующего бронетанковыми и механизированными войсками Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) — до

1947 г., первого заместителя (1947—1948 гг.) и командующего БТ и МВ Советской Армии (1948—1953 гг.), командующего 7-й механизированной армией (1953— 1954 гг.), начальника Военной академии бронетанковых войск (1954—1956 гг.). С 1956 г. Семен Ильич находился в отставке.

С.И. Богданов избирался депутатом Верховного Совета СССР 2—4 созывов. Он был награжден орденами: Ленина (двумя), Красного Знамени (четырьмя), Суворова 1-й и 2-й степени, а также иностранными орденами.

Умер 12 марта 1960 г. Похоронен в Москве. Бронзовый бюст дважды Героя установлен в С.-Петербурге.

Среди немногих полковников-авиаторов, выпущенных на свободу накануне войны, был и бывший командир 44-й авиабригады Сибирского военного округа полковник Рязанов Василий Георгиевич. После восстановления в кадрах РККА он успел поучаствовать в войне с Финляндией. С марта 1940 г. Василий Георгиевич преподавал тактику ВВС в Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии.

С началом Великой Отечественной войны В.Г. Рязанов — заместитель командующего ВВС 5-й армии Юго-Западного фронта. С августа 1941 г. — начальник группы контроля ВВС этого фронта, а с декабря того же года — командир 76-й смешанной авиационной дивизии ВВС Южного фронта. В марте 1942 г. Василий Георгиевич был назначен командующим маневренной авиационной группой ВВС Юго-Западного фронта. В июле того же года он стал формировать 2-ю истребительную авиационную армию, предназначенную для усиления группировок советских ВВС в борьбе за господство в воздухе на важнейших операционных направлениях.

Однако опыт создания и применения истребительной авиационной армии показал ее громоздкость, недостаточную маневренность, сложность управления. Поэтому уже в ходе формирования в конце июля армия была разделена на две группы по две авиационные дивизии, которые пошли на усиление 1-й и 3-й воздушных армий.

С октября 1942 г. В.Г. Рязанов — командир 1-го штурмового авиационного корпуса, который был включен в состав 3-й воздушной армии Калининского фронта. Корпус под руководством генерал-майора авиации В.Г. Рязанова (первичное генеральское звание он получил в марте 1942 г.) участвовал в Великолукской наступательной операции, поддерживая войска

3-й ударной армии генерала К.Н. Галицкого при освобождении г. Великие Луки.

Затем в составе 6-й воздушной армии корпус поддерживал с воздуха войска 1-й ударной и 53-й армий Северо-Западного фронта при ликвидации демянского плацдарма противника. В середине марта 1943 г. корпус был передан в состав 2-й, а потом 5-й воздушных армий, приняв участие в Курской битве. Дивизии и полки корпуса наносили сосредоточенные удары по танкам и пехоте противника, поддерживая войска 6-й и 7-й гвардейских, 53-й, 57-й и 69-й армий, а также 1-й гвардейской танковой армии генерала М.Е. Катукова. Свой вклад штурмовики корпуса В.Г. Рязанова внесли в освобождение Белгорода и Харькова. В марте 1943 г. Василию Георгиевичу было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант авиации».

Входе битвы за Днепр штурмовой корпус генерала В.Г. Рязанова поддерживал войска Степного фронта при форсировании этой крупной водной преграды, захвате и расширении плацдармов на правом берегу реки. В октябре 1943 г. — январе 1944 г. соединения и части корпуса участвовали в наступательных операциях Степного (с октября 1943 г. — 2-го Украинского) фронта на криворожском, кировоградском и черкасском направлениях, в освобождении городов Знаменка, Черкассы, Кировоград. За отличия в боях при овладении г. Кировоград корпус был удостоен почетного наименования «Кировоградский» и преобразован в 1-й гвардейский штурмовой авиационный корпус.

За высокое мастерство в управлении частями корпуса в боях, отличную выучку личного состава, умелую организацию взаимодействия с наземными войсками при форсировании Днепра и личный героизм генерал-лейтенанту авиации В.Г. Рязанову было присвоено звание Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 г.).

В июле 1944 г. корпус В.Г. Рязанова был передан в состав 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта. Входе Львовско-Сандомирской наступательной операции он поддерживал войска фронта при уничтожении противника в районе г. Броды, при развитии наступления к рекам Сан и Висла, их форсировании и захвате сандомирского плацдарма.

Командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев высоко оценивал действия корпуса и его командира генерала В.Г. Рязанова: «...Авиация 15 июля спасла критическое положение 38-й армии... Сандомирский плацдарм отстояла авиация». В дальнейшем корпус участвовал в Сандомирско-Силезской наступательной операции и освобождении польских городов Ченстохов, Краков, Катовице, за что Василий Георгиевич был награжден орденом Суворова 2-й степени.

В Нижнесилезской наступательной операции дивизии и полки корпуса поддерживали наступление 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, 5-й гвардейской, 6-й и 52-й армий. В ходе Верхнесилезской наступательной операции корпус во взаимодействии с 4-й гвардейской танковой, 21-й и 60-й армиями участвовал в разгроме группировки противника в районе г. Оппельн (Ополе, Польша) и в последующем развитии наступления войск фронта к р. Нейсе. За успешное управление корпусом в период захвата наземными войсками плацдарма на р. Висла и разгрома ченстоховско-радомской группировки противника, проявленные при этом мужество и героизм генерал-лейтенант авиации В.Г. Рязанов был представлен к званию дважды Героя Советского Союза, т.е. к награждению второй медалью «Золотая Звезда». В этом представлении говорилось:

«Гвардии генерал-лейтенант авиации Рязанов участник Отечественной войны с первых дней.

На всем протяжении Отечественной войны командовал крупными авиационными соединениями. С июля по сентябрь месяц 1942 года командовал 2-й авиационной армией Ставки Верховного Главнокомандования, в состав которой входило 9 авиационных дивизий, преобразованные затем в 1-й штурмовой авиационный корпус.

Несмотря на сжатый срок подготовки, тов. Рязанов умело сколотил руководящий состав подчиненных частей, организованно и в полной готовности подготовил корпус к своевременному выводу на фронт.

Свой славный боевой путь генерал Рязанов начал на Калининском фронте. Под его командованием части авиакорпуса действовали сначала по срыву наступления противника на Великолукском направлении, а затем в освобождении гор. Великие Луки и разгроме Демянского котла, обеспечивая при этом успех нашим наземным войскам.

За четкую и правильную организацию боевой работы частей корпуса по освобождению от немецких оккупантов г. В.Луки и разгроме Демянской группировки противника тов. Рязанов в феврале 1943 г. награжден орденом “Красное Знамя”.

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования тов. Рязанов со своим корпусом 10 марта 1943 г. переброшен на Воронежский фронт и вошел в оперативное подчинение 2-й воздушной армии.

За период боевых действий на Воронежском фронте части корпуса вели напряженную боевую работу по отражению наступления противника на белгородском направлении. За отличное руководство боевыми частями Военный совет

Воронежского фронта вынес благодарность лично генералу Рязанову и всему летному составу, участвовавшему в разгроме наступавших бронетанковых сил противника.

19 июля 1943 года авиакорпус вошел в состав Степного фронта в оперативное подчинение 5-й воздушной армии.

За время пребывания на Степном, а затем 2-м Украинском фронтах, авиакорпус поддерживал наступающие наземные войска на Белгородско-Харьковском направлении, форсировании реки Днепр и расширении плацдарма на правом берегу Днепра.

Имея хорошую оперативно-тактическую подготовку, большой боевой опыт командования крупными авиасоединениями, тов. Рязанов отлично организовал работу по взаимодействию с наземными войсками и управлению боевыми действиями авиации на поле боя.

В героических боях по освобождению от немецких оккупантов городов: Харькова, Красноград, Полтавы, Кременчуга, Знаменки, Кировограда авиакорпусу и всем трем отличившимся авиадивизиям присвоены собственные наименования: “Кировоградский”, “Краснограда”, “Полтавская”. “Знаменская”. Лично тов. Рязанов за самоотверженную боевую работу и отличное управление боевыми частями награжден орденом Суворова 2-й степени.

В боях за Социалистическую Родину по освобождению от немецких оккупантов Советской Украины авиакорпус приобрел заслуженную повсеместную славу.

В ожесточенных боях личный состав проявил железную воинскую дисциплину, высокое воинское мастерство, отвагу и геройство, нанеся противнику огромные потери в живой силе и технике.

Правительство высоко оценило славные боевые подвиги корпуса — 5 февраля 1944 года присвоив ему звание “гвардейский”.

За самоотверженную боевую работу, высокое мастерство в управлении боевыми частями на поле боя, отличную выучку личного состава боевому мастерству, за правильную организацию взаимодействия с наземными войсками и проявленный им героизм, 22 февраля 1944 года гвардии генерал-лейтенант авиации Рязанову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

С июля месяца 1944 года гвардейский авиакорпус ведет боевую работу в составе Первого Украинского фронта. С первого дня пребывания на 1-м Украинском фронте авиакорпус под командованием Героя Советского Союза гвардии генерала Рязанова начал свое действие по прорыву глубоко

эшелонированной долговременной обороны немцев на Львовском направлении по ликвидации окруженной группировки противника в районе Сасов, Белый Камень, Ольшаница, Золочев, в борьбе за Львов и ликвидацию окруженной группировки юго-восточнее Львова, по выходу наших частей на р. Висла, ее форсирование и расширение плацдарма на западном берегу р. Висла.

Кроме того, личный состав корпуса проявил отвагу и геройство по уничтожению окруженной группировки немцев северо-западнее Сандомира, отражению крупных контратак танков и пехоты противника и удержанию плацдарма на западном берегу р. Висла.

При проведении операции по разгрому ченстоховско-радомской группировки немцев, тов. Рязанов, благодаря умелому руководству по организации взаимодействия с войсками 52 армии, 3 гвардейской танковой армией и частично с 3 гвардейской армией, личное руководство штурмовиками на поле боя, части корпуса оказали эффективную помощь наземным войскам при овладении городами: Стопница, Хмельник, Ра-домск, Ченстохов и Кельцы.

В январскую операцию частями корпуса произведено 2101 успешный боевой вылет с налетом 1985 часов. В результате которых уничтожено и повреждено: танков — 12, автомашин с войсками и грузами — 343, бронетранспортеров — 13, ж.д. вагонов — 364, повозок с грузом и боеприпасами —160, орудий разных — 20, ж.д. цистерн — 7, создано очагов пожара — 86, солдат и офицеров — около 1140 чел. и много другой техники и сооружений. Проведено 49 воздушных боев, в которых сбито 21 самолет противника. Свои потери в период этой операции: 29 самолетов.

Летный состав корпуса, воспитанный генералом Рязановым, показал образцы мужества, отваги и героизма в борьбе с врагами нашей родины. Летная работа проводилась в исключительно сложных метеорологических условиях, но несмотря на сложные метеорологические условия, на всем протяжении проведенной операции корпус боевую работу не прекращал.

Лично сам генерал Рязанов все время находится на переднем крае линии фронта, где организует взаимодействие с наземными войсками и управляет боевыми действиями авиации на поле боя. Благодаря такому способу управления, все удары штурмовиков исключительно эффективны и заслуженно вызывают восторг и благодарность наземных войск.

За самоотверженную боевую работу, отличное управление боевыми частями в период завоевания плацдарма на западном

берегу реки Висла и разгром ченстоховско-радомской группировки немцев и проявленные при этом мужество, отвагу и геройство — гвардии генерал-лейтенант авиации Рязанов достоин высшей правительственной награды — звания “дважды Герой Советского Союза”.

Командующий 2 воздушной армией генерал-полковник авиации (Красовский) 5 февраля 1945 г.[247].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1945 г. В.Г. Рязанов награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Части и соединения корпуса успешно действовали и в Берлинской операции. Они способствовали своевременному форсированию войсками фронта р. Нейсе, прорыву обороны противника на подступах к Берлину и при его штурме. За образцовое выполнение заданий командования корпус был награжден орденом Кутузова 2-й степени, а за отличия при штурме Берлина удостоен почетного наименования «Берлинский».

В послевоенный период В.Г. Рязанов продолжал командовать своим 1-м штурмовым авиакорпусом (до 1947 г.). С февраля 1947 г. он вступил в командование 14-й воздушной армией (Прикарпатский военный округ), а в апреле 1949 г. — 69-й воздушной армией (Киевский военный округ).

Василий Георгиевич Рязанов награжден орденами: Ленина (двумя), Красного Знамени (тремя), Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды, а также иностранными орденами.

Умер В.Г. Рязанов 8 июля 1951 г. в Кисловодске в возрасте 50 лет. Похоронен в Киеве.

СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ

Бывший помощник начальника ВВС ОКДВА по войсковой авиации комдив Ворожейкин Григорий Алексеевич относится к числу тех лиц из числа высшего комначсостава РККА, которые дважды «погружались во тьму». Он один из немногих, кто после второго «погружения» остался жив. Однако все по порядку.

Первый раз Григорий Алексеевич подвергся аресту на Дальнем Востоке, в Хабаровске — 14 мая 1938 г. Под следствием он находился без малого два года, испытав на себе за это время полный набор пыток, издевательств и оскорблений. Ворожейкин вынужденно подписывал сфальсифицированные протоколы допросов, затем отказывался от данных им «признательных» показаний. Затем следователи «приводили его в чувство» и все повторялось снова — до апреля 1940 г., когда Г.А. Ворожейкин в связи прекращением дела был освобожден. Вот что Григорий Алексеевич поведал об этом периоде своей жизни в автобиографии, написанной вскоре после освобождения: «В мае 1938 г. врагами народа был арестован и до апреля 1940 года находился под стражей и как невиновный без суда освобожден»[248].

Справедливость когда-нибудь да восторжествует... В мае 1940 г. Г.А. Ворожейкина пригласили в качестве свидетеля в судебное заседание, где слушалось дело одного из его мучителей — А.М. Хорошилкина, бывшего заместителя начальника особого отдела ОКДВА, а также других особистов-дальневос-точников. Григорий Алексеевич показал: «Я был арестован 14 мая 1938 г. Допрос начался со следующего дня... с применением физического воздействия... 25 мая я был переведен следователем Драгомирецким, который... прочел список лиц, якобы участников к.р. (контрреволюционного. — Я. Ч.) заговора. Помню, что в этом списке он назвал Покуса, Васенцовича, Дмитриева, комбрига Гущина, Дреймана, пом. начальника связи Попова, Соловьева, комиссара бригады Ильина, Кропачева, Моторного, Брыкова и еще ряд лиц, фамилии которых я не запомнил, но было их в этом списке более 15 человек... Издевательствам я был подвергнут этим следователем (фамилии его не знает) с утра до полудня. Избитый им до потери сознания, я, придя в себя, увидел, что никакие мои доводы и требования не помогут мне освободиться из всей этой лжи... Не имея никакой возможности терпеть издевательства, я вынужден был подписать уже заранее заготовленные протоколы допросов...»[249]

При освобождении из Хабаровской тюрьмы Г.А. Ворожей-кин

21 апреля 1940 г. получил следующий документ:

«СПРАВКА № 64

Выдана гр. Ворожейкину Григорию Алексеевичу, год рождения 1895, № паспорта — в том, что он с 14 мая 1938 г. содержался во внутренней тюрьме УНКВД по Хабаровскому краю и 21 апреля 1940 г. освобожден в связи с прекращением дела.

Справка видом на жительство не служит.

Майор госбезопасности (подпись)»[250].

После освобождения из заключения для Григория Алексеевича начался этап «хождения по мукам» — этап восстановления в партии и армии. Не такое это простое дело, как может показаться несведущему человеку. Вполне естественно, что первым делом комдив Ворожейкин обратился туда, откуда его взяли под арест, — управление ВВС бывшей ОКДВА в Хабаровске (в апреле 1940 г. оно именовалось управлением ВВС 2-й Отдельной Краснознаменной армии (2 ОКА). Там Григория Алексеевича приняли командующий ВВС 2 ОКА комкор П.Ф. Жигарев и комиссар ВВС 2 ОКА полковой комиссар Литвиненко. В результате этой беседы 25 апреля 1940 г. в Военный совет 2 ОКА был направлен очень важный, для Г.А. Ворожейкина документ.

«СПРАВКА-ДОКЛАД бывшего помощника командующего АОН[251] ОКДВА по авиации комдива Ворожейкина Григория Алексеевича

Рождения 1895 г., русский, беспартийный, чл. ВКП(б) состоял с 1927 года, исключен в связи с арестом. Крестьянин, общ. образование 4 класса экстерном мужской гимназии. Военное образ. Псковская школа прапорщиков в 1915 г., курсы старшего комсостава при Высшей тактической стрелковой школе — 1924 г. и Военно-воздушная академия им. Жуковского — 1932 г. (оперативный факультет). Тов. Ворожейкин 14 мая 1938 г. был арестован органами НКВД, а 21 апреля 1940 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением дела.

Приказом ОКДВА № 0305 от 8 мая 1938 г. он был отстранен от занимаемой должности, а приказом ОКДВА № 00 482 от 11 июля 1938 г. по ст. 44 п «в» из РККА уволен.

Тов. Ворожейкин возбудил ходатайство о восстановлении в кадрах РККА.

Аттестаций, которые характеризовали бы его работу за время службы в РККА, в личном деле нет. Имеется в личном деле только одна аттестация за 1934 г., оценивается положительно, и одна имеется партхарактеристика за 1937 г., в которой отмечается, что не всегда, проявлял достаточную партийную прозорливость в деле разоблачения врагов народа.

Как работник оценивается добросовестный, но недостаточно решителен в принимаемых решениях, излишне доверчив к докладам подчиненных. Часто оставаясь за командующего АОН, не проявлял должной решительности в деле борьбы с авариями и предпосылками их.

Восемь служебных отзывов, представленных в связи с восстановлением, от членов партии и командиров по совместной работе положительные.

ВЫВОД: Считаю возможным в кадрах РККА восстановить, ввиду невозможности использовать в частях ВВС 2 ОКА, направить в распоряжение Главного Управления ВВС Красной Армии.

Командующий ВВС 2 ОКА комкор (Жигарев) Комиссар ВВС 2 ОКА полковой комиссар (Литвиненко) 25 апреля 1940 г.[252]

Военный совет 2 ОКА согласился с выводом командования ВВС армии относительно комдива Г.А. Ворожейкина.

Итак, дело с восстановлением Григория Алексеевича в кадрах РККА сдвинулось с места. Не менее сложным было восстановление в рядах ВКП(б). Ворожейкин написал соответствующее заявление в партийную комиссию при политуправлении 2 ОКА, которое рассматривалось там 27 апреля 1940 г. По этому поводу приведем один документ, имеющийся в личном деле Г.А. Ворожейкина.

«ВЫПИСКА из протокола заседания парткомиссии № 42 от 27 апреля 1940, в составе тт. Петров, Костюченко, Смоликов, Шуляков.

СЛУШАЛИ: Апелляцию ВОРОЖЕЙКИНА Григория Алексеевича, рождения 1895 г., член ВКП(б) с 1927 г., п/б № 0 471 767 образца 1936 г., сдал в ОРПО ПУ 2 ОКА, соц. положение крестьянин, образование — среднее, национальность русский. В РККА с 1918 г. Служил в старой армии с 1915 г. по 1918 г. в качестве офицера. Ворожейкин принимал участие в период гражданской войны на Юго-Западном фронте и против белополяков. Имеет награды: орден “Красного Знамени” и медаль “XX лет РККА”.

Ранее работал помощником командующего по войсковой авиации ВВС ОКДВА. Военное звание комдив.

Докладывает тов. Выгорка.

Присутствует тов. Ворожейкин.

СУТЬ ДЕЛА: 5 декабря 1938 г. ПУ 2 ОКА ВОРОЖЕЙКИН исключен из рядов ВКП(б) после ареста органами НКВД, как арестованный органами НКВД.

УСТАНОВЛЕНО: 1. ВОРОЖЕЙКИН с 14 мая 1938 г. по 21 апреля 1940 г. находился под следствием, освобожден в связи с

прекращением дела (справка № 64 от 21.4.1940 г., выданная НКВД 2 ОКА).

2. Ворожейкин представил в ПУ 2 ОКА положительные отзывы от коммунистов:

а) КОНДРАТЬЕВ, член ВКП(б) с 1932 г., п/б № 0 259 516, знает ВОРОЖЕЙКИНА с 1934 г. по совместной работе в Красногвардейске (ЛВО);

б) ДМИТРИЕВ, член ВКП(б) с 1927 г.. п/б № 2 527 637, знает ВОРОЖЕЙКИНА с 1937 г. по работе на ДВК;

в) ХУДАРОВ, член ВКП(б), п/б № 0 286 706, знает ВОРОЖЕЙКИНА по совместной работе в штабе ВВС ОКДВА с 1937 г.;

г) МУХОРТОВ, член ВКП(б) с 1937 г., п/б № 1 938 166, знает ВОРОЖЕЙКИНА с 1937 г. по совместной работе в штабе ВВС ОКДВА;

д) СИДОРОВ, член ВКП(б) с 1934 г., п/б № 1 978 862, знает ВОРОЖЕЙКИНА с 1936 г. по работе на ДВК;

е) БЕЛЯЕВ, член ВКП(б) с 1930 г., п/б № 1 977 830, знает ВОРОЖЕЙКИНА с 1934 г. по совместной работе в Красногвардейске...

3. В ПК (партийной комиссии. — Н.Ч.) 2 ОКА компрометирующих материалов на тов. ВОРОЖЕЙКИНА не имеется.

ПОСТАНОВИЛИ: Решение ПК 2 ОКА от 5 декабря 1938 г. отменить, ВОРОЖЕЙКИНА в члены ВКП(б) восстановить.

Ответственный секретарь ПК 2 ОКА полковой комиссар (Петров)»[253].

В процессе восстановления Г.А. Ворожейкина в рядах РККА и ВКП(б) не раз упоминалась злополучная партхарак-теристика, данная ему в 1937 г., где его упрекали за недостаточную партийную прозорливость при борьбе с врагами народа. Приведем содержание этого документа:

«ВОРОЖЕЙКИН Г.А. Член ВКП(б) - 1927 г., партбилет № 0 471 767, год рождения 1895, служащий, б(ывший) офицер — штабс-капитан, в РККА с 1918 г. В белой армии не служил. В парторганизации АОН с ноября 1936 года.

Идеологически и морально устойчив. За время пребывания т. ВОРОЖЕЙКИНА в управлении АОН колебания от генеральной линии партии не было замечено. Жизнью и работой парторганизации т. ВОРОЖЕЙКИН интересуется и принимает активное участие в ней. Так же активно участвовал в разоблачении врагов народа Басова, Солошенко, Кунина, Кицаненко и др. Однако т. ВОРОЖЕЙКИН не всегда проявлял достаточную партийную прозорливость. Например, длительное

время держал связь с быв. командиром 50 авиабригады РУДЕНКО, который впоследствии оказался врагом народа, но не сумел распознать его. Связь эта выражалась в том, что т. ВОРОЖЕЙКИН вместе работал с РУДЕНКО в Ленинграде. Ходили друг к другу. Были взаимные посещения и здесь в 1937 г. РУДЕНКО побывал у ВОРОЖЕЙКИНА и обратно. Так же не проявил высокой бдительности при разборе парторганизацией управления АОН ОКДВА в марте м(еся) це 1937 г. дела б(ывшего) члена партии инженера АОН, ныне арестованного органами НКВД КОЛЧАНОВА, по обвинению его самоснабжением, преступно-халатным отношением к делу. Товарищ) ВОРОЖЕЙКИН знал КОЛЧАНОВА с ноября м(еся) ца 1936 г., знал его плохую работу в прошлом, но не дал ему резкой критики на собрании. Выступил с положительной оценкой КОЛЧАНОВА, пользуясь только одним фактом его работы по подъему кораблей с места вынужденной посадки, за что КОЛЧАНОВ имел поощрение. Тем самым смягчил вину КОЛЧАНОВА. Впоследствии в этом вопросе занял правильную линию и активно участвовал в разоблачении КОЛЧАНОВА.

В деловом отношении, как член партии, т. ВОРОЖЕЙКИН честный и добросовестный работник, но недостаточно решительный в принимаемых решениях. Излишне доверчив к докладам подчиненных.

Оставаясь часто за командующего АОН и возглавляя инспекции по проверке частей АОН, не проявил должной решительности в деле борьбы с авариями и предпосылками их, по вскрытию вредительства в частях АОН в б/п (боевой подготовке. — Н.Ч,). Так, проверяя боевую подготовку в январе месяце 1937 г. в 30 авиабригаде, несмотря на явные прорывы в боевой подготовке и факты вредительства со стороны к(оман-ди) ра бригады РУДЕНКО, нач(альника) штаба бригады ХОДОРОВСКОГО, что было вскрыто впоследствии, тов. ВОРОЖЕЙКИН не дал достаточно резкой критики безобразий в бригаде, не поднял на политическую высоту существующие прорывы. Подошел делячески к их оценке.

По работе и поведению в парторганизации АОН ОКДВА партийно-политическое лицо ВОРОЖЕЙКИНА сомнений не вызывает.

Партхарактеристика утверждена на заседании партийного бюро.

Секретарь партбюро АОН ОКДВА (Жидких) Член партийного бюро (Попов)»[254].

После восстановления в кадрах РККА Г.А. Ворожейкин был назначен начальником 3-го отдела Управления боевой

подготовки ВВС Красной Армии. В этой должности он работал до начала сентября 1940 г., когда был назначен начальником Ленинградских авиационно-технических курсов усовершенствования начсостава ВВС Красной Армии имени К.Е. Ворошилова. Всего несколько месяцев возглавлял эти курсы Григорий Алексеевич, но и за это время он успел сделать достаточно много. О чем и говорится в аттестации на него по состоянию на ноябрь 1940 г.:

«Партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. Морально устойчив и политически выдержан. Обладает деловым и политическим авторитетом. Общеобразовательная и военная подготовка хорошая, имеет большой практический и служебный опыт.

Участник гражданской войны. За боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени и юбилейной медалью “20 лет РККА”. Прошел путь от начальника связи полка до командира дивизии.

Окончил оперативный факультет Военно-воздушной академии имени Жуковского в 1934 году, после чего командовал тяжелой авиабригадой. Авиабригада под его командованием на инспекторском смотре получила вполне удовлетворительную оценку.

Лично дисциплинирован. Энергичен, решителен. Вспыльчив. Требователен к себе и подчиненным. Состояние здоровья хорошее.

Командует Ленинградскими авиационно-техническими курсами усовершенствования с сентября 1940 года. Вузовскую работу осваивает быстро. Умело нацеливает подчиненных.

ВЫВОД: Достоин присвоения военного звания “генерал-майор авиации”.

Начальник Управления ВУЗ ГУВВС КА генерал-майор авиации (Левин)»[255].

Однако просимое воинское звание «генерал-майор авиации» Григорию Алексеевичу, будет присвоено только в конце июля 1941 г. И как бы в порядке компенсации за такую задержку первого генеральского звания второе — «генерал-лейтенант авиации» — он получит через три месяца после первого (29 октября 1941 г.).

С января 1941г. Г.А. Ворожейкин— командующий ВВС Приволжского военного округа. В этой должности он и встретил Великую Отечественную войну, Но долго в тылу ему быть не пришлось — уже в августе 1941 г. он убыл на Резервный (Центральный) фронт, где вступил в исполнение обязанностей командующего ВВС. В том же месяце Григорий Алексеевич возглавил штаб ВВС Красной Армии, которым руководил до

марта 1942 г.

С марта по май 1942 г. генерал-лейтенант авиации Г.А. Ворожейкин командовал авиагруппой № 2, после чего последовало назначение первым заместителем командующего и членом Военного совета ВВС Красной Армии. Его непосредственным начальником, т.е. командующим ВВС Красной Армии, был А.А. Новиков (с марта 1943 г. маршал авиации), вместе с которым Григорий Алексеевич рука об руку прошел всю войну. Александр Александрович Новиков глубоко уважал Г.А. Ворожейкина, что и нашло свое отражение в соответствующих служебных аттестациях.

«АТТЕСТАЦИЯ

за период с июня 1941 г. по октябрь 1943 г. на первого заместителя командующего ВВС КА генерал-полковника авиации[256] ВОРОЖЕЙКИНА Григория Алексеевича

В период Отечественной войны был командующим ВВС Резервного фронта, после чего был назначен начальником штаба ВВС КА.

Бывшую до его прихода в штаб ВВС КА неразбериху быстро ликвидировал и навел необходимый порядок.

Выезжал на Северо-Западный фронт для руководства операциями авиации фронта.

В мае 1942 г. был назначен первым заместителем командующего ВВС КА.

По этой должности в центральном аппарате ВВС КА работает мало, так как большую часть времени находится на фронтах.

По поручению Ставки координировал и возглавлял руководство действиями авиации в Великолукской операции, затем Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда и в летнюю кампанию 1943 г. на Центральном фронте в отражении наступления немцев и наступления наших войск.

На фронте показал себя с хорошей стороны. За организацию боевой работы авиации по прорыву блокады Ленинграда награжден орденом Суворова 2-й степени.

Приобрел значительный боевой опыт по использованию крупных масс авиации на поле боя.

Как общевойсковой командир в прошлом, хорошо понимает природу общевойскового боя, что значительно облегчает ему строить наиболее правильно взаимодействие авиации с наземными войсками. Знает воздушно-десантные войска.

Недостаточно знает авиационную технику, вследствие чего иногда делает неправильные выводы.

Военная подготовка хорошая. Имеет многолетний опыт

службы на командных должностях в тылу и на фронте.

Напорист. Честолюбив. Вопросы ставить умеет, исполнителен.

ВЫВОД: Должности первого заместителя командующего ВВС КА соответствует. По своему опыту, приобретенному долголетней службой в КА и опыту вождения крупных авиационных масс на фронте вполне заслуживает присвоения звания “МАРШАЛ АВИАЦИИ”.

Командующий ВВС Красной Армии маршал авиации (Новиков) 28 ноября 1943 г.»[257].

Воинское звание «маршал авиации» Г.А. Ворожейкину было присвоено в августе 1944 г. Вместе с Григорием Алексеевичем тогда это звание получили видные авиационные военачальники: Ф.А. Астахов, Н.С. Скрипко, Ф.Я. Фалалеев, С.А Худяков.

В должности первого заместителя командующего ВВС Красной Армии Г.А. Ворожейкин работал до середины 1946 г., когда началась кампания по дискредитации Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Незадолго до этого на основании постановления СНК СССР от 16 марта 1946 г. был освобожден от должности Главком ВВС Советской Армии Главный маршал авиации А.А. Новиков. В июле того же года освобождается от должности и его первый заместитель маршал авиации Г.А Ворожейкин. Некоторое время (полгода) он командует 1-й воздушной армией, затем (февраль—май 1947 г.) находится в распоряжении Главкома ВВС (им после А.А. Новикова стал генерал-полковник авиации К.А. Вершинин). В мае 1947 г. Г.А. Ворожейкина увольняют в отставку. Официальная версия отставки — по болезни.

Началось второе «погружение во тьму»... Арестовали Григория Алексеевича И апреля 1948 г. по обвинению в антисоветской деятельности. А именно — его обвинили в том, что он, будучи враждебно настроенным по отношению к Советской власти (как же — бывший офицер царской армии, штабс-капитан!), с группой единомышленников (с кем именно, не сказано) длительное время проводил антисоветскую агитацию, высказывал «вражеские измышления в отношении вождя советского народа», клеветал на важнейшие мероприятия партии и правительства, восхвалял буржуазные порядки.

Маршал Ворожейкин также обвинялся в том, что, являясь во время Великой Отечественной войны первым заместителем командующего ВВС Красной Армии, принимал на вооружение авиачастей действующей армии дефектные самолеты, вследствие чего понижалась боеспособность советской авиации и происходило большое количество катастроф. Все эти обвинения

указывались в общей форме, голословно, ибо никаких конкретных фактов не приводилось.

За четыре года следствия Григорий Алексеевич испытал много мук — как физических, так и морально-психологических. И в период первого «сидения», и во время второго следствия ему приходилось вынужденно, после пыток, подписывать ложные протоколы допросов и признавать себя виновным в тех преступлениях, которых он никогда не совершал. Затем были отказы от этих «признательных» показаний и снова допросы с пристрастием.

Обвинительное заключение по так называемому делу ГА. Ворожейкина было утверждено заместителем министра государственной безопасности СССР полковником М.Д. Рюминым и заместителем Главного военного прокурора генерал-майором юстиции Д.И. Китаевым.

Итак, следствие по делу Г.А. Ворожейкина длилось четыре года. 21 апреля 1952 г. оно было передано в Военную коллегию Верховного Суда СССР. Обвинялся Григорий Алексеевич в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58— 10 и 193-17 п. «а» УК РСФСР. Спустя неделю (28 апреля 1952 г.) дело рассматривалось Военной коллегией в составе ее председателя генерал-лейтенанта юстиции А.А. Чепцова и членов: генерал-майора юстиции Л.Д. Дмитриева и генерал-майора юстиции И.М. Зарянова.

В приговоре суд хотя и указал, что ГА. Ворожейкин признал себя виновным, но в судебном заседании Григорий Алексеевич заявил следующее: «Виновным себя не признаю, но обвинение составлено очень тенденциозно, и я не могу со всем согласиться полностью». В дальнейшем же, как это следует из его показаний в суде, он фактически не признал себя виновным в совершении каких-либо преступных действий[258].

Представший перед судом маршал авиации Ворожейкин заявил, что в 1947 г. его уволили из армии под предлогом плохого состояния здоровья, хотя он тогда был совершенно и пригоден к военной службе. Григорий Алексеевич откровенно признался, что тогда, в 1947 г., он испытал чувство растерянности. Когда он обратился в райком партии с просьбой помочь устроиться на соответствующую его уровню работу, то ему, маршалу авиации, как бы в насмешку предложили должность заведующего баней. Разумеется, от этого «почетного» предложения он отказался.

Григорий Алексеевич был достаточно самокритичен в суде. Он не отрицал, что, оказавшись в сложной ситуации, «наговорил массу глупостей», однако маршал категорически отрицал

обвинение в том, что был враждебно настроен в отношении Советской власти. Нет, Ворожейкин не отрицал, что высказывался о тяжелом положении, в котором оказались колхозы после войны, о неудовлетворительном материальном обеспечении увольнявшихся в запас или отставку офицеров Советской Армии, что одобрительно отзывался о состоянии дорог в странах Европы.

Григорий Алексеевич не отрицал, что он неодобрительно отзывался о том, что советские военнослужащие, не по своей воле попавшие в плен к немцам, затем оказались в лагерях НКВД (МВД), тогда как в странах Запада своих военнопленных встречали с цветами, как героев. Не преминул Ворожейкин сказать и о незаконных арестах в 1937—1938 гг., в результате которых пострадал и он сам.

В протоколе судебного заседания записано, что, выступая на суде, Г.А. Ворожейкин говорил, что в Англии и Соединенных Штатах Америки депутат парламента может высказать любую критику в адрес правительства и даже президента, что «невозможно у нас в СССР». Говорил он и о том, что при обсуждении кандидатов перед выборами в высшие органы власти любой избиратель в названных странах может свободно критиковать выдвинутых кандидатов. В разговоре с женой в присутствии ее сестры он высказывал мнение о том. что и в нашей стране в списки для тайного голосования при выборах в высшие органы власти необходимо включать нескольких кандидатов, чтобы избиратель «мог сделать выбор». Говорил он также, что «у нас... могут арестовать любого человека и держать его тайно без суда в течение долгого времени»[259]. Арестованный маршал авиации утверждал, что в его высказываниях ничего антисоветского не было, он отрицал обвинение в высказывании вражеских измышлений в отношении «вождя советского народа». В то же время Григорий Алексеевич соглашался, что он был недоволен министром Вооруженных Сил СССР Н.А. Булганиным, которого считал виновным в необоснованном его, Ворожейкина, увольнении из армии. Говорил, что Булганин является безынициативным человеком, который не может решать самые простые вопросы. С юридической точки зрения все вышеизложенное трудно согласовывалось с проведением антисоветской агитации.

Следует отдать должное Г.А. Ворожейкину в том, что он в судебном заседании Военной коллегии с большим уважением отзывался о Г.К. Жукове (тот тогда был в опале), заявив: «Считал и считаю Жукова очень крупным полководцем... Жукова я считаю национальным героем». Несомненно, такие заявления подсудимого в отношении опального маршала делают честь

Ворожейкину, его мужеству и принципиальности. Не всякий арестованный на месте Григория Алексеевича рискнул бы сделать такое смелое высказывание.

Относительно поставки в ВВС Красной Армии дефектных самолетов. На суде Г.А. Ворожейкин заявил, что он не может взять на себя ответственность за поставку в ВВС недоброкачественных самолетов, поскольку это не входило в его компетенцию, и что Верховный Главнокомандующий возложил на него ответственность в Военно-Воздушных Силах за оперативную работу и за боевую подготовку фронтовой авиации.

В предоставленном ему последнем слове Г.А. Ворожейкин сказал, что он всю свою жизнь посвятил делу укрепления обороны страны. Даже находясь в тюрьме, он подготовил и направил в соответствующие инстанции четыре предложения,

способствующих повышению оборонной мощи Советского Союза. Григорий Алексеевич со всей ответственностью заявил: «Я никогда не был врагом Советской власти... и любовь к Родине у меня никто никогда не отнимет, даже обвинительное решение высокого суда»[260].

Военная коллегия признала Ворожейкина виновным в том, что он, будучи первым заместителем командующего ВВС Красной Армии во время Великой Отечественной войны, преступно халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей и не принял мер к прекращению приемки от авиационной промышленности на вооружение ВВС дефектных самолетов, что снижало боеспособность советской авиации в Отечественной войне.

В приговоре содержалось утверждение, что Г.А. Ворожей-кин, будучи озлоблен своим увольнением из Советской Армии, среди своего окружения в 1947 г. высказывал антисоветские суждения по вопросам карательной политики Советской власти и советской демократии. Наряду с этим он восхвалял буржуазные порядки, а также возводил клевету «на одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства». Известно, что имя И.В. Сталина в подобных документах никогда не называлось — он именовался «одним из руководителей партии и правительства».

В итоге Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Г.А. Ворожейкина виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58—10, ч.1 и 193—17 п. «а» УК РСФСР, и приговорила его к восьми годам тюремного заключения.

Вскоре после смерти И.В. Сталина находившийся в тюрьме Г.А. Ворожейкин был оправдан. Приказ 1947 г. о его увольнении из кадров Вооруженных Сил в отставку был в августе 1953 г. отменен, и Григорий Алексеевич еще почти шесть лет руководил

факультетом заочного обучения Военно-воздушной академии (до апреля 1959 г.). Вот что говорится о его деятельности на этом посту в аттестации от декабря 1958 г.:

«Маршал Ворожейкин Г.А. имеет многолетний опыт работы на руководящих командных должностях как в тылу, так и на фронте. Участник двух войн. В период Великой Отечественной войны приобрел большой опыт по использованию авиации. В качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандующего (так в оригинале. — Н.Ч.) координировал и возглавлял руководство действиями авиации на различных фронтах.

На должность начальника факультета заочного обучения академии назначен в декабре месяце 1953 года. Руководство факультетом осуществлял правильно. Подготовка слушателей на факультете производится организованно и с хорошими показателями. Маршал Ворожейкин уделяет постоянное внимание качеству и условиям подготовки заочников, для чего он поддерживает связь с кафедрами академии и строевыми частями с целью контроля за подготовкой заочников и оказания им помощи на местах.

За период его командования факультетом подготовлено и выпущено 1314 офицеров Военно-Воздушных Сил по трем профилям подготовки: командному, штурманскому и профилю авиационного тыла.

Государственные авиационные комиссии отмечали, что слушатели — выпускники заочного факультета получают достаточные знания боевого применения частей и соединений ВВС в современном общевойсковом бою и в различных условиях обстановки.

Лично маршал Ворожейкин работает над углублением своих военных и политических знаний. Принимает участие в общественной жизни, состоит членом Совета академии, выступает на собраниях партийного актива.

По состоянию здоровья нуждается в режиме рабочего дня и периодическом госпитальном лечении.

Идеологически выдержан, морально устойчив. Предан нашей Родине и Коммунистической партии Советского Союза.

ВЫВОД: Учитывая состояние здоровья и возраст целесообразно уволить в запас.

Начальник академии генерал-полковник авиации (Красовский) 25 декабря 1958 года»[261].

С содержанием аттестации и выводом согласился Главком ВВС маршал авиации К.А. Вершинин.

Приказом министра обороны СССР № 0421 от 4 марта 1959 г. маршал авиации Г.А. Ворожейкин теперь уже окончательно был

уволен в отставку с правом ношения военной формы одежды.

Умер Г.А. Ворожейкин в Москве 30 января 1974 г.

После освобождения и восстановления в кадрах РККА комбриг Дзенит Ян Петрович был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба РККА. В этой должности он работал до июня 1941 г. О качестве и эффективности работы преподавателя комбрига Я.П. Дзенита можно узнать из аттестации на него, написанной в конце октября 1940 г. врид начальника кафедры оперативного искусства академии генерал-лейтенантом Е.А. Шиловским:

«Комбриг тов. Дзенит Я.П. прибыл в Академию в июне 1940 г. Выполняет разработку по наступательной операции, которую ведет с присущей ему добросовестностью и исполнительностью.

Очень твердый, настойчивый и требовательный командир. Лично вполне дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину среди подчиненных.

Несмотря на значительный отрыв от оперативной работы (был арестован с декабря 1937 г. по февраль 1940 г. и освобожден за отсутствием улик и прекращением дела), обнаружил хороший оперативный кругозор и уменье вести теоретическую и практическую работу. Учитывая большой опыт т. Дзенита в прошлом по оперативно-тактической части, можно полагать, что он будет хорошим преподавателем в оперативной кафедре.

Лично знаю т. Дзенита по гражданской войне (16 армия) и по работе в МВО (он был начальником оперативного отдела), где он зарекомендовал себя с положительной стороны.

Представлен к званию генерал-майора».

Врид начальника Академии Генерального штаба генерал-лейтенант В.К. Мордвинов согласился с мнением Е.А. Шиловского: «На педагогической работе недавно. Опыт и большая практика дают гарантию, что с должностью справится. Достоин присвоения звания “генерал-майор”»[262]. Однако тогда Ян Петрович генеральского звания не получил.

В июне 1941 г. комбриг Дзенит стал заниматься подготовкой резервов для действующей армии. В дополнении к автобиографии он пишет: «В начале войны я был направлен в Одесский, а затем в Орловский военные округа на формирование резервов Главного Командования. При моей помощи сформировано несколько стрелковых и кавалерийских дивизий.

После удачного хода и окончания этих формирований я был вызван в Москву и назначен Уполномоченным Главного Управления Формирований и Генерального штаба при Сибирском военном округе»[263].

О плодотворной деятельности Я.П. Дзенита на данном посту

говорится в аттестации, данной в середине января 1942 г. командующим войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенантом Н.В. Медведевым:

«За пять месяцев своей работы в войсках Сибирского военного округа комбриг тов. Дзенит Я.П. показал себя энергичным, волевым командиром. Оказал большую помощь Военному совету в отношении формирования дивизий, бригад, развертывания и контроля боевой подготовки, материального обеспечения и отправления на фронт.

Тов. Дзенит работает не считаясь со временем, ни с расстоянием. В любое время суток его можно видеть в частях, энергично устраняющим замеченные недостатки и своевременно информирующим Военный совет об устраненных недостатках.

Считаю, что комбриг тов. Дзенит достоин звания генерала».

Его непосредственный начальник в Москве — начальник Управления формируемых частей и соединений Главупраформа РККА полковник Ф.И. Вахитов к вышеизложенному добавил: «Комбриг тов. Дзенит твердый, энергичный, волевой, требовательный и дисциплинированный командир. Знает военное дело. Умеет организовать боевую подготовку соединений.

В формировании дивизий и бригад работает с энтузиазмом.

Предан делу партии Ленина—Сталина. Достоин присвоения звания генерала»[264].

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 22 января 1942 г. Я.П. Дзениту было присвоено звание «генерал-майор». Кстати, тем же постановлением стал генералом и начальник Яна Петровича полковник Ф.И. Вахитов.

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант П.В. Медведев высоко ценил организаторские качества Я.П. Дзенита. Когда в округе освободилась должность заместителя командующего, то Никифор Васильевич стал ходатайствовать о назначении на нее Я.П. Дзенита. А поначалу он издал приказ о допущении Яна Петровича к исполнению этой должности. За подписью командующего и члена Военного совета округа корпусного комиссара А.Ф. Колобя-кова в конце мая 1942 г. в Москву был послан служебный отзыв на генерал-майора Я.П. Дзенита. Приведем его содержание:

«Энергичный, решительный, требовательный, грамотный в военном отношении командир. Имеет богатый опыт командования частями и штабной работы. В работе трудолюбив и не считается со временем. Будучи особым уполномоченным по Формированию Упраформа Красной Армии при СибВО, большую помощь оказал Военному Совету в вопросах нормирования, постановке учебы в частях. Проявлял исключительную заботу о

своевременном укомплектовании частей людским и конским составом, а также обеспечении вооружением, другими видами снабжения. Назначением замкомвойсками округа активно включился на поднятие боевой подготовки войск и военных училищ округа.

Подлежит утверждению в должности»[265].

В должности заместителя командующего войсками Сибирского военного округа Я.П. Дзенит был утвержден и исполнял ее до апреля 1944 г. Круг его обязанностей был достаточно широк. Вот что об этом говорит сам генерал Дзенит в дополнении к автобиографии: «Как в роли Уполномоченного Главупраформа и Генерального штаба, так и в должности зам-комвойск моей работой было: формирование и обучение дивизий, бригад и отдельных частей для фронта и подготовка резервов в запасных частях.

За это время, при моем активнейшем участии, было сформировано, обучено и отправлено на фронт 54 соединения и обучено в запасных частях и отправлено на фронт более миллиона солдат, сержантов и офицеров.

Сибирские резервы считались на фронте одними из лучших соединений и пополнений. Качеству обучения этих резервов, безусловно, способствовал приобретенный мною опыт обучения войск в мирное время.

Чтобы дать необходимое качество обучаемых резервов, кроме обучения офицеров формируемых соединений, мною, путем пропуска через учебные сборы, было специально обучено 27 ООО офицеров запасных частей и военных училищ, которые потом обучали младших офицеров, сержантов, солдат.

Эта работа по формированию и обучению соединений и обучению резервов в военных училищах и запасных частях, дала мне огромный опыт ускоренного формирования и обучения соединений в военное время при массовом развертывании формирований и обучения офицеров, сержантов и солдат в военных училищах, в учебных и линейных запасных частях в качестве пополнений для фронта.

Эти формирования в большинстве своем снабжались и частично вооружались за счет местных ресурсов, что дало большой опыт по изысканию этих ресурсов.

Кроме того, Сибирский округ был округом, куда эвакуировалось и размещалось большое количество воинских частей, госпиталей, учреждений, военных заводов и сотни тысяч семей военнослужащих и гражданского населения. Это дало большой опыт по организации военного и гражданского тыла.

Чтобы проделать эту огромную работу, мною за этот период

пройдено на самолете 59 ООО километров.

За эту работу я был удостоен в начале 1942 года звания генерала и в конце 1942 г. награжден орденом “Красное Знамя”.

Кроме проделанной большой работы и получения практического опыта я подробно изучил территорию Сибири и Алтайского края: Красноярского края, Тюменской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей, Алтайского края до монгольской границы и восточную часть Монголии до г. Кобдо. Работая по специальному заданию, изучил горную часть Сибири, прилегающую к монгольской границе, т.е. Алтайские горы в направлении Бийск, Кобдо и горную часть в направлении Абакан, Верхне-Удинское — до границы»[266].

Все сказанное выше нашло свое отражение в аттестациях и служебных отзывах на Я.П. Дзенита за 1942—1944 гг. Во всех этих документах соответствующие должностные лица делали один вывод: «Занимаемой должности вполне соответствует. В боевой обстановке может командовать стрелковым корпусом».

Однако не все было ладно во взаимоотношениях лиц руководящего состава Сибирского военного округа. Если с командующим войсками и начальником штаба округа у Яна Петровича сложились хорошие деловые отношения, то с членом Военного совета генерал-майором А.Ф. Колобяковым они были весьма натянутыми. Видимо, Александр Филаретович Колобяков с подозрением относился к командирам, побывавшим в учреждениях НКВД, рассуждая примерно так: «Раз взяли, значит, что-то было!» Свидетельством этих трений в руководстве округом служат приводимые ниже документы.

«Начальнику Главного управления кадров Красной Армии
генерал-полковнику т. Голикову

Заместитель командующего войсками Сибирского военного округа генерал-майор Дзенит, по национальности латыш, оперативный работник и разведчик, энергичный и инициативный, по характеру волевой и решительный.

Здоровье хорошее. На фронте не был, следовательно опыта Отечественной войны не имеет.

Считаю, что желательно для пользы дела генерал-майора Дзенит отправить в действующую армию, а на его место прислать хорошего строевика, тактика с опытом Отечественной войны.

Это очень важно и потому, что комвойсками генерал-лейтенант Медведев и начштаба округа генерал-майор Помощников на фронте так же не были, а следовательно, опыта Отечественной войны тоже не имеют.

Исходя из изложенного, прошу Вас генерал-майора Дзе-нит назначить в латышскую воинскую часть действующей армии.

При этом докладываю Вам, что комвойсками генерал-лейтенант тов. Медведев, ценя генерал-майора Дзенит, как хорошего работника, отрицательно относится к его откомандированию из округа.

Член Военного совета СибВО генерал-майор (Колобяков)»[267].

Эта докладная записка (ее можно назвать и рапортом) датирована 20 марта 1944 г. Не дождавшись ответа, А.Ф. Колобяков спустя месяц вторично обращается к тому же генерал-полковнику Ф.И. Голикову:

«Еще раз прошу Вас перевести из округа и направить в действующую армию заместителя командующего войсками генерал-майора Дзенит, так как пребывание его в округе на должности зам. ком. войсками становится уже невозможным.

Своими недостойными для генерала деяниями он крепко подорвал свой авторитет, а именно:

1. Часто пьет, а на питейное дело берет (пользуясь правами замкомвойсками) в госпиталях спирт, коньяк и вино. В одном только Красноярском госпитале № 336 им было взято и выпито 20 литров.

2. Сожительствует со многими женщинами, причем, пользуясь служебным положением, лично подбирает для этой цели женщин из числа врачей. Для этой же цели подобрал себе женщину в полку связи и держал ее 4 месяца в качестве своего адъютанта.

3. Допускает грубые перегибы в дисциплинарной практике, арестовывает и сажает на гауптвахту офицерский состав. Будучи в части, отстраняет командиров от должности и т.п.

Кроме того, я уже Вам докладывал, что генерал-майор Дзенит опыта Отечественной войны не имеет.

По опыту и подготовке он оперативный работник и разведчик, а следовательно больше принесет пользы в действующей армии, и как латыш, в латышских частях. Состояние его здоровья хорошее.

Еще раз прошу учесть все мною доложенное и командировать генерал-майора Дзенит в действующую армию, а на его место назначить человека с опытом Отечественной войны, хорошего тактика и строевика.

Член Военного совета Сибирского военного округа генерал-майор (Колобяков)»[268].

Эта докладная записке А.Ф. Колобякова наконец-то «сработала» — из Москвы в округ прибыла авторитетная комиссия в составе двух генералов с целью проверки его руководящего состава. Несомненно — прежде всего разбираться с генерал-майором Я.П. Дзенитом. Вот что об этом он сам писал 16

июня 1944 г. в своей подробной объяснительной записке, составленной уже в Москве. Эту записку Дзенит адресовал на имя начальника ГУКФ.И. Голикова, которого он много лет знал по довоенной службе в Приволжском военном округе. Там Филипп Иванович в 1931—1936 гг. командовал 95-м стрелковым полком и 61-й стрелковой дивизией, а Ян Петрович был заместителем начальника штаба округа и командиром 86-й стрелковой дивизий. В указанной записке Я.П. Дзенит ответил на каждый пункт обвинений в его адрес.

«ОБЪЯСНЕНИЯ

По донесению члена Военного совета СибВО генерал-майора Колобякова и выводам комиссии (в составе) члена Военного совета Главупраформа Красной Армии генерал-майора Изотова и инспектора Главного Политического Управления Красной Армии генерал-майора Богаткина, Вами мне, как бывшему заместителю комвойсками СибВО, предъявлены следующие обвинения:

1. Что я, бывая в войсках, грубо относился к офицерам и третировал офицеров.

2. Что я чрезмерно нарушал дисциплинарную политику и практику.

3. Что, бывая в войсках, я использовал свое служебное положение, пьянствовал.

4. Что я, используя свое служебное положение, сожительствовал с женщинами.

На поставленные вопросы докладываю:

1. Грубо к офицерам не относился. Кого нужно я пробирал, исправлял ошибки офицеров, а главным образом учил и воспитывал.

Я всегда был и буду требовательным: проберу, объясню, потребую и научу.

Вся масса офицеров СибВО и убывших на фронт плохого отзыва обо мне не даст.

Поэтому это обвинение я отвергаю. Пусть изложат факты, уверен, что такие “факты” я опровергну.

2. За два с половиной года я наложил дисциплинарных взысканий не более чем на 12 офицеров. Среди них были следующие 4 случая особых взысканий:

а) Два офицера — лейтенанта, как слушатели офицерских сборов, дезертировали со сборов, пробыли в дезертирстве трое суток, и были доставлены на сборы через военных комендантов. Я объяснил им всю тяжесть их поступка и желая их воспитать, вместо отдачи под суд, посадил их на гауптвахту на 10 суток. Через сутки я зашел к ним на гауптвахту и одного, осознавшего свой поступок, сразу выпустил (он сейчас работает у меня моим

адъютантом, находится в Москве и может быть опрошен), а другой не осознал своего поступка, отсидел 10 суток и убыл в батальон резерва для дальнейшего воспитания.

б) Один офицер — слушатель сборов, старший лейтенант, за систематическую симуляцию и дезертирство от боевой подготовки, был арестован на гауптвахту. Он полностью свою вину признал и потом стал хорошим командиром.

в) Один офицер — слушатель сборов, капитан, заместитель командира батальона военного училища, за трехкратное воровство продуктов на кухне (будучи дежурным по кухне) и организацию пьянки на кухне был арестован на 10 суток на гауптвахте. Впоследствии приказом НКО он был разжалован в старшие лейтенанты с понижением в должности и отправкой в войска. Все эти меры были приняты с целью его воспитать, а не судить. Этот командир сейчас хорошо ведет — исправляется.

Все эти аресты применены в порядке дисциплинарного устава, поскольку на сборах была войсковая организация — из офицеров были созданы отделения, взводы, роты и батальоны и в этой организации применялся дисциплинарный устав Красной Армии.

Из изложенного видно, что дисциплинарные взыскания не были моим методом воспитания — фактами этого не докажут.

3. Никогда не пьянствовал и не выпивал. Никто этого не докажет и не покажет, ибо таких фактов не бывало.

Догадываюсь, что причиной суждения являются случаи выписки для меня из Красноярского военного госпиталя вина и коньяку, за что я дважды уплатил стоимость таковых, что квалифицируется как злоупотребление служебным положением. Свидетельскими показаниями я могу доказать, при каких условиях и обстоятельствах выписывалось вино и коньяк и что это не были ни пьянство, ни использование служебного положения. Об этом меня никто не спросил и в последние дни комвойсками заставил вторично уплатить стоимость, в то время как за это было уплачено. Часть же этого вина мне была выписана как действительно больному, что могут подтвердить врачи, но и за это, не спрашивая меня, заставили уплатить деньги.

В последний день отъезда из Новосибирска, т.е. 9 июня 1944 года мне стало известно, что была попытка зам. Ком. войсками по М.О. (материальному обеспечению. — Н. Ч.) генерал-майора Жукова и члена Военного совета генерал-майора Колобякова на выписанный для меня врачами для лечебных целей денатурат, спирт-сырец или вследствие отсутствия сырца или денатурата — чистый спирт, составить материал, якобы выписывался чистый спирт для питья, в чем и вновь, видимо, представляют

использование мною служебного положения.

Я могу привести в свидетели нескольких врачей и массажисток, которые подтвердят, что все расходовалось для лечебных целей — массажа, обтирания.

Попытка члена Военного совета генерал-майора Колобякова найти в этом злоупотребление является следствием незнания дела, нашептывания со стороны злых языков, или, что может быть хуже, недобросовестным использованием своего служебного положения по отношению ко мне, поскольку я раньше лично обращался к генерал-майору Колобякову за разрешением выписать для лечебных целей спирт-сырец или денатурат.

Все это чепуха, я имею право за деньги пить и имею право на лечение.

4. Развратом с женщинами не занимался, но встречаться с женщиной я права не лишен. Если это так важно и кому-либо особенно нужно, о своем быте могу дать личную справку. Видимо, большая беда заключается в том, что я был холост[269] и вокруг меня, видимо, было много предположений и разговоров — кое-кто строил расчеты, а кое-кто и сплетничал, а кое-кто все это суммировал.

II

Я грубостью людей не воспитывал, а учил всегда показом. Я не пьянствовал и не развратничал.

Я был непрерывно, без достаточного сна и отдыха, занят делом подготовки резервов для фронта.

1. Помогал отправке на фронт более 80 соединений, в каждом соединении был два-три раза — формировал, обучал и отправлял на фронт.

2. По два-три раза в год проверены все запасные бригады округа, а их было в округе шесть бригад — всем помогал в учебе.

3. Проверены все военные училища округа, а в округе их было 11 училищ, всем оказал помощь. Кроме того, различная помощь оказана специальным военным училищам и частям.

4. В 1943 году с целью переподготовки офицерских кадров проведено пять офицерских сборов, на коих через мои руки обучения прошел весь офицерский состав округа.

5. Мною проделана большая опытно-испытательная работа по методике обучения войск и разработан ряд методических печатных работ по этому вопросу.

6. Вновь оформлены... почти все стрельбища, учебные поля и полигоны и много другой организационно-хозяйственной работы проделано.

7. Военный совет округа мне поручал самые сложные и самые ответственные участки: там, где появлялась возможность неблагополучия, туда бросали меня и я сам устремлялся туда.

8. Чтобы провести эту работу больших масштабов на обширной территории СибВО, для своих передвижений (чтобы всюду поспеть) я пользовался самолетом и мною пройдено по воздуху в Сибири около 57 ООО километров.

9. Из двух с половиной лет работы в СибВО я в Новосибирске был неполных два месяца.

Из изложенного выше видно, что дело было не до пьянства и не до развратничания.

За эту работу я был удостоен звания генерала и награжден орденом “Красное Знамя”.

III

За два с половиной года работы в СибВО мне никто не сделал ни одного серьезного замечания ни по работе, ни по быту.

Зимой 1943—1944 года комвойсками генерал-лейтенант Медведев мне сказал, что ему докладывают, что вокруг меня вьются женщины. Я ему ответил, что докладывают неправду и что если будут виться, я их разгоню.

Тут же с генерал-лейтенантом Медведевым я решил мой семейный вопрос, который для меня складывался тяжело (я все время был в командировках и дети были без присмотра).

Ни член Военного совета генерал-майор Колобяков, ни член Военного совета Главупраформа генерал-майор Изотов, ни генерал-майор Богаткин со мной ни разу не разговаривали.

Как же так могло случиться, что по квалификации генерал-майора Колобякова два с половиной года я якобы “грубил”, “пьянствовал”, “развратничал” и т.д. и никто не смел ни слова сказать.

Ведь меня могли и надо было призвать к порядку, сказать лично или поставить вопрос на Военном совете.

Я не выставляю себя каким-то идеалом без недостатков. Недостатки есть у каждого человека. Недостатки есть и у меня, но какие они и как их квалифицировать. Если у меня в моей работе видели недостатки, почему же мне не сказали, не делали замечаний, предупреждений, не поправляли и т.п. Этого сделано не было, а надо было выяснить, верно это или нет.

Наконец, как стало мне сейчас известно, занимались расследованием генералы Изотов и Богаткин, но со мной никто не говорил, не спрашивали, не выясняли. Я генерал, был замкомвойсками, неужели я недостоин, чтобы со мной поговорили, если обо мне шло дело. Страннее всего, что этого не сделали такие большие политические работники.

Из этого могу сделать только один вывод, что все они сами колебались в обоснованности своих заключений, почему (и) не хотели их прямо предъявить. Эго не отвечало бы мнению массы офицерского состава округа. И кроме того, полагаю, что против моей огромной работы они стеснялись выступать с этими делами и решили обвинять тайно, заочно.

Заявляю не хвастливо и не голословно, что можно проверить, что в округе среди войск и офицерского состава я пользовался большим авторитетом.

Я работал с большим подъемом и исключительной энергией, моей работой были довольны и поручали все новые и новые, более ответственные работы, почему не скрою, что за такую плодотворную работу во всех отраслях жизни войск я был убежден, что могу заслужить повышения в звании, повышения в должности и еще могу быть награжден, а получил неожиданно из-за угла как бы “нож” в спину. За что, какую это преследует цель и

кому это нужно, не понимаю. Нельзя так безобразно относиться к человеку — генералу и одной тайной бумажкой смазать 22-летнюю работу генерала.

Здесь, уже в Москве, мне было сказано, что я якобы в Сиб-ВО себя скомпрометировал. Не пойму, как так получается: “скомпрометировал” или “скомпрометировавший” сам об этом не знает до приезда в Москву, почему ясно, что эта “компрометация” есть формация члена Военного совета генерал-майора Колобякова, которую в чистом виде приняли генералы Изотов и Богаткин, не потрудившись выяснить и проверить.

Я полагаю, что неверно таким людям, как генерал Колобяков, действовать подобным способом.

Генерал-майор (Я. Дзенит) 16 июня 1944 г.

Москва»[270].

Здесь необходимо отметить, что усилия А.Ф. Колобякова отправить руководящий состав Сибирского военного округа «за опытом Отечественной войны» увенчались успехом. Вслед за Я.П. Дзенитом был откомандирован в действующую армию и командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н.В. Медведев. С июля по ноябрь 1944 г. он состоял в распоряжении Военного совета 1-го Белорусского фронта (им командовал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский), выполняя его поручения, связанные с боевыми действиями войск в Белорусской операции. С ноября 1944 г. и до конца войны Н.В. Медведев успешно командовал 17-м гвардейским стрелковым корпусом в составе 4-го Украинского фронта. В действующую армию «загремел» и начальник штаба СибВО генерал-майор А.И. Помощников, назначенный заместителем начальника штаба 1-го Прибалтийского фронта. Погиб 30 сентября 1944 г.

В этот же период судьба Я.П. Дзенита чуть не сделала весьма крутой поворот — он мог стать членом правительства Латвийской ССР. Дело в том, что приближалось время освобождения Латвии от немецко-фашистских захватчиков и ЦК Компартии Латвии заранее подбирал кандидатуры на посты республиканских министров (наркомов). Ян Петрович Дзенит рассматривался в качестве одного из кандидатов на должность наркома обороны республики. В его личном деле есть небольшой, но весьма интересный документ под названием «Замечания по изучению кандидата». В нем говорится:

«На Дзенит Яна Петровича

По своим деловым и политическим качествам подходит на должность наркома обороны Латвийской республики.

Секретарь ЦК КП(б) Латвии гов. Калнберзин с кандидатурой тов. Дзенит согласен»[271].

Однако назначение это по каким-то причинам не состоялось. Предоставим слово самому Я.П. Дзениту: «В мае 1944 года я был отозван из Сибирского военного округа для направления на фронт.

В Москве работал около месяца председателем уставной комиссии и при моем участии были разработаны проекты: нового строевого устава, нового устава внутренней службы и нового дисциплинарного устава.

В конце июня 1944 года я был направлен на фронт на участок 2-го Белорусского фронта и назначен заместителем командующего армией (49-й армией. — Н.Ч.).

Я прибыл на фронт в разгар летних наступательных операций 1944 года в Белоруссии и был назначен командующим группой по уничтожению окруженной восточнее Минска группы противника.

В результате операции было уничтожено около 20 ООО немецких солдат и офицеров и сдалось в плен 6 немецких генералов и около 20 ООО солдат и офицеров.

Я получил практику как окружать, раскалывать на отдельные группы и уничтожать окруженного противника.

В дальнейшем, в качестве зам. командующего, я организовывал отдельные бои и координировал действия корпусов в процессе преследования, наступления, атаки и прорыва остановившегося и организовавшего оборону противника, окружения и его уничтожения.

Этот период боев дал мне богатый опыт преследования, борьбы и уничтожения окруженных группировок, организации наступления и прорыва укрепленных позиций и применения различных форм наступательного боя»[272].

Уже в первые месяцы пребывания в боевой обстановке Я.П. Дзенит показал себя умелым военачальником. Недаром же через два с половиной месяца после прибытия в 49-ю армию ее командование представило Яна Петровича к ордену Кутузова 2-й степени. В наградном листе говорилось:

«Генерал-майор Дзенит за время пребывания в армии показал себя дисциплинированным, культурным, образованным военачальником.

Имеет фундаментальную теоретическую военную подготовку и богатый практический опыт по руководству войсками.

В период ликвидации окруженной группировки противника под г. Минск генерал-майор Дзенит лично руководил операциями соединений, выделенных специально для этой цели.

В процессе летних наступательных операций армии генерал Дзенит, находясь непосредственно в войсках, настойчиво проводил мои решения в деле выполнения боевых задач

войсками.

Генерал Дзенит проявил максимум энергии и настойчивости в выполнении войсками боевых задач при прорыве обороны противника на р. Свислочь, при овладении крепостью Осовей и в операции по ликвидации Ломжинской группировки противника.

В бою смел и решителен.

Достоин награждения правительственной наградой — орденом Кутузова 2-й степени.

Командующий войсками 49 армии генерал-лейтенант (Гришин)

Член Военного совета 49 армии генерал-майор (Сычев) 17 сентября 1944 г.»[273].

Прошло еще два месяца, и в середине ноября 1944 г. командование 49-й армии представило Я.П. Дзенита к очередному воинскому званию «генерал-лейтенант», которое ему было присвоено только в апреле 1945 г.

Однако вернемся к рассказу Я.П. Дзенита: «В дальнейшем, по выходе на реку Нарев, армия перешла к обороне и подготовке новых наступательных операций 1945 года.

Этот период проходил в условиях двух видов боевой работы:

первый — организация и ведение оборонительных действий;

второй — подготовка резервных дивизий и частей для прорыва и наступательных операций.

Была проведена большая работа по организации и созданию обороны и одновременно по обучению резервов для наступательных операций.

В первом случае я приобрел большой опыт по организации и созданию обороны, а во втором случае, при подготовке резервов я чувствовал себя свободно, так как прежний опыт по обучению в мирное время и опыт работы по обучению сибирских резервов очень помог.

Однако здесь было очень много нового, ибо пришлось работать в фронтовых ускоренных условиях и в этом я приобрел много опыта, но прежний опыт давал возможность быстро ориентироваться и находить необходимые способы работы на фронте.

Далее я активно действовал в организации прорыва на р. Нарев и проведении боев в Восточной Пруссии.

Далее совершались крупные перегруппировки армии в сторону фланга на 250 км, форсирование р. Висла, бой за р. Висла, движение на северо-запад и север и овладение многими городами и таким крупным городом, как Данциг.

Это дало большой опыт организации и проведения больших наступательных операций, преследования и уничтожения

противника, форсирования крупных речных преград и овладения с напряженными боями важными узлами и городами.

Далее вновь последовала большая перегруппировка армии в сторону фланга на запад на 200 км и подготовка к форсированию р. Одер, а за ней преследование противника в глубь Германии до победы»[274].

Об активном участии Я.П. Дзенита в подготовке и проведении упомянутых выше наступательных операций (Восточно-Прусской, Восточно-Померанской, Берлинской) говорят хотя бы факты представления его к государственным наградам. В наградных листах дается краткая характеристика его отличий и вклада в общее дело победы над врагом. Например, представляя своего заместителя к ордену Отечественной войны 1-й степени, командарм И.Т. Гришин так оценивает его деятельность:

«Генерал-майор Дзенит в период подготовки армии к наступательным операциям уделил много внимания боевой выучке войск к предстоящим боям, находясь большую часть времени в частях на учениях.

При прорыве сильно укрепленной обороны противника на плацдарме за р. Нарев и южной границы Восточной Пруссии, находясь... непосредственно в войсках, т. Дзенит выполнял поручения по проверке правильного выполнения войсками поставленной задачи.

Выполняя задания в войсках, т. Дзенит настойчиво проводил решения Военного совета в деле выполнения войсками поставленных задач...»[275]

Сразу после разгрома гитлеровской Германии генерал-лейтенант Я.П. Дзенит был представлен к полководческому ордену Кутузова 2-й степени (командармы, как правило, получали этот орден 1-й степени, а их заместители и начальники штабов — соответственно, второй степени). Дело в том, что представление Я.П. Дзенита к ордену Кутузова от сентября 1944 г. было изменено и он тогда получил орден Красного Знамени.

В последнем наградном листе времен Великой Отечественной войны характеризуется деятельность заместителя командарма-49 на заключительном этапе боевых действий (он датирован 19 мая 1945 г.):

«Генерал-лейтенант Дзенит показал себя настойчивым и решительным генералом, умело применяющим опыт и знания в деле выполнения войсками поставленных боевых задач.

При взятии г. Данциг генерал-лейтенант Дзенит находился все время в войсках, настойчиво проводил решения Военного совета в деле выполнения войсками поставленных задач.

При форсировании р. Одер под огнем противника т. Дзенит

шел на дамбу и личным присутствием помогал войскам сломить ожесточенное сопротивление противника и форсировать сложную водную преграду.

При переходе армии к преследованию противника на протяжении 200 км т. Дзенит непосредственно руководил 8-м мех-корпусом, контролировал его действия и проводил в жизнь приказы Военного совета армии, чем способствовал быстрейшему разгрому противника...»[276]

Однако и к деятельности такого рьяного служаки, как Я.П. Дзенит, который буквально дневал и ночевал в войсках, у командарма генерал-полковника И.Т. Гришина и члена Военного совета генерал-лейтенанта В.А. Сычева были определенные претензии. О чем они не преминули сказать в боевой характеристике на Я.П. Дзенита от 2 марта 1945 г. В частности, они указали на то, что «...тов. Дзенит недостаточно проявляет личной инициативы при выполнении заданий. При оценке обстановки имеет склонность усложнять ее»[277].

Этот «негатив» был несколько расширен в аттестационном листе на Я.П. Дзенита, подписанном 4 июня 1945 г. теми же И.Т. Гришиным и В.А. Сычевым. Наряду с положительными сторонами его деятельности в этом документе отмечены и следующие недостатки:

«1. Мало проявляет инициативы и допускает излишнюю осторожность в ряде вопросов.

2. В оценке обстановки имеет склонность переоценивать противника и привести к пассивному решению.

3. В докладах недостаточно объективен, берет только худшую сторону, не учитывая хороших и поучительных образцов работы.

4. Имеет склонность к переоценке своих способностей и пренебрежение к творческой инициативе подчиненных».

И делается вывод: «Занимаемой должности соответствует. В мирное время может быть использован в должности зам. командующего войсками округа»[278].

Короче говоря, за годы войны Я.П. Дзенит нисколько не продвинулся в должности: он начинал свою деятельность заместителем командующего войсками округа, на эту же должность и предназначался после ее окончания. Это, конечно, огорчало Яна Петровича. Но главным же событием для всех советских людей была Победа, в достижение которой свой посильный вклад внес и генерал Дзенит.

В июле-августе 1945 г. 49-я армия была передислоцирована в Горьковскую (ныне Нижегородскую) область и в августе расформирована. Полевое управление армии было обращено на формирование управления Горьковского военного округа.

Командующим войсками округа был назначен генерал-лейтенант И.К. Смирнов, а его заместителем — генерал-лейтенант Я.П. Дзенит.

Из дополнения к автобиографии Я.П. Дзенита: «В дальнейшем, после победы, я уже в качестве исполняющего обязанности командующего армией, расформировал армию и часть ее, с 35 тыс. бывших пленных и репатриированных, выводил походом в СССР на расстоянии 1500 км; и в дальнейшем, от польской границы, перебрасывал по железной дороге и автотранспортом во внутренний округ в гор. Горький.

Это дало большой опыт по расформированию соединений и частей, выводу больших масс походом на большие расстояния и переброске по железной дороге и автотранспортом...»[279]

Послевоенная служба генерал-лейтенанта Я.П. Дзенита складывалась следующим образом. В 1945—1946 гг. он работал заместителем командующего войсками Горьковского, в 1946—1948 гг. — заместителем и помощником командующего войсками Прикарпатского, в 1948—1949 гг. — помощником командующего войсками Южно-Уральского военных округов. Приведем одну из аттестаций на него того периода:

«В занимаемой должности (помощника командующего войсками Прикарпатского военного округа по строевой части. — Н.Ч.) с августа 1946 г. За период службы в Советской Армии с 1918 года приобрел большой опыт командной и штабной работы. В период Отечественной войны на самостоятельной командной работе не был. На фронте был менее одного года в должности заместителя командарма.

Генерал Дзенит хорошо знает методику и практику подготовки мелких подразделений. В период подготовки к учебному году осенью 1946 года, а также весь период 1947 учебного года генерал Дзенит неутомимо работал непосредственно в войсках. Под его руководством была проведена большая методическая подготовка офицерского состава от командира взвода до командира полка.

Работая в частях, генерал Дзенит оказал большую помощь командирам частей и соединений в правильном планировании, организации и улучшении методики подготовки войск.

Лично генерал Дзенит дисциплинирован, трудолюбив, к подчиненным требователен. По характеру не всегда уравновешен, иногда допускает невыдержанность и грубость. Идеологически выдержан, морально устойчив.

ВЫВОД: Занимаемой должности пом. командующего войсками округа соответствует. Обратить внимание на повышение идейно-теоретического уровня.

Командующий войсками округа гвардии генерал-полковник (Галицкий) 17 ноября 1947 года»[280].

После окончания в 1950 г. Высших академических курсов Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова Ян Петрович был назначен начальником кафедры общей тактики и оперативной подготовки Военно-инженерной академии, которой затем руководил семь лет. Через два года работы в этой должности он был аттестован. Вот что отмечалось в этой аттестации:

«Генерал тов. Дзенит в должности начальника кафедры общей тактики и оперативной подготовки работает с августа 1950 г. Руководимая им кафедра в основном справляется с учебными планами, обеспечивает нормальный учебный процесс слушателей академии. Однако кафедра продолжает иметь много недостатков в учебно-методической и научно-исследовательской работе, отрицательно сказывающихся на качестве учебных занятий, не добилась до сих пор присущей ей ведущей роли среди других военно-инженерных кафедр. По заключению проверявшей академию инспекторской комиссии, кафедра т. Дзенит не обеспечила должной оперативно-тактической подготовки слушателей и отмечена, как отстающая.

Лично генерал Дзенит хорошо подготовлен в оперативнотактическом отношении, политически достаточно развит, обладает большим опытом командной и штабной работы на должностях от командира дивизии до пом. ком(андующего) войсками округа; имеет достаточный стаж преподавательской работы. Боевой опыт незначителен.

По своей натуре т. Дзенит трудолюбив, дисциплинирован, обладает достаточной силой воли, самолюбив, не в меру упрям и обидчив. Его слабые стороны: переоценка своих знаний и способностей, недооценка сил и способностей подчиненных лиц, противопоставление себя коллективу преподавателей кафедры, неумение опираться в работе на коллектив, излишняя болезненная обидчивость, неправильное реагирование на критику сверху и снизу.

Все указания или замечания о недочетах в работе кафедры обычно считает придиркой и личным оскорблением.

Указанные недочеты отрицательно сказываются на работе кафедры. Делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине предан.

ВЫВОДЫ: 1. Должности начальника кафедры соответствует.

2. В интересах дела целесообразней использовать на работе в войсках.

Зам. начальника академии по оперативно-тактической

подготовке гв. генерал-лейтенант (Лямин) 27 ноября 1952 г.»[281].

Начальник академии генерал-полковник инженерных войск И.П. Галицкий согласился с содержанием и выводами аттестации. В войска, конечно, Яна Петровича не отправили, и он еще пять лет руководил данной кафедрой. В марте 1957 г. по болезни он был уволен в отставку.

Умер Я.П. Дзенит в июле 1967 г.

После окончания Гражданской войны часть армейских политработников, получив хорошую боевую практику и закалку, изъявила желание перейти с политической на командную работу. После учебы на курсах комначсостава, сдав экзамены за курс военной школы соответствующего профиля (по видам и родам войск), бывшие комиссары и помполиты стали командирами батальонов, эскадрилий, полков, бригад, дивизий. Некоторые из них, переходя с политической работы на командную, на какое-то время теряли в должностной категории и, соответственно, в окладе денежного содержания. Но это не останавливало тех, кто решил стать профессиональным военным. Каждый из них мечтал окончить военную академию и получить высшее военное образование.

Особенно активно этот процесс перехода политработников на командную работу происходил в середине и второй половине 20-х годов. Тогда из политработников переквалифицировались в командиры (был комиссаром дивизии, стал командиром стрелкового полка) будущий Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Помполит корпуса М.П. Ма-гер стал командиром механизированной бригады. Вчерашние политработники (комиссары и начальники политотдела дивизий) тогда же стали командирами дивизий и бригад, комендантами укрепленных районов, начальниками военных школ: В.К. Васенцович, И.И. Василевич, Ф.И. Голиков, В.Г. Головкин, М.П. Карпов, М.Л. Медников, И.П. Михайлин, Н.А. Полянский, В.И. Репин, Ф.Ф. Рогалев, В.Ю. Рохи, Я.В. Смушке-вич, К.Х. Супрун, С.А. Уласевич, А.Т. Федин, Д.С. Фирсов, И.Я. Ворошилов, Я.Д. Чанышев, И.О. Шафранский, М.А. Шо-шкин, Г.М. Штерн и др.

Одним из таких политработников был Ян Янович Фогель, в звании «комбриг» занимавший накануне своего ареста должность командира 38-й стрелковой дивизии. За умелое руководство частями дивизии и достигнутые успехи он был в 1936 г. награжден орденом Красной Звезды.

Аресту Я.Я. Фогель подвергся 11 февраля 1938 г. Под следствием он находился до 9 мая 1941 г., т.е. более трех лет. При освобождении из тюрьмы Ян Янович получил на руки следующий документ:

«СПРАВКА

Выдана гр-ну Фогель Ян Яновичу, год рождения — 1898, происходящему из гр-н СССР, в том, что он с И февраля 1938 г. по 9-е мая 1941 года содержался в тюрьме № 1 г. Ростов н/Д и 9.5.1941 г. из-под стражи освобожден, как оправданный ВТ СКВО.

Начальник тюрьмы (подпись)»[282].

После освобождения Ян Янович был отправлен в запас и стал получать пенсию от Наркомата обороны. С октября 1941 г. по июнь 1942 г. он работал начальником военной кафедры Одесского института инженеров водного транспорта в г. Ростове-на-Дону, а затем в г. Самарканде. С июня 1942 г. по июль 1943 г., т.е. чуть более года, комбриг, а потом полковник (с 27 января 1943 г.) Я.Я. Фогель работал начальником отдела Всевобуча Приволжского военного округа. Об эффективности его работы в этой должности говорится в приведенном ниже документе:

«ХАРАКТЕРИСТИКА на начальника отдела Всевобуч Приволжского военного округа полковника Фогель Яна Яновича

Тов. Фогель Ян Янович, член ВКП(б) с 1914 года, уроженец Латвийской ССР, с. Дурэ, по национальности латыш. Образование: общее — 2-классное министерское училище, военное — Академия им. Фрунзе в 1933 году. Общее и политическое развитие имеет хорошее. Дисциплинирован, инициативен, требователен к себе и подчиненным. Силой воли обладает. В военном отношении подготовлен. Имеет хорошие организаторские способности. Организацией всеобщего военного обучения в округе руководит конкретно. Контроль за учебой организован. Об улучшении постановки боевой подготовки в системе Всевобуч проявляет большую заботу. Идеологически выдержан. Политически устойчив. Делу партии Ленина—Сталина предан.

Занимаемой должности соответствует.

И.Д. начальника штаба округа генерал-майор (Досик) 27 апреля 1943 г.».

Военный совет ПриВО согласился с данной характеристикой, сделав вывод: «Достоин выдвижения на должность командира бригады»[283].

Однако вместо бригады Я.Я. Фогель принял штаб 80-го стрелкового корпуса в 3-й армии генерала А.В. Горбатова. Должность эту Ян Янович принял в конце июля 1943 г. Надо сказать, что по своей натуре и предыдущей службе он больше пользы приносил на командных должностях и поэтому на штабной стезе Я.Я. Фогель пробыл всего лишь менее трех месяцев. Да и не все у него там получалось, что и видно из боевой характеристики, подписанной 10 октября 1943 г. его начальником

— командиром 80-го стрелкового корпуса генерал-майором И.Л. Рагулей:

«В занимаемой должности с 27.07.43. В масштабе дивизии — тактически грамотный офицер. Как штабной офицер — работает неорганизованно, подготовить все данные об обстановке и организованно добиться быстрого доведения решения командира до частей не может.

В своей работе не отделяет главного от второстепенного. Сколотить отделы штаба для работы в бою и нацелить их для выполнения боевого приказа не может. Совершенно отсутствует штабная культура и стиль штабной работы. Вопросом увязки своей работы с начальниками родов войск и служб совершенно не занимается. Всякими способами игнорирует деловую связь и контакт с политотделом корпуса.

Хозяйственными вопросами совершенно не занимается и не желает заниматься, в результате чего автотранспорт, полученный при формировании управления корпуса, растерян (брошено 2 легковых и 4 грузовых автомашины), довольствие личного состава управления корпуса на протяжении всего периода боев организовано не было. Авторитетом у подчиненных не пользуется.

Занимаемой должности не соответствует. Может быть использован на должности заместителя командира стрелковой дивизии»[284].

Полковник Фогель хотел уйти на командную должность. И вскоре такая возможность представилась — в середине октября 1943 г. он был назначен в той же армии заместителем командира 41-го стрелкового корпуса. Уже в ноябре того же года и боевая характеристика на него кардинальным образом отличалась от предыдущей:

«За короткий период пребывания в должности заместителя командира корпуса доказал себя только с положительной стороны.

В военном отношении подготовлен хорошо. Высоко дисциплинированный и исполнительный офицер. Выдержан. Требователен к себе и к подчиненным.

Делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине предан. Занимаемой должности соответствует.

Может быть использован в должности командира дивизии или начальника штаба корпуса.

Командир 41 стрелкового корпуса генерал-майор (Урбанович) 13 ноября 1943 г.»[285].

Данную боевую характеристику на Я.Я. Фогеля утвердили командарм-3 генерал-лейтенант А.В. Горбатов и член Военного

совета армии генерал-майор И.П. Коннов. А командующий войсками фронта генерал армии К.К. Рокоссовский, ознакомившись с данной характеристикой, 19 ноября 1943 г. наложил резолюцию: «Назначить командиром дивизии».

К этому времени Ян Янович уже неделю командовал 120-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизией в составе 41-го стрелкового корпуса. Если быть точнее, он был допущен к исполнению обязанностей командира этой дивизии. Здесь Я.Я. Фогель оказался на том месте, где он смог полностью раскрыть свои способности руководителя войскового соединения, использовать весь ранее накопленный опыт работы с командирами и штабами частей. Что и нашло свое отражение в боевой характеристике, составленной командиром корпуса в конце декабря 1943 г.:

«В занимаемой должности с ноября месяца 1943 года. 120 гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия под командованием тов. Фогель провела ряд успешных наступательных боев. Так, с 23.11.43 г. по 2.12.43 г. в наступательных боях в направлении Стар. Нов. Выч—Журавичи—Свержень части 120 гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии освободили от противника 31 населенный пункт, в том числе крупные населенные пункты Стар. Нов. Алешня, Березовка, Каменка, Довск и др., и вышли в районе Свержень на левый берег р. Днепр, уничтожив на рубеже Болотня—Каменка свыше 1000 солдат и офицеров противника.

В этих боях тов. Фогель показал себя храбрым, решительным и инициативным командиром соединения. Во время наступательных боев (особенно на пути Каменка—Свержень) тов. Фогель, не считаясь с опасностью для жизни, почти все время находился в боевых порядках своих частей и подразделений.

Личной отвагой и мужеством воодушевлял бойцов и офицеров.

Лично тов. Фогель высоко дисциплинирован, выдержан. Требователен к себе и к подчиненным. Тактически подготовлен. Недостаточно быстро и энергично выполняет приказания старших начальников...»[286]

Несколько раз гвардии полковник Я.Я. Фогель представлялся командованием 3-й армии к званию Героя Советского Союза. Одно из представлений датировано началом марта 1944 г. В нем, в частности, отмечалось:

«21 февраля 1944 г. 120 гв. СКД под командованием гв. полковника Фогель успешно и с малыми потерями форсировала р. Днепр в районе Вишин. Успех форсирования р. Днепр и захват плацдарма на правом берегу явился результатом тщательно

проведенных подготовительных мероприятий и умелого руководства, частями дивизии.

22.2.44 г. в бою за д. Шибрин, когда противник подбросил для контратаки наших частей большую группу 6-й пехотной дивизии с самоходными орудиями и танками и часть наших уставших бойцов заколебались, гв. полковник Фогель появляется в боевых порядках пехоты, героическим примером воодушевляет бойцов, восстанавливает положение, поднимает части в атаку и не только отражает контратаку противника, но и наносит новый удар и уничтожает контратакующую группу и тем самым обеспечивает продвижение частей дивизии вперед. Это позволило перерезать железную и шоссейную дороги Рогачев—Быхов, а 24 февраля дивизия успешно овладевает сильно укрепленным узлом сопротивления противника — городом и железнодорожной станцией Рогачев. В проведенных операциях гв. полковник Фогель показал умелое руководство и управление частями дивизии и проявил личную храбрость и бесстрашие.

Достоин правительственной награды — звания Героя Советского Союза»[287].

Однако на сей раз представление не было реализовано. Звание Героя Советского Союза Ян Янович получит, но несколько позже. А 120-я гвардейская стрелковая дивизия за указанные выше бои получила почетное наименование «Рогачевская».

Невзирая на тяжелые фронтовые условия, Я.Я. Фогель находил время для обобщения боевого опыта. Например, в своей статье «Бой на открытом фланге» Ян Янович писал:

«Во время стремительного наступления нашим частям нередко приходится вести бой, имея открытым тот или другой фланг, а иногда и оба вместе. Вопрос о способах обеспечения флангов командир решает каждый раз в зависимости от конкретных условий и сложившейся обстановки. В этом отношении характерны и поучительны бои, которые вела 120-я гвардейская стрелковая дивизия.

Перед фронтом дивизии противник занимал оборону на правом высоком берегу реки Днепр. Наиболее крупные прибрежные селения Вишино, хут. Покровское, Восов он превратил в опорные пункты, сосредоточив здесь много живой силы, минометов, артиллерии. В глубине, на удалении 5—10 километров от переднего края, располагались тактические резервы противника. В населенном пункте Мадоры находилось до батальона пехоты с 5—8 самоходными орудиями и танками. По всему переднему краю обороны были отрыты две-три траншеи полного профиля с необычайно развитой сетью ходов сообщения. Значительная площадь перед траншеями была заминирована.

Помимо искусственных укреплений, созданных противником, серьезным препятствием для наступающих являлась сама река с очень крутым правым берегом.

Перед нашими частями стояла задача — форсировать реку, штурмом взять укрепленную оборону противника и, развивая стремительное наступление в глубине вражеской обороны, овладеть городом Рогачев. Надо отметить, что войскам приходилось действовать при наличии открытого и необеспеченного левого фланга. Учитывая это обстоятельство, решено было направить в тыл немцам по широкой пойме реки специальный подвижной отряд. Он должен был проникнуть в район населенного пункта Мадоры, где у противника имелся промежуточный рубеж обороны, расстроить управление, связь и вызвать панику во вражеском тылу. Своими же основными силами дивизия форсирует реку на ее излучинах, южнее деревни Вишино.

Гвардейцы долго готовились к наступлению, готовились весьма тщательно и скрытно. Час штурма переднего края обороны был назначен на утро и объявлен незадолго до его начала. Скрытно, бесшумно выдвинулись части на исходное положение для штурма берега реки. Подразделения залегли в 150—200 метрах от переднего края немцев. Бойцы продвигались к берегу ночью с таким расчетом, чтобы быть на месте за час-полтора до начала штурма. Командиры подразделений находились непосредственно в боевых порядках пехоты. Было выделено большое количество орудий для стрельбы прямой наводкой по оживающим огневым точкам противника. Высланные еще с вечера в долину реки группы разграждения проделали проходы в немецкой проволоке и минных полях.

Раздались первые выстрелы нашей артиллерии. 15—20 минут она вела огонь по переднему краю, а затем перенесла его в глубину вражеской обороны. Стрелковые подразделения бросились на штурм. Бойцы быстро взбирались по крутым скатам западного берега реки. Дружно и стремительно ворвались они на передний край обороны немцев и очистили первые траншеи. Не давая противнику прийти в себя, части дивизии продвинулись к промежуточному рубежу Мадоры и захватили село.

Как же развивались в это время события на левом, открытом фланге дивизии? Подвижному отряду удалось с боями проникнуть в тыл противника. Частью сил отряд вел бой с отдельными группами немцев на промежуточном рубеже. Другая часть отряда, пробравшись в лес северо-восточнее Шибрин, столкнулась здесь со значительными силами противника и вынуждена была остановиться. Таким образом основную свою задачу отряд не выполнил, хотя он в некоторой степени и

облегчил захват промежуточного рубежа.

Итак, левый фланг дивизии был обнажен и находился под угрозой со стороны села Зборово, в котором у немцев были сосредоточены значительные силы. Противник мог в любое время ударить во фланг и тыл дивизии. Однако выделять какие-нибудь подразделения специально для охраны фланга было нецелесообразно, потому что это ослабило бы нашу пробивную силу и отрицательно сказалось на темпах наступления. Командир решил, что единственно правильным способом обеспечения фланга может быть решительное и быстрое продвижение дивизии вперед с тем, чтобы овладеть следующим промежуточным рубежом из линии Шибрин—Озерище и ударить во фланг и тыл находившейся в районе Зборово группировке противника. При этом становилось ясным, что если гвардейцы стремительно захватят Шибрин, они сразу же разрешат несколько важных задач: во-первых, надежно обеспечат открытый фланг, так как немцы вынуждены будут поспешно оставлять свой левобережный плацдарм; во-вторых, овладеют следующим промежуточным рубежом; в-третьих, расчленят основные силы противника. Впоследствии выяснилось, что стремительным продвижением разрешалась и еще одна задача. Дело в том, что немцы к этому времени сосредоточили в лесу, севернее Шибрин, внушительную группу танков, самоходных орудий и пехоты, чтобы нанести удар по правому флангу вырвавшейся вперед гвардейской дивизии. С занятием нашими частями Шибрин эта группа сама попадала в критическое положение.

Для выполнения перечисленных задач нужно было не столько количественное превосходство в живой силе и технике над противником, сколько решительность и быстрота действий. Вперед бросили головной отряд. Он был обильно насыщен огневыми средствами, особенно орудиями полковой и противотанковой истребительной артиллерии. Задачей отряда было — стремительно продвинуться по дороге от Мадоры до Шибрин, ворваться в это село и закрепиться на западной и юго-западной его окраинах.

Осуществление такого решения целиком себя оправдало. Немецкие гарнизоны, оставшиеся на левом берегу реки и угрожавшие контрударом нашему левому флангу, сами оказались в тяжелом положении. Гвардейская дивизия на правом берегу выходила им в тыл. Танки врага, сосредоточенные в лесу севернее Шибрин, были разгромлены противотанковыми средствами нашего головного отряда. Овладев Шибрин, гвардейцы быстро привели себя в порядок и, не уменьшая темпов, развивали дальнейшее наступление.

Этот бой целиком подтверждает правило, согласно которому стремительное продвижение частей вперед и быстрый темп удара по противнику являются лучшим средством защиты открытого фланга. Нанесение такого удара обеспечивается умелым сочетанием пехотного огня с действиями орудий прямой наводки, находящихся в боевых порядках пехоты»[288].

Под командованием полковника, а с 3 июня 1944 г. — генерал-майора Я.Я. Фогеля 120-я гвардейская стрелковая дивизия самоотверженно сражалась с немецко-фашистскими захватчиками. Особенно она отличилась в боях на территории Белоруссии летом 1944 г. Дивизия, прорвав сильно укрепленную оборону противника на реке Друть, форсировала ее и с боями освободила свыше 250 населенных пунктов, приняв участие в окружении бобруйской группировки немцев.

В этих боях генерал-майор Фогель был смертельно ранен. 14 июля 1944 г. он скончался от полученных ран. Посмертно Ян Янович был представлен к званию Героя Советского Союза. В представлении к этой награде говорилось:

«24 июня 1944 г. умело организовал прорыв сильно укрепленной обороны противника на р. Друть в районе Веречев и дальнейшее ведение наступательной операции, 120 ГСРКД под командованием генерал-майора Фогель с 24.6.44 г. по

8.7.44 г. с боями прошла боевой путь от р. Друть до гор. Ново-грудок, освободив от врага свыше 250 населенных пунктов.

Умело продуманный и искусно проведенный внезапный захват подготовленных противником к взрыву мостов через три водных рубежа, обеспечил быструю переброску частей корпуса через реки и безостановочное и неотступное преследование противника. Успешные действия дивизии в районе восточнее Бобруйска обеспечили окружение и полный разгром группировки врага. За период с 24.6.44 г. по 9.7.44 г. дивизией захвачено 2800 пленных, 343 лошади, 167 пулеметов, 51 орудие, 39 минометов, 80 автомашин, много другого военного имущества и оружия.

Генерал-майор Фогель лично посещал боевые порядки полков, проявляя при этом геройство и храбрость и воодушевляя личный состав на штурм укрепленных рубежей. В боях за г. Новогрудок 8.7.44 г., руководя боевыми действиями передовых подразделений, был смертельно ранен.

Достоин звания “Герой Советского Союза” (посмертно).

Командир 41 стрелкового корпуса генерал-майор (Урбанович) 11 июля 1944 г.»[289].

Командование 3-й армии и 2-го Белорусского фронта поддержало данное представление. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. Я.Я. Фогелю было

присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронен генерал-майор Я.Я. Фогель был в поселке городского типа Дятлово Гродненской области (ныне Республика Беларусь).

После освобождения и восстановления в кадрах РККА полковник Корчагин Иван Петрович в марте 1941 г. был назначен командиром 17-й танковой дивизии, входившей в состав 5-го механизированного корпуса. Сформирована дивизия была в 1940 г. в Забайкалье на базе 37-й легкотанковой бригады. На ее вооружении находились танки БТ-7, которых к началу войны было 255 единиц.

По предвоенным планам предполагалось использовать

16-ю армию, в состав которой входил 5-й мехкорпус, на Западном театре военных действий. Распоряжение Генерального штаба о начале выдвижения к западной границе 16-й армии поступило 25 мая 1941 г. Первым в путь отправился 5-й мех-корпус. В целях сохранения в тайне конечного пункта движения среди личного состава был распространен слух, что войска «едут на войну с Турцией». Среди командного состава ходили разговоры о том, что корпус будет сосредоточен в Закавказье. По мере движения на запад появился другой район сосредоточения — Орловский военный округ, что было ближе к истине. Так или иначе, но эшелоны корпуса с 21 июня начали прибывать в Киевский Особый военный округ.

При переброске на запад были соблюдены необходимые маскировочные мероприятия: танки обшиты деревянными щитами, часовые замаскированы, экипажи ехали в закрытых теплушках. Эшелоны следовали мимо крупных станций и останавливались только на глухих перегонах и небольших станциях. Кроме Транссибирской железнодорожной магистрали, использовался маршрут Туркестано-Сибирской магистрали. Например, один из батальонов 17-й танковой дивизии встретил начало войны на станции Арысь близ Ташкента.

Были назначены и пункты разгрузки. Для 17-й танковой дивизии это была станция Изяславль. Управление корпуса разгружалось на станции Бердичев. Часть личного состава и боевой техники еще находилась в эшелонах, когда 26 июня поступил приказ, перенацеливавший 16-ю армию с Юго-Западного на Западный фронт, в район Орша—Смоленск. К этому времени из состава дивизии И.П. Корчагина на Украине успели разгрузиться только 12 эшелонов из 40. Разгрузившиеся части стали грузиться вновь.

В конце июня части 5-го мехкорпуса начали сосредоточиваться в Белоруссии. К 29 июня выгрузились на

станции Орша 5 эшелонов 17-й танковой дивизии, в которых прибыли разведывательный батальон, 1-й танковый батальон 33-го танкового полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион.

Директивой Западного фронта вечером 4 июля 1941 г. 5-й мехкорпус был передан из 16-й армии в 20-ю. Тогда же корпус получил приказ совершить марш в исходный район для наступления. Готовность к наступлению — утро 5 июля. Однако задержка сосредоточения частей 5-го мехкорпуса перенесла общую готовность армейского наступления на сутки позже.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта (по состоянию на 20.00 5 июля 1941 г.): «5-й механизированный корпус (17-я и 13-я танковые и 109-я моторизованная дивизии) сосредоточен в районе Селекта, Селище, Ореховск.

17-я танковая дивизия без одного батальона вышла в район лес северо-восточнее Селекта»[290].

Командарм-20 генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов отдал боевое распоряжение на удар двух (5-го и 7-го) мехкорпусов в направлении Лепель, Кубличи. Однако локтевой связи эти соединения не имели — разрыв между ними достигал до 20 км. Реалии таковы, что 5-й мехкорпус (а в его составе и 17-я танковая дивизия И.П. Корчагина) был привлечен к этому контрудару всего лишь менее чем за двое суток до его начала, причем в условиях, когда некоторые его части находились еще в железнодорожных эшелонах, а основные силы были сосредоточены в 70 км от исходного рубежа наступления. В силу этого у полковника И.П. Корчагина, равно как и у других командиров соединений, не было необходимого времени для приведения частей в порядок, на организацию материально-технического снабжения, на элементарную разведку маршрутов движения и района расположения противника, а также на организацию взаимодействия с соседями.

17-я танковая дивизия под командованием И.П. Корчагина наступала в первом эшелоне с задачей дня — разбить противостоящего противника и совместно с 13-й танковой дивизией овладеть Лепелем. Наступление началось утром 6 июля. Однако темп продвижения был очень низким из-за раскисших грунтовых дорог (только что прошли сильные дожди). Как вспоминал бывший начальник штаба корпуса В.В. Бутков, средняя скорость движения колонн не превышала 4 км в час. К тому же 5-й мехкорпус раньше времени обнаружил себя, выдав направление своих действий и примерный состав сил. Немецкое командование смогло принять необходимые меры по противодействию советским войскам. Но танковые части корпуса все же смогли

сбить противника с занимаемых рубежей и к вечеру продвинулись в глубь обороны противника на 14— 16 км. В частности, дивизия И.П. Корчагина вышла на рубеж Секуты, Будно.

В данном бою 17-я танковая дивизия под командованием И.П. Корчагина имела наибольший успех. На главном же направлении темп наступления был значительно ниже. В сложившейся обстановке ввод в бой второго эшелона корпуса (109-й моторизованной дивизии) на направлении действий 17-й танковой дивизии И.П. Корчагина мог бы привести к развитию успеха. Однако ввиду отставания частей второго эшелона от первого эшелона на 12 км, низкой скорости их продвижения и непрерывного воздействия авиации противника эта возможность не была реализована.

К исходу 6 июля танки дивизии И.П. Корчагина, равно как и других соединений, израсходовали почти весь запас горючего. Проанализировав создавшееся положение, командир 5-го мехкорпуса генерал-майор танковых войск И.П. Алексеенко принял решение приостановить дальнейшее наступление, в течение ночи дозаправить боевые машины, уточнить задачи соединениям и с рассветом возобновить движение вперед. Но поскольку колесные машины, обеспечивающие подвоз горючего, к утру 7 июля к его частям так и не прибыли, полковник И.П. Корчагин возобновил наступление силами передовых отрядов, обеспечив их машины горючим, слитым из баков других машин.

К исходу 7 июля основные силы 17-й танковой дивизии (33-й и 34-й танковые полки) вели бой на рубеже Буй, Малая Белица. Во втором эшелоне дивизии был 17-й мотополк, который двигался вслед за 34-м танковым полком. К ночи разведчики корпуса уточнили состав и положение противника: три пехотных полка, создав очаговую оборону, закрепились на занимаемом рубеже. Тревожные известия поступали от соседа — 7-го мехкорпуса, который под Сенно встретил сильное сопротивление немецких войск. Таким образом, создалась серьезная опасность для правого фланга 5-го мехкорпуса, где находилась дивизия И.П. Корчагина.

И тем не менее наступление было продолжено. Дивизия И.П. Корчагина должна была нанести силами 33-го танкового и 17-го моторизованного полков удар в направлении Вят-ны, а 34-м танковым полком — прикрывать правый фланг корпуса. Утром 8 июля наступление продолжилось. Дивизия Корчагина, несмотря на сильное воздействие вражеской авиации, прорвала оборону противника и в течение дня успешно продвигалась вперед. Ее 34-й танковый полк вел бой на рубеже Спечки, Дубняки, прикрывая открытый фланг корпуса с севера. 33-й танковый и 17-й

моторизованный полки, тесно взаимодействуя, сражались на рубеже станция Гразина, Толпино. Сосед — 13-я танковая дивизия в своей полосе провела пять атак, но успеха так и не достигла.

Вечером 8 июля по 17-й танковой дивизии, а точнее, по ее правому флангу, где находился 34-й танковый полк, противник нанес мощный контрудар. В течение трех часов в районе Дубняки, Малая Белица шел ожесточенный танковый бой. Понеся большие потери в танках, противник отказался от продолжения наступления на Малую Белицу и перенес удар восточнее, на направление Речица, Рясно.

Иван Петрович Корчагин просил поддержать дивизию. Командование 5-го мехкорпуса приняло меры по оказанию этой помощи, выслав туда корпусной резерв. Общими усилиями частей дивизии и резерва удар противника был отражен. Однако прошло немного времени, и немцы вновь предприняли попытку разгромить части дивизии. Ведя тяжелые бои с превосходящими силами противника, полки 17-й танковой дивизии отошли к Малой Белице, неся при этом большие потери. Чтобы облегчить положение дивизии, ее моторизованный полк предпринял контратаку в направлении Староселье, окружив и уничтожив более одного батальона фашистов.

Но перевес был на стороне немцев. Развивая наступление вдоль железной дороги, противник к исходу дня 8 июля в районе Будно и Рясно отрезал от главных сил корпуса их тыловые части с боеприпасами и горючим. В этих условиях корпусной резерв был вынужден оставить занимаемый рубеж и отойти в Малую Белицу.

Вечером того же дня противник высадил тактический воздушный десант южнее станции Гразина и во взаимодействии с частями своей танковой дивизии полностью окружил 17-й мотополк с артиллерийским дивизионом и танковым батальоном. Полковник И.П. Корчагин в этих тяжелых условиях пытался оказать помощь своему окруженному полку.

Штаб 20-й армии слабо представлял положение дел в дивизиях 5-го мехкорпуса. Командарм приказал утром 9 июля возобновить наступление с ранее указанными задачами. Однако массированные налеты авиации противника задержали выход соединений в исходное положение для наступления. А в это время окруженный 17-й моторизованный полк безуспешно пытался своими силами прорвать кольцо окружения. Иван Петрович Корчагин приказал 33-му и 34-му танковым полкам нанести удары по противнику с целью разорвать кольцо блокады и вывести 17-й мотополк, однако все предпринятые попытки окончились безрезультатно.

В связи с захватом немцами Витебска командующий 20-й армией в ночь на 10 июля принял решение отказаться от дальнейшего развития контрудара, вывести механизированные корпуса из боя и к исходу дня сосредоточить их в районах, занимаемых ими перед началом боевых действий. Во второй половине дня 10 июля соединения 5-го мехкорпуса начали отход в указанные им районы сосредоточения. Их отход осуществлялся под прикрытием специально выделенных отрядов из состава 109-й моторизованной дивизии, которые своими активными действиями должны были сковать преследующие части противника. Используя ночное время и лесные массивы, 17-я танковая дивизия под руководством И.П. Корчагина в течение ночи и первой половины дня 11 июля вышла, из боя и сосредоточилась в районе Орехи, Хлусово, Осиповка[291].

Так бесславно закончился лепельский контрудар. В ходе его 5-й мехкорпус потерял значительное количество техники и личного состава. Например, за 8—10 июля потери 17-й танковой дивизии полковника И.П. Корчагина составили 44 танка, 8 тракторов и 20 машин. В 13-й танковой дивизии потери по танкам были вдвое больше — 82 танка. Однако «рекордсменом» в этом плане был танковый полк 109-й мотодивизии — он из 116 танков потерял 113. При этом следует отметить, что из названных 113 танков к боевым потерям относились только 12 единиц, остальные же вышли из строя по техническим причинам либо были брошены без горючего. Все это говорит о крайне низком состоянии материальной части в полках, об отсутствии ремонтной базы в полевых условиях, о нехватке запасных частей[292].

Противник продолжал наступать. Танковые полки 17-й танковой дивизии до 15 июля 1941 г. участвовали в оборонительных боях под Оршей, причем танкисты, лишившиеся своих боевых машин, воевали в качестве пехоты. В этот период дивизия полковника И.П. Корчагина взаимодействовала с 73-й стрелковой дивизией 20-й армии.

14 июля Главком Западного направления поставил задачу 20-й армии — к исходу 16 июля ликвидировать прорыв на фронте Орша, Шклов. 15 июля 5-й мехкорпус (в том числе и дивизия И.П. Корчагина) совершил передислокацию с оршанского направления в район Гусино, где, перейдя мост через Днепр, развернулся в боевой порядок в районе села Красный. В течение 15 и 16 июля дивизии корпуса участвовали в боях в этом районе. Однако и этот контрудар своих целей не достиг, что объяснялось большими потерями, понесенными в предыдущих боях, а также поспешностью его подготовки. Войска корпуса, в том числе и 17-я

танковая дивизия, понесли новые крупные потери. Противник же, переправившись через Днепр, продолжал развивать наступление на Смоленск с юга.

В последующие дни 17-я танковая дивизия под руководством И.П. Корчагина вела оборонительные бои в районе Дубровка, Чуодесы, станция Гусино. Противник*постепенно сужал кольцо окружения. Решение командира корпуса отправить все тылы частей за Днепр, в район Ратчино выполнить не удалось, так как район переправы уже был занят противником. К исходу дня 3 августа 1941 г. кольцо окружения 5-го мехкорпуса замкнулось. В частях подошли к концу боеприпасы и горючее, заканчивалось продовольствие.

К исходу 3 августа командир корпуса решил в ночь на 4 августа начать выход из окружения в направлении Ратчино, переправившись там на восточный берег Днепра. При подходе к северо-западной окраине Дуброва передовой отряд (полк

17-й танковой дивизии) встретил упорное сопротивление противника. Отряд вступил в бой, уничтожил противника, и колонна продолжила путь на Ратчино, которое взяли с боем. По наведенному понтонному мосту войска стали переправляться через Днепр. Однако через некоторое время немецкая авиация разбомбила мост. Его удалось восстановить только ночью 5 августа.

Некоторые отряды корпуса под руководством генерал-майора Е.П. Журавлева (принявшего корпус после гибели И.П. Алексеенко), начальника штаба полковника В.В. Бутко-ва, начальника оперативного отдела штаба полковника И.Л. Рагули, командира 17-й танковой дивизии полковника И.П. Корчагина, встретив в районе Дуброва сильное сопротивление, повернули на юг и переправились через Днепр в районе Малиновки. Полковник И.П. Корчагин со своим отрядом вышел из окружения 7 августа 1941 г. в районе Новоселки. В конце августа остатки 17-й танковой дивизии были выведены в район Вязьмы на переформирование. На ее базе была создана 126-я танковая бригада, которую Иван Петрович и возглавил.

Этой бригадой полковник Корчагин командовал четыре месяца — до конца декабря 1941 г. Как известно, под Вязьмой войска Западного фронта попали в очередной «котел». Снова был выход из окружения. В конце декабря 1941 г. Иван Петрович был назначен начальником Аэросанного управления Главного Автобронетанкового управления РККА. Затем он три недели командовал 17-м и полтора месяца — 18-м танковыми корпусами. В начале сентября 1942 г. И.П. Корчагин получил назначение на должность командира 2-го механизированного корпуса, с

которым и прошел всю Великую Отечественную войну. В мае 1942 г. ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск.

Одним из тяжелых испытаний для генерала И.П. Корчагина явилась Великолукская операция. В этой наступательной операции 2-й механизированный корпус, приданный 3-й ударной армии, должен был составить ее подвижную группу. Корпус предполагалось ввести в прорыв, образованный дивизиями 5-го гвардейского корпуса, с ближайшей задачей разгромить войска новосокольнической группировки противника и не допустить их ударов в направлении на Великие Луки. В дальнейшем корпусу предстояло захватить район Новосокольники. В полосу 3-й ударной армии корпус прибыл, совершив тяжелый марш. Поэтому относительно его применения командарм К.Н. Галицкий пребывал в некотором раздумье.

Вот что по этому поводу он написал в своих воспоминаниях: «Вопросы теории, да и практики подобного ввода были ясны... Да и приказ наркома обороны от 16 октября 1942 г. требовал использовать механизированные корпуса в качестве эшелона успеха на направлении главного удара.

Но беспокоила недостаточная боеспособность корпуса. Он уже совершил тяжелый марш по плохим дорогам, а теперь предстоял второй, более чем 100-километровый. Для только что сформированного соединения — это тяжелая задача. Израсходовав на марше значительную часть своих моторесурсов, он уже не сможет представлять собой должной ударной силы. В этом случае ввод его в прорыв не даст ожидаемых результатов и приведет лишь к излишним потерям.

В конце концов решил пока оставить механизированный корпус в резерве армии. Придет (корпус еще находился в пути. — Н.Ч.) — тогда, выяснив на месте его состояние, можно будет окончательно определить его использование»[293].

Накануне операции в 3-й ударной армии побывал представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Ко времени его приезда командарм К.Н. Галицкий окончательно отказался от намерения введения мехкорпуса в первый день прорыва: «Что касается 2-го механизированного корпуса, то теперь уже я окончательно отказался от ввода его в прорыв в первый день наступления. Дело в том, что он, пожалуй, сумел бы овладеть Новосокольниками в первый или второй день операции, но затем вероятнее всего оказался бы в тяжелом положении. Ибо главные силы армии, ведя бои с великолукской группировкой врага, вряд ли сумели бы подойти к корпусу раньше третьего-четвертого дня операции, и оказать ему помощь в борьбе с оперативными резервами противника. Результатом этого могли

быть тяжелые потери, лишающие армию крупной подвижной группировки войск, чем в значительной степени осложнялось выполнение задачи всей операции.

Итак, 2-й механизированный корпус был оставлен в армейском резерве. Сосредоточившись в районе Ушицы, Кунья, он мог быть введен нами в сражение на том или ином направлении, где создастся благоприятная обстановка для этого...»[294]

Части и соединения, предназначенные для усиления 3-й ударной армии, прибывали в районы сосредоточения. Прибыл туда и 2-й мехкорпус, совершив марш в 100—120 км. Это произошло 13 ноября 1942 г. Части корпуса расположились в 15 — 20 км юго-западнее г. Торопец. Генерал-майор И.П. Корчагин и его заместитель по политчасти бригадный комиссар Н.Г. Кудинов в тот же день прибыли в штаб армии. Корчагин доложил командарму, что корпус имеет полную штатную численность личного состава— 13,5 тысяч бойцов и командиров. А вот материальная часть находится в неудовлетворительном состоянии. По его данным, из строя вышли 300 из 650 автомашин и 54 из 215 танков.

У К.Н. Галицкого читаем: «Это... не было для меня неожиданностью. Еще в штабе фронта, после получения информации о корпусе, мною было принято решение прежде всего привести в порядок его материальную часть. Поэтому генерал И.П. Корчагин получил приказание собрать и отремонтировать в течение 10 дней все неисправные танки и автомашины. Одновременно надлежало организовать усиленную боевую подготовку личного состава корпуса.

— Начните ее с завтрашнего же дня, — сказал я, прощаясь с И.П. Корчагиным и Н.Г. Кудиновым»[295].

В течение нескольких суток 3-я ударная добилась значительных успехов: оборона противника была прорвана, блокирован гарнизон в Великих Луках, полностью окружена вражеская группировка в районе Ширипина, войска углубились в расположение врага на 12—15 км. По приказу командарма ком-кор И.П. Корчагин для усиления пехоты направил 18-ю механизированную бригаду (командир подполковник В.К. Максимов). Эта бригада вырвалась вперед и прошлась по тылам 59-го армейского корпуса противника, продвигаясь в направлении Новосокольников. Командующий армией проинформировал И.П. Корчагина, что немцы подтягивают резервы и неизвестно, где они нанесут контрудар. Он предупредил, что 2-му мехкорпусу нужно быть готовым не только к выдвижению еще одной бригады для развития успеха 18-й механизированной бригады, но и к вводу своих главных сил для

действий в любом направлении. Так обстояли дела к вечеру 28 ноября 1942 г.

Иван Петрович и штаб корпуса переживали за 18-ю механизированную бригаду, которая продолжала вести бой на подступах к Новосокольникам. Отдельные ее танки прорвались на окраину города, но были встречены огнем противотанко-

вых орудий противника. Надо было срочно усиливать бригаду. Гарнизон города оказался весьма значительным, и сил 19-й бригады было явно недостаточно, чтобы сломить его сопротивление. Кроме того, в бригаде уже кончались боеприпасы. К тому же разыгрался сильный буран, затруднивший подвоз боеприпасов и горючего. Подмога пришла со стороны 381-й стрелковой дивизии, часть сил которой была срочно переброшена под Новосокольники.

На командный пункт корпуса прибыл командарм генерал-майор К.Н. Галицкий. Его сопровождали начальник артиллерии генерал-майор И.С. Стрельбицкий, командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии полковник К.В. Ивакин, начальник оперативного отдела штаба армии полковник И.И. Серебряков. Вместе с И.П. Корчагиным они спланировали предстоящие боевые действия. Прежде всего И.П. Корчагину было приказано возглавить все силы, действующие против гарнизона Новосокольников. Задача, поставленная корпусу командармом, была такова: силами 18-й (уже задействованной) и вводимой в бой 34-й механизированных бригад утром 3 декабря нанести удар на Новосокольники с юго-запада и юга, уничтожить части 3-й горнострелковой дивизии противника и во взаимодействии с 381-й стрелковой дивизией, наступавшей с севера и северо-востока, овладеть городом, корпус усиливался двумя артиллерийскими полками.

— Выдвижение войск на исходные позиции и всю подготовку, — давал указания командарм И.П. Корчагину, — нужно закончить в течение ночи. Начало наступления — в 9 часов. Артиллерийскую подготовку вести по целям в соответствии с имеющимися у вас данными разведки. В организации артиллерийского наступления и взаимодействия артиллерии с бригадами вам поможет генерал Стрельбицкий. А полковник Серебряков сейчас поедет к командиру 381-й стрелковой дивизии. С ним передайте все ваши указания полковнику Маслову и сигналы взаимодействия[296].

В резерве командарма остались две танковые бригады и пехота 43-й мехбригады. Их командарм приказал сосредоточить к югу от Великих Лук в готовности действовать против частей 8-й танковой дивизии противника, а в случае если это не

потребуется, то на Новосокольники.

Утром 3 декабря И.П. Корчагин позвонил К.Н. Галицкому и доложил, что наступление на Новосокольники началось успешно. Выслушав доклад, командарм Галицкий приказал усилить действия на обход Новосокольников с юго-запада в расчете выхода танков в тыл обороняющейся группировки врага. Если бы это удалось, то овладение городом нашими войсками было бы предрешено. Иван Петрович согласился с командующим — взять Новосокольники надо было как можно быстрее.

В это время обострилась обстановка в районе Великих Лук, особенно на участке 21-й стрелковой бригады: противник усилил свои действия с целью оказания помощи окруженной группировке. Надо было отражать его удары, а резервов у командарма оставалось совсем немного. Крайняя обеспокоенность Галицкого в эти дни отражена и в его воспоминаниях, а именно там, где он описывает действия бригад 2-го мехкорпуса: «Оставалось одно: выдвинуть для прикрытия левого фланга 21-й стрелковой бригады хотя бы один полк из состава войск, наступавших на Новосокольники.

Между тем обстановка в районе Новосокольники показывала, что и там наших сил было мало для достижения решительного успеха.

Выполняя поставленную задачу, 34-я механизированная бригада с танковым полком 43-й механизированной бригады прорвались к городу. Командир бригады полковник Н.Е. Краснов действовал весьма решительно. Свой танковый полк он направил для обхода Новосокольников с юго-запада. Маневр был осуществлен успешно. Полк, с которым шел заместитель командира бригады по политчасти старший батальонный комиссар В.П. Ищенко, достиг Козлово. Его передовой танковый батальон овладел этим населенным пунктом, расположенным в 4 км западнее Новосокольников. Но дальнейшее продвижение наших танков было остановлено огнем штурмовых орудий противника. Их там оказалось до двух десятков. Батальон вынужден был отойти.

Сильным огнем противотанковых орудий с подготовленных позиций были встречены и главные силы бригады, наступавшие на южную окраину города. Подавить полностью вражескую артиллерию не удалось. Не смогли выполнить эту задачу и отважно действовавшие летчики 264-й штурмовой авиационной дивизии... поддерживавшей наступление частей 2-го механизированного корпуса. Они во многом помогли нашим танкам и пехоте. Но сил атакующих явно было недостаточно, чтобы взломать прочную оборону врага. В результате наступление

частей мехкорпуса приостановилось, а 381-я стрелковая дивизия не продвигалась совсем.

Докладывая об этом вечером 3 декабря, генерал И.П. Корчагин отметил, что, по данным разведки, оборонявшаяся в районе Новосокольников 3-я горнострелковая дивизия противника с многочисленными частями усиления получила новое подкрепление — еще один дивизион штурмовых орудий и два отдельных пехотных батальона. Для ее поддержки с воздуха вражеское командование бросило также крупные силы авиации»[297].

В такой обстановке единственно правильным решением был бы переход к обороне. Тем более что ближайшую задачу наступательной операции 3-я ударная армия, а значит, и 2-й мехкорпус, выполнила. К такому выводу пришел генерал-майор танковых войск И.П. Корчагин. Его точку зрения разделял и командарм. Безусловно, такое решение являлось вынужденным, и оно не означало отказа от овладения Новосокольниками. Просто выполнение этой задачи приходилось откладывать до того момента, когда освободятся силы на других участках.

Решение, принятое И.П. Корчагиным на переход к обороне, оказалось как нельзя своевременным. Уже на следующий день части корпуса подверглись сильным ударам врага, пытавшегося отбросить их от города. Но личный состав бригад к этому был готов. Заблаговременно заняв указанные им рубежи, они в течение пяти дней вели упорные оборонительные бои. Особенно сильные удары противник наносил с 10 по 13 декабря. Но бригады выстояли и не пропустили врага. Сочетание наступательных и оборонительных действий вполне оправдало себя. А что касается Новосокольников, то они будут взяты несколько позже.

Летне-осенняя кампания 1943 г. на советско-германском фронте началась битвой под Курском. Каждая сторона преследовала свои планы. Фашистское командование стремилось ударами из районов Орла и Белгорода по сходящимся направлениям на Курск окружить и уничтожить советские войска, оборонявшиеся на Курском выступе. Однако начатая гитлеровцами операция «Цитадель» в течение недели потерпела полный крах. Ценой огромных потерь в живой силе и боевой технике противнику удалось вклиниться в оборону Центрального фронта на ольховатском направлении лишь на 10—12 км, а в оборону Воронежского фронта на обоянском направлении — до 35 км.

12 июля 1943 г. начался кризис немецкого наступления. Утром этого дня войска Воронежского фронта стали осуществлять

фронтовой контрудар, а войска левого крыла Западного и Брянского фронтов — Орловскую наступательную операцию. Замысел этой операции состоял в том, чтобы встречными ударами войск левого крыла Западного фронта с севера, Брянского фронта с востока и Центрального фронта с юга в общем направлении на Орел расчленить вражескую группировку и уничтожить ее по частям.

Перейдя в наступление, войска Западного фронта к середине следующего дня завершили прорыв первой и второй полос обороны противника, а к 19 июля продвинулись до 60 км, расширили прорыв до 120 км и охватили левый фланг болховской группировки врага с юго-запада.

Несколько иначе обстояли дела на Брянском фронте. Наступление его войск развивалось значительно медленнее. Противник оказал здесь исключительно яростное сопоставление. Поэтому тактическая зона его обороны была прорвана только к исходу 13 июля. Однако и после ее прорыва темп продвижения наших войск не возрос, потому что противник подтянул резервы. В этих условиях крайне важно было нарастить силу удара войск, наступавших на Орел. 13 июля Ставка из своего резерва передала в состав Брянского фронта 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П.С. Рыбалко, которой приказано было к исходу 15 июля 1943 г. сосредоточиться в районе Но-восиль (60 км восточное Орла). Одновременно с этим Ставка включила в боевой состав названной армии (с 14 июля) 2-й механизированный корпус, находившийся в районе Калуги (командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск И.П. Корчагин, заместитель по политчасти полковник Н.Г. Кудинов, начальник штаба полковник М.Д. Шаповалов).

Если остальным частям и соединениям армии предстояло совершить в район сосредоточения марш протяженностью в 150 км, то для 2-го мехкорпуса это расстояние было значительно большим, и он прибыл в район Новосиль только к исходу 17 июля, притом комбинированным маршем.

По плану командования Брянского фронта 3-Я гвардейская танковая армия должна была быть в готовности после прорыва войсками 3-й и 63-й армий обороны противника на реке Олешня наступать в юго-западном направлении на Становой Колодезь, Кромы по тылам группировки противника. Ближайшая ее задача состояла в том, чтобы перерезать железную дорогу Орел—Курск и захватить переправы на реке Рыбница на участке Любаново, Змиево, а к исходу второго дня наступления выйти западнее Орла в район Нарышкино и перерезать шоссейную и железную дороги Орел—Брянск. С воздуха танкистов прикрывала 15-я воздушная

армия. Начало наступления намечалось на 18 июля[298].

2-й мехкорпус генерал-лейтенанта танковых войск (это звание было присвоено в январе 1943 г.) И.П. Корчагина составил второй эшелон армии. В ночь на 17 июля началось выдвижение войск в выжидательные районы, которые наводились в 8—10 км от реки Олешня. Наступление началось не 18, а 19 июля. 2-му мехкорпусу была поставлена задача обеспечить армию от ударов противника с юга, а передовыми отрядами захватить Новопетровку и Знобишино[299].

Утром 19 июля войска Брянского фронта перешли в наступление. Противник отчаянно сопротивлялся, нередко переходя в контратаку. Для отражения наступления 3-й танковой армии командование гитлеровской группы армий «Центр» бросило почти всю авиацию, которая имелась у него на орловском направлении.

В результате наступления 19 июля 1943 г. войска 3-й гвардейской танковой армии нанесли серьезное поражение противнику, прорвав его оборонительный рубеж по р. Олеш-ня, освободив 30 населенных пунктов и продвинувшись на западном направлении на 10—12 км, а в юго-западном — до 20 км, способствуя продвижению войск 3-й и 63-й армий. Немецкое командование, опасаясь за свою мценскую группировку, в ночь на 20 июля начало ее отвод в район Орла.

Исходя из того, что наступление войск Брянского фронта на Становой Колодезь, а войск Центрального фронта на Кро-мы не получило должного развития, Ставка решила в первую очередь разгромить мценскую группировку врага. В связи с этим командующий Брянским фронтом генерал-полковник М.М. Попов приказал 3-й гвардейской танковой армии с утра 20 июля наступать в северо-западном направлении с задачей к исходу дня выйти в район Отрада, где перерезать шоссейную и железную дороги Орел—Мценск. А 21 июля ударом на Мценск завершить уничтожение мценской группировки и овладеть г. Мценск[300].

Чтобы быстрее перейти в наступление на новом направлении, командарм П.С. Рыбалко решил ввести в сражение свой второй эшелон — 2-й мехкорпус генерала И.П. Корчагина, которому было приказано с утра 20 июля наступать в направлении Богородицкое, Отрада и к исходу дня танкистам перерезать дорогу Мценск—Орел, а мотопехоте — форсировать Оку и захватить плацдарм. Под сильным авиационным воздействием корпус начал наступление, захватив шоссе в районе Каменево. К исходу дня его 43-я мехбригада (командир генерал-майор Д.М. Баринов), форсировав Оку, захватила плацдарм в районе Жуково. Поставленная на этот день задача была выполнена, чем был

ускорен разгром мценской группировки, а для 3-й армии генерала А.В. Горбатова открыт путь для обхода Орла с севера.

В последующие дни 2-й мехкорпус генерала И.П. Корчагина, последовательно находясь то в первом, то во втором эшелонах армии, участвовал во всех боях в направлении Становой Колодезь, подойдя к нему на исходе 26 июля. На этом боевые действия 3-й гвардейской танковой армии в составе Брянского фронта закончились. Ставка ВГК высоко оценила ее действия. 26 июля приказом наркома обороны все ее корпуса и бригады были преобразованы в гвардейские. Так, 2-й мехкорпус стал 7-м гвардейским механизированным. Тогда же армия была передана в состав Центрального фронта под командованием К.К. Рокоссовского.

Уже в составе Центрального фронта 7-й гвардейский мехкорпус участвовал в боях за Кромы и другие населенные пункты. По завершении Орловской операции 3-я гвардейская танковая армия (без корпуса И.П. Корчагина) была передана в состав Воронежского фронта. А 7-й гвардейский механизированный корпус, доукомплектованный до штатного состава за счет сил и средств армии, перешел в резерв командующего Центральным фронтом.

Впереди был Днепр. На пути к нему 7-й гвардейский мех-корпус участвовал в Черниговско-Припятской операции, в результате которой он продвинулся на запад почти на 300 км. При форсировании Днепра героизм и мужество проявили все части корпуса, особенно при захвате плацдарма на его правом берегу. Свои высокие организаторские и волевые качества показал и командир корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых, войск И.П. Корчагин. Что и было отражено в представлении его к званию Героя Советского Союза:

«7-й гвардейский Нежинский механизированный корпус под командованием гвардии генерал-лейтенанта танковых войск тов. Корчагина 25.9.43 г. при сильном противодействии противника первым форсировал р. Днепр.

Отбросив противника на правый берег реки, личный состав корпуса всякими подручными средствами переправился на ту сторону Днепра и преследованием не давал противнику опомниться, что и дало возможность соорудить переправу и создать плацдарм на западном берегу р. Днепр.

Успешное форсирование р. Днепр связано с совершением геройского поступка со стороны гв. генерал-лейтенанта т. Корчагина, который лично руководил переправой частей и соединений и своим мужеством и находчивостью создал высокий наступательный порыв всего личного состава, блестяще

выполнившего эту сложную операцию при сильном противодействии противника с незначительными потерями для корпуса.

При форсировании р. Днепр, т. Корчагиным была проявлена высокая организованность в управлении соединениями, ведя ожесточенные бои с противником, части корпуса освободили населенный пункт Домантовка и хутор Березовая Кладь, тем самым создали плацдарм на правом берегу р. Днепр и удержали его до подхода других частей.

За период с 25.9. по 3.10.43 г. частями корпуса захвачено: пленных 78 солдат и офицеров, 7 минометов, один танк, 2 автомашины, 16 пушек, 79 пулеметов и 298 винтовок. Уничтожено 6628 солдат и офицеров, 19 танков, 73 автомашины, 159 пулеметов, 1795 винтовок и 18 мотоциклов.

За проявленное отличное мастерство в вождении войск и управление ими при форсировании р. Днепр с захватом плацдарма на правом берегу и проявленное при этом личное геройство достоин высшей степени отличия — звания “Герой Советского Союза”.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками 60-й армии гвардии полковник (Романов) 10 октября 1943 г.»[301].

Командующий 60-й армией генерал-лейтенант И.Д. Черняховский и член Военного совета армии генерал-майор К.Л. Сорокин поддержали это представление. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 г. И.П. Корчагину было присвоено звание Героя Советского Союза.

К моменту представления к званию Героя Советского Союза Иван Петрович имел следующие награды: два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды.

В последующем 7-й гвардейский Нежинский механизированный корпус под командованием И.П. Корчагина участвовал во многих стратегических наступательных операциях, с боями дойдя до границ Германии. В марте — начале мая 1945 г. под руководством Ивана Петровича корпус участвовал в ликвидации окруженной группировки немцев в районе Бреслау.

После войны генерал-лейтенант танковых войск И.П. Корчагин окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова и затем командовал армией.

Умер И.П. Корчагин в Москве 24 июля 1951 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Среди немногих командиров войск Противовоздушной обороны, выпущенных накануне войны на свободу, был комбриг

Грудяев Павел Иосифович, служивший до ареста в должности начальника ПВО Киевского военного округа. Бывший прапорщик старой армии, в прошлом эсер, П.И. Грудяев дважды вступал в ряды ВКП(б). Первый раз это было в 1919 г. В 1921 г., при чистке партии, его исключили с формулировкой «за моральное разложение». В 1931 году он снова вступил в партию большевиков и в 1938 г. вновь был исключен из нее, теперь уже в связи с арестом. А арест этот произошел 5 июня 1938 г.

Обвинялся П.И. Грудяев по ст.ст. 54—1 «б», 54—8 и 54—11 УК УССР, а именно: в принадлежности к антисоветскому военному заговору, в который он был якобы завербован бывшим начальником ПВО Белорусского военного округа В.А. Бюлером в 1933 г. Обвинялся он также в проведении вредительской работы, направленной на ослабление боевой мощи РККА, и в вербовке в заговорщическую организацию новых членов. В обвинительном заключении вышеизложенное сформулировано так: «...в заговор, ставивший своей целью свержение Советской власти путем вооруженного переворота в СССР и организации поражения Красной Армии во время войны с фашистскими государствами».

Содержался Павел Иосифович в тюрьме г. Киева. На предварительном следствии он предъявленные ему обвинения признал, кроме вредительства. В 1940 г. ввиду недоказанности обвинения П.И. Грудяев был из-под стражи освобожден. После восстановления в кадрах РККА он был назначен преподавателем кафедры тактики ПВО командного факультета зенитной артиллерии Артиллерийской академии. С октября 1940 г. — начальник отдела ПВО штаба Орловского военного округа. С мая 1941 г. занимал должность помощника командующего войсками того же округа по ПВО — командующего Орловской зоной ПВО.

Великую Отечественную войну П.И. Грудяев встретил в этой должности. В июне-июле 1941 г. в состав Орловской зоны ПВО входили Воронежский бригадный район ПВО, отдельные части и подразделения ПВО. Накануне и в первые месяцы войны Павел Иосифович принимал необходимые меры по организации противовоздушной обороны важных центров в границах зоны — городов Воронеж, Белгород, Курск, Брянск, Ливны, железнодорожных узлов и магистралей. С ноября 1941 г. — начальник Омского училища зенитной артиллерии. С августа 1942 г. и до конца войны — начальник 2-го гвардейского минометно-артиллерийского училища. В январе 1943 г. П.И. Грудяеву было присвоено воинское звание «генерал-майор артиллерии».

После окончания войны Павел Иосифович командовал отдельными бригадами ПВО. С августа 1946 г. в запасе.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Умер в июне 1953 г. в Ленинграде.

Командир 15-й Сивашской стрелковой дивизии комбриг Ищенко Яков Андреевич был арестован 27 февраля 1938 г. в Киеве, где он находился в командировке. Обвинялся он как участник антисоветского военного заговора. Инкриминировались ему и другие тяжкие преступления. В частности, незаконное расходование финансовых средств в должности командира 89-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии и командира

15-й стрелковой дивизии. Одним из пунктов обвинения в адрес Я.А. Ищенко было его участие в украинской националистической организации.

Арестован Яков Андреевич был по показаниям на него арестованных: бывшего командира корпуса военно-учебных заведений Киевского военного округа комдива К.Д. Капуловского, начальника штаба 89-го стрелкового полка Евстигнеева и помощника командира этого полка по материально-техническому обеспечению И.П. Бойко. Виновным себя Ищенко признал только в части незаконного расходования финансовых средств. Участие же в военном заговоре и украинской националистической организации он отрицал, причем со ссылкой на документы и конкретных лиц опровергал предъявленные ему обвинения. Все время следствия находился в тюрьме г. Днепропетровска.

Учитывая названные выше обстоятельства, военный прокурор Харьковского военного округа бригвоенюрист М.Г. Грезов предлагал привлечь Я.А. Ищенко к суду только за злоупотребление служебным положением. Ввиду недостаточной доказательной базы по делу Я.А. Ищенко постановлением особого отдела Харьковского военного округа от 8 декабря 1939 г. оно было прекращено и 14 декабря 1939 г. Яков Андреевич из-под стражи был освобожден.

После восстановления в кадрах РККА комбриг Я.А. Ищенко был назначен начальником Сухумского стрелково-пулеметного училища, которым руководил до марта 1941 г. В июне 1940 г. ему было присвоено воинское звание «генерал-майор». Затем он командовал 138-й горнострелковой дивизией. В 1942 г. — начальник штаба тыла Закавказского фронта. С августа 1942 г. — заместитель командующего 46-й армией по тылу. В последующем был заместителем командующего 2-й гвардейской армией по тылу и заместителем начальника тыла 2-го Украинского фронта (по июнь 1944 г.). После этого находился в распоряжении начальника тыла Красной Армии.

После окончания войны (до 1947 г.) — заместитель

командующего войсками Белорусского военного округа и командующего 3-й армией по тылу. В 1947—1952 гг. — помощник начальника Артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского по материально-техническому обеспечению. С 1952 г. в отставке. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (четырьмя), Отечественной войны 1-й степени (двумя), Красной Звезды.

Умер генерал-майор Я.А. Ищенко в апреле 1970 г.

Начальник штаба 33-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа (ЛВО) комбриг Благодатов Алексей Васильевич был арестован 31 июля 1938 г. Основанием к аресту, в частности, послужили показания других арестованных — бывшего командующего войсками ЛВО командарма 2-го ранга П.Б. Дыбенко, а также командарма 1-го ранга И.П. Белова. Однако при дополнительной проверке дела сотрудниками Главной военной прокуратуры протоколов допросов названных лиц там не обнаружено. В деле не оказалось также и протоколов допросов комдива В.П. Добровольского, который якобы «показал» на Благодатова.

Обвинялся Алексей Васильевич по ст.ст. 58—6, 58—7 и 58—11 УК РСФСР. Обвинялся он и в шпионаже в пользу Финляндии и Германии. Было бы удивительно, если бы следователи не использовали факта четырехлетнего пребывания

А.В. Благодатова в плену у немцев. А еще следователи не забывали того, что их «подопечный» происходил из дворян («голубая кровь»), а значит, антисоветски должен быть настроен. Странно вот только, что Благодатова не обвинили в шпионаже в пользу Китая — ведь он в 1925—1927 гг. был там в числе советских военных советников.

На предварительном следствии под физическим воздействием А.В. Благодатов дал показания, что он является участником военного заговора, в который был вовлечен комкором М.Я. Германовичем — заместителем командующего войсками ЛВО. Его вынудили признать и то, что он сотрудничал с германской разведкой (еще со времен плена). Спустя некоторое время Алексей Васильевич от всех этих показаний отказался. Все время следствия он содержался в Лефортовской тюрьме.

Постановлением следственной части НКВД СССР от 11 декабря (по другим данным — 3 декабря) 1939 г. за недоказанностью вины А.В. Благодатова дело в отношении его было прекращено, и 13 декабря 1939 г. он освобожден из-под стражи.

После восстановления в кадрах РККА А.В. Благодатов был назначен старшим преподавателем Академии Генерального

штаба. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в январе 1943 г. Непосредственно на фронте он находился с 1943 г. в должности заместителя командующего армией и командира 68-го стрелкового корпуса. В составе 57-й армии А.В. Бла-годатов принимал участие в операциях по освобождению Румынии, Болгарии, Югославии. С начала 1945 г. — представитель командования 3-го Украинского фронта при Народной армии Болгарии и Венгрии. В 1946 г. назначен начальником Особого факультета Высшей военной академии. В 1949 г. по болезни уволен в запас.

За боевые заслуги и выслугу лет Алексей Васильевич награжден орденами: Ленина, Красного Знамени (тремя), Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й и 2-й степени.

Генерал-лейтенант А.В. Благодатов умер и похоронен в Москве.

Начальник 1-го отдела Административно-Мобилизационного управления (АМУ) РККА комдив Чернышев Виктор Николаевич был арестован 2 марта 1938 года. Под следствием он находился более полутора лет. Обвинялся в том, что являлся участником антисоветского военно-фашистского заговора, осуществлял вредительство в подразделениях АМУ и сотрудничал с иностранной разведкой.

На предварительном следствии В.Н. Чернышев виновным себя в предъявленном ему обвинении признал и дал соответствующие показания.

В судебном заседании Виктор Николаевич виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал и заявил, что на предварительном следствии к нему применялись меры физического принуждения, в связи с чем он был вынужден подписывать вымышленные показания. В последнем слове Виктор Николаевич заявил, что он ни в чем не виновен.

2 декабря 1939 г. военным трибуналом Московского военного округа В.Н. Чернышев был оправдан и освобожден из-под -стражи. После восстановления в кадрах РККА он был назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба. В этой должности Виктор Николаевич находился до 1948 г.

Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в июне 1940 г., а «генерал-лейтенант» — в октябре 1943 г. В 1948 г. уволен в отставку. Награжден орденами: Ленина, Красного Знамени (двумя), Красной Звезды.

Умер генерал-лейтенант В.Н. Чернышев в Москве 28 июля 1954 г.

Бывший командир 59-й стрелковой дивизии, а затем старший

преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе комбриг Неборак Александр Андреевич был арестован 12 марта 1938 г. Обвинялся он в измене Родине и контрреволюционной деятельности (ст.ст. 58—1«б», 58—7, 58—11 УК РСФСР). Член ВКП(б) с 1917 г., Неборак был арестован с партийным билетом (исключили его из партии через десять дней после ареста). Ранее у него было партийное взыскание за незаконное присвоение себе звания офицера старой армии. Однако заведенное на А.А. Неборака дело имело весьма слабую доказательную базу, и поэтому военный трибунал 1-й Отдельной Краснознаменной армии в судебном заседании 1 декабря 1939 г. оправдал его.

После освобождения из тюрьмы А.А. Неборак 10 января

1940 г. был восстановлен в партии, а затем в кадрах РККА. Он был назначен преподавателем кафедры тактики высших соединений Академии Генерального штаба. Затем А.А. Неборак преподавал в Военной академии имени М.В. Фрунзе, а в декабре 1941 г. был назначен командиром 253-й стрелковой дивизии. Эта дивизия входила в состав Юго-Западного фронта.

Под воздействием неудач на фронте у А.А. Неборака обострились отношения с комиссаром дивизии. Тот обвинил Александра Андреевича в отрицании значения института военных комиссаров, в проявлении пораженческих настроений, в восхвалении немецкой армии и принижении Красной Армии и ее генералитета. Якобы Неборак заявил, что только он один разбирается в военном деле. Разбирая это персональное дело, партийная комиссия при политотделе 6-й армии 4 мая 1942 г. исключила А.А. Неборака из партии. Несколькими днями раньше (30 апреля) Военный совет Юго-Западного фронта отстранил Александра Андреевича от командования дивизией. 5 мая 1942 г. после заседания партийной комиссии и исключения его из партии А.А. Неборак ночью, выйдя из хаты, где он жил, выстрелом в висок покончил жизнь самоубийством[302].

Буквально в нескольких шагах от свободы был узник Норильского лагеря НКВД дивизионный комиссар Колосов (Заика) Павел Иосифович, бывший сотрудник Разведуправления РККА. Арестован он был намного позже своих сослуживцев — 9 января 1939 г. Обвинялся в том, что:

— занимался шпионажем в пользу Польши;

— поддерживал связь с заговорщиками;

— проводил вредительство в системе Разведуправления РККА.

Виновным себя в этих преступлениях, несмотря на примененные к нему методы физического и морального воздействия. Павел Иосифович не признал ни на

предварительном следствии, ни в судебном заседании. И тем не менее он был осужден — 31 мая 1939 г. Военная коллегия приговорила его к 15 годам ИТЛ. Это наказание П.И. Колосов (Заика) отбывал в Норильлаге[303].

С жалобами и заявлениями по поводу своего несправедливого осуждения П.И. Колосов (Заика) неоднократно обращался в различные инстанции. Одно из них послужило основанием для внесения протеста председателем Верховного Суда СССР на приговор Военной коллегии по делу П.И. Колосова (Заики). Характерно, что протест представлял пленуму не кто иной, как сам председатель Военной коллегии армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих. И результат был налицо: пленум Верховного Суда СССР под председательством его главы И.Т. Голякова и при участии Прокурора СССР В.М. Бочкова 17 апреля 1941 г. постановил приговор Военной коллегии от 31 мая 1939 г. отменить и дело направить на доследование, сохранив при этом меру пресечения — содержание под стражей.

16 июня 1941 г. П.И. Колосов (Заика) был направлен из Норильска в Москву на переследствие, но начавшаяся война не позволила ему уехать дальше Красноярска, где его снова определили в ИТЛ. Однако Павел Иосифович продолжал «бомбардировать» жалобами судебные инстанции. И не без результата — Особое Совещание при НКВД СССР переквалифицировало ему обвинения. 10 марта 1943 г. оно рассмотрело дело П.И. Колосова (Заики) и постановило: осудить его как социально опасного элемента на пять лет лишения свободы, считая этот срок с момента ареста. Пять лет — это не пятнадцать, что ему дала Военная коллегия под председательством диввоенюриста М.Г. Романычева в мае 1939 г.

В январе 1944 г., по отбытии срока наказания, П.И. Колосов (Заика) был освобожден из Канского ИТЛ. Однако возвратиться в Москву ему не разрешили, оставив до окончания военных действий работать там же в лагере в качестве вольнонаемного. Жил Павел Иосифович в рабочем поселке лесозавода. В 1954 г. П.И. Колосов (Заика) проживал вместе с женой в г. Канске, в соцгородке гидрологического завода. Судимость с него была снята по амнистии от 27 марта 1953 г.

Если кто думает, что путь после освобождения из лагеря бывшего командира или политработника РККА был усыпан цветами, тот глубоко ошибается. Ограничения в паспортном режиме, запрет проживать в столичных городах, препятствия в трудоустройстве и даже в оформлении пенсии — все это было. Что это так, покажем на примере бывшего главного цензора Красной Армии дивизионного комиссара П.И. Колосова (Заики).

Фамилию «Заика» Павел Иосифович поменял на «Колосов» в 1935 г.

Пенсионные мытарства и унижения П.И. Колосова начались еще в 1949 г., когда он вплотную занялся вопросами оформления пенсии за выслугу лет. Заметим, что Павел Иосифович родился в 1898 г. В конце мая 1950 г. Колосов посылает письмо на имя начальника Главного Финансового управления Министерства Вооруженных Сил, в котором излагает свою проблему: «Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой внимательно рассмотреть мое заявление и помочь мне в разрешении моего дела.

Я прослужил в рядах Советской Армии на различных командно-политических должностях 21 год (с января 1918 по 31 декабря 1938 г.), в том числе 3,5 (года) участвовал в боевых действиях в гражданской войне, борьбе с басмачеством и т.п. Последнее воинское звание — дивизионный комиссар, последнее место службы — Разведывательное управление РККА — начальник отдела. Приказом наркома обороны был уволен в запас РККА 31/XII 1938 г., а 9/1 1939 г. был арестован органами НКВД и осужден Военной коллегией Верховного Суда на 15 лет заключения в И.Т. лагерях.

После моего письма на имя тов. Сталина приговор по моему делу был отменен в мае 1941 г. со стадии предварительного следствия и 16 июня 1941 г. я был отправлен из Норильска (где находился в заключении) в Москву на новое переследствие. В связи с начавшейся войной я не успел доехать до Москвы, назначенное вновь следствие не состоялось и только в марте 1943 г. заочным решением Особого Совещания при МВД я был осужден на 5 лет заключения, считая со дня ареста и 9 января 1944 г. был освобожден.

После освобождения был взят на военный учет как рядовой и в 1949 г. был снят с учета за достижением предельного возраста.

В связи с тем, что у меня отсутствовали документы о трудовом стаже, я обратился в Главное Управление кадров Министерства Вооруженных Сил с просьбой разыскать мое личное дело и направить его в Канский райвоенкомат. В конце 1949 г. мое личное дело, состоящее из подлинного послужного списка, краткой записки о службе и пр. было получено Канским райвоенкоматом, где и находится в настоящее время.

Прошу Вас разъяснить мне, имею ли я право на получение пенсии за выслугу лет в армии и каким путем оформить, если такое право я имею, т.к. выяснить этот вопрос в Канске я не смог.

Я надеюсь, что Вы отнесетесь со всей чуткостью к моей просьбе, т.к. принимая во внимание мой возраст и расстроенное

здоровье, вопрос о пенсии имеет для меня жизненно важное значение.

В настоящее время работаю нач. цеха на гидролизном заводе № 14.

Жду Вашего ответа. П. Колосов 22.5.50»[304].

В своем заявлении от 7 сентября 1950 г. на имя Канского районного военного комиссара полковника Потапова Павел Иосифович писал: «Как видно из находящегося в Канском РВК моего личного дела, я прослужил в рядах Советской Армии непрерывно с 21/1 1918 г. по 31 декабря 1938 г., когда уволен в запас по п. “а” ст.43 Положения о прохождении службы. В январе 1944 г. я был принят на военный учет Саянским РВК Красноярского края как рядовой, т.к. при освобождении из заключения, в котором я провел 5 лет, я не мог представить документов, подтверждающих мое офицерское звание. В 1948 г. я был снят с учета за достижением предельного возраста как рядовой по тем же причинам.

Мое личное дело со всеми подлинными документами о прохождении мной службы в Советской Армии прибыло в Канский РВК в сентябре 1949 года.

В мае м-це с.г. (сего года. — Н.Ч.) я обратился в Финансовое управление Военного министерства с просьбой о назначении мне пенсии за выслугу лет. Я получил ответ от Фин. Упр.В.М. (военного министерства. — Н.Ч.), в котором сообщается, что ввиду того, что я якобы уволен из Советской Армии как рядовой, — права на пенсию от Военного Министерства я не имею.

Поскольку, как видно из вышеизложенного и из документов моего личного дела, такое утверждение Фин. Упр. не соответствует действительности, прошу Вас сообщить Финансовому Управлению В.М. данные, подтверждающие, что из Советской Армии я уволен не как рядовой, а как лицо офицерского состава.

П. Колосов»[305].

«Начальнику финансового отдела Красноярского крайвоенкомата Колосова

Павла Иосифовича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой не отказать в любезности сообщить мне результаты рассмотрения моего ходатайства о назначении мне пенсии за выслугу лет в Советской Армии.

Все документы, относящиеся к этому вопросу, были направлены Вам в августе м-це с.г. Канским райвоенкоматом.

П. Колосов

Мой адрес: г. Канск. Соц. городок, д. 14. кв. 8.

10.X.50»[306].

Павел Иосифович вскоре получил ответ на свое заявление. «Гр. Колосову Павлу Иосифовичу г. Канск, Соцгородок, д. № 14, кв. 8 Копия Канскому райвоенкому

На Ваше заявление от 10.X.50 г. сообщаю, что для решения вопроса о возможности назначения Вам пенсии за выслугу лет необходимо представить через Канский райвоенкомат документы в соответствии с приказом ВМ (военного министра. — Н.Ч.) Союза ССР 1950 г. за № 60, с которым Вы можете ознакомиться в РВК.

Начальник Фин. отд. КВК гвардии майор и/с (Готвальд) Инспектор ФО (Терехин)»[307].

Этот документ был датирован 1 ноября 1950 г.

Получив данный документ, Павел Иосифович сразу же ответил гвардии майору интендантской службы Готвальду (письмо от 12 ноября 1950 г.):

«Уважаемый товарищ!

Получив Ваше извещение от 1/X1 с.г., я отправился в Канский райвоенкомат, работники которого не могли разыскать приказ ВМ № 60 от 1950 г. и т.о. (таким образом. — Н.Ч.) я не имел возможности с ним ознакомиться.

Убедительно прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне непосредственно, какие именно документы я должен дополнительно представить Вам, учитывая, что 24/VIII с.г. Вам было направлено мое личное дело Канским райвоенкоматом. Таким образом основная часть документов у Вас имеется.

Что касается расчетной книжки, то таковой при увольнении из армии я не получал, равно как и не получил никакого расчета. Расчетную книжку и данные о моем последнем заработке перед увольнением я бы просил Вас затребовать из Главного Развед. Управления В.М. (мое последнее место службы).

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы помогли мне быстрее протолкнуть это дело, как имеющее исключительно важное, жизненное значение для меня, ответив мне на это письмо и затребовав из соответствующих учреждений те недостающие документы, которые я сам не сумею достать.

Заранее благодарный П. Колосов»[308].

20 декабря 1950 г. майор Готвальд направил П.И. Колосову свой ответ:

«Сообщаю, для реализации вопроса о возможности назначения Вам пенсии за выслугу лет по линии Военного Министерства необходимо выслать в крайвоенкомат копию решения суда об осуждении и освобождении Вас. Тем более, что из переписки, личного дела видно, что Вы в мае 1939 г. были

осуждены и в заявлении Вы указываете, что освободились в январе 1944 г. Если решения суда о Вашем освобождении Вы не имеете на руках, то прошу сообщить, на основании какого документа Вы были освобождены и когда и кому его сдали, когда прибыли на постоянное жительство. Для сведения сообщаю, что одновременно мною запрошен Канский военкомат, на основании чего они приняли Вас на учет, как рядового.

Кроме того, прошу сообщить номер коммунистической дружины, в которой Вы служили в 1919 году и в какой состав армии или фронта она входила. В какой бригаде принимали участие в боевых операциях в должности политкомбрига в сентябре 1919 года и номер дивизии, входившей в состав 5 армии.

Начальник Фин. отд. КВК гв. майор и/сл. (Готвальд)»[309].

На соответствующий запрос откликнулось Главное Разведывательное управление:

«Канскому райвоенкому гвардии полковнику тов. Потапову г. Канск, Красноярского края на № 0465 от 8.7.50 г.

В отношении бывшего дивизионного комиссара Колосова П.И. сообщаю, что приказом по РУ (Разведуправлению. — Н. Ч.) РККА № 0374 от 29 декабря 1938 года Колосов П.И. был зачислен в распоряжение Управления по командному и начальствующему составу РККА, а не разжалован в рядовые, как указано в Вашем запросе.

Приказом НКО СССР по л/с (личному составу. — Я. Ч.) № 02 957 от 31 декабря 1938 г. Колосов П.И. был уволен в запас РККА по статье 43 пункту “а” “Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА”.

Материалами о разжаловании Колосова П.И. не располагаем.

Начальник секретариата в/ч 38 729 полковник (Вдовин)»[310].

Гвардии майор интендантской службы Готвальд доброжелательно, как видно из их переписки, относился к нуждам П.И. Колосова. И все же дело с назначением пенсии последнему продвигалось очень медленно. В начале января 1951 г. Готвальд сообщил Павлу Иосифовичу: «Прошу получить в Краслаге (Красноярском лагере. — Н.Ч.) копию справки о Вашем освобождении и выслать таковую мне. По получении этого мною Ваше личное дело со всеми документами и перепиской будет еще раз представлено в финансовый отдел округа для проверки и заключения о назначении Вам пенсии за выслугу лет»[311].

Майор Готвальд сдержал свое слово и вскоре направил личное дело П.И. Колосова в Финансовый отдел ВосточноСибирского военного округа. В препроводительной записке он сообщал:

«При этом представляю личное дело офицера Колосова Павла Иосифовича на Ваше заключение о возможности назначения ему пенсии за выслугу лет. Как видно из переписки, офицер Колосов был осужден решением Особого Совещания МВД по 58 статье сроком на 5 лет. Наказание отбыл и в данное время избирательных прав не лишен и на спецучете не состоит. Прохождение службы в составе 5 армии в 1919 году офицер разъясняет в своем письме от 28.XII.50 г.

Приложение: личное дело.

Начальник ФО КВК гв. майор и/с (Готвальд) Ст. офицер ФО капитан и/с (Щукин)»[312].

Из Иркутска, из Финотдела округа, в начале февраля 1951 г. сообщили красноярскому крайвоенкому: «Сообщаю, что личное дело Колосова (Заики) Павла Иосифовича выслано на заключение в Финансовое Управление ВМ СССР. По получении результат будет Вам сообщен». Данный документ подписал заместитель начальника финансового отдела округа полковник интендантской службы Макаров.

Павел Иосифович с нетерпением ждал решения своего пенсионного вопроса. Майор Готвальд являлся для него своего рода «палочкой-выручалочкой». И Колосов в конце марта 1951 г. посылает Готвальду почтовую открытку, в которой содержится просьба сообщить ему, как решается его жизненно важная проблема. Спустя неделю Готвальд прислал ответ: «Сообщаю, что личное дело от финансового отдела не поступило, а потому сообщить Вам будет ли назначена пенсия, в данное время не могу. По получению ответа (из) округа результат сообщу незамедлительно»[313].

Финансовые инспекторы различных органов считали-считали выслугу лет П.И. Колосова (Заики) и наконец насчитали… всего лишь 23 года 7 месяцев и 22 дня. В результате в его личном деле появилась такая запись в виде справки: «Финансовым Управлением ВМ СССР № 495 от 22.3.51 г. в назначении пенсии за выслугу лет в С А Колосову П. И. отказано, как прослужившему менее 25 лет. Решение ФУ ВМ сообщено Колосову ФО ВСВО (Восточно-Сибирского военного округа. — Н.Ч.) №4/1224 от 4.4.51 г.»[314].

Павел Иосифович, разумеется, с таким решением не согласился. Эта пенсионная «волынка» тянулась еще несколько лет, а точнее, до тех пор, пока не было принято решение о зачете реабилитированным военнослужащим срока заключения в стаж их службы в Красной Армии. А полностью реабилитирован П.И. Колосов (Заика) был Военной коллегией только 18 декабря 1954 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления», рассказывая о подготовке к сражению с японцами в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., пишет:

«Решающим фактором успеха предстоящей операции мы считали оперативно-тактическую внезапность, которая должна будет поставить противника в такое положение, чтобы он не смог противостоять нашему уничтожающему удару и предпринять контрманевр. Особенно учитывалось то, что японская сторона, не имея хороших танковых соединений и мото-мехвойск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против наших ударных группировок, действующих на флангах обороны противника с целью окружения 6-й японской армии.

В целях маскировки, сохранения в строжайшей тайне наших мероприятий Военным советом группы одновременно с планом предстоящей операции был разработан план оперативно-тактического обмана противника, который включал в себя:

— производство скрытых передвижений и сосредоточений прибывающих войск из Советского Союза для усиления армейской группы;

— скрытые перегруппировки сил и средств, находящихся в обороне за рекой Халхин-Гол;

— осуществление скрытых переправ войск и материальных запасов через реку Халхин-Гол;

— производство рекогносцировок исходных районов, участков и направлений для действия войск;

— особо секретная отработка задач всех родов войск, участвующих в предстоящей операции;

— проведение скрытой доразведки всеми видами и родами войск;

— вопросы дезинформации и обмана противника с целью введения его в заблуждение относительно наших намерений.

Этими мероприятиями мы стремились создать у противника впечатление об отсутствии на нашей стороне каких-либо подготовительных мер наступательного характера, показать, что мы ведем широко развернутые работы по устройству обороны, и только обороны...»[315]

Основным разработчиком этих планов и мероприятий, главным куратором их воплощения в жизнь был начальник штаба армейской группы комбриг Кущев Александр Михайлович. За свои сорок лет он прошел большую жизненную и боевую школу.

Родился А.М. Кущев в 1898 г. в Москве в семье рабочего (кондуктора). С тринадцати лет пошел работать на фабрику Морозова. Окончил железнодорожное училище. В феврале 1917 г. был призван на службу в старую армию, где окончил учебную команду и был произведен в младшие унтер-офицеры. С декабря 1917 г. в Красной гвардии.

В Красной Армии с первых дней ее образования. Участник Гражданской войны. Занимал должности командира партизанского отряда, командира роты, батальона. В партию большевиков вступил в 1920 г. В 1927—1928 гг. был начальником штаба 76-го стрелкового полка (г. Канск). В 1932 г. окончил основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе, после чего командовал в Приморье 63-м стрелковым полком. Затем был начальником военно-химической службы Приморской группы войск ОКДВА. В 1936 г. начальник штаба 26-й стрелковой дивизии полковник А.М. Кущев зачисляется слушателем первого набора Академии Генерального штаба РККА, которую окончил в 1938 году. С сентября того же года Кущев — начальник штаба 57-го Особого стрелкового корпуса (в Монголии).

Арестовали комбрига А.М. Кущева 29 июня 1939 г. в г. Улан-Баторе. Сделали это сотрудники особого отдела Забайкальского военного округа. Следствие длилось почти полтора года. Обвинялся Александр Михайлович в том, что:

— был участником контрреволюционного заговора, существовавшего в Монгольской Народной Республике (МНР);

— с 1935 г. сотрудничал с японской разведкой и по этой работе был связан с начальником штаба Монгольской армии Лувсан-Даноем;

— был в курсе подготовки вооруженного восстания и правительственного переворота в МНР;

— вербовал в заговор новых членов;

— в целях поражения советско-монгольских войск в боях с японцами в Монголии умышленно срывал подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия в район боевых действий.

На предварительном следствии (в Чите) Кущев виновным себя признал под физическим воздействием, а в Москве он от своих признательных показаний отказался как данных под принуждением. В Москве Александр Михайлович содержался в Лефортовской и Бутырской тюрьмах.

Судила его Военная коллегия в составе председательствующего диввоенюриста А.М. Орлова и членов: диввоенюриста М.Г. Романычева и бригвоенюриста Ф. Климина. Суд состоялся 19 ноября 1940 г. От него Александр Михайлович Кущев «получил» двадцать лет лишения свободы в ИТЛ с

конфискацией имущества и лишением воинского звания «комбриг» плюс пять лет поражения в политических правах. В суде Кущев виновным себя не признал. Военная коллегия исключила из числа пунктов обвинения ст. 58—11, оставив только 58—1 «б»[316].

Наказание А.М. Кущев отбывал в Устьвымлаге, в лагпункте № 20. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1943 г. Александр Михайлович из лагеря был досрочно освобожден по ходатайству заместителя Верховного Главнокомандующего и первого заместителя наркома обороны Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. В действующую армию А.М. Кущев прибыл в декабре 1943 г. в звании полковника. С 9 июня 1944 г. он занимал должность начальника штаба 5-й ударной армии (командующий армией генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин). Через три месяца после вступления в эту должность Александру Михайловичу было присвоено звание «генерал-майор». Именно на указанной должности наиболее полно и ярко проявились такие качества А.М. Кущева, как целеустремленность, твердая воля, самоотверженность, умение взять ответственность на себя, инициативность и распорядительность.

Одной из операций, в которой участвовала 5-я ударная армия и когда ее штабом руководил А.М. Кущев, была Висло-Одерская. При подготовке к этой операции штаб армии во главе с генерал-майором А.М. Кущевым проделал огромную работу, действуя уверенно и слаженно. Вспоминает бывший член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф.Е. Боков:

«Вскоре штаб 5-й ударной разработал план предстоящей армейской операции. Нужно отметить, что процесс выработки решения проходил в творческой обстановке. И в этом была огромная заслуга командующего и начальника штаба армии. Они умели создать ту непринужденную и деловую атмосферу в работе штаба и управлений, в которой так полно раскрываются способности и таланты людей.

Направление главного удара, 6-километровый участок прорыва и общая задача нашей армии были указаны в оперативной директиве 1-го Белорусского фронта. Командарму и штабу предстояло найти оптимальное решение, определить задачи стрелковым корпусам, этапы операции, построение боевых порядков соединений и решить многие другие вопросы, влияющие на успех дела.

Бессонные ночи проводил командарм, напряженно работали Военный совет и штаб армии... Все усилия служб и родов войск нужно было увязать, согласовать по месту и времени, объединить в единое целое. Именно этим занимался штаб армии,

возглавляемый А.М. Кущевым, который стал в сентябре генерал-майором.

Энергичный, подвижный Александр Михайлович Кущев, казалось, никогда не отдыхал. Человек высокой культуры, он хорошо знал и любил штабную работу, умело руководил подчиненными. В армии все знали его “конек” — контроль за исполнением приказов и боевых распоряжений Военного совета и штаба армии. Исключительно пунктуальный во всем, Кущев добивался и от других такой же высокой дисциплины.

Причем делал это так, что не сковывал инициативы подчиненных ему офицеров и нижестоящих штабов. Генералы Н.Э. Берзарин и А.М. Кущев, разрабатывая планы операций, с полуслова понимали друг друга. Такое взаимопонимание и подлинно фронтовая дружба была нормой в отношениях между всеми членами Военного совета, командующими родами войск и. начальниками служб штаба армии. Такая деловая товарищеская атмосфера в Военном совете, штабе и политотделе армии во многом способствовала успешному решению самых сложных вопросов даже в быстро меняющейся боевой обстановке.

Первоначально штаб предлагал оперативное построение армии сделать в два эшелона. Это вытекало из установившихся взглядов на организацию и осуществление прорыва. Весь опыт войны показывал, что при взломе сильно укрепленной обороны противника, а именно такую оборону нам предстояло преодолевать, армии на главном направлении имели, как правило, двухэшелонное построение. Но Н.Э. Берзарин посчитал нужным поступить иначе.

— Нет, дорогие товарищи, — сказал он, ознакомившись с предварительным вариантом, — армия должна иметь одноэшелонное оперативное построение, — все корпуса в линию. И вот почему... — Николай Эрастович взял в руку карандаш и склонился над картой. — Посмотрите сюда. В нашем распоряжении — ограниченный плацдарм, который позволяет иметь глубину оперативного построения лишь на десять—двенадцать километров. Тесно, очень тесно для двух эшелонов. Это — первое. Затем нам надо нанести мощный первоначальный удар для быстрого прорыва тактической глубины обороны. Ведь так?

— Да, так, — согласились все члены Военного совета.

— Значит, основные силы надо сосредоточить в первом оперативном эшелоне.

— А чем же мы будем наращивать усилия на главном направлении, чем громить оперативные резервы врага? — спросил генерал А.М. Кущев.

— Не забывайте, Александр Михайлович, — ответил командарм, — что в нашей полосе вводится в прорыв Вторая гвардейская танковая армия. Она и будет развивать успех. Да еще у нас будет армейский резерв — усиленная стрелковая дивизия...»[317]

В Висло-Одерской операции войска 5-й ударной армии действовали смело, инициативно. Все корпуса и армейские части свои задачи выполнили успешно. Особенно дерзко действовали армейский и корпусные передовые отряды, которые вместе с танкистами генерала С.И. Богданова создали выгодные условия для наступления главных сил. Только за шесть суток войска 5-й ударной армии и 8-й гвардейской армии разгромили четыре пехотные и две танковые дивизии противника, а также десятки различных специальных частей. Армия вышла на реку Одер на восемнадцатый день операции, пройдя с боями более 570 км, т.е. 30—35 км в сутки. В этом успехе заметная доля принадлежала и штабу армии, возглавляемому А.М. Кущевым[318].

Еще в феврале 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков подписал приказ, согласно которому, 5-я ударная армия совместно с 8-й гвардейской армией генерала В.И. Чуйкова должна была овладеть городом Кюстрин. Ликвидация кюстринского выступа позволяла советским войскам создать оперативный плацдарм для нанесения удара на берлинском направлении.

Кюстрин был крепким орешком. В Первую мировую войну он считался крепостью. В период, когда войска Красной Армии вступили на территорию Германии, крепостные стены были срочно модернизированы и дополнены оборонительными сооружениями полевого типа. Командование вермахта придавало исключительно большое значение обороне этого города как важного узла железных дорог и крупного опорного пункта на дальних подступах к столице Германии, считая Кюстрин воротами Берлина. Но и этот крепкий орешек был разбит частями и соединениями 5-й ударной армии. О действиях в этот период начальника пггаба армии генерал-майора А.М. Ку-щева говорится в представлении о присвоении ему звания Героя Советского Союза, текст которого будет приведен ниже.

В битве за Берлин 5-я ударная армия действовала весьма успешно. Недаром же ее командующий генерал-полковник Н.Э. Берзарин был назначен первым комендантом Берлина и начальником Берлинского гарнизона. Итоги действий войск по овладению кварталами Берлина штаб армии подводил каждый день. Например, 28 апреля А.М. Кущев докладывал Военному совету армии:

«Мы можем доложить Военному совету Первого Белорусского фронта, что в результате упорных боев сегодня войска армии продвинулись на отдельных участках вперед и заняли двадцать семь кварталов, в том числе взяты у противника здание государственной типографии, Ангальтский вокзал, а части триста первой стрелковой дивизии развернули наступление на кварталы гестапо»[319].

Заслуги А.М. Кущева были по достоинству оценены. За короткий срок он был награжден орденами: Ленина (апрель 1945 г.), Красного Знамени (двумя — в марте и ноябре 1944 г.), Кутузова 1-й и 2-й степени (сентябрь 1944 г. и апрель 1945 г.). Признанием его большого вклада в достижение победы над врагом служит и представление Александра Михайловича к высокому званию Героя Советского Союза. В наградном листе, подписанном 7 мая 1945 г. командармом 5-й ударной генерал-полковником Н.Э. Берзариным и членом Военного совета армии генерал-лейтенантом Ф.Е. Боковым, говорилось: «Генерал-майор Кущев отличился в нескольких успешных операциях. В период подготовки операции по прорыву обороны противника на р. Висла (Мангушевский плацдарм) лично обошел весь передний край. Отлично зная войска и положение противника, разработал глубоко продуманный и детальный план наступательной операции от р. Висла до р. Одер.

Находясь на самых опасных участках, неоднократно рискуя жизнью, т. Кущев добился от войск форсирования с хода р. Пилица, чем обеспечил своевременный ввод в прорыв второй гвардейской танковой армии.

В период преследования, несмотря на высокий темп продвижения (32 км в сутки), обеспечил безотказное управление войсками.

Непосредственно руководил действиями войск по захвату и удержанию плацдарма на западном берегу р. Одер.

Своей огромной работой, непреклонной волей и беззаветной смелостью в значительной степени способствовал успеху 5 ударной армии.

Армия с 14.1 по 31.1.1945 г. с боями прошла 570 километров, первой захватила плацдармы на западном берегу р. Одер на Берлинском направлении, захватив и уничтожив при этом 20 ООО солдат и офицеров противника. В этой операции были разгромлены 251 и 6 пехотные дивизии, танковая, 391 охранная дивизия, 732 артбригада и свыше 30 отдельных батальонов и полков противника.

В боях за г. Кюстрин т. Кущев тяжело болел, не покидал своего поста и находясь в боевых порядках наступающих войск

твердо провел в жизнь решение командарма по окружению Кюстринского гарнизона.

Презирая опасность, в тяжелых уличных боях показал образец мужества и геройства, своим личным примером увлекал бойцов и офицеров на быстрейший выход к мостам.

В результате смелого и быстрого маневра Кюстринский гарнизон в количестве 8000 солдат и офицеров противника был полностью уничтожен и пленен. Наши силы в этом бою были значительно меньше.

В последующем блестяще разработал и осуществил операцию по расширению плацдарма северо-западнее Кюстрин, чем были созданы условия для наступления крупных сил фронта на Берлинском направлении.

Еще шире и полнее т. Кущев развернул свою деятельность и способности в Берлинской операции, успех которой в значительной мере принадлежит ему.

За период с 16.4 по 2.5.1945 г. армия прорвала сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону противника на р. Одер, сбила противника с некоторых заранее подготовленных промежуточных рубежей и, ворвавшись в Берлин, в тяжелых, исключительных по своей напряженности боях, овладела его центральной частью.

При этом были разгромлены и уничтожены 302 пд. 9 адц, 11 мдсс. 18 мд, 408 НАР, арт. корпус и свыше 60 отдельных батальонов. Захвачено в плен около 30 000 солдат и офицеров противника.

За личную доблесть и геройство и проведение ряда успешных операций от р. Висла до р. Одер и взятие Берлина достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”[320].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 г. А.М. Кущеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания Великой Отечественной войны Александр Михайлович Кущев до апреля 1947 г. продолжал возглавлять штаб 5-й ударной армии. Затем он работал на других штабных должностях, в том числе начальником штаба Беломорского и Приволжского военных округов. Последняя должность генерал-полковника (1955 г.) А.М. Кущева — старший представитель командования Объединенных Вооруженных Сил Варшавского договора в Чехословацкой народной армии. С 1968 г. в отставке.

Определением Военной коллегии от 4 марта 1965 г. полностью реабилитирован. Умер в Москве 14 марта 1975 г.

Бывший командир 7-го механизированного корпуса комдив Букштынович Михаил Фомич перед арестом полгода находился в распоряжении Управления по комначсоставу РККА. За ним

«пришли» 1 сентября 1938 г. Судила его Военная коллегия Верховного Суда СССР 25 мая 1939 г., приговорив к 15 годам ИТЛ. Наказание Михаил Фомич отбывал в Орлово-Розовском отделении Сиблага. Разумеется, М.Ф. Букштынович неоднократно обращался в различные высокие инстанции с жалобами и заявлениями о своей невиновности и просьбами о пересмотре его дела. Но все было тщетно до конца 1942 г. По решению Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1942 г. М.Ф. Букштынович 8 декабря 1942 г. был досрочно освобожден и направлен в действующую армию.

Кто же он такой, комдив М.Ф. Букштынович? Дадим краткую справку о доарестном периоде его жизни и деятельности. Родился Михаил Фомич в 1897 г. в деревне Жемойди Ошмян-ского уезда Виленской губернии в крестьянской семье. Окончил начальную школу и Виленское коммерческое училище в 1912 г. В июне 1915 г. был призван в армию и направлен в 5-й Сибирский стрелковый полк, где окончил учебную команду, став унтер-офицером. Участник Первой мировой войны. Воевал на Юго-Западном фронте. В сентябре 1916 г. окончил Ташкентскую школу прапорщиков, после чего продолжал службу в 3-м Рижском пограничном полку Юго-Западного фронта. Последний чин и должность в старой армии — подпоручик, помощник командира сотни.

После Октябрьской революции 1917 г. уехал в г. Кострому, где проживал его старший брат Александр. Там Михаил Фомич вступил в Красную гвардию, в рядах которой принял участие в боях с белогвардейцами и немцами под Шосткой и Ярославлем. В Красной Армии с лета 1918 г. Участник Гражданской войны, во время которой занимал должности: в

1918 г. — коменданта г. Костромы и начальника штаба войск Костромского района, помощника командира 1-го Советского полка; в 1919 г. — командира 222-го стрелкового полка 4-й армии Восточного фронта, командира стрелковых бригад: Самарской особой (май-июнь), 3-й Самарской крепостной (июнь-август), 2-й отдельной красных коммунаров (август

1919 г. — май 1920 г.); с мая 1920 г. — командир 4-й бригады 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. В боях был ранен и контужен.

После Гражданской войны М.Ф. Букштынович продолжал службу в Красной Армии. В 1921—1922 гг. — комендант крепости Кушка, затем в резерве при штабе Туркестанского фронта и штабе войск Украины и Крыма. В 1922—1924 гг. — командир 3-го Пензенского и 2-го Симбирского стрелковых полков. С августа 1924 г. — командир 102-го стрелкового полка. В 1924 г. окончил

курсы «Выстрел» (отделение командиров полков). Некоторое время исполнял обязанности помощника командира 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, а в октябре 1924 г. получил назначение помощником начальника 4-й Объединенной Ташкентской военной школы по учебно-строевой части. С октября 1926 г. — начальник повторных курсов той же школы. В 1927 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1928—1929 гг. — командир 1-го и 5-го Туркестанских стрелковых полков. С марта 1930 г. — начальник 5-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа, а с октября того же года — помощник командира 10-й стрелковой дивизии. В декабре 1932 г. назначен командиром 56-й Московской стрелковой дивизии. В августе Михаил Фомич получил назначение заместителем начальника штаба Ленинградского военного округа. В ноябре 1937 г. он был назначен командиром 7-го механизированного корпуса.

Итак, в декабре 1942 г. М.Ф. Букштынович обрел свободу и был направлен в действующую армию. В звании полковника он до марта 1943 г. исполнял должность заместителя командира 357-й стрелковой дивизии. В середине марта 1943 г. Михаил Фомич получил под свое начало 28-ю стрелковую дивизию, которой командовал до конца ноября 1943 г. С ноября 1943 г. он командует 100-м, а с февраля 1944 г. — 19-м гвардейским стрелковыми корпусами. В августе 1944 г. М.Ф. Букштынович получил новое назначение — начальником штаба 3-й ударной армии. Воинское звание «генерал-майор» ему было присвоено в ноябре 1943 г.

Одновременно с М.Ф. Букштыновичем в 3-ю ударную был назначен и новый командарм — вместо генерал-лейтенанта

В.А. Юшкевича (тоже, между прочим, бывшего узника сталинских тюрем) прибыл генерал-лейтенант М.Н. Герасимов, который, однако, пробыл на посту командарма 3-й ударной только три месяца и был сменен генерал-майором Н.П. Симоняком. А войну Михаил Фомич заканчивал уже с другим командармом — генерал-полковником В.И. Кузнецовым. Надо отметить, что в годы войны среди командующих войсками 3-й ударной армии, помимо В.А. Юшкевича, был еще один бывший зэк — генерал-лейтенант К.Н. Галицкий (сентябрь 1942 г. — ноябрь 1943 г.).

В составе 1-го Белорусского фронта войска 3-й ударной армии участвовали в 1944 г. в следующих наступательных операциях: Режицко-Двинской (28 июля — 28 августа) и Рижской (14 сентября — 22 октября). С октября 1944 г. 3-я ударная армия

принимала участие в блокаде группировки противника на Курляндском полуострове.

В 1945 г. войска армии участвовали в Варшавско-Познан-ской (январь—февраль), Восточно-Померанской (февраль-апрель) и Берлинской (апрель—май) наступательных операциях. Воины 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии водрузили Знамя Победы над поверженным рейхстагом. В автобиографии, написанной в июле 1947 г., М.Ф. Букштынович отмечал: «Я получил богатую практику командования соединениями в оборонительных и особенно наступательных боях начиная с 1943 года на Калининском, Прибалтийском и Белорусском фронтах, хорошо изучил Прибалтийский и Западный театры войны.

Командуя дивизией и корпусом мне удалось осуществить ряд прорывов позиционной обороны немцев, получить значительный опыт в организации и ведении современного наступательного боя.

В роли начальника штаба армии получил опыт в планировании и осуществлении армейской наступательной операции на большую глубину (100—150 км)...»

Штаб 3-й ударной армии М.Ф. Букштынович возглавлял до начала мая 1946 г. Еще в июле 1945 г. ему было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант». В последующие годы Михаил Фомич работает в Москве: в 1946— 1947 гг. — начальником Управления планирования боевой подготовки Сухопутных войск; в 1948—1950 гг. — начальником инспекторской группы заместителя Главкома Сухопутных войск по боевой подготовке.

Генерал-лейтенант М.Ф. Букштынович был награжден следующими орденами: Ленина, Красного Знамени (тремя), Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, двумя польскими орденами.

Умер М.Ф. Букштынович 28 июля 1950 г.

Шестидесятилетнего дивинженера Беркалова Евгения Александровича, заместителя начальника Артиллерийского НИИ-РККА, профессора и бывшего генерал-майора старой армии, арестовали 9 февраля 1938 г. в Ленинграде. До июня 1938 г. он находился в Ленинградской тюрьме, а затем был переведен в Москву.

Несколько штрихов из биографии Е.А. Беркалова. Родился он в семье офицера на Кавказе, на родине «вождя народов» — в г. Гори, но только годом раньше И.В. Сталина — в 1878 г. Окончил Воронежский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Затем служил в Кавказской резервной артиллерийской бригаде (г. Пятигорск). В 1903 г. окончил Артиллерийскую

академию, а в 1904 г. — морские артиллерийские курсы. Научную деятельность в области артиллерийского вооружения Военно-Морского Флота Евгений Александрович начал в качестве члена Комиссии морских артиллерийских опытов на Морском полигоне. Одновременно он преподавал теорию стрельбы на море в Морском артиллерийском классе. С 1913 г. Е.А. Беркалов — старший помощник Главного инспектора морской артиллерии и начальник отдела Главного управления кораблестроения. С 1907-го по 1915 г. им были разработаны разные типы морских артиллерийских снарядов и взрывателей для всех калибров орудий, поднявшие мощность и дальность морской артиллерии.

Эффективность работ, выполненных под руководством Е.А. Беркалова, была очень высокой. Так, он добился повышения дальнобойности до 30%, усиления фугасной мощности снаряда в пять раз, повышения бронебойной мощи снаряда, Евгений Александрович принимал участие в баллистическом решении и разработке стволов новых орудий вплоть до калибра 406 мм, взрывателей к фугасным и бронебойным снарядам, гальванических и ударных зарядных трубок, специальных снарядов подводного действия. В 1911 г. и 1913 г. Беркалов ездил в командировку во Францию и Англию.

После Февральской революции 1917 г. Е.А. Беркалов был избран матросами, рабочими и служащими Морского полигона на должность председателя Комиссии морских артиллерийских опытов и начальником полигона. Этим полигоном он руководил до 1925 г. В годы Гражданской войны при наступлении войск генерала Юденича Евгений Александрович содействовал обороне Петрограда средствами, имеющимися на полигоне, вооружая орудиями железнодорожные платформы. В дни Кронштадтского мятежа в 1921 г. на полигоне были организованы снаряжение 12-дюймовых снарядов и изготовление зарядов к ним для подачи на форт «Красная Горка» с целью обстрела Кронштадта.

В 1921 г. Е.А. Беркалов организовал кафедру проектирования снарядов в Военно-морской академии и руководил ею. Там же в 1922 г. он стал доктором технических наук (по совокупности научных трудов), профессором.

Несмотря на трудное для Республики время, на Морском полигоне под руководством Е.А. Беркалова производились научно-испытательные опыты. Сам Евгений Александрович занимался вопросами поиска и испытаний наиболее выгодной баллистической формы снарядов, изысканиями в области сопротивляемости броневого корабельного набора поражению снарядами, а также решением вопросов сверхдальнобойной стрельбы.

В 1925 г. Е.А. Беркалов был назначен начальником объединенного Морского и Главного артиллерийского полигона. На этой должности он находился до 1930 г. В научном плане в этот период он занимался вопросами развития мощности сухопутной артиллерии, поднятия ее дальнобойности путем разработки новых снарядов (3-дюймовые пушки).

В 1930 г. Беркалов был назначен заместителем начальника Артиллерийского научно-исследовательского института. Там он занимался вопросами артиллерийской стрельбы по танкам, перехода к выпуску 45 мм противотанковых пушек. Принимал Евгений Александрович участие и в разработке реактивных пушек, а также средств для борьбы с самолетами. В вопросах сверхдальнобойной стрельбы Беркалов предложил использовать стволы с особой нарезкой. В 1928 г. он был в служебной командировке во Франции и США. За заслуги в области разработки новых технических средств вооруженной борьбы Е.А. Беркалов был награжден: в 1932 г. — орденом Красной Звезды (знак ордена № 101), а в 1935 г. — орденом Ленина (знак ордена № 1180). В 1937 г. он был назначен председателем Комиссии по артиллерийскому вооружению проектируемых судов флота.

На предварительном следствии Евгений Александрович под давлением следователей (физическим и морально-психологическим) вынужден был показать, что он в течение ряда лет состоял в антисоветской офицерской организации «РОВС» и был связан с ее руководителями генералами А.П. Кутеповым и А.К. Миллером, по заданию которых занимался шпионажем и вредительством в артиллерии РККА. Начало этой антисоветской деятельности Беркалов обозначил 1928 г. (годом командировки за границу).

Из дела по обвинению Е.А. Беркалова видно, что в контрреволюционную офицерскую организацию он был вовлечен в 1928 г. неким Пеллем. Будучи тогда в Париже, Евгений Александрович якобы завязал связь с заграничным бюро «РОВС». А по приезду в СССР он, выполняя задание зарубежного центра, стал проводить работу по созданию контрреволюционных офицерских организаций. Признал он также, что осуществлял вредительство в области артиллерийского вооружения Красной Армии. В этом плане он «изобличался» показаниями арестованных «врагов народа»: Затурского, Захарова, Кушакевича, Круссера, Упорникова. С этими людьми Беркало-ву были даны очные ставки[321].

На следствии Е.А. Беркалову припомнили и то, что его сын (от первого брака) Евгений и брат Сергей — белые офицеры, эмигрировавшие во Францию. С сыном Евгений Александрович

встречался в Париже в 1928 г., будучи в служебной командировке во Франции. В то время его сын служил на французском флоте.

На предварительном следствии Е.А. Беркалов признал себя виновным, но затем он от своих «признательных» показаний отказался, заявив, что участником «РОВС» никогда не был, а данные им ранее показания сфабрикованы следователем Дубровиным[322].

После окончания следствия Беркалова перевели из Ленинграда в Москву. Военная коллегия 30 мая 1940 г. за принадлежность Е.А. Беркалова к антисоветской контрреволюционной организации приговорила его к десяти годам лишения свободы. Это наказание Евгений Александрович отбывал в Особом техническом бюро НКВД СССР. Находясь в этой организации, он занимался вопросами проектирования 203 мм гаубицы, 100 мм зенитной пушки, внутренней и внешней баллистики этих орудий, их боевой эффективности.

Пострадала и жена Е.А. Беркалова — Тозони Тамара Вячеславовна. Она подверглась аресту одновременно с мужем. Под следствием она находилась один год и восемь месяцев, подвергаясь угрозам, шантажу, оскорблениям. Под таким воздействием она 10 марта 1938 г. подписала протокол допроса, где утверждалось, что Т.В. Тозони сотрудничала с разведкой Эстонии. 19 октября 1939 г. она за недоказанностью вины была освобождена из тюрьмы. После освобождения Тамара Вячеславовна жила в Ленинграде. В 1940 г. ей дважды удалось получить свидание с мужем (12 января и 17 августа).

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1943 г. Е.А. Беркалов был досрочно освобожден из заключения со снятием судимости. После восстановления в кадрах РККА он был назначен в Артиллерийский комитет Главного Артиллерийского управления Красной Армии на должность заместителя председателя этого комитета. А неделю спустя Евгению Александровичу было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант инженерно-артиллерийской службы».

С декабря 1943 г. по май 1947 г. Е.А. Беркалов — постоянный член Артиллерийского комитета ГАУ. С мая 1947 г. —- консультант НИИ № 3 (Институт баллистики и артиллерийского вооружения) Академии артиллерийских наук. В 1947— 1952 гг. — действительный член Академии артиллерийских наук. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Награжден орденами: Ленина (двумя), Красного Знамени, Красной Звезды (двумя).

Умер 12 декабря 1952 г.

Определением Военной коллегии от 18 августа 1956 г. Е.А.

Беркалов был полностью реабилитирован.

Летом 1943 г. был досрочно освобожден из лагеря бывший начальник Горьковского бронетанкового училища комбриг Вяземский Михаил Федорович.

Его краткая биография такова. Родился М.Ф. Вяземский в 1894 г. в г. Симферополе. Из дворян. Окончил в 1912 г. реальное училище. В 1914 г. добровольно ушел на фронт. Через год (в 1915 г.) за боевые отличия был произведен в офицеры (стал прапорщиком), в конце войны был подпоручиком. Воевал на Юго-Западном фронте. Там же в 1917 г. был избран в солдатский комитет. В Красную Армию вступил добровольно в марте 1918 г. Член ВКП(б) с 1919 г. В 1920 г. во время войны с поляками вместе с частями 4-й армии был интернирован в Германию, откуда, пробыв там полтора месяца, бежал . В дальнейшем его служба складывалась следующим образом:

1920—1923 гг. — слушатель Военной академии РККА.

1923—1924 гг. — стажировка в должности командира роты в пограничных войсках.

1924—1927 гг. — помощник начальника отдела 2-го Управления Штаба РККА.

1927—1929 гг. — работа в секретариате Наркомата по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР.

1930 г. — стажировка в танковой части.

1930—1935 гг. — начальник штаба Бронетанковых курсов усовершенствования комсостава РККА.

1935—1938 гг. — начальник Горьковского (Нижегородского) бронетанкового училища.

Арестовали М.Ф. Вяземского 15 марта 1938 г. Основанием к аресту послужили показания бывших работников Автобронетанкового управления РККА, к тому времени арестованных: его бывшего начальника командарма 2-го ранга И.А. Халепского, начальника отделения АБТУ полковника Г.В. Мамченко (арестован 10 марта 1938 г.), командира механизированной бригады комбрига В.Ф. Шилова. Обвинялся Михаил Федорович в принадлежности к антисоветской военно-троцкистской организации, в которую якобы был завербован в 1932 г. И.А. Халепским. На предварительном следствии под физическим воздействием следователей управления госбезопасности УНКВД по Горьковской области виновным себя признал. Однако в суде он от всех своих показаний отказался как от вымышленных и ложных.

Из обвинительного заключения по групповому делу, по которому проходил и М.Ф. Вяземский:

«... Обвиняется в том, что:

а) Состоя с 1917 года в офицерско-монархической организации, а затем в антисоветском военном заговоре, все время вел активную вредительскую деятельность против ВКП(б) и Соввласти.

б) Начиная с 1920 года, на протяжении ряда лет занимался активной шпионской деятельностью в пользу Германии.

в) Возглавлял филиал антисоветского военного заговора в Горьковском бронетанковом училище и наряду с вербовочной и прочей контрреволюционной деятельностью подготовлял осуществление терактов против руководителей партии и Советского правительства»[323].

Судил М.Ф. Вяземского военный трибунал Московского военного округа. 5 сентября 1939 г. он приговорил Михаила Федоровича к 10 годам лишения свободы в ИТЛ по 58-й статье УК РСФСР (пункты 1«б», 8 и 11). Военная коллегия 5 февраля 1940 г. оставила в силе этот приговор.

Как происходила фабрикация дела о военно-фашистском заговоре в Горьковском бронетанковом училище имени И.В. Сталина, поведал М.Ф. Вяземский в своем заявлении Главному военному прокурору:

Главному военному прокурору

Вооруженных Сил Союза ССР

ЗАЯВЛЕНИЕ гв. полковника Вяземского Михаила Федоровича

С 1 марта 1918 года по 15 марта 1938 года я был в рядах РККА на командных должностях. С октября 1919 г. — в рядах ВКП(б). Находясь на должности начальника Горьковского бронетанкового военного училища в звании «комбриг», я был 15 марта 1938 г. арестован. При аресте у меня был отобран партбилет.

Выездная сессия военного трибунала МВО 2—5 сентября 1939 г. по ст.ст 58—1«б», 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР приговорила меня к 10 годам лишения свободы с поражением политических прав на 5 лет, лишением звания «комбриг» и конфискацией имущества.

На суде я виновным себя не признал. Приговор обжаловал. Военная коллегия Верховного Суда приговор оставила в силе. В последующем, находясь в заключении, я просил Верховный Суд пересмотреть мое дело, т.к. никакой вины не имел и решение суда считал и считаю судебной ошибкой. Во время войны я несколько раз обращался в Верховный Совет Союза ССР с просьбой пересмотреть мое дело и дать мне возможность применить свои знания и опыт в борьбе с немецкими захватчиками.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 17

июня (протокол № 13) я был освобожден из заключения и восстановлен в политических правах. В соответствии с личным указанием секретаря Верховного Совета Союза ССР тов. Горкина я был по освобождении направлен в г. Москва в распоряжение НКО для отправки на фронт.

Прибыв в Москву в НКО, я был назначен заместителем командира 53-й гв. танковой бригады 3 гв. ТА (танковой армии. — Н.Ч.) и работал в ее составе на фронте до конца войны. Участвовал во всех операциях 3 гв. ТА от Днепра до Берлина. За боевые отличия получил четыре ордена, шесть медалей и звание “полковник”.

Определением военного трибунала Центральной группы войск от 21 июня 1945 г. я освобожден от наказания по приговору военного трибунала МВО от 5.9.39 г. и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.2.43 г. с меня снята судимость.

В 1945 г. парторганизация 3 гв. ТА приняла меня кандидатом, а в октябре 1946 г. членом ВКП(б).

Таким образом, на сегодняшний день я восстановлен в политических правах, состою снова в рядах Советской Армии и великой партии Ленина—Сталина, которым всю свою жизнь отдавал, все свои силы и знания и которые воспитали меня.

Однако до сих пор на мне остается позорное и незаслуженное пятно судимости и приговора суда военного трибунала, за тягчайшие преступления перед Родиной, которых я никогда не совершал.

Я прошу пересмотреть мое дело и возбудить ходатайство об отмене приговора военного трибунала МВО от 5.9.39 г., являющегося судебной ошибкой. В доказательство своей невиновности привожу следующее:

Возникновение и прекращение дела о военно-фашистском заговоре в Горьковском бронетанковом училище им. Сталина

Осенью и зимой 1937 г. в Горьковском бронетанковом училище, которым я тогда командовал, создалась тяжелая, нездоровая обстановка. В этом был виноват комиссар училища Седов, который всячески старался меня дискредитировать.

Например, в своих выступлениях он намекал на мое дворянское происхождение, отменял мои приказы, а в декабре 1937 г. потребовал от парторганизации расследовать, не являюсь ли я “князем”. Парторганизация установила, что я происхожу из бедной дворянской семьи, не имевшей княжеского титула. Усилия Седова не помешали парторганизации оказать мне доверие выбором в состав районного комитета партии и делегатом на областную и окружную (МВО) конференции. Я

поставил в известность пуокр (политическое управление округа. — Н.Ч.) и У ВУЗ (Управление военно-учебных заведений. — Н.Ч.) о проводимой Седовым политике и он был переброшен на другую работу. В последующем он был уволен из РККА за какие-то неблаговидные поступки.

Деятельность Седова сыграла определенную роль в последующем развитии событий в училище. В феврале 1938 г., накануне XX годовщины РККА, было арестовано несколько командиров училища — пом(ощник) по тех. части капитан Мурачев Семен, инженер по ремонту Линявский, инженер Скворцов. Арест был для меня и парторганизации полной неожиданностью. Арестованы были такие товарищи, честность которых была вне подозрений. Мурачев пользовался в училище большим авторитетом как старый член партии и отличный командир-танкист. Он был членом парт, бюро и секретарем парт(ийной) комиссии. В те дни я думал — как ловко маскируются враги. Мною была создана комиссия для проверки работы технического отдела училища, где работали арестованные. Комиссия в работе техотдела не нашла вредительства, были обнаружены мелкие неполадки обычного порядка.

15 марта 1938 г. был арестован я, а вслед за мною еще одиннадцать командиров училища.

На предварительном следствии мне были предъявлены письменные показания Мурачева и Линявского, в которых они говорили, что являются членами военно-фашистского заговора, возглавляемого мною. На очных ставках эти товарищи подтверждали свои ложные показания.

Следователями ко мне были применены особые методы, в результате чего я был вынужден писать и подписывать все, что было угодно следователям.

4 февраля 1939 г., встретив в кабинете следователя прокурора, я подал ему жалобу, в которой указал, что все протоколы моих показаний являются ложными и вынужденными. В -результате этого последовали новые репрессии и я снова был вынужден “подтверждать ранее записанные показания”, решив довести дело до суда, где только я мог рассчитывать сказать правду.

Протоколы допросов, как правило, составлялись следователями без меня и давались мне для подписи. Обвинение мне было предъявлено на 5-й месяц после ареста. Обвинительное заключение было мне дано за день до суда...

Заканчивая, я еще раз прошу пересмотреть мое дело... отменить приговор военного трибунала Московского военного округа от 2—5.9.1939 г. и прекратить дело.

Гвардии полковник (Вяземский) 1 марта 1948 г.»[324].

К приведенному тексту заявления М.Ф. Вяземского необходимы некоторые пояснения и дополнения. Во-первых, Михаил Федорович в июне 1943 г. был выпущен из лагеря досрочно с отсрочкой приговора до окончания военных действий. Это видно из выписки заседания Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1943 г. (протокол № 13), на котором слушалось:

«Ходатайство Вяземского Михаила Федоровича о помиловании и отправке на фронт.

Выездной сессией Военного трибунала Московского военного округа 2—5.1Х.39г. по ст.ст. 58—1«б». 17—58—8 и 58— 11 УК РСФСР — приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением политических прав на 5 лет и лишением военного звания “комбриг”.

Дело № КП 864/с

Снять с Вяземского Михаила Федоровича поражение в политических правах и отсрочить исполнение приговора до окончания военных действий с направлением на фронт.

Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР (Горкин)»[325].

Во-вторых, в 53-ю гвардейскую Фастовскую танковую бригаду на должность заместителя ее командира М.Ф. Вяземский прибыл 14 марта 1944 г., предварительно окончив Академические курсы усовершенствования офицерского состава при Военной академии бронетанковых и механизированных войск. На указанную должность М.Ф. Вяземский прибыл в воинском звании «подполковник» (а был комбригом!). Бригадой в то время командовал Герой Советского Союза полковник В.С. Архипов, впоследствии генерал-полковник и дважды Герой Советского Союза.

В-третьих, заместителем у Архипова Вяземский был всего лишь до мая 1944 г., когда он был назначен заместителем начальника оперативного отдела штаба 3-й гвардейской танковой армии по использованию опыта войны. В этой должности Вяземский находился до окончания войны и некоторое время после нее. С 1946 г. и до увольнения в запас он служил в отделе изучения опыта Великой Отечественной войны Штаба бронетанковых и механизированных войск Вооруженных Сил СССР.

Постановлением Военной коллегии от 11 июня 1956 г. М.Ф. Вяземский был полностью реабилитирован. Через девять лет, в апреле 1965 г., он скончался в Москве в возрасте семидесяти одного года.

В январе 1943 г. был освобожден из ГУЛАГа комбриг

Голубинцев Евгений Матвеевич, бывший до ареста в январе 1938 г. начальником кафедры тактики Артиллерийской академии РККА.

Родился Е.М. Голубинцев в 1879 г. на Северном Кавказе, в станице Кременской, в семье потомственного дворянина. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Полковник старой армии, он в годы революции 1917 г. и Гражданской войны принял сторону восставшего народа и верно служил ему в рядах Красной Армии. В Гражданскую войну был начальником 2-й Новгородской пехотной дивизии, временно командовал 7-й армией. Долгое время Е.М. Голубинцев находился на преподавательской работе в высших военно-учебных заведениях РККА, в том числе в Военной академии имени М.В. Фрунзе и Артиллерийской академии.

Проходил Евгений Матвеевич и по делу «Весна». Арестовали его в ночь на 2 января 1931 г. Обвинялся он в принадлежности к антисоветской монархической офицерской организации. Вменили Е.М. Голубинцеву в вину и то, что три его брата — казачьи офицеры, в годы Гражданской войны служили в белой армии, а затем эмигрировали за границу. Виновным себя в тех преступлениях, что ему вменяли, Евгений Матвеевич не признал. 18 июля 1931 г. Коллегия ОГПУ приговорила его за так называемую контрреволюционную деятельность к пяти годам ИТЛ. Это наказание он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Будучи в лагере, Е.М. Голубинцев с жалобами и заявлениями по поводу своей невиновности и несправедливого его осуждения неоднократно обращался в различные высокие инстанции, в том числе к председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, его заместителям, к другим военачальникам Красной Армии, которые его знали по совместной службе в войсках и работе в военно-учебных заведениях. И эти просьбы возымели действие: по ходатайству М.Н. Тухачевского и Р.П. Эйдемана (начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе) Коллегия ОГПУ 26 февраля 1932 г. приняла (в порядке пересмотра дела) постановление о досрочном освобождении Е.М. Голубинцева. После освобождения из лагеря и восстановления в кадрах РККА Голубинцев работал сначала преподавателем, а затем начальником кафедры тактики Артиллерийской академии. В 1936 г. ему было присвоено воинское звание «комбриг».

Вскоре наступили черные дни «большого террора». Начались массовые аресты командно-начальствующего состава не только в войсках, но и в военно-учебных заведениях. Некоторых из командиров и начальников Красной Армии, прежде чем

арестовать, увольняли из ее рядов. Так случилось и с Евгением Матвеевичем: приказом НКО по личному составу № 4066 от 31 декабря 1937 г. его уволили из армии, а через неделю (8 января 1938 г.) подвергли аресту. К обвинениям 1931 г. добавились и новые: принадлежность к военному заговору, в который его якобы вовлек в апреле 1932 г. (выходит, что сразу же после досрочного освобождения из лагеря!) начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе Р.П. Эйдеман.

Свыше месяца Е.М. Голубинцев держался и не признавал себя виновным. Однако 10 февраля 1938 г. он вынужден был подписать протокол допроса со своими «признаниями». Устраивали ему следователи и очные ставки с другими подследственными, которые под жестким контролем следователей обвиняли Евгения Матвеевича в принадлежности к антисоветской организации (командарм 1-го ранга И.П. Белов, дивинтендант Б.Н. Иванов). Допросы и другие следственные действия продолжались весь 1938 г. и 1939 г. В марте 1939 года Голубинцев от всех своих так называемых признательных показаний отказался как от ложных и клеветнических и с тех пор заявлял на всех допросах о своей невиновности, несмогря на меры физического воздействия[326].

Дело но обвинению Е.М. Голубинцева рассматривал 29 июля 1939 г. военный трибунал Ленинградского военного округа. Там Евгений Матвеевич подтвердил свой отказ от ранее данных им «признательных» показаний, утверждая, что они написаны следователем.- Убедительных доказательств вины Голубинцева суд не установил и принял решение направить его дело на доследование со стадии предварительного следствия. Фактически же никакого доследования не проводилось, а просто было составлено новое обвинительное заключение и дело направлено в Особое Совещание (ОСО) при НКВД СССР.

Целый год (с июля 1939 г. по июль 1940 г.) шла тяжба между ОСО и военным трибуналом JIBO. Было ясно, что дело трещало по всем швам, явно рассыпалось из-за отсутствия серьезных оснований для обвинения подсудимого, и оба органа, цепляясь за малейшие юридические детали, несколько раз переправляли его друг другу, так и не решаясь прекратить за недоказанностью обвинения. И только 23 июля 1940 г. состоялось постановление ОСО: пять лет ссылки в Красноярский край. Это наказание Евгений Матвеевич отбывал в селе Сухобузим.

В начале января 1943 г. срок ссылки Е.М. Голубинцева закончился. Однако сразу уехать с места ссылки он не смог из-за соответствующих ограничений в перемещениях лиц, осужденных по политической статье. Тогда Евгений Матвеевич устроился на

работу, заняв должность заведующего Балахтинским райдоротделом.

Все годы Великой Отечественной войны Е.М. Голубинцев неоднократно обращался к Главному военному прокурору и другим должностным лицам с просьбой вернуть его в ряды Красной Армии, чтобы сражаться с фашистскими захватчиками на фронте или в тылу готовить кадры для него. т.е. преподавать в военно-учебных заведениях. Однако осуществить это желание ему удалось только после окончания срока ссылки. В 1943 г. Е.М. Голубинцева восстановили в кадрах Красной Армии и назначили преподавателем в Артиллерийскую академию, где он и прослужил до 1949 г.

Некоторые детали процесса восстановления Евгения Матвеевича в кадрах РККА можно узнать из его письма бывшему своему сослуживцу по кафедре тактики Артиллерийской академии В.В. Иванову, также имевшему до ареста воинское звание «комбриг». Их судьба в 30-х и 40-х годах во многом оказалась схожей. Они, два полковника старой армии, вместе работали на одной кафедре в Артиллерийской академии, в один год были арестованы (Голубинцев в январе, а В.В. Иванов — в июле 1938 г.), оба получили по пять лет ссылки и были освобождены в 1943 г. Разница заключалась в том, что Е.М. Голубинцева восстановили в. кадрах Красной Армии, а В.В. Иванов, судя по письму, после освобождения продолжал жить по месту ссылки (г. Павлодар Казахской ССР). Письмо датировано 28 ноября 1944 г.

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Получил твое письмо, а также послание твоей жены, которое могло быть написано только с твоих слов, а может быть и с твоего ведома. Как одно, так особенно и другое меня несказанно удивило. Неужели ты, пройдя “через горькую участь эпопеи 37—38 гг.”, как ты пишешь, не знаешь, как все происходило.

Я тебя не оговаривал и вообще никого, и наоборот, говорил только о честной и преданной работе как своей, так и о моих сослуживцах, о которых меня спрашивали, а о тебе не было даже и разговора (насколько я помню). Виновным я себя никогда и нигде не признавал, и свою невиновность доказал на суде. Доказал и то, что никаких показаний о чьей-либо виновности я не давал. Все это записано черным по белому в протоколе заседания суда, что я читал собственными глазами.

Твою просьбу написать “совершенно открытое соответствующее заявление” (как ты пишешь) о твоей непричастности к мифической кем-то выдуманной (только не мной) организации, считаю совершенно нелепой и для

выполнения невозможной. Ты просишь написать, каким путем я добился полного восстановления. Я подавал очень много заявлений в разные инстанции и должен прибавить никогда ни на кого не ссылался. Писал только о самом себе. Одно из последних заявлений в конце 42 года я написал в Главное Управление формирования и укомплектования Красной Армии (НКО СССР). По-видимому это заявление попало в ГУКАРТ (Главное управление кадров артиллерии Красной Армии. — Я. ¥.) так как оттуда пришел ответ, в новой нетрафаретной редакции, что вопрос о восстановлении в рядах К.А. (Красной Армии. — Н.Ч.) надлежит поднять после окончания срока ссылки и через Главного Военного прокурора, что я и сделал. В июне месяце 43 года получил из ГУКАРТа положительный ответ о моем восстановлении в К.А., после чего вскоре пришло назначение в Артакадемию в гор. Самарканд, куда я и отправился.

Если будет у меня Игорь Владимирович (сын В.В. Иванова. — Я.Ч.), то ему смогу рассказать все интересующее тебя. Желаю тебе успехов во всех твоих делах.

Уважающий тебя Е. Голубинцев»[327].

В 1949 г. полковник и доцент Е.М. Голубинцев был уволен в отставку с правом ношения военной формы одежды. Полностью он был реабилитирован в феврале 1955 г. Скончался в Москве 16 февраля 1958 г.

Командующий Каспийской военной флотилии флагман 2-го ранга Исаков Дмитрий Павлович был арестован 23 июня 1938 г. в г. Баку. Содержался во внутренней тюрьме НКВД Азербайджанской ССР.

Небольшая справка о доарестном периоде жизни и деятельности Д.П. Исакова. Родился он в 1895 г. в деревне Рузановка Алатырского уезда Симбирской губернии в бедной крестьянской семье. С четырнадцати лет работал по найму, плотничал, четыре зимы валял валенки. В 1915 г. был призван на флот (Балтийский), где служил сначала матросом на линкоре «Павел I», а затем писарем. В марте 1917 г. вступил в ряды коммунистической партии. С февраля 1918 г. — комиссар Главного Морского хозяйственного управления, затем Волжской военной флотилии. С августа 1919 г. по март 1920 г. был старшим помощником командира Нижегородского военно-морского порта. С марта по ноябрь 1920 г. — на Южном фронте уполномоченным ВСНХ, Наркомата путей сообщения и Реввоенсовета Республики по снабжению флотов и флотилий донецким углем.

В 1921 г. — командир Новороссийского, а в 1922 г. — Николаевского военно-морских портов и старший морской

начальник Северо-Западного района Черного моря. Затем до августа 1925 г. Д.П. Исаков командовал Владивостокским военно-морским портом. В 1925—1930 гг. он учился в Военноморской академии в г. Ленинграде, которую окончил по 1-му разряду. После окончания академии Дмитрий Павлович плавал на Балтике на эсминце «Ленин» и линкоре «Октябрьская революция» старшим помощником командира и врид командира этих кораблей. В 1931—1933 гг. — командующий Амурской военной флотилией. В 1932 г. награжден орденом Красного Знамени (знак ордена № 147). В 1934—1938 гг. — командующий Каспийской военной флотилией. От этой должности освобожден в мае 1938 г.

Итак, Д.П. Исакова арестовали 23 июня 1938 г. Обвинялся он в принадлежности к военному заговору. По состоянию на декабрь 1940 г. в тюрьме Дмитрий Павлович находился уже два с половиной года, из них половину срока — в подвале. На предварительном следствии Исаков сначала виновным себя признал, а затем он от всех своих «признательных» показаний отказался как от ложных, данных им вынужденно, под пытками. Дело по обвинению Д.П. Исакова рассматривал в судебном заседании 23 апреля 1939 г. военный трибунал Закавказского военного округа. Не найдя серьезной доказательной базы, суд отправил дело на доследование.

Вторично к рассмотрению дела Д.П. Исакова военный трибунал ЗакВО вернулся 6—7 декабря 1940 г., на этот раз вынеся оправдательный приговор. Однако против такого решения «восстал» особый отдел Каспийской военной флотилии, заявив протест. Поэтому накануне Великой Отечественной войны Дмитрий Павлович на свободу не вышел. Не повезло ему тогда и в другом плане — в тюрьме он заболел, и ему была сделана урологическая операция, что не способствовало укреплению его здоровья.

Военная коллегия Верховного Суда СССР 21 марта 1941 г. приговор военного трибунала ЗакВО в отношении Д.П. Исакова отменила и направила дело на дополнительное расследование. Некоторое время оно (дело) находилось в Особом Совещании при НКВД СССР, откуда 20 января 1942 г. было отправлено в Главную военную прокуратуру Военно-Морского Флота для утверждения нового, а фактически старого, обвинительного заключения. Постановлением Главного прокурора ВМФ корвоенюриста Б.И. Алексеева от 23 февраля 1942 г. дело было прекращено. Однако и на сей раз Дмитрий Павлович не вышел на свободу — 30 июня 1942 г. заместитель начальника Управления особых отделов старший майор госбезопасности Н.А. Осетров обращается к Прокурору СССР В.М. Бочкову с просьбой об отмене

постановления Главного прокурора ВМФ о прекращении дела Д.П. Исакова и освобождении последнего из-под стражи со следующей формулировкой — «в интересах государственной безопасности освобождать обвиняемых нецелесообразно». Вот так, ни меньше ни больше, — «в интересах государственной безопасности»!..

Прокурор Бочков, совсем еще недавно занимавший пост начальника Особого отдела НКВД СССР, конечно же, пошел навстречу своим вчерашним коллегам, отменив постановление Главного прокурора ВМФ в отношении Д.П. Исакова. По его распоряжению дело в очередной раз отправили в Особое Совещание. При этом В.М. Бочков, ничтоже сумняшеся, определил Исакову меру и срок наказания — пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Этот срок и проштамповало ОСО в своем постановлении от 22 августа 1942 г. Наказание Д.П. Исаков отбывал в лагерях Молотовской (Пермской) области.

По отбытии срока наказания (с учетом предварительного следствия) Дмитрий Павлович 23 июня 1943 г. был освобожден из лагеря и направлен в распоряжение военкома г. Березники Молотовской области. Там его поставили на воинский учет, и он до окончательного выяснения своего положения в Наркомате ВМФ устроился на работу в Камское речное пароходство (пристань Березники) — рулевым на речном трамвае. Неоднократно (через военкомат) Д.П. Исаков просил отправить его в действующую армию на любую должность в соответствии с его опытом и знаниями.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов знал Д.П. Исакова по довоенной службе, и поэтому процесс восстанрвления его в кадрах флота надолго не затянулся. Приказом наркома от 10 сентября 1943 г. Дмитрий Павлович был назначен заместителем начальника тыла Амурской военной флотилии — командиром Хабаровского военного порта с присвоением воинского звания «капитан 1-го ранга». Перед началом войны с Японией Д.П. Исаков занимал должность начальника тыла указанной флотилии. После окончания войны по протесту заместителя Прокурора СССР генерал-лейтенанта юстиции А.П. Вавилова судимость с Д.П. Исакова была снята.

В 1945—1947 гг. капитан 1-го ранга Д.П. Исаков исполнял обязанности начальника тыла Дунайской военной флотилии. Полностью он был реабилитирован постановлением Военной коллегии от 14 мая 1955 г.

Одним из заключенных, добившихся решения об отправке его на фронт, был бывший командир 9-й кавалерийской дивизии комдив Ушаков Константин Петрович, подлинный герой

Гражданской войны. Бывший офицер старой армии, выходец из потомственных дворян, уроженец с. Гайворон Черниговской области, член ВКП(б) с 1920 г. по 1937 г. (исключен за связь с чуждым элементом и за притупление политической бдительности). Арестовали комдива Ушакова 22 февраля 1938 г. в Москве, куда он прибыл «искать» правду после освобождения его от должности командира 9-й кавдивизии. В марте 1938 г. К.П. Ушакова этапировали в Киев.

Активный участник Гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней Азии, К.П. Ушаков был в боях много раз ранен и фактически являлся инвалидом, о чем у него были соответствующие документы. Однако он не хотел уходить из армии и продолжал свою нелегкую службу в кавалерии. Комдив Я.А. Мелькумов, тоже отбывший свой срок в лагере, в книге «Туркестанцы» очень тепло отзывается об Ушакове и руководимой им кавалерийской бригаде, с которой он вместе громил басмачей в 20-е годы. За боевые подвиги К.П. Ушаков был награжден четырьмя орденами — тремя орденами Красного Знамени (знаки орденов №№ 3142, 315 и 18) и орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (знак ордена № 112).

Обвинялся Константин Петрович по ст.ст. 54—1«б», 54—8 и 54—11 УК Украинской ССР. То есть обвинялся как участник военного заговора, как член антисоветской военно-офицерской организации «РОВС» и что якобы проводил подрывную работу в частях вверенной ему 9-й кавалерийской дивизии. Обвинили Ушакова и в шпионаже в пользу одного из иностранных государств (какого именно — не указывается).

Арестованный комдив Ушаков на предварительном следствии в результате физического воздействия виновным себя в инкриминируемых ему преступлениях признал, оговорив себя и других лиц из числа комначсостава РККА. Своим вербовщиком в военный заговор Константин Петрович (читай — следователь НКВД) назвал комдива М.А. Демичева, а вербовщиком в организацию «РОВС» — начальника штаба 2-й кавалерийской бригады Клецких (1922 г.). Однако несколько позже Ушаков от своих так называемых признательных показаний отказался как от вымышленных и ложных. 18 апреля 1939 г. он в заявлении на имя военного прокурора Киевского Особого военного округа писал: «...прошу: 1) считать все ранее на следствии мною показанное, как вынужденно данное — ложным; 2) показания мои на всех перечисленных в показаниях и протоколах лиц — считать вымышленными, данными мною под принуждением...»[328]

Следствие по делу К.П. Ушакова проводилось в 1938 г., однако суд над ним состоялся только в июле 1939 г. Военная

коллегия 20 июля 1939 г. приговорила его к 15 годам лишения свободы в ИТЛ плюс к пяти годам лишения политических прав после отбытия указанного срока, а также к лишению присвоенного ему воинского звания «комдив». На суде Константин Петрович вршовным себя не признал. Он отказался от всех порочащих его показаний, данных им на предварительном следствии, заявив, что все они ложные.

Наказание К.П. Ушаков отбывал в северо-восточных лагерях: до сентября 1940 г. находился во Владивостоке (6-й километр, подлагпункт № 1); в сентябре 1940 г. был переведен в бухту Находка (почтовый ящик № 89). Здесь его в августе 1940 г. и встретил такой же заключенный и тоже бывший командир кавалерийской дивизии комбриг А.В. Горбатов, ехавший в Москву для пересмотра своего дела. Нечего и говорить, как завидовал Горбатову Константин Петрович.

Из воспоминаний А.В. Горбатова: «В бухте Находка, торжественно-радостные, мы покинули пароход и вступили, как говорили, на Большую землю, хотя для нас она была всего лишь деревянными бараками. В тот же день, придя за кипятком, я встретил К. Ушакова, бывшего командира 9-й кавдивизии. Его когда-то называли лучшим из командиров дивизий; здесь же наш милый Ушаков был бригадиром, командовал девятью походными кухнями и считал себя счастливчиком, получив такую привилегированную должность.

Мы обнялись, крепко расцеловались. Ушаков не попал на Колыму по состоянию здоровья: старый вояка, он был ранен восемнадцать раз во время борьбы с басмачами в Средней Азии. За боевые заслуги имел четыре ордена.

За то время, пока мы жили в Находке, у Ушакова произошли перемены к худшему: его сняли с должности бригадира и назначили на тяжелые земляные работы. Начальство спохватилось, что осужденным по 58-й статье занимать такие должности не положено, когда под рукой есть “уркаганы” или “бытовики”...

...Накануне отъезда из бухты Находка я нашел Костю Ушакова в канаве, которую он копал. Небольшого роста, худенький, он, обессиленный, сидел, склонив голову на лопату. Узнав, что я завтра уезжаю, он просил сказать там, в Москве, что он ни в чем не виноват и никогда не был “врагом народа”.

Снова крепко обнялись, поцеловались и расстались навсегда. Конечно, я добросовестно выполнил его просьбу, все передал, где было возможно. Но вскоре после нашей встречи он умер»[329].

Горбатов пишет, что Ушаков «вскоре умер»... Но как понимать это «вскоре» — через месяц, полгода, год!.. Остается какая-то

недосказанность, недоговоренность и не знаешь, когда это событие произошло: то ли в том же 1940 г., то ли в следующем, 1941-м. В реальности же Константин Петрович Ушаков умер три года спустя («вскоре»!) после его встречи с А.В. Горбатовым — 16 июля 1943 г., когда он отбывал свой срок в Свободненском ИТЛ (Амурская область).

За эти три года К.П. Ушаков написал десятки жалоб в различные инстанции по поводу своего незаконного ареста и заключения в лагерь. Например, в апреле 1940 г. он направил жалобу в адрес К.Е. Ворошилова, который знал Ушакова по его боевым делам. И что удивительно — письмо дошло до адресата. Уже не нарком обороны СССР, но Маршал Советского Союза и заместитель председателя СНК СССР К.Е. Ворошилов прочитал поступившую жалобу К.П. Ушакова и написал на ее первом листе свою резолюцию: «Главному военному прокурору т. Гаврилову. Прошу разобраться в этом деле. Ушакова знаю с хорошей стороны. Результаты сообщите. Ворошилов. 28/VII-40»[330].

Ровно месяц понадобился соответствующим работникам Главной военной прокуратуры, чтобы исполнить поручение К.Е. Ворошилова. 28 августа 1940 года исполнявший обязанности Главного военного прокурора Красной Армии корвое-нюрист П.Ф. Гаврилов подписал следующий ответ:

«Заместителю Председателя
Совета Народных комиссаров
Союза ССР
тов. К.Е. Ворошилову
28 августа 1940 г. На № 140-КВ от 28.7.1940 г.

По жалобе осужденного к 15 годам исправтрудлагерей и 5 годам поражения в политических правах Ушакова Константина Петровича мною было проверено его архивно-следственное дело.

Из материалов дела видно, что Ушаков с 1922 года является участником контрреволюционной монархической организации “РОВС”, в каковую был завербован бывшим начальником штаба 2-й кавбригады Клейких (быв. офицер царской армии).

Вторично в 1935 году Ушаков был завербован бывшим командиром 1-го кавкорпуса Демичевым в военно-фашистский заговор.

Демичев изобличал Ушакова как участника заговора на предварительном следствии и в суде, где признал себя полностью виновным. Военной коллегией Демичев осужден к ВМН.

Будучи одним из активнейших участников военно-фашистского заговора, Ушаков лично завербовал в контрреволюционную организацию Соколова — бывшего начальника ВХС (военно-хозяйственного снабжения) 9

кавдивизии, Кизюна — бывшего врид начальника ВХС дивизии, Веденяпина — бывшего начальника ветслужбы дивизии, Мишина и других.

Указанными лицами Ушаков изобличался как активный участник к.р. (контрреволюционной. — Н. Ч.) организации на предварительном следствии. Соколов, Кизюн и Мишин свои показания полностью подтвердили и в суде. Все трое осуждены к ВМН.

Анализируя весь имеющийся в деле материал, считаю приговор Военной коллегии правильным, вынесенным в соответствии с материалами дела, а жалобу Ушакова неосновательной.

О принятом решении жалобщик поставлен в известность.

И.Д. Главного военного прокурора Красной Армии корвоенюрист (Гаврилов)»[331].

Гаврилов сообщает Ворошилову, что жалобщик, т.е. К.П. Ушаков, извещен о решении Главной военной прокуратуры. Вот он, этот ответ, который Константин Петрович с большой надеждой ожидал и который нисколько не удовлетворил его.

«гор. Владивосток. 6-й километр

Начальнику спец. пропускника

подлага № 1 ОЛП СВИТЛ

Прошу объявить содержащемуся в вверенном Вам пропускнике Ушакову Константину Петровичу, осужденному Военной коллегией к 15 годам ИТЛ, что по его жалобе, направленной товарищу Ворошилову, Главной военной прокуратурой Красной Армии было рассмотрено его дело.

Считая приговор Военной коллегии правильным, вынесенным в соответствии с материалами дела, его жалоба, как неосновательная, Главным военным прокурором оставлена без удовлетворения.

Военный прокурор ГВП военный юрист 2 ранга (Волынский)»[332].

И хотя его физические силы быстро таяли, Константин Петрович продолжал бороться за восстановление своего честного имени. В 1940 г. ему удалось установить связь со своей женой — два арестанта стали писать друг другу письма. Анну Юльевну Ушакову арестовали 10 марта 1938 г., т.е. через три недели после ареста мужа, по обвинению в проведении шпионской деятельности. Особое Совещание 21 июля 1939 г. (значит, под следствием она была более года) осудило ее на восемь лет ИТЛ. Этот срок Анна Юльевна отбывала в Карагандинском лагере.

Начавшаяся Великая Отечественная война активизировала попытки К.П. Ушакова доказать свою невиновность. Он

неоднократно пишет в различные судебные, партийные, советские и военные инстанции письма, в которых изъявляет свое желание отправиться на фронт, в действующую армию, чтобы в рядах Красной Армии громить немецко-фашистских захватчиков. В конце концов Ушаков добился положительного решения об отправке его на фронт. Но... случилось непоправимое.

Что именно случилось, становится известным из письма заключенного А.С. Богуша, посланного сестре К.П. Ушакова — Марии Петровне, проживавшей в Москве. Письмо это датировано 16 июля 1943 г. Содержание его следующее:

«Мария Петровна, в вещах покойного Константина Петровича нашел ваш адрес. Да... 16 июля, около 12 часов дня, при полном сознании, умер Константин Петрович от пеллагры! Недавно получено извещение о разрешении ему поехать на фронт. Но тяжелое физическое состояние не дало возможности этому осуществиться. Болел он около 6—7 месяцев, хотя в перерывах между лежанием в больнице он работал вместе со мною в цехе ширпотреба. Так как я нашел и адрес Анны Юльевны, я и ей написал, хотя не уверен, что ей вручат мою открытку. На всякий случай и вы напишите ей об этом. Получение моей открытки подтвердите по адресу: гор. Свободный, Хабаровского края, п/я 210/4 (Суражевск), Богушу А.С.

Всего доброго. Богуш»[333].

Определением Военной коллегии от 14 марта 1957г. К.П. Ушаков был полностью реабилитирован.

Среди арестованных военачальников Красной Армии, которые в годы Великой Отечественной войны могли бы успешно командовать дивизиями, корпусами и армиями, был и комдив Карпов Михаил Петрович, бывший командир 56-й, а затем 17-й стрелковых дивизий. Он был арестован 14 февраля 1938 года и отправлен в тюрьму в г. Горьком. От ареста М.П. Карпова не спасло и то, что его хорошо знали как К.Е. Ворошилов, так и С.М. Буденный (по 1-й Конной армии, где он был комиссаром штаба армии). Обвинялся Михаил Петрович в проведении вредительства во вверенных ему частях. Одним из пунктов обвинения была связь М.П. Карпова с «врагами народа», в первую очередь с уже осужденным и расстрелянным комкором В.М. Примаковым, т.е. обвинялся он в причастности к военному заговору. Виновным себя под физическим воздействием следователей Михаил Петрович сначала признал, но затем он от своих ложных показаний отказался.

В деле надзорного производства имеется документ, подписанный прокурором Вороновым, подводящий итоги предварительного следствия.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ по делу Карпова Михаила Петровича,

1895 г.р., гр-н СССР, образование высшее военное, до ареста комдив

Арестован 14.2.1938 года

Обвинение предъявлено 14.2.38 г.

пост. 58/1“б”, 8, ПУК.

Следствие начато 14.2.1938 г. Окончено 29.3.1939 г. Обвиняется в том, что являлся участником антисоветского военного заговора, проводил подрывную работу.

Виновным себя Карпов вначале признал, впоследствии от своих показаний отказался.

Изобличается показаниями осужденного Леднева (л.д.72, 76), арестованного Чернышева (л.д. 68) и Кудрявцева (осужден) (л.д. 54—57).

В предъявленном обвинении Карпов изобличался в достаточной степени. Но учитывая, что свидетели, изобличающие Карпова, осуждены, полагал бы: дело Карпова направить на рассмотрение Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел Союза ССР.

Прокурор (Воронов) 4 мая 1939 г. гор. Москва»[334].

Особым Совещанием при НКВД СССР Михаил Петрович 14 мая 1939 г. был осужден на восемь лет ИТЛ. Наказание он отбывал сначала в Севжелдорлаге (Архангельская область) на общих работах, затем в Устьвымлаге (Коми АССР). Как только появилась возможность подать жалобу на несправедливость приговора и незаконные методы следствия, М.П. Карпов сразу же воспользовался ею. Так, 20 октября 1939 г. в заявлении в Президиум Верховного Совета СССР он писал: «Следователи УНКВД по Горьковской области Дымковский, Бренер и др., материалы, обвиняющие меня, добыли инквизиторским путем — путем боя кулаками, жгутами резины и др. орудиями издевательства и пыток, не приложив к делу материалы, документально доказывающие мою невиновность в предъявленных мне обвинениях»[335].

Одно из подобных заявлений, написанных уже из Усть-вымлага, М.П. Карпов адресует секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. В нем Михаил Петрович говорит о том, как он еще задолго до 1937 г. разоблачал «врага народа» В.М. Примакова, а также о том, как его принуждали давать ложные показания на предварительном следствии. «...Этих документов, связанных с В.М. Примаковым: а) исключение его (Примакова) из партии (1924 г.); б) запрос о доверии Примакову у комиссара 13-го стрелкового корпуса Д.Д. Плау; в) беседа М.П. Карпова с членом РВС Приволжского военного округа П.А. Смирновым о недоверии

Примакову как троцкисту; г) отзыв М.П. Карпова о В.М. Примакове и секретаре Свердловского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакове (как о феодалах. — Н. Ч.) следствие не подняло, свидетелей не вызвало, очных ставок не дало, а приступило к иезуитским методам допроса на основе клеветнических показаний бывшего комиссара 56 сд Лед-нева И.И., которые сводятся к следующему:

“Комдив Карпов, тоже как Курдюмов В. (ныне генерал-лейтенант) и Букштынович состоял в заговоре и работал вредительскими методами, как и др. Кроме того, он работал на Урале и ЛВО под командованием Примакова и ездил с ним на эстонскую границу, исходя из этого он был под влиянием Примакова”.

С Примаковым я работал по приказу партии и командования, мою оценку ему знало начальство, политические и партийные органы армии...

Вместо того, чтобы поднять архивы, допросить свидетелей, следствие в лице быв. начальника Управления НКВД по Горьковской области Лаврушина, его заместителя Листенгурта, быв. начальника 5 отделения Спаринского, его зама Дымковского, следователей Бренера, Кузнецова и др. стали издеваться надо мною и бить смертельным боем в продолжении ряда месяцев (с промежутками), доводя меня до отчаянного состояния, больного, психически расстроенного, угрозы репрессировать семью, отбив почку, всего синего, на это есть свидетели, даже врачи. Начали требовать дачи показаний по предложенному расшифрованному вопроснику.

Я видел, если мне ничего не писать, я на допросах буду убит. Сначала решил покончить с собой, но, обдумав, что убитый или мертвый, я не сумею доказать свою невиновность перед ВКП(б) и Великим Сталиным, перерешил этот вопрос и под диктовку Бренера начал писать, но, учитывая, что мне надо писать то, что легко опровергнуть, я взял своим “вербовщиком” своего личного врага с 1927 г. (о чем могут подтвердить целый ряд свидетелей) Ефимова Н.А. (быв. начальника Артуправления РККА). Одновременно для того, чтобы в будущем доказать, что это была вынужденная выдумка, указал время и место “вербовки” — июль 1935 г., т.е. тот момент, когда я не был в Москве, а со всем вторым курсом Особого факультета находился в Крыму на полевой поездке, что подтверждает приказ Академии имени М.В. Фрунзе, а также поместил ряд моментов, известных мне из совещаний начсостава ЛВО и МВО методов вербовки, взяв за основу рассказ Дыбенко (командарм 2-го ранга, командующий войсками Ленинградского военного округа в 1937—1938 гг. —

Н.Ч.) на совещании начсостава ЛВО о вербовке Угрюмова (комкор Л.Я. Угрюмов — заместитель начальника Управления боевой подготовки РККА. — Я.Ч.), а на самом деле с Ефимовым Н.А. я не разговаривал ни на какие темы и видел его только на официальных собраниях й на маневрах. То, что не нравилось следователю Бренеру, он заставлял меня переписывать под свою диктовку. То же делал Дымковский. Иногда мне удавалось при переписке взять другую бумагу по качеству или цвету. Если эти показания сохранились, по ним можно подтвердить вышеуказанное, писанное моей рукой.

Под свист палок следователь Бренер заставил меня написать, что несмотря на беседу со мною в ЦК ВКП(б) в декабре 1937 г., я оставался на своих “контрреволюционных позициях”. Я отказывался это писать, начался новый бой с приговоркой «бей зайца и он научится спички зажигать». Не вынося мучительную боль в почках, легких и солнечном сплетении, я подтвердил это требование.

На другой день написал обо всем прокурору и н(ачальни) ку Управления, что все это абсурд, выдумано под физическим воздействием и опровергается документами и фактами иного порядка, ответа я не получил и вскоре был отправлен в больницу тюрьмы № 1 в тяжелом состоянии.

Через семь месяцев из больницы вновь был вызван на допрос, где документально, фактами и цифрами доказал, что враги партии и их друзья, пролезшие в органы НКВД, оклеветали меня, ни в чем неповинного перед ВКП(б), перед страной и Великим Сталиным, но и на этот раз документы из архива следствие не взяло, к делу не приложило, свидетели опрошены не были, очной ставки ни с кем не дали. Вскоре вновь был отправлен в ту же больницу, где получил решение Особого Совещания НКВД СССР о заключении меня в ИТЛ сроком на 8 лет.

Вас, секретаря нашей Великой партии, прошу пересмотреть весь этот вопрос. В чем моя вина перед партией? В том, что по молодости лет 1 января 1918 г. на собрании в Управлении дежурного генерала Главковерха (б. Ставка), гор. Могилев я по несознательности похвастался, что был в 1909— 1913 гг. эсером, об этом хвастовстве никому ничего не сказал, не сказал об этом и тогда, когда в декабре 1937 г. меня вызывал к себе в ЦК ВКП(б) в отдел кадров Скворцов, за это я могу нести любое наказание. Зачем меня ни в чем другом не виноватого перед ВКП(б), перед Великим Сталиным, бумажно сделали их врагом.

Всю свою сознательную жизнь, состоя в ВКП(б), я боролся со всеми врагами партии, за ее генеральную линию, за Ленина, за Сталина и сейчас, находясь вот уже скоро три года в тюрьме, в

лагерях, я не был оппортунистом, не был и не буду врагом партии Ленина—Сталина, это подтвердит каждый даже относительно честный человек. Здесь я ненавижу всю эту сволочь и здесь веду с ними борьбу.

Поймите же наконец, что в течение трех лет страдает ни в чем неповинный перед партйей Ленина—Сталина, вечно ей преданный человек.

Бывш(ий) член ВКП(б) с мая 1918 г.

Карпов Михаил Петрович Адрес мой: Коми АССР, Усть-Вымьский район, село Межог. почт. ящ. 219/4 Карпову Михаилу Петровичу 15 декабря 1940 г.»[336].

С началом Великой Отечественной войны М.П. Карпов неоднократно обращался и к лагерному начальству, и с заявлениями в Москву, чтобы его отправили на фронт для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Но все было тщетно...

В 1942 г. по ходатайству руководства лагеря Особое Совещание при НКВД СССР за образцовую работу и примерное поведение снизило ему срок наказания на два года, и Михаил Петрович 14 февраля 1944 г. из лагеря был освобожден. В то время он находился на ст. Кожва в Коми АССР. Новые попытки М.П. Карпова добиться его отправки на фронт также оказались безуспешными. И он стал работать в Севжелдорлаге в качестве вольнонаемного. В 1946 г. Карпов уехал в г. Выборг, где работал начальником отдела капитального строительства мелькомбината. В последующем Михаил Петрович переехал в г. Тулу, где занимал должность главного инженера мелькомбината.

Реабилитирован М.П. Карпов определением Военной коллегии от 6 октября 1954 г.

«ОДИССЕЯ» КОМИССАРА

Помимо названной выше, была и еще одна специфичная категория комначсостава РККА, о которой далее и пойдет речь.

«Москва НКО Маршалу Тимошенко Ростов ДН 7/163 18 152 221 Принята 15/2 1941 г.

Оправдан ходатайствую восстановлении РККА. Моя жизнь принадлежит партии Ленина—Сталина Бывший корпусный комиссар Березкин

НР 7/163 ДЛ Груздева в 23 20»[337].

«Начальнику Гл. Полит. Управления Красной Армии корпусной комиссар в запасе Березкин Марк Федорович

Прошу Вас о восстановлении меня в кадрах Красной Армии.

В Красной Армии я работал с мая 1919 года по октябрь 1937 г. на разных политдолжностях от политрука до н-ка политуправления округа (ХВО).

Последние пять лет работал по линии ВВС. В 1937 г. был переведен на командную работу и назначен командующим ВВС СКВО.

За все 19 лет службы в Красной Армии имею положительные аттестации. Дисциплинарных и партийных взысканий не имею.

С 15 декабря 1937 г. по 15 февраля 1941 г. находился под следствием.

Судом оправдан, в партии восстановлен без взыскания.

Сейчас я на пенсии НКО за выслугу лет и работаю по командировке Кировского РК ВКП(б), г. Москва, в промкооперации директором трикотажной фабрики “Красная Звезда”, г. Москва.

По партийной работе — пропагандист и агитатор Кировского РКВКП(б).

В 1941 г. я возбуждал ходатайство перед Гл. Управлением ВВС об определении меня на командную работу в ВВС, но ходатайство мое удовлетворено не было, по причинам от меня не зависящим.

Возбуждал я ходатайство в 1941 г. и перед Вами. Решение вопроса было отложено Вашим управлением кадров в связи с утерей мною партбилета.

Партколлегия МК ВКП(б) вынесла решение о выдаче мне партбилета и 3 февраля 1942 г. я получил новый партбилет № 4 250 856 в Кировском РК ВКП(б) г. Москвы.

Личное дело на меня имеется в Управлении кадров Гл. Полит. Управления, в Управлении кадров Гл. Управления ВВС и в Кировском райвоенкомате г. Москвы...

Вся моя жизнь прошла в Кр. Армии. Я вырос в армии, воспитан армией, люблю и знаю, полагаю, военное дело и политработу в Армии.

Я — член ВКП(б) с апреля 1919 г., с 17-летнего возраста. Вся моя жизнь принадлежит партии Ленина—Сталина.

Я хочу в рядах Красной Армии, на фронте, где сочтет нужным ЦК партии, принять участие в активной борьбе с фашизмом за Родину, за Сталина!

Корпусной комиссар Марк Березкин

3.3.1942

Москва, Валовая, 8, ф-ка «Красная Звезда»[338].

Полностью оправданный судом корпусной комиссар М.Ф. Березкин многократно обращается в различные высшие органы с одной-единственной просьбой — поскорее восстановить его в кадрах Красной Армии и предоставить ему возможность в условиях войны применить на практике богатый запас знаний и навыков организаторской и воспитательной работы. Подобного содержания письма он направил: в 1941 году — командующему ВВС РККА генералу П.Ф. Жигареву и начальнику Главного Политуправления Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису, в 1942 году — секретарям ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову, заместителю наркома обороны, армейскому комиссару 1-го ранга Е.А. Щаденко; в 1943 году — снова начальнику ГлавПУРа (дважды), секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. Но все безрезультатно!

Березкин недоумевает: почему так долго рассматриваются его заявления, когда на фронте сложилась такая тяжелая обстановка и налицо острая нехватка командных и политических кадров? Почему ему продолжают не доверять, когда советский суд его полностью оправдал по всем пунктам обвинения? Ему не суждено было знать содержание разговоров в высоких московских кабинетах по поводу его писем и обращений о возвращении в ряды РККА. А разговоры там происходили весьма интересные.

Для примера обратимся к его письму на имя Е.А. Щаденко, который, кстати, хорошо знал Березкина по довоенной службе, когда последний в 1935—1937 гг. исполнял обязанности помполита в Управлении ВВС РККА. Это письмо по содержанию аналогично всем предыдущим обращениям Березкина в высшие партийные и военные инстанции: все та же просьба о восстановлении в кадрах РККА и предоставлении возможности внести посильный вклад в победу над врагом, посягнувшим на свободу и независимость Родины. Приведем только некоторые фрагменты из этого документа и резолюции высоких должностных лиц из НКО и ПУРККА.

Березкин пишет: «С 15. XII. 1937 г. по 15. II. 1941 г. был под следствием и содержался под стражей. Я не знал за собой никакой вины... После 3-летнего следствия я был оправдан судом, освобожден и восстановлен в ВКП(б). В день освобождения я возбудил ходатайство о восстановлении меня в кадрах Красной Армии. Однако вот уже год, (как) мои просьбы остаются без ответа.

Почему во время Отечественной войны, когда так нужны преданные партии и тов. Сталину кадры Красной Армии, я, имея почти 20-летний опыт и известные знания, должен оставаться вне рядов Армии? В чем моя вина?

...Я работаю в Москве, с 1941 г. директор фабрики «Красная Звезда» в Кировском районе... Кировский РК ВКП(б) может дать справки о моей работе. Но я не удовлетворен своей работой. Вся моя жизнь прошла в рядах Красной Армии. Я знаю и люблю армию и хочу работать в армии. Тем более сейчас, в обстановке войны, когда Родина отдает все кадры и силы делу укрепления армии для победы над фашистским зверьем.

Я готов работать в армии на любой работе, куда Вы сочтете нужным назначить...»[339]

Письмо, написанное 20 марта 1942 года, через неделю (27 марта) за соответствующим номером регистрируется в секретариате заместителя НКО по кадрам. В тот же день Щаденко, прочитав его, направляет это письмо в Главное Политуправление РККА, сделав на нем весьма характерную резолюцию. Вернее, не резолюцию, а записку заместителю начальника ГлавПУРа Ф.Ф. Кузнецову: «Оказывается, у Вас в запасе много еще кадров, причем матерых кадров, а Вы жалуетесь на нехватку людей. Боже мой, боже мой!»

Слова «матерых» и «боже мой» Щаденко специально выделил в тексте подчеркиванием, причем слово «матерых» он подчеркнул двумя жирными линиями. Однако, несмотря на слезные просьбы Березкина, Щаденко так и не стал сам решать его судьбу, а переадресовал его письмо в ГлавПУР. Он даже не высказал своего мнения по существу изложенного в нем вопроса, не изъявил ни малейшего желания дать хоть какую-то характеристику просителю, которого хорошо знал, что было бы весьма важно для положительного разрешения просьбы Березкина. Щаденко просто, как самый заурядный чиновник, переадресовал письмо в ГлавПУР и после совсем не интересовался этим делом.

Во время войны прохождение документов в центральном аппарате НКО было организовано четко. Уже через два дня заместитель Мехлиса армейский комиссар 2-го ранга Ф.Ф. Кузнецов, получив письма Березкина с резюме Щаденко, делает

на нем не менее примечательную резолюцию: «Пусть сидит в запасе». Эта резолюция, обязательная для исполнения, была адресована дивизионному комиссару Н.В. Пупышеву — начальнику Управления кадров Главного Политического управления Красной Армии.

Нет, не такого решения ожидал Марк Федорович Березкин! Вот так — пусть и далее сидит в запасе! Пусть сидит, даже если на фронте налицо острейшая нехватка квалифицированных политических кадров во всех без исключения звеньях. Пусть сидит в тылу, возглавляя артель в системе Наркомата местной промышленности, опытный военный с тремя ромбами на петлицах, получивший богатую практику организаторской и идеологической работы на всех без исключения ступеньках службы в войсках — от полка до округа. Такое нерациональное использование кадров в НКО и ГлавПУРе во времена господства там людей типа Щаденко и Мехлиса наглядно характеризует их стиль деятельности.

В 1986 году в Воениздате вышла книга воспоминаний упомянутого выше Н.В. Пупышева. Разумеется, описанный эпизод со злоключениями М.Ф. Березкина не нашел там своего отражения. Однако нам важен в мемуарах Пупышева не сам единичный случай с Березкиным, а общий подход к данной проблеме.

Из доклада Н.В. Пупышева вновь назначенному начальнику ГлавПУРа А.С. Щербакову о состоянии кадров политсостава Красной Армии (июнь 1942 года): «Я доложил, что мы испытываем большие трудности из-за недостатка политработников, особенно на южных фронтах»[340]. И далее: «Мы встречали затруднения при подборе начальников политотделов армий, потому что не сумели создать реального резерва на выдвижение...»[341] (А бывший начальник политуправления округа в это же самое время руководит промартелью, вместо того чтобы возглавлять политотдел одной из этих армий!)

Об этом же самом через несколько страниц: «Помнится, летом 1942 года много трудностей мы испытывали из-за отсутствия кадровых резервов на выдвижение...»[342] Идет речь у Пупышева и о новых формированиях: «Чтобы возместить потери, укомплектовать политработниками новые формирования, создать необходимый резерв кадров, нужны постоянные пополнения. Но подготовка и переподготовка кадров связана с дополнительными расходами...»[343]

Удивлению нет предела — в запасе без любимого дела сидят десятки высокоподготовленных политработников высшего и старшего звена, они слезно просят различные партийные,

советские и военные инстанции о возвращении их в кадры РККА, соглашаясь на любую работу. Даже со значительным понижением по службе по сравнению со своей должностью до увольнения из рядов армии. А в это время ЦКВКП(б), стремясь заткнуть бреши в кадрах политсостава, специальным своим разрешением направляет в армию 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов, горкомов и райкомов, 270 ответственных работников аппарата ЦК партии, 1265 работников областного и районного звена, входивших в номенклатуру ЦКВКП(б). С Ленинских курсов, из Высшей школы партийных организаторов и Высшей партийной школы в распоряжение ГлавПУРа прибыли около 2500 партийных работников[344].

Слов нет, то были неплохие работники, хотя молодые по возрасту и опыту работы в занимаемых должностях. В общем, типичные партийные выдвиженцы тех лет. Однако опыта работы в войсках и соответствующего военного образования у абсолютного большинства этих людей не было. В лучшем случае то был опыт срочной военной службы или краткосрочные курсы политсостава при политучилище или Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Например, как у начальника политотдела 18-й армии бригадного комиссара Л.И. Брежнева.

Вот при таком раскладе с кадрами Федор Федотович Кузнецов, сам, кстати, призванный в 1937 году из запаса, налагает резолюцию: «Пусть сидит в запасе». И сидели годами там, возглавляя артели местпрома и другие малозначительные организации, постоянно ощущая на себе укоризненные взгляды солдатских вдов, жен и матерей, испытывая жгучее желание поскорее вырваться в действующую армию или хотя бы в систему подготовки кадров для нее. Помимо М.Ф. Березкина, сидел в запасе корпусной комиссар А.А. Булышкин — в Гражданскую войну военком 25-й Чапаевской дивизии, а после войны — начальник политотдела Каспийской военной флотилии, член Военного совета и начальник политуправления Тихоокеанского и Балтийского флотов. Пребывал в запасе дивизионный комиссар П.П. Богданов. Он до увольнения его из армии длительное время работал помполитом корпуса в Киевском военном округе.

Бывший старший инспектор ПУРККА дивизионный комиссар С.Ф. Котов, уволенный в запас в июне 1938 года, работал председателем профкома учебного комбината Управления торговли г. Москвы. После суда, оправдавшего его за недоказанностью вины, сидел в запасе, работая в Узбекистане на хозяйственной должности, бригадный комиссар Н.С. Ени-кеев — бывший военком Омской пехотной школы. С 1937 года был

отлучен от любимого дела комбриг Н.Л. Маркевич — бывший командир 2-й кавалерийской дивизии червонного казачества.

Начало войны и стремительное продвижение немецких войск в глубь СССР возродили в стране движение за создание народного ополчения. Его батальоны, полки и дивизии стали формироваться в первую очередь в крупных промышленных и научных центрах Советского Союза — Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Днепропетровске и других городах. Не удивительно, что бывшие кадровые военные, не по своей воле находившиеся в запасе, одними из первых изъявили желание вступить в подобные добровольческие формирования. Так, комбриг В.А. Малинников, бывший командир железнодорожной бригады, стал командиром 1-й дивизии, а корпусной комиссар А.А. Булышкин — военным комиссаром 6-й дивизии ленинградского ополчения[345].

Упомянутый выше П.П. Богданов назначается командиром корпуса народного ополчения, сформированного в Днепропетровске[346]. Этот перечень можно продолжать и далее, но мы делать этого не будем. Дело в том, что другая часть бывших военнослужащих, находившихся в запасе к началу Великой Отечественной войны, не была допущена даже в народное ополчение. Политические обвинения, отвергнутые судом, на деле продолжали свое черное дело.

Названные примеры говорят за то, что в ряде случаев при подобных назначениях более или менее адекватно учитывались предыдущая служба командира запаса, его боевой опыт и полученное военное образование. Однако в целом ряде случаев командиры и политработники, добившись после оправдания по суду возвращения в ряды Красной Армии, так и не получили должностей, соответствующих их опыту и знаниям. О корпусном комиссаре А.А. Булышкине мы упомянули. Другой пример — бывший начальник политуправления Харьковского военного округа дивизионный комиссар И.С. Балашов в начале войны получил всего-навсего должность начальника политотдела 2-й кавалерийской дивизии. Заметим — даже не военкома дивизии (эту должность тогда занимал политработник в звании полкового комиссара, т.е. на две ступени ниже Балашова), а только начподива. Налицо полнейший для армейской среды абсурд — дивизионный комиссар подчинялся полковому комиссару. И такие случаи, к сожалению, не являлись в те времена редкостью. Говоря о политработниках высшего звена, скажем, что сидел в запасе и бывший начальник отдела кадров ПУРККА бригадный комиссар М.Е. Пивоваров, работая начальником отдела снабжения на одном из московских заводов.

Значительно больше повезло тем из комначсостава, которые,

чудом вырвавшись из застенков НКВД, вернулись в родную им Красную Армию, будучи назначены на административно-хозяйственные должности. Но и подобные назначения подчас проходили с определенными трудностями, обусловленными так и не изжитым по отношению к этим людям политическим недоверием.

Об одном из таких случаев рассказал генерал-лейтенант в отставке И.В. Сафронов. До своего ареста летом 1938 года он в Киевском военном округе работал в должности заместителя командира стрелкового корпуса по политической части, имея воинское звание «дивизионный комиссар». В своей книге мемуаров «За фронтом — тоже фронт» он, не желая, видимо, разжигать страсти по теме репрессий, даже словом не упомянул о тех долгих и мучительных месяцах, что ему довелось в 1938—1939 годах провести под следствием. Однако желание высказаться до конца у него оставалось — несмотря на прошедшие шесть десятилетий его впечатления о тех днях и событиях были так же свежи, как будто все это произошло только вчера. В интервью, данном корреспонденту «Красной Звезды» в марте 1996 года, Иван Васильевич поведал о своей «одиссее»:

«Я думаю, что после двух лет отсидки, нескончаемых допросов меня потому и отпустили, что я, несмотря ни на угрозы, ни на различные посулы, ничего не признал и ничего не подписал»[347].

Выйдя из тюрьмы, Сафронов сразу же вступил в борьбу за свое честное имя. Дошел до Тимошенко, тогдашнего наркома обороны, благо что служебные пути с ним ранее перекрещивались. Тот пригласил Мехлиса, начальника ПУРККА, который изрек: «У меня вакансий нет». Тогда нарком вызвал главного армейского кадровика Ефима Щаденко. Тот сначала отправил Сафронова в Сочи «на восстановление», а потом предложил всего-навсего должность заместителя интенданта Харьковского военного округа. И это несмотря на то, что как Тимошенко, так и Щаденко хорошо знал замполита 17-го стрелкового корпуса Сафронова по совместной службе в Киевском военном округе, когда первый был командующим, а второй — членом Военного совета.

Великую Отечественную войну генерал-лейтенант интендантской службы И.В. Сафронов закончил в должности заместителя командующего 2-м Белорусским фронтом по тылу.

Часть освобожденных работников переквалифицировались (не по своей воле) в хозяйственников — руководителей тыловых органов действующей армии. Среди них был генерал И.В. Сафронов, о котором подчиненные отзывались как об умелом и

опытном хозяйственнике. Вот что пишет в своих воспоминаниях генерал-лейтенант интендантской службы Ф.С. Саушин: «О генерале И.В. Сафронове говорили по-разному. Будучи начальником тыла 43-й армии, он показал себя опытным, умелым хозяйственным руководителем. Но те, кто знал его лучше и ближе, отмечали в нем и такое качество, как чрезмерная строгость. Раньше этим разговорам мы как-то не придавали значения, потому что сталкиваться с Сафроновым по делам службы приходилось очень редко. Теперь же (Сафронов был назначен начальником тыла фронта, где Ф.С. Саушин был начальником продовольственного управления. — Н.Ч.) предстояло работать вместе, и не только вместе, а под непосредственным его подчинением. Как-то сложатся наши взаимоотношения?..

Работа под началом генерала И.В. Сафронова многим обогатила меня и многому научила. Это был, конечно, человек своеобразный, обладающий многими замечательными качествами. Мы учились у генерала Сафронова умению оперативно решать вопросы, настойчивости в достижении цели. Преданности делу, которое ему было поручено. Трудился он много и с настоящим вдохновением. И эта его неугомонность, задор передавались всем, кто работал с Иваном Васильевичем»[348].

В книге «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», подготовленной коллективом Главного Управления кадров Министерства обороны СССР, отмечается, что 1941 и 1942 годы были самыми трудными в решении проблемы обеспечения действующей армии офицерскими кадрами. Трудности эти усугублялись еще и тем, что решать данную проблему приходилось в сжатые сроки и в условиях, когда войска отступали, оставляя на территории, занятой противником, значительные ресурсы офицеров запаса. Статистические данные Главного Управления кадров МО СССР свидетельствуют о том, что самое большое количество потерь в офицерском составе армия и флот понесли именно в первые два года войны: более 50% всех его потерь за весь период Великой Отечественной войны[349].

Наиболее острый недостаток ощущался прежде всего в командном составе сухопутных войск, так как стрелковые части несли наибольший урон. Например, потери в командном составе пехоты составляли 50% общих потерь в офицерском составе. Велики были потери и среди руководящих кадров. Достаточно сказать, что в 1942 году погибли 11 командиров корпусов, 76 командиров дивизий, 16 командиров бригад[350].

Если все потери офицерского состава за период Великой Отечественной войны распределить по его категориям (командный, политический, технический, административный, медицинский, юридический и т.п.), то наибольшее количество их выпадает на долю командного и политического состава (89,7%). Это вполне объяснимо, так как именно они, эти кадры, прямо и непосредственно участвовали в сражениях с врагом и, следовательно, несли большие потери[351].

Огромные потери имели и Военно-Воздушные Силы, прежде всего в летном составе. Там в течение 1942 года погибли 6178 летчиков, что составляло около 24% общего числа боевых экипажей действующей армии. Также следует отметить, что потери летного состава в 1942 г. по сравнению с 1941 г. по абсолютной величине возросли более чем на 1700 человек[352].

Командные кадры требовались не только для восполнения потерь в действующей армии, но и для проведения ряда организационных мероприятий, направленных на дальнейшее развертывание Вооруженных Сил СССР и усиление их боевой мощи. В частности, авиационная промышленность, раньше других восстановившая после эвакуации свои заводы, начала поставлять Военно-Воздушным Силам во все возрастающих количествах боевые самолеты, не уступающие немецким по своим летным качествам и вооружению. К тому же война показала, что принятая доселе система деления авиации на войсковую, армейскую и фронтовую себя не оправдала. Потому было признано целесообразным свести весь парк самолетов на фронтах в воздушные армии, которые начали формироваться в мае 1942 года. Всего же было сформировано 17 воздушных армий[353].

Со второй половины 1942 года происходит не только усиление действующей на фронтах авиации, но и создание резервных авиационных корпусов. С сентября и до конца 1942 года было сформировано девять таких корпусов, а в дальнейшем — еще двадцать три. Эти корпуса состояли, как правило, из 2—3 дивизий. Таким образом, был создан мощный авиационный резерв Ставки, которым можно было маневрировать и быстро сосредоточивать превосходящие авиационные силы на решающих направлениях[354].

Приведенные выше факты лишний раз свидетельствуют о том, что при сложившемся положении с кадрами ВВС РККА найти место опальному корпусному комиссару Березкину не составляло особого труда, будь то командная или политическая работа. Тем более что на большие должности в центральном аппарате, а также в войсках он не претендовал.

Не возлагая особо больших надежд на руководство

Наркомата обороны. Березкин, отправив письмо на имя Е.А. Щаденко, посылает аналогичное заявление в адрес Г.М. Маленкова — секретаря ЦК ВКП(б), курирующего кадры высшей номенклатуры. Суть заявления в последних его строчках: «Как хозяйственник и партработник, делаю все, что могу, чтобы помочь фронту громить ненавистных оккупантов. Но своей работой неудовлетворен. Мог бы в армии принести больше пользы. Хочу в Красную Армию на любую работу, куда пошлет ЦК или НКО.

Лично прошу о направлении в действующую армию...»

Как и в первом случае (с Е.А. Щаденко), это письмо также дошло до адресата. Маленков дал поручение Управлению кадров ЦК ВКП(б) разобраться с делом Березкина. Оттуда письмо переправили в ГлавПУР. Итак, все вернулось на круги своя — позицию ГлавПУРа мы уже знаем. В ответе заведующему отделом военных кадров Управления кадров ЦК партии, подписанном упомянутым выше дивизионным комиссаром Н.В. Пупышевым, в качестве основного аргумента звучит следующее: «ГлавПУРККА считает, что в настоящее время использовать его (Березкина. — Н.Ч.) на политработе в Армии, в соответствии с его военным званием, не представляется возможным»[355].

Формальным поводом для такого отказа в ведомстве Мехлиса —Щербакова послужило то, что Березкин свыше пяти лет не находился на партийно-политической работе. А почему такое случилось и кто в этом виноват — там, как видно из документов личного дела и переписки ГлавПУРККА с опальным корпусным комиссаром, никого не волновало.

Все отрицательные ответы официальных инстанций на свои письма Березкин получил. Но он не сдается, продолжая напоминать о себе и своей просьбе И.В. Сталину, секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии и другим руководителям партии и правительства, с которыми до войны ему приходилось не раз встречаться на торжественных мероприятиях, посвященных триумфу советской авиации. Но все было тщетно, особенно когда у руля ГлавПУРККА стоял известный в армии и стране борец с врагами народа Л.З. Мехлис.

Когда Мехлиса сняли с должности начальника ГлавПУРККА и на его место заступил секретарь МГКА.С. Щербаков, у Березкина вновь затеплилась надежда на изменение своей участи к лучшему. Он одно за другим направляет Щербакову несколько писем-жалоб с той же просьбой — отправить его на фронт, резонно задавая тому вопрос, на который хочет получить такой же определенный ответ: «Почему сейчас, в условиях

Отечественной войны, я должен оставаться вне рядов армии и работать в артели, когда армии так нужны опытные кадры?.. В армии, на фронте я могу быть использован гораздо целесообразнее...»

И далее: «Мне стыдно сейчас быть вне рядов армии, наряду со стариками и инвалидами. Мне, корпусному комиссару, с орденом Ленина на груди стыдно во время Отечественной войны советского народа отсиживаться в артели. Меня работницы артели спрашивают, почему я во время войны не в армии, раз я так много лет работал в армии раньше. Что я им могу ответить? Сказать, что меня не берут? Почему?

Может быть мое высокое воинское звание является препятствием? Трудно подыскать соответствующую работу? Если меня сейчас используют председателем артели, то, очевидно, что в армии я безоговорочно подойду на любую работу, лишь бы она была мне по силам, независимо от моего высокого звания...»[356]

Измученный до предела ожиданием решения своей участи, Березкин в сентябре 1943 года в очередном своем обращении к А.С. Щербакову вполне сознательно пишет: «...Если я не могу служить в армии на командно-политической работе, прошу Вас разрешить принять меня рядовым бойцом. Мне 42 года, возраст призывной...»[357]

В частности, Марк Федорович и не так уже и настаивал именно на политической работе. Он несколько раз напоминал, что у него есть и опыт командной деятельности в войсках, что он в свое время на «отлично» сдал курс вождения танков БТ, Т-26 и Т-27.

Конечно, рядовым солдатом его никто бы на фронт не отправил — на дворе уже был не сорок первый год и время народного ополчения кануло в Лету. Однако на должность высшего и старшего комначсостава его не торопились назначать. И только в конце 1943 года, когда прошло более двух лет после начала войны, Березкин все-таки «допек» высокое начальство, хотя на фронт, в действующую армию, его так и не допустили. А пришлось довольствоваться малым — службой в Гражданском Воздушном Флоте, основные силы которого в годы войны входили в состав авиации дальнего действия (АДД) Красной Армии. Одним словом, некоторое моральное удовлетворение Березкин этим назначением все же получил.

Пришлось довольствоваться малым как в должности, так и в воинском звании. В отношении должности — приказом Главного Управления ГВФ от 23 декабря 1943 года Березкин назначается исполняющим обязанности начальника Азербайджанского управления ГВФ. В 1944 году он уже полновластный начальник

этого управления, которым руководит до августа 1945 года. Что же касается воинского звания, то следует сказать по этому поводу несколько подробнее. И вот почему. При переаттестации политсостава РККА в конце 1942 года и присвоении ему системы воинских званий, аналогичных командному составу, большинство политработников, в том числе и действующей армии, в этом плане серьезно пострадали, получив как минимум знаки различия на одну ступень ниже, нежели следовало ожидать, исходя из количества ромбов или «шпал» на их петлицах.

Например, не все корпусные комиссары получили причитающееся им звание генерал-лейтенанта — многие стали только генерал-майорами. Такое же звание получали и дивизионные комиссары, находившиеся на соответствующей должности политсостава. За исключением нескольких случаев, все бригадные комиссары, относившиеся к «генеральскому» звену политсостава, стали всего лишь полковниками (пример Л.И. Брежнева).

У Березкина были все основания на получение чисто генеральского звания — три ромба на его петлицах позволяли это сделать вне всякого сомнения и без всяких проволочек, к тому же и предыдущие командные и политические должности, занимаемые им в РККА, говорили за то, что уж на генерал-майора он смело мог претендовать. Однако не тут-то было...

Какие уж там велись переговоры и какая переписка по этому вопросу велась, нам пока неизвестно, но остается несомненным фактом то, что должность и.о. начальника Азербайджанского управления ГВФ в конце 1943 года принимал не кто иной, как подполковник М.Ф. Березкин. Да, да, подполковник Березкин!.. Видимо, у Марка Федоровича не было иного выбора, как согласиться на такой вариант решения вопроса о его возвращении в ряды Красной Армии. Но подполковник!.. Две звезды старшего офицера на погонах вместо прежних трех «генеральских» ромбов!.. Так Березкин опустился на четыре ступени вниз...

В Гражданском Воздушном Флоте Березкин прослужил около десяти лет. После Азербайджана он работал в центральном аппарате — сначала заместителем начальника Управления капитального строительства ГВФ, а затем в такой же должности в Управлении материально-технического снабжения. С середины 1947 года и вплоть до своей кончины в мае 1951 года полковник Березкин руководил Красноярским управлением ГВФ. Все эти годы он не отказывался от своего намерения возвратиться в ряды Военно-Воздушных Сил. Свидетельством тому служат неоднократные обращения Березкина с такой просьбой к министру Вооруженных Сил СССР, Главкому ВВС и руководству

ГВФ.

В его личном деле на данную тему имеется любопытный документ, датированный 10 октября 1948 года и адресованный начальнику Красноярского управления ГВФ подполковнику М.Ф. Березкину. Это официальный ответ из Главного Управления Гражданского Воздушного Флота на его письмо Н.А. Булганину.

«Сообщаю резолюцию начальника ГУТВФ генерал-лейтенанта тов. Байдукова на Вашем личном письме, посланном на имя министра Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза т. Булганина 1 октября 1948 г.:

“Т. Березкину. Письмо Ваше, направленное на имя тов. Булганина, я прочитал и считаю:

1. Что вопрос с офицерским составом в ГВФ уже решен Правительством и Вам я об этом говорил по телефону. 2. Переход в Армию непосредственно на командную должность в ВВС нецелесообразен, имея в виду крайнюю необходимость сохранения руководящих кадров в ГВФ. Байдуков. 19.10.48”»[358].

Получив такой ответ из Москвы, подписанный начальником секретариата ГУГВФ майором В. Казаковым, Березкину почему-то вспомнились события десятилетней давности. Некоторые сцены из той далекой довоенной жизни, когда советская авиация семимильными шагами поднимала себя до мирового уровня. Это было тогда, когда корпусной комиссар Березкин, помощник начальника Управления ВВС РККА по политической части, впервые познакомился с молодым лет-чиком-испытателем капитаном Егором Байдуковым, включенным в состав экипажа Валерия Чкалова, готовившегося к проведению рекордного перелета на дальность. Тогда — три ромба у Березкина и одна капитанская «шпала» у Байдукова. Сейчас — две звезды подполковника у Марка Федоровича и тоже две звезды, но генеральские у Георгия Филипповича. И соответствующий им тон разговора! Вот так меняются времена!

Для М.Ф. Березкина время как бы остановилось или более того — подалось вспять. Ибо ни в работе, ни в должности и в звании у него все эти годы не было никакого движения вперед. Отсюда и общая неудовлетворенность собой, своей работой, своей жизнью. Все это, вместе взятое, безусловно, самым серьезным образом отразилось на состоянии его здоровья — ведь умер Березкин сравнительно молодым, когда ему было всего сорок девять лет.

Напрасно обивал пороги служебных кабинетов освобожденный в августе 1940 г. бывший комиссар 12-й стрелковой дивизии дивизионный комиссар Мальцев Иван Семенович. В ответ на просьбу о восстановлении его в кадрах

РККА быстро выдвинувшиеся в период репрессий руководители политорганов Дальневосточного фронта тогда же, в августе 1940 года, ответили ему отказом, найдя соответствующий формальный предлог — его возраст (а было И.С. Мальцеву в 1940 г. всего 47 лет). В справке, подготовленной ими для Военного совета фронта, говорилось:

«Военному совету

Дальневосточного фронта.

Мальцев Иван Семенович — дивизионный комиссар, бывший военный комиссар 12 стрелковой дивизии.

Рождения 1893 года, русский, рабочий, состоял членом ВКП(б) с ноября 1917 года по октябрь 1937 года. В РККА с 1918 года.

На политработе с 1920 года.

Образование: общее — низшее, политическое — окончил курсы усовершенствования высшего политсостава в 1927 году.

Служба в Красной Армии: лекпом 2 года, военком санитарных частей 2 года 10 мес., военком ОВСУ 1 год 10 мес., зам. начподив 5 лет, военкомдив и начподив 7 лет.

Тов. Мальцев приказом НКО № 01 181 от 15.12.37 года уволен из рядов РККА по статье 43 пункт “б” (политическое недоверие. — Н.Ч.).

26.10.37 года парткомиссией ОКДВА исключен из членов ВКП(б).

В 1937 г. арестован органами НКВД.

2.8.1940 года из-под ареста освобожден.

Тов. Мальцев подал заявление о восстановлении его в рядах РККА.

Ознакомившись с материалами личного дела и лично с тов. Мальцевым считаю нецелесообразным восстанавливать его в рядах Красной Армии по возрасту.

Начальник управления политической пропаганды

ДВфронта

дивизионный комиссар (Яковлев) Начальник отдела кадров Управления политической

пропаганды ДВфронта полковой комиссар (Кургузов) 14 августа 1940 года»[359].

В Хабаровске вопрос о Мальцеве разрешен окончательно не был, и его дело было направлено в Москву, в Главное Управление политической пропаганды Красной Армии (ГУП-ПКА). Там тоже не горели большим желанием восстанавливать Ивана Семеновича в кадрах РККА, о чем говорят резолюции на приведенном выше документе ответственных сотрудников Управления кадров этого политического органа: «Считаем возможным изменить статью

увольнения в запас Красной Армии с 43 пункт “б” на статью 43 пункт “а”.

Нач. 2 отд. УК ГУППКА

бригадный комиссар (подпись неразборчива)

Инструктор Упр. кадров (подпись Н. Абрамова)».

И еще одна резолюция за двумя подписями, одна из которых принадлежит члену Военного совета ДВФ И.Ф.Чухнову: «Ходатайствовать об изменении ст. 43 п. “б” на статью 43 п. “а”; приказ об увольнении оставить в силе». И дата этой резолюции: 2 сентября 1940 г.[360].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анализ деятельности военачальников, освобожденных в 1938—1941 гг. из заключения и восстановленных в кадрах Красной Армии и Военно-Морского Флота, показывает, что все они в годы Великой Отечественной войны показали себя только с положительной стороны. О том говорят должности, которые они занимали; успехи операций и боев, которые они организовывали и проводили; воинские звания, полученные ими; наконец, многочисленные государственные награды на их груди.

Если говорить о представителях высшего и старшего звена командно-начальствующего состава Красной Армии, освобожденных из заключения накануне войны, то следует отметить, что подавляющая их часть занимала в 1941—1945 гг. крупные командные, штабные и иные должности. Наиболее подготовленные из них командовали фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, возглавляли штабы объединений и соединений, внеся достойный вклад в достижение победы над гитлеровской Германией, в разгром ее вооруженных сил, в развитие теории и практики военного дела, военного искусства. В первую очередь это относится к командующим фронтами и армиями (общевойсковыми, танковыми, воздушными). По ходу нашего повествования уже приводились примеры творческих, инициативных действий со стороны генералов К. К. Рокоссовского, А.В. Горбатова, К.Н. Галицкого и других. Прежде всего это касалось вопросов разработки замысла операций, осуществления маневра в ходе их, форм и способов дезинформации противника, борьбы с его танками и самолетами.

Из числа лиц, перечисленных в главе «На воле!», в годы Великой Отечественной войны многие стали видными военачальниками. Командовал рядом фронтов (Брянским, Донским, Центральным, 1-ми 2-м Белорусскими) и стал Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовский. Подобный путь прошел и К.А. Мерецков, командуя армиями и фронтами (Волховским, Карельским, 1-м Дальневосточным). Бывший полковник Г.С. Зашихин, ставший генерал-полковником артиллерии, последовательно командовал фронтами ПВО: Восточным, Южным, Юго-Западным.

Успешно командовали общевойсковыми и танковыми армиями бывшие комдивы К.П. Подлас (40А, 57А), В.Д. Цветаев (5 уд. А, 6А, 33А), В.А. Юшкевич (22А, 31 А, 3уд. А); бывшие комбриги К.Н. Галицкий (3уд. А, И гв. А), А.В. Горбатов (3А), Ф.Ф. Жмаченко (40А, 46А), В.А. Зайцев (35А), А.И. Зыгин (58А, 39А, 4

гв. А), П.М. Козлов (9А, 37А, 47А), В.В. Корчиц (1-я Польская армия), К.П. Трубников (10 гв. А), М.Д. Соломатин (5 гв. ТА). Орловской зоной ПВО командовал бывший комбриг П.И. Грудяев.

Выросли до командарма и бывшие полковники: А.М. Максимов (25А), Ф.А. Пархоменко (9А), С.Е. Рождественский (44А), С.И. Богданов (2ТА), А.И. Лизюков (5ТА), В.В. Косарев (7СА), Н.В. Марков (Бакинская армия ПВО), В.Г. Рязанов (2 ИАА).

Руководили штабами фронтов: комбриг Г.Л. Стельмах (Волховский, Юго-Западный), полковник С.Е. Рождественский (Закавказский).

Штабы армий в разные годы войны из числа освобожденных возглавляли: бывшие комдивы М.Ф. Букштынович (3 уд. А), М.И. Глухов (61А), комбриги В.В. Корчиц (1 уд. А), А.М. Кущев (5 уд. А), В.Ф. Малышкин (19А), полковники А.Г. Ермолаев (12А, 18А, 47А, 58А), Б.А. Рождественский (4А, 52А), С.Е. Рождественский (9 гв. А, 2 уд. А, 45А, Приморская А), Т.А. Свиклин (2 уд. А).

В должности заместителя командующего армией работали бывшие комбриг Я.П. Дзенит, полковник Г.И. Карижский.

Корпусами и дивизиями в годы войны из числа освобожденных в 1939—1941 гг. командовали бывшие: комдивы Э.Я. Магон, Я.Д. Чанышев; комбриги Е.С. Алехин, А.В. Благодатов, К.Р. Белошниченко, А.Б. Борисов (Шистер), А.А. Неборак, М.Л. Запорожченко; полковники А.Ф. Бычковский,

В.Г. Бурков, С.С. Величко, П.И. Вознесенский, С.Ф. Данильченко, Н.Н. Жданов, И.П. Корчагин, В.Б. Лавринович, Б.А. Рождественский, Т.А. Свиклин, И.П. Сухов, А.Е. Трофимов.

К концу войны стали Маршалами Советского Союза К.К. Рокоссовский и К.А. Мерецков. Маршалом авиации стал бывший комдив Г.А. Ворожейкин, маршалом бронетанковых войск — бывший полковник С.И. Богданов. До генерал-полковника в годы войны выросли: К.Н. Галицкий, А.В. Горбатов, Г.Е. Дегтярев, Ф.Ф. Жмаченко, М.Д. Соломатин, К.П. Трубников, Н.М. Хлебников, В.Д. Цветаев, В.А. Юшкевич.

Стали генерал-лейтенантами: А.В. Благодатов, Е.А. Бер-калов, В.Г. Бурков, И.Д. Васильев, М.И. Глухов, Я.П. Дзенит, А.Б. Елисеев, И.П. Копчагин, В.В. Корчиц, М.Ф. Куманин, Н.Н. Жданов, В.А. Зайцев, М.М. Запорожченко, А.И. Зыгин, П.М. Козлов, А.М. Максимов, П.Д. Мирошников, Ф.А. Пархоменко, К.П. Подлас, С.А. Спильниченко, И.С. Стрельбицкий, И.П. Сухов, Я.Д. Чанышев, В.Н. Чернышев, Н.Н. Шко-дунович. Инженер-вице-адмиралом в конце войны был А.И. Берг.

Из числа лиц высшего и старшего комсостава, получивших свободу в 1939—1941 гг., в годы войны погибли: генерал-лейтенанты А.Б. Елисеев, А.И. Зыгин, П.М. Козлов, К.П. Подлас,

генерал-майоры В.Б. Лавринович, А.И. Лизюков, П.М. Подо-сек, Я.Я. Фогель, Е.С. Алехин, Г.Д. Стельмах, комдив Э.Я. Ма-гон, комбриг С.П. Зыбин и др.

Среди лиц комначсостава РККА, названных в главе «На воле!», высокое звание Героя Советского Союза получили:

С.И. Богданов (дважды — 11.3.44 г. и 6.4.45 г.), И.Д. Васильев (3.11.43 г.), К.Н. Галицкий (19.4.45 г.), А.В. Горбатов (10.4.45 г.), Ф.Ф. Жмаченко (25.10.43 г.), И.П. Корчагин (17.10.43 г.), П.М. Козлов (17.10.43 г.), И.К. Кравцов (28.4.45 г.), А.М. Кущев (29.5.45 г.), А.И. Лизюков (5.8.41 г.), К.К. Рокоссовский (дважды — 29.7.44 г. и 1.6.45 г.), И.П. Сухов (29.5.45 г.), Н.М. Хлебников (19.4.45 г.), Я.Я. Фогель (10.4.45 г.), В.Д. Цветаев (6.4.45 г.).

Некоторые бывшие подследственные, ставшие затем генералами Красной Армии, в годы войны имели несчастье попасть в плен к немцам. Назовем их поименно: генерал-майор А.Б. Борисов (Шистер), генерал-майор А.Д. Кулешов, генерал-майор В.Ф. Малышкин, генерал-майор И.М. Скугарев. Всего же в 1941—1944 гг. в плен к немцам попали 83 генерала Красной Армии, из них 7 командующих армиями, 19 командиров корпусов. 31 командир дивизии, 4 начальника штаба армии, 9 начальников родов войск армий. По времени попадания в плен это выглядит так: 1941 г. — 63 чел., 1942 г. — 16 чел., 1943 г. — 3 чел., 1944 г. — 1 чел. Эти генералы содержались в немецких лагерях почти в таком же режиме, что и остальные советские военнопленные.

Не секрет, что гитлеровцы неоднократно пытались склонить пленных советских генералов к сотрудничеству с ними. Особенно усердно они обрабатывали тех, кто пострадал от Советской власти, будучи в 1937—1938 гг. арестован и обвинен в самых немыслимых преступлениях. Упор в этой агитации делался на то, что за нанесенную обиду необходимо «поквитаться» с режимом Сталина. Несмотря на неимоверно трудные условия и жестокий режим концлагерей, сотрудничать с гитлеровцами согласились считаные единицы генералов во главе с А.А. Власовым. Одним из ближайших сподвижников Власова был пленный генерал-майор В.Ф. Малышкин, бывший начальник штаба 19-й армии Западного фронта.

При выходе из окружения в октябре 1941 г. В.Ф. Малышкин был захвачен в плен и отправлен в лагерь в Винницу, где дал свое согласие сотрудничать с немцами. Затем он вел антисоветскую агитацию среди пленных красноармейцев и командиров, участвовал в создании из них первых охранных частей, вошедших в немецкую армию. С начала 1943 г. Малышкин активно сотрудничал с Власовым, будучи его ближайшим помощником

при создании сначала «Русского комитета», а затем (с осени 1944 г.)— «Русской освободительной армии» («РОА»). В этих организациях он ведал организационными вопросами, разведкой и контрразведкой. В августе 1946 г. по приговору Военной коллегии был повешен.

Генерал-майор А.Б. Борисов (Шистер) в мае 1942 г. был расстрелян немцами как еврей. Генерал-майор А.Д. Кулешов от побоев и голода умер в концлагере Флессенбург весной 1944 г. Генерал-майор И.М. Скугарев, пройдя лагеря Хаммель-бург и Заксенхаузен, в конце апреля 1945 г. был освобожден войсками 3-го Белорусского фронта. Пройдя спецпроверку в органах НКВД, он был восстановлен в кадрах Советской Армии. Однако из-за сильно подорванного в лагерях здоровья служить Иван Михайлович не смог и в марте 1947 г. был уволен в запас. Скончался И.М. Скугарев в сентябре 1964 г. в г. Горьком.

В заключение назовем имена тех репрессированных командиров Красной Армии, которые после освобождения их из тюрем и лагерей НКВД не только храбро и мужественно сражались с немецко-фашистскими оккупантами, но и смогли об этом рассказать на страницах своих воспоминаний.

Написали воспоминания (мемуары) о прожитом и пережитом, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, следующие репрессированные военачальники: Маршалы Советского Союза К. К. Рокоссовский («Солдатский долг») и К.А. Мерецков («На службе народу»), генералы армии А.В. Горбатов («Годы и войны»), К.Н. Галицкий («В годы суровых испытаний»), генерал-полковники артиллерии Г.Е. Дегтярев («Таран и щит»), Н.Н. Жданов («Огневой шит Ленинграда»), Н.М. Хлебников («Под грохот сотен батарей»), генерал-лейтенант артиллерии И.С. Стрельбицкий («Штурм»). Правда, никто из названных авторов, кроме А.В. Горбатова, о месяцах и годах пребывания в застенках и лагерях НКВД по известным соображениям не упомянул ни слова.

notes

Примечания

1

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (1936—1938 гг.) СПб., 2005. С. 152.

2

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (1936—1938 гг.) СПб., 2005. С. 153.

3

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (1936—1938 гг.) СПб., 2005. С. 153

4

РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 888. Л. 13.

5

РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 888. Л. 12.

6

РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 888. Л. 24.

Дубинский И.В. Особый счет. М.: Воениздат,1989. С. 249.

8

АГВП. НП 7420-39. Л. 19.

9

АГВП. НП 7420-39. Л. 21.

10

АГВП. НП 7420-39. Л. 27.

11

АГВП. НП 7420-39. Л. 28.

12

АГВП. НП 7420-39. Л. 34.

13

АГВП. НП 49310-38. Л. 195-197.

14

АГВП. НП 49310-38. Л. 166.

15

АГВП. НП 49310-38. Л. 106—107, 141.

16

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 20.

17

Гамарник Я.Б., начальник Политуправления РККА в 1929—1937 гг., армейский комиссар 1-го ранга.

18

Осепян Г.А., заместитель начальника Политуправления РККА, армейский комиссар 2-го ранга.

19

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 21.

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 21.

21

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 21.

22

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 21-22.

23

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 22.

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 23.

25

Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 23—24.

26

АГВП. НП 8208/168-37. Л. 13.

27

АГВП. НП 8939-39. Л. 17.

АГВП. НП 29181-38. Л. 24.

АГВП. НП 15089-37.

АГВП. НП 15089-37.

АГВП. НП 42271-38.

32

АГВП. НП 6913-37. Т. 2. Л. 68.

33

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 13.

34

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17.

35

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 41.

36

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 41.

37

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17.

38

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17.

39

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17.

40

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17.

41

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 17—18.

42

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 18.

43

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 121.

44

Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НИ 16053-42. Л. 122.

45

Здесь память подводит Н.П. Афанасьева: в конце 1939 г. — начале 1940 г. С.К. Тимошенко и А.И. Запорожец не исполняли указанных должностей. Эти назначения произойдут несколько позже: для Тимошенко — в мае 1940 г., а для Запорожца — в сентябре 1940 г.

Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. М. 2000. С. 84-89.

Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала. М.: Андреевский флаг, 1996. С. 266.

Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 31.

49

АГВП. НП 16053-42. Л. 84.

АГВП. НП 16053-42. Л. 90.

51

АГВП. НП 16053-42. Л. 43.

52

АГВП. НП 16053-42. Л. 43.

53

АГВП. НП 16053-42. Л. 93.

АГВП. НП 16053-42.Л. 80-82.

55

Центральный архив ФСБ (ЦАФСБ). Архивно-следственное дело (АСД) И.П. Петухова. Т. 1. Л. 37—38.

АГВП. НП 38637-38. Л. 5.

АГВП. НП 38637-38. Л. 6.

АГВП. НП 38637-38. Л. 36.

АГВП. НП 38637-38. Л. 36.

АГВП. НП 38637-38. Л. 13-14.

61

АГВП. НП 38637-38. Л. 42.

АГВП. НП 38637-38. Л. 40.

63

АГВП. НП 38637-38. Л. 43.

ЦАФСБ. АСД И.П. Петухова. Т. 1. Л. 116-119.

АГВП. НП 38637-38. Л. 7.

АГВП. НП 38637-38. Л. 11-20.

АГВП. НП 38637-38. Л. 22.

АГВП. НП 38637-38. Л. 23.

Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М.: Юридическая литература, 1990. С. 313.

АГВП. НП 30263-39. Л. 47.

71

АГВП. НП 30263-39. Л. 48.

ЦАФСБ. АСД А.А. Тальковского. Т. 3. Л. 190—193.

ЦАФСБ. АСД А.А. Тальковского. Т. 4. Л. 136.

АГВП. НП 30263-39. Л. 12.

АГВП. НП 30263-39. Л. 29.

ЦА ФСБ. АСД А.А. Тальковского. Т. 3. Л. 36—43.

АГВП. НП 30263-39. Л. 49.

Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 88.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 2.

80

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 2.

81

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 3.

82

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 5.

83

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 5.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 379-380.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 114.

АГВП. НП 9984-39. Т. 2. Л. 124.

АГВП. НП 9984-39. Т. 2. Л. 130.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 415.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 198, 199.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 200, 201.

91

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 447.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 450.

АГВП. НП 9984-39. Т. 2. Л. 49.

ЦА ФСБ. АСД № 982023. Т. 1. Л. 267-269.

АГВП. НП 9984-39. Т. 2. Л. 141.

АГВП. НП 9984-39. Т. 1. Л. 423.

АГВП. НП 9984-39. Т. 2. Л. 428.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 91.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 92.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 86.

101

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 86.

102

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 86-87.

103

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968.С. 3-4.

104

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. С. 20, 21.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 6.

Дриг Е. Указ. соч. С. 283.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 6—7.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 4.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 8.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 9.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 9—10.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 11—12.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 13.

Дриг Е. Указ. соч. С. 288.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 19.

Дриг Е. Указ. соч. С. 292.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 23.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 25.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 27.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 36-37.

121

Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 187.

Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 189.

123

Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 192.

Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 197-198.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 84—85.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 91-92, 93.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 93.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 369-370.

129

Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М., 1995. С. 14.

Командармы. Военный биографический словарь. М.: Кучково поле, 2005. С. 194.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 94.

Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. М.: Инсан, 2004. С. 233.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 128—129.

Гареев М.А. Указ. соч. С. 236.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 259—260.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 297-298.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 351-352.

Лобачев А.А. Указ. соч. С. 333.

139

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениз-дат, 1965. С. 132-133.

Победители. Парад Победы 24 июня 1945 года. М., 2000. Кн. 1 С. 11.

Свердлов Ф.Д. Указ. соч. С. 5—6.

Свердлов Ф.Д. Указ. соч. С. 25—26.

143

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968. С. 166-167.

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 59.

145

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 59—60.

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 60—61.

147

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 61—64.

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 64.

149

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 77.

Источник. 1994. № 3. С. 85.

151

АГВП. НП 25168-41. Л. 1-10.

152

АГВП. НП 25168-41. Л. 10.

153

Мерецков К.А. Указ. соч. С. 214.

154

Цит. по кн.: Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. М.: Инсан, 2004. С. 187—188.

155

Мерецков К.А. Указ. соч. С. 252.

Мерецков К.А. Указ. соч. С. 281.

Мерецков К.А. Указ. соч. С. 289-290.

Красная Звезда. 1997. 7 июня.

Кошевой П.К В годы военные. М.: Воениздат, 1978. С. 32.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 591.

Мерецков К.А. Указ. соч. С. 286—287.

162

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 37.

163

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 8.

164

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 10.

165

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. л.10

166

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 12-13.

167

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 19.

168

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 17—18.

169

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 26.

170

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 20.

171

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 21.

172

Центральный музей Вооруженных Сил РФ (далее ЦМВС). Коллекция наградных листов. Кор. 46. С. 481.

173

ЦАМО. Личное дело В.Д. Цветаева. Л. 24.

Военная академия имени М.В. Фрунзе. История Военной орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознаменной, ордена Суворова академии. 3-е изд. М.: Воениздат, 1988. С. 167.

175

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 171

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 173.

177

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 180.

178

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 184-185.

179

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 190.

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 190-191.

181

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 191.

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 221.

183

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат. 1965. С. 221.

184

Опаленные в боях. Сборник воспоминаний ветеранов 3-й армии. М., 1996. С. 360—361.

Горбатов А.В. Указ. соч. С. 228.

Горбатов А.В. Указ. соч. С. 228-229.

Горбатов А.В. Указ. соч. С. 236-237.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 311.

189

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 11. С. 286—287.

Горбатов А.В. Указ. соч. С. 360.

191

Третья армия. История. Люди. Подвиги. М.: Эрго-Пресс. 1995. С. 339.

192

Опаленные в боях. С. 7.

193

Павлов Н.Н. Командиры Железной дивизии. М., 2002. С. 19-20.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М.: Наука, 1973. С. 72, 73.

195

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М.: Наука, 1973. С. 88.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М.: Наука, 1973. С. 110.

197

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М.: Наука, 1973. С. 111.

198

Правда. 1941, 10 августа.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 109.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 114.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 136—137.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 140-141.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 145-147.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 150.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 170.

Еременко А.И. Годы возмездия. М., 1969. С. 116.

Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М., 1995. С. 120-121.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 354—355.

Галицкий К.Н. Указ. соч. С. 358.

210

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 10. С. 145.

211

Павлов Н.Н. Командиры Железной дивизии. С. 54.

Свердлов Ф.Д. Указ. соч. С. 112.

213

Свердлов Ф.Д. Указ. соч. С. 116.

Свердлов Ф.Д. Указ. соч. С. 111.

215

Цит. по кн.: Жмаченко Я.Ф., Заболотный Г.П. Подвиг командарма. Киев: Политиздат Украины, 1978. С. 36.

Сообщения Советского Информбюро. Т.1. М., 1944. С. 200.

217

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. В шести томах. Т. 2. М., 1961. С. 110.

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениз-дат, 1965. С. 108.

219

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениз-дат, 1965. С. 115.

220

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениз-дат, 1965. С. 118-119.

221

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениз-дат, 1965. С. 121.

Калашник М.Х. Испытание огнем. М.: Воениздат,1971. С. 223.

223

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 томах. Т.7. М.: Воениздат, 1976. С. 255.

224

Цит. по кн.: Жмаченко Я.Ф., Заболотный Г.П. Подвиг командарма. С. 74.

225

Якубовский И.И. Земля в огне. М.: Воениздат. 1975. С. 333-334.

Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М.: Воениздат. 1977. С. 127.

227

Цит. по кн.: Жмаченко Я.Ф., Заболотный Г.П. Подвиг командарма. С. 79.

228

Цит. по кн.: Жмаченко Я.Ф., Заболотный Г.П. Подвиг командарма. С. 84-85.

229

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 27.

230

Иванов А. Броневая рапсодия. М.: Московский рабочий. 1987. С. 70.

231

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 32.

Иванов А. Указ. соч. С. 71—72.

233

Фронтовая иллюстрация. 2002. № 6. С. 42.

Казаков М.И. Указ. соч. С. 123.

Там же. С. 122-123.

Фронтовая иллюстрация. 2002. № 6. С. 44.

Фронтовая иллюстрация. 2002. № 6. С. 44.

Фронтовая иллюстрация. 2002. № 6. С. 46.

Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1985. С. 431.

Цит. по кн.: Иванов А. Броневая рапсодия. С. 111.

Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 133—134.

Иванов А. Указ. соч. С. 117.

243

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 20. С. 113— 114.

Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 353.

Командармы. Военный биографический словарь. М.: Кучково поле. 2005. С. 283.

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 51. С. 57.

247

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 51. С. 340-342.

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 9.

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М.: Терра, 1998. С. 204.

250

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 6.

АОН — Армия особого назначения.

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 4.

253

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 2.

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 2—3.

255

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 5.

256

Воинское звание «генерал-полковник авиации» Г.А. Ворожейкину было присвоено в марте 1943 г.

257

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 7.

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 169.

259

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С. 170.

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. С.170.

261

МГВК. Личное дело Г.А. Ворожейкина. Л. 10—11.

Там же. Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 2.

263

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 23—24.

264

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 4.

265

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 5.

266

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 24—26.

267

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 30.

268

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 32.

269

Жена Я.П. Дзенита — Евгения Ивановна, была арестована в 1937 г. одновременно с мужем. Умерла в заключении в 1938 г. У них было две дочери, которым в 1937 г. исполнялось одиннадцать и девять лет.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 33—36.

271

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 31.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 26—27.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 8.

27 4

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 27-28.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 12.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 14.

277

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 13.

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 15.

279

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 29.

280

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 18.

281

Личное дело Я.П. Дзенита. Аттестационные материалы. Л. 25.

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 4.

283

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 46.

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 44.

285

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 45.

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 55.

287

МГВК. Личное дело Я.Я. Фогеля. Л. 57.

Опаленные в боях. Сборник воспоминаний ветеранов 3-й армии М., 1996. С. 352—355.

289

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 45. С. 579—580.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 199.

291

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 205, 206.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 206.

293

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. С. 176.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. С. 180.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. С. 183.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. С. 224.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. С. 228-229.

3-я гвардейская танковая. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат. 1982. С. 67.

299

3-я гвардейская танковая. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат. 1982. С. 68.

3-я гвардейская танковая. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат. 1982. С. 72.

301

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 21. С. 440—441.

302

АГВП. НП 11685-55.

303

АГВП. НП 48151-38.

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 24.

305

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 26.

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 35.

307

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 34.

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 27.

309

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 33.

310

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 21.

311

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 31.

312

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 36.

313

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 41.

МГВК. Личное дело П.И. Колосова (Заики). Л. 42.

315

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 166-167.

АГВП. НП 30420-39.

Боков Ф.Е. Весна. Победы. М.: Воениздат,1979. С. 43—44.

Боков Ф.Е. Весна. Победы. М.: Воениздат,1979. С. 91.

Боков Ф.Е. Весна. Победы. М.: Воениздат,1979. С. 259.

320

ЦМВС. Коллекция наградных листов. Кор. 24. С. 367—368.

321

АГВП. НП 32 604-38. Л. 14.

322

АГВП. НП 32 604-38. Л. 71.

323

АГВП. НП 14 969-37. Л. 26.

324

АГВП. НП 14 969-37. Л. 125-129, 144.

325

АГВП. НП 14 969-37. Л. 145.

АГВП. НП 52 855-38.

327

АГВП. НП 25 921-38. Л. 61.

328

АГВП. НП 51 161-38. Л. 7.

329

Горбатов А.В. Годы и войны. С. 165, 166.

330

АГВП. НП 51 161-38. Л. 97.

331

АГВП. НП 51 161-38. Л. 100.

332

АГВП. НП 51 161-38. Л. 101.

333

АГВП. НП 51 161-38. Л. 160.

334

АГВП. НП 47 808-39. Л. 2.

335

АГВП. НП 47 808-39. Л. 4.

АГВП. НП 47 808-39. Л. 35-37.

337

Московский городской военный комиссариат (МГВК). Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 20.

338

Московский городской военный комиссариат (МГВК). Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 30—31.

339

Московский городской военный комиссариат (МГВК). Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 46—47.

Пупышев Н.В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. С. 20.

Пупышев Н.В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. С. 20.

Пупышев Н.В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. С.23.

Пупышев Н.В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. С. 22.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 170.

345

Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974. С.42.

Грушевой К.С. Тогда, в сорок первом. М.: Воениздат, 1972. С. 58.

Красная Звезда. 1996. 16 марта.

Саушин Ф.С. Хлеб наш солдатский. М.: Воениздат, 1980. С. 223.

349

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 342.

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 104.

351

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 340.

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 340.

353

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 102.

Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. С. 102.

МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 50.

МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 35.

МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 44.

МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 74.

359

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Фонд ПУРККА. Отдел кадров. Личное дело № 1465334. Л. 53.

360

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Фонд ПУРККА. Отдел кадров. Личное дело № 1465334. Л. 53.